Изданіе Г. О. Львовича.

В. П. Батуринскій.

А. И. Герценъ,

его друзья и знакомые.

Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи.

ТОМЪ I.

Съ приложеніемъ двухъ портретовъ А. И. Герцена, портрета Н. П. Огарева и снимка съ памятника Герцену въ Ниццѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1904.

Изданіе Г. Ө. Львовича.

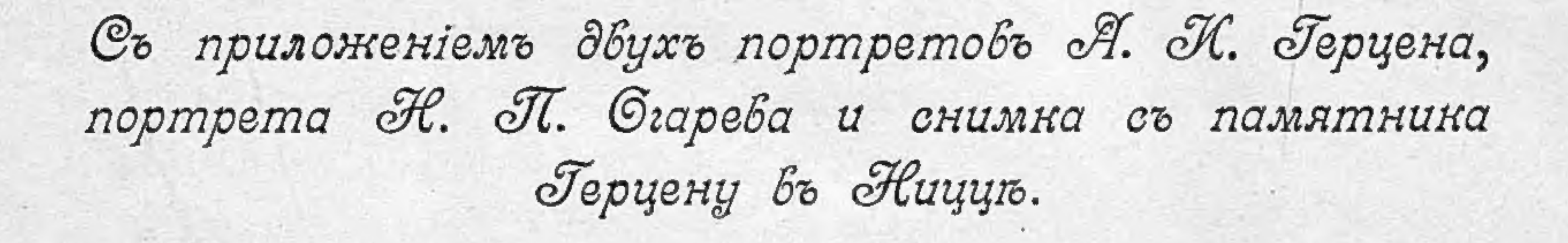
В. П. Батуринскій.

А. И. Герценъ,

его друзья и знакомые.

Матеріалы для исторіи общественнаго движенія въ Россіи.

ТОМЪ I.

Съ приложеніемъ двухъ портретовъ А. И. Герцена, портрета Н. П. Огарева и снимка съ памятника Герцену въ Ниццѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1904.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ 8 Іюля 1903 года.
Типографія Альтшулера Спб. Эртелевъ пер., д. № 17—9.

I. Въ началѣ сороковыхъ годовъ.

I.

Жизнь М. А. Бакунина, сыгравшаго немаловажную роль въ исторіи русскаго общественнаго развитія, рѣзко дѣлится на двѣ половины, имѣющія мало общаго между собой и по направленію, и по характеру дѣятельности.

Первый періодъ его дѣятельности (1835 — 1840) носитъ строго консервативный характеръ, какъ это видно изъ писемъ Боткина и Бѣлинскаго и воспоминаній Герцена, относящихся къ той эпохѣ. Выйдя (въ 1835 г.) въ отставку изъ военной службы, Бакунинъ примыкаетъ къ московскому кружку Станкевича и, съ отъѣздомъ послѣдняго на Кавказъ, а позже заграницу, онъ становится во главѣ кружка, являясь въ немъ главнымъ истолкователемъ нѣмецкой философіи той эпохи. Теперь уже въ достаточной степени выяснилось, что философскіе взгляды Бѣлинскаго (второй половины 30-хъ годовъ) являются отраженіемъ взглядовъ Бакунина, проповѣдывавшаго тогда Гегелевское признаніе „разумности дѣйствительности“. Съ особенной силой, какъ извѣстно, эти взгляды отразились въ знаменитой статьѣ Бѣлинскаго о Бородинской годовщинѣ.

Вспоминая объ увлеченіи Московскаго кружка нѣмецкой философіей, Герценъ говоритъ:

„Кругъ молодыхъ людей, составившійся около Огарева, не былъ нашъ прежній кругъ. Тонъ, интересы, занятія, все измѣнилось. Друзья Станкевича были на первомъ планѣ, Бакунинъ и Бѣлинскій стояли въ ихъ главѣ, каждый съ

томомъ Гегелевой философіи въ рукахъ и съ юношеской нетерпимостью, безъ которой нѣтъ кровныхъ, страстныхъ убѣжденій.“

„Бакунинъ, кончивъ курсъ въ артиллерійскомъ корпусѣ, былъ выпущенъ въ гвардію офицеромъ. Его отецъ, говорятъ, сердясь на него, самъ просилъ, чтобы его перевели въ армію. Брошенный въ какой-то потерянной бѣлорусской деревнѣ со своимъ паркомъ, Бакунинъ одичалъ, сдѣлался нелюдимымъ, не исполнялъ службы и цѣлые дни лежалъ въ тулупѣ на своей постели. Начальникъ парка жалѣлъ его, но дѣлать было нечего; онъ ему напомнилъ, что надобно или служить, или идти въ отставку. Бакунинъ не подозрѣвалъ, что онъ на это имѣетъ право, и тотчасъ попросилъ уволить его. Получивъ отставку, Бакунинъ пріѣхалъ въ Москву. Съ этого времени началась для Бакунина серьезная жизнь. Онъ прежде ничѣмъ не занимался, ничего не читалъ и едва зналъ по нѣмецки. Съ большими діалектическими способностями, съ упорнымъ, настойчивымъ даромъ мышленія, онъ блуждалъ безъ плана и компаса въ фантастическихъ построеніяхъ и научно-дидактическихъ попыткахъ. Станкевичъ понялъ его таланты и засадилъ его за философію. Бакунинъ, по Канту и Фихте, выучился по-нѣмецки и потомъ принялся за Гегеля, котораго методу и логику онъ усвоилъ въ совершенствѣ. И кому не проповѣдывалъ онъ ее потомъ? Намъ и Бѣлинскому, дамамъ и Прудону.“

„Станкевичъ былъ первый послѣдователь Гегеля въ кругу московской молодежи. Онъ изучилъ нѣмецкую философію глубоко и эстетически; одаренный необыкновенными способностями, онъ увлекъ большой кругъ друзей въ свое любимое занятіе. Кругъ этотъ чрезвычайно замѣчателенъ; изъ него вышла цѣлая фаланга ученыхъ, литераторовъ или профессоровъ, въ числѣ которыхъ были: Бѣлинскій, Бакунинъ, Грановскій“ [1]).

Съ Бакунинымъ Герценъ познакомился въ 1839 г., черезъ Огарева, во время своего пріѣзда въ Москву. Къ тому же времени относится знакомство Герцена съ Бѣлинскимъ. Вскорѣ между ними завязались ожесточенныя пренія, глав-

---

[1]) А. Герценъ. Сочиненія, т. VII, стр. 120, 118.

нымъ пунктомъ которыхъ было Гегелевское признаніе „разумности дѣйствительности“. Герценъ разсказываетъ объ этихъ спорахъ:

„— Знаете-ли, что съ вашей точки зрѣнія,—сказалъ я Бѣлинскому, думая поразить его моимъ ультиматумомъ:— вы можете доказать, что чудовищные порядки разумны и должны существовать.

„— Безъ всякаго сомнѣнія,—отвѣчалъ Бѣлинскій, и прочелъ мнѣ „Бородинскую годовщину“ Пушкина.

„Этого я не могъ вынести, и отчаянный бой закипѣлъ между нами. Размолвка наша дѣйствовала на другихъ: кругъ распадался на два стана. Бакунинъ хотѣлъ примирить, объяснить, заговорить, но настоящаго мира не было. Бѣлинскій, раздраженный и недовольный, уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда далъ по насъ залпъ въ статьѣ, которую такъ и назвалъ „Бородинской годовщиной“ [1]).

„— Я прервалъ съ нимъ тогда всѣ сношенія. Бакунинъ хотя и спорилъ горячо, но сталъ призадумываться: его тактъ толкалъ его въ другую сторону. Бѣлинскій упрекалъ его въ слабости, въ уступкахъ и доходилъ до такихъ преувеличенныхъ крайностей, что пугалъ своихъ собственныхъ пріятелей и почитателей. Хоръ былъ за Бѣлинскаго и смотрѣлъ на насъ свысока, гордо пожимая плечами и находя насъ людьми отсталыми“ [2]).

Насколько сильно было вліяніе Бакунина на Бѣлинскаго видно изъ письма послѣдняго къ Боткину (въ началѣ 1840 г.):

„Мысли мои объ Unsterblichkeit снова перевернулись: Петербургъ имѣетъ необыкновенное свойство обращать къ христіанству. *Мишель* [3]) *много тутъ участвовалъ*“ [4]).

Это признаніе Бѣлинскаго тѣмъ болѣе характерно, что онъ въ это время относился довольно враждебно къ нѣкоторымъ несимпатичнымъ сторонамъ характера Бакунина, а именно, его властолюбію и стремленію вмѣшиваться въ самыя мелкія, личныя дѣла друзей и регламентировать ихъ съ

---

[1]) Напечатана въ „Отеч. Зап.“ 1839 г. О ней см. подробнѣе въ книгѣ Пыпина: „Бѣлинскій“, т. I, стр. 307.

[2]) Т. VII, стр. 126—127.

[3]) Бакунинъ.

[4]) С. Невѣденскій. Катковъ и его время, стр. 57—58.

философской точки зрѣнія. Уже въ 1839 году Бѣлинскій писалъ Станкевичу:

„Съ весны я пробудился для новой жизни, рѣшилъ, что каковъ бы я ни былъ, но я *самъ по себѣ*, что ругать себя и кланяться другимъ глупо и смѣшно, что у всякаго свое призваніе, своя дорога въ жизни. Ему (Бакунину) это крайне не понравилось, и онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что во мнѣ самостоятельность, сила, и что на мнѣ верхомъ ѣздить опасно:—ошибу, да еще копытомъ лягну“ [1]). Въ другомъ письмѣ Бѣлинскій говоритъ:

„Я пишу ему (Бакунину), что прекраснодушныя и идеальныя комедіи мнѣ надоѣли. Споръ о простотѣ игралъ тутъ важную роль. Я ему говорилъ, что о Богѣ, объ искусствѣ можно разсуждать съ философской точки зрѣнія, но о достоинствѣ холодной телятины должно говорить просто. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что бунтъ противъ идеальности есть бунтъ противъ Бога, что я погибаю, дѣлаюсь добрымъ малымъ, въ смыслѣ bon vivant et bon camrade и пр. А я только хочу бросить претензіи быть великимъ человѣкомъ, а хочу быть со всѣми, какъ всѣ“ [2]).

Отмѣченныя въ вышеприведенныхъ письмахъ Бѣлинскаго несимпатичныя черты характера Бакунина вели къ частымъ ссорамъ и непріятностямъ между нимъ и другими членами кружка [3]). Къ тому же, Бакунинъ былъ довольно невоздержанъ на языкъ и, благодаря этому, нерѣдко возникали непріятныя сплетни, ведшія, въ свою очередь, къ недоразумѣніямъ. Со вспыльчивымъ, но добродушнымъ Бѣлинскимъ, ссоры Бакунина оканчивались обыкновенно примиреніемъ, но когда Бакунину пришлось придти въ столкновеніе съ такой самолюбивой и мстительной натурой, какъ Катковъ, ссоры вели къ болѣе серьезнымъ послѣдствіямъ.

Еще въ 1839 г. Катковъ, рекомендуя Бакунина Краевскому, писалъ:

„Прошу васъ полюбить его,—это одинъ изъ самыхъ

---

[1]) Ibid, стр. 22.

[2]) Ibid.

[3]) Въ составъ кружка Станкевича входили: Бѣлинскій, Боткинъ, поэтъ Клюшниковъ, Красовъ, Бакунинъ, нѣкоторое время К. Аксаковъ и Самаринъ, позже примкнули Катковъ, Кудрявцевъ, Кавелинъ и отчасти Огаревъ.

близкихъ мнѣ людей. Я желалъ-бы только, чтобы вы поближе сошлись съ нимъ:—я увѣренъ, что вы его полюбите“ [1]).

Но уже лѣтомъ 1840 г. отношенія двухъ „близкихъ друзей“, т. е. Каткова и Бакунина обострились настолько, что они (12 августа 1840 г). подрались въ квартирѣ Бѣлинскаго. Драка эта окончилась вызовомъ на дуэль, которая была, впрочемъ, отложена, по желанію Бакунина, до того времени, когда противники встрѣтятся въ Берлинѣ, гдѣ они могли бы свести свои счеты, не опасаясь большой строгости законовъ. Причина ссоры Каткова съ Бакунинымъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не выяснена. Г. Невѣденскій въ статьѣ „Бѣлинскій и Катковъ“ [2]) лишь глухо замѣчаетъ, что „Бакунинъ распустилъ о Катковѣ сплетню, въ которой не одинъ Катковъ былъ замѣшанъ“. Прибавимъ, что въ началѣ 40-го года у Бакунина, помимо Каткова и Бѣлинскаго, образовались такія же натянутыя отношенія и къ третьему члену кружка, В. П. Боткину. Немудренно, что снѣдаемый бездѣльемъ и всѣми этими кружковыми дрязгами, Бакунинъ рвался изъ Москвы; его тянуло къ центру тогдашняго философскаго движенія, въ Берлинъ. Но его отецъ не особенно охотно снабжалъ сына деньгами для философскихъ студій, и потому онъ обратился къ Герцену (и косвенно къ Огареву), двумъ наиболѣе состоятельнымъ людямъ, бывшимъ болѣе или менѣе близкими къ кружку Станкевича, со слѣдующимъ письмомъ: [3]).

„Любезный Герценъ!

„Пріѣхавъ сюда [4]), я нашелъ въ отцѣ моемъ согласіе на мой отъѣздъ въ Берлинъ и готовность помочь мнѣ деньгами. Но такъ какъ дѣла его, вслѣдствіе неурожая и мелководія, находятся въ маленькомъ разстройствѣ, то онъ и не можетъ мнѣ дать теперь ничего другого, кромѣ обѣщанія. Онъ говоритъ, что если дѣла его поправятся, то онъ согласенъ давать мнѣ по 1500 рублей

---

[1]) Не ѣденскій. Катковъ и его время, стр. 32.

[2]) Ру. Вѣстн. 1880 г. № 6.

[3]) Отъ 20 апрѣля 1840 г.

[4]) Въ село Прямухино Торжковскаго уѣзда, Тверской губерніи, гдѣ жила семья Бакуниныхъ.

въ годъ; но это *если* такъ неопредѣленно, что если бы мои надежды были основаны единственно только на немъ, то легко могло бы случиться, что онѣ растаяли-бы, „яко воскъ отъ лица огня". Можетъ быть, что со всею готовностью помочь мнѣ, онъ будетъ давать мнѣ не болѣе 1000 или даже 500 руб. въ годъ, а потому, милый Герценъ, для того, чтобы дать поѣздкѣ моей въ Берлинъ твердую и незыблемую основу, я долженъ обратиться къ тебѣ. Если ты и друзья твои можете дать тѣ 5000 рублей, о которыхъ ты мнѣ говорилъ, то это меня совершенно обезпечитъ. Имѣя ихъ въ виду, я могу смѣло ѣхать и, въ случаѣ нужды, ограничивъ свои расходы и путешествіе свое только однимъ Берлиномъ, прожить безъ всякихъ другихъ средствъ въ Берлинѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ... Все же остальное, что я получу отъ отца или пріобрѣту собственными трудами, будетъ употреблено мною на расширеніе моего путешественнаго плана, а слѣдовательно, и моего образованія. Я жду духовнаго перерожденія и крещенія отъ этого путешествія, я чувствую въ себѣ такъ много сильной и глубокой возможности и еще такъ мало осуществилъ, что каждая лишняя копѣйка для меня будетъ важна, какъ новое средство къ достиженію моей цѣли. И потому я прошу тебя и друзей твоихъ, если вамъ это только возможно, дать мнѣ теперь 2,000 рублей, а въ продолженіе двухъ остальныхъ лѣтъ присылайте мнѣ по 1,500 рублей въ годъ, какъ ты говорилъ мнѣ въ Москвѣ.

„Что же касается 2,000 рублей, то чѣмъ скорѣе вы мнѣ ихъ доставите, тѣмъ будетъ лучше, потому что я ни минуты медлить не стану.

„Я не могу назначить опредѣленнаго срока для уплаты этихъ денегъ, но вы можете быть увѣрены, что при первой малѣйшей возможности, я поспѣшу заплатить ихъ. Во всякомъ случаѣ, наслѣдство, которое я получу отъ отца, и образованіе, которое я пріобрѣту заграницей, дадутъ мнѣ вѣрное средство къ исполненію этой священной обязанности; въ случаѣ же моей смерти, братья за меня заплатятъ. Впрочемъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, я проживу еще долго,—во-первыхъ, потому, что было бы глупо умереть, ничего не сдѣлавъ путнаго, а во-вторыхъ, потому, что я совсѣмъ не намѣренъ умирать.

„Ты видишь, Герценъ, что я обращаюсь къ тебѣ прямо и просто, безъ всякихъ околичностей и отложивъ въ сторону всѣ 52 китайскія церемоніи; я дѣлаю это потому, что беру у васъ деньги не для удовлетворенія какихъ-нибудь глупыхъ и пустыхъ фантазій, но для достиженія человѣческой и единственной цѣли моей жизни. Кромѣ этого, хоть наше знакомство началось и недавно, но мнѣ нужно было не много времени для того, чтобы полюбить тебя отъ души, и для того, чтобы сознать, что въ нашихъ духовныхъ и задушевныхъ направленіяхъ есть много общаго, и что я могу обратиться къ тебѣ, не боясь недоразумѣній.

„Я не буду говорить тебѣ о своей благодарности, но, повѣрь мнѣ, я никогда не позабуду, что ты и друзья твои, почти не зная меня и не проникнувъ въ глубину души моей, повѣрили въ дѣйствительность и святость моего внутренняго стремленія; я никогда не позабуду, что, давъ мнѣ средства ѣхать заграницу, вы, можетъ быть, спасли меня отъ ужаснѣйшаго несчастья — отъ постепеннаго опошленія. Повѣрьте, что я всѣми силами буду стараться оправдать вашу довѣренность и что я употреблю всѣ заключающіяся во мнѣ средства, для того, чтобъ стать живымъ, дѣйствительно духовнымъ человѣкомъ, полезнымъ не только для себя одного, но и отечеству, и всѣмъ окружающимъ меня людямъ. Да, я надѣюсь, что современемъ вы меня лучше узнаете и что тогда вы примете меня въ тѣснѣйшій кружокъ своихъ друзей. Покамѣстъ же, Герценъ, прощай. Отвѣчай мнѣ, пожалуйста, скоро, потому что мнѣ хотѣлось бы, какъ можно скорѣе, уничтожить всякую неопредѣленность въ дѣлахъ своихъ.

„Посылаю тебѣ съ братьями „Tagebuch eines Kindes“ (Bettina). Пожалуйста, только никому не отдавай этой книги, потому что сестра была бы въ отчаяніи, если бы она затерялась [1]).

„Получивъ твой отвѣтъ, я окончательно обо всемъ переговорю съ отцомъ и отправлюсь къ вамъ на другой же день.

„Прощай!

Твой М. Бакунинъ“.

---

[1]) Вѣроятно, книга Беттины фонъ-Арнимъ (урожд. Брентано), издавшей свою переписку съ Гете подъ заглавіемъ: „Goethes Briefwechsel mit einem Kind“ (Berlin, 1835).

Герценъ и Огаревъ исполнили просьбу Бакунина, и послѣдній въ сентябрѣ 1840 года уѣхалъ въ Берлинъ. Но раздраженіе, вызванное поведеніемъ Бакунина относительно нѣкоторыхъ членовъ кружка, не улеглось съ его отъѣздомъ. Огаревъ даже сожалѣлъ о томъ, что оказалъ ему матеріальную помощь, какъ это видно изъ его письма (отъ 24 августа 1840 г.) къ Герцену:

„Мнѣ ужасно жаль, что я протянулъ руку помощи этому длинному гаду. Поведеніе его относительно Боткина такъ низко, что выразить нельзя. Надѣюсь, что не худо будетъ не только отъ него отстать, но даже напрямикъ отказать во всякомъ остальномъ вспомоществованіи. Это такой человѣкъ, которому гадко руку протянуть".

Бѣлинскій, извѣщая оскорбленнаго Бакунинымъ Боткина объ отъѣздѣ Бакунина въ Берлинъ, писалъ ему, между прочимъ (4 окт. 1840 г.):

„Когда онъ уѣзжалъ изъ Петербурга заграницу, его провожали не я, не Катковъ, даже не Языковъ и Панаевъ, но Герценъ, произведенный имъ за 1,000 руб. ассигнаціями въ спекулятивныя натуры... Мишель (Бакунинъ) думалъ, что кромѣ глубокой натуры и генія, необходимъ для удостаиваемыхъ его дружбы еще одинаковый вкусъ даже къ гречневой кашѣ—условіе, sine qua non".

Бѣлинскій вскорѣ разочаровался и въ Катковѣ, при чемъ причиной охлажденія послужили тѣ черты характера Каткова, которыми онъ напоминалъ до извѣстной степени Бакунина. Уже 15 января 1841 года Бѣлинскій писалъ Боткину о Катковѣ: „Въ немъ бездна самолюбія и эгоизма... Этотъ человѣкъ какъ-то не вошелъ въ нашъ кругъ, а присталъ къ нему... Онъ носитъ въ себѣ страшнаго врага, — самолюбіе, которое чортъ знаетъ, до чего можетъ довести его" [1]).

II.

Такимъ образомъ, по свидѣтельству Бѣлинскаго, изъ всѣхъ близкихъ знакомыхъ и друзей Бакунина лишь одинъ Герценъ передъ отъѣздомъ Бакунина заграницу отнесся къ нему болѣе или менѣе добродушно, не ставя ему всякое

[1]) Невѣденскій. Катковъ и его время, стр. 62.

лыко въ строку. Можетъ быть, впрочемъ, это объясняется тѣмъ, что самому Герцену не приходилось вступать въ такія тѣсныя личныя сношенія съ Бакунинымъ, какъ это случилось съ другими членами кружка, и поэтому не пришлось ознакомиться близко съ тѣми непріятными чертами характера Бакунина, которыя, какъ мы видѣли, оттолкнули въ то время отъ него многихъ. Съ другой стороны, Герценъ уже въ то время могъ оцѣнить громадный умъ Бакунина и его блестящія діалектическія способности. Какъ бы то ни было, Бакунинъ, очевидно, очень цѣнилъ это доброе отношеніе Герцена къ нему и вскорѣ по пріѣздѣ въ Берлинъ написалъ Герцену довольно обширное и очень интересное въ біографическомъ отношеніи письмо (отъ 11/23 октября 1840 г.).

„Любезный Герценъ!—писалъ Бакунинъ.—Ты, вѣроятно, уже получилъ книги, посланныя мною тебѣ съ г-мъ Черняевымъ, и удивился, что послѣ такого долгаго молчанія я сопроводилъ ихъ весьма коротенькой записочкой. На это были своего рода причины, о которыхъ я теперь распространяться не буду. Сначала я написалъ тебѣ большое письмо, но потомъ замѣнилъ его той маленькой записочкой, которую ты, вѣрно, уже имѣлъ удовольствіе получить.

„Я надѣялся, что до отъѣзда Черняева выйдетъ логика Вердера и хотѣлъ послать ее тебѣ, но она, къ несчастью, еще не вышла, и ты долженъ довольствоваться первою частью вновь издаваемой энциклопедіи; съ Вердеромъ я уже познакомился; на вакаціяхъ онъ уѣхалъ изъ Берлина, но на дняхъ долженъ возвратиться; какъ только пріѣдетъ, я немедленно начну брать у него уроки. Какой онъ славный человѣкъ, Герценъ! Духъ, знаніе стало въ немъ плотію; въ немъ такъ много Gemüthlichkeit, не той, которая, противуполагая себя разумному содержанію духа, выдаетъ себя за истину, но той, которая вытекаетъ изъ живого, свободнаго единства знанія и жизни, — не мертвая буква, но плодъ религіознаго, внутренняго стремленія. Я надѣюсь сблизиться съ нимъ и ожидаю отъ него много пользы, какъ въ интеллектуальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Если будетъ возможность выслать тебѣ эту логику, то я непремѣнно ею воспользуюсь.

„Надѣюсь, что Наталья Александровна [1]) не вознегодовала на меня за смѣлость, съ которою я, безъ всякаго позволенія, поднесъ ей книгу не моего сочиненія, но сочиненія Шефера [2]),—я рѣшился на эту дерзость въ увѣренности, что сія книга доставитъ ей много наслажденія; Шеферъ написалъ по одному стихотворенію на всѣ 365 дней, которые, какъ вамъ извѣстно, составляютъ (исключая високосный годъ) цѣлый годъ; разумѣется, что въ такомъ множествѣ должно быть много пустыхъ стихотвореній, но за то и очень много глубокихъ вещей. Наталья Александровна, прочтите, пожалуйста, стихотвореніе на 20 декабря: въ немъ высказано все, что только можно пожелать глубокой, святой женщинѣ, и потому примите его за выраженіе моихъ желаній вамъ.

„Вы, вѣрно, захотите знать, какъ я провелъ эти три мѣсяца. Большая часть времени была посвящена заботамъ. Сестра, о которой я тебѣ уже говорилъ [3]), здѣсь съ сыномъ, и къ тому же больная, такъ что въ продолженіе нѣкотораго времени я боялся даже за ея жизнь; теперь ей нѣсколько лучше, но все еще весьма слаба: бѣдная, она вынесла такъ много страданій, такъ много внѣшнихъ и внутреннихъ отрицаній въ своей жизни, что я удивлялся еще крѣпости ея организма; одна смерть Станкевича, котораго не всѣ такъ горячо любили, должна была сильно потрясти ее; а что, Герценъ?—вотъ и Станкевича нѣтъ; единственный человѣкъ, одно непосредственное присутствіе котораго заставляло вѣрить въ идею,—этотъ человѣкъ оставилъ насъ; его смерть еще болѣе убѣдила меня въ необходимости безсмертія индивидуальнаго духа. Штраусъ [4]) и Вердеръ [5]) также вѣрятъ въ

---

[1]) Жена Герцена.

[2]) L. Schefer (1784—1864), поэтъ; рѣчь идетъ о его книгѣ „Laienbrevier“ (1834).

[3]) Варвара Александровна (по мужу Дьякова). Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Станкевичѣ говоритъ по поводу его отношеній къ Дьяковой: „Онъ давно любилъ Дьякову, на сестрѣ которой чуть не женился, и—говорятъ, съѣхавшись съ ней передъ смертью былъ чрезвычайно счастливъ“. (Вѣст. Европы, 1899, январь, стр. 14).

[4]) Давидъ Штраусъ (1808—1874), проф. философіи, авторъ „Das Leben Jesu“ (1835), „Die chrstl. Glaubenslehre“ (1840) и др.

[5]) К. Вердеръ (1809—1892) проф. философіи, гегельянецъ, другъ Станкевича.

безсмертіе; я не успѣлъ еще много говорить объ этомъ предметѣ съ Вердеромъ и потому не знаю еще: есть-ли эта вѣра результатъ его философскаго знанія, или нѣтъ.

„Несмотря на великія и многочисленныя заботы, я успѣлъ, однако, нѣсколько оглядѣться и приняться за дѣло. Логику прочелъ до Quantität, и что я прочелъ, кажется мнѣ такъ ясно, что я могу это передать ребенку. Теперь я чувствую, что узнаю все, что мнѣ нужно, и потому покоенъ.

„Черезъ 6 дней начнутся лекціи, я буду слушать:

„1) Werder. I. Logik. II. Geschichte der neuen Philosophie.

„2) Hotho. Aesthetik.

„3) Vatke. Menschenwerdung Gottes.

„4) Курсъ физики.

„5) Фехтованіе и верховая ѣзда.

„А дома буду заниматься, кромѣ этого, новѣйшею исторіей.

„Берлинъ городъ хорошій, музыка отличная, жизнь дешевая, театръ очень порядочный, въ кондитерскихъ журналовъ очень много, я ихъ читаю всѣ подъ рядъ,—однимъ словомъ, все хорошо, очень хорошо.

„Нѣмцы ужасные филистеры; если бы 10-я часть ихъ богатаго духовнаго сознанія перешла въ жизнь, то они были бы прекрасные люди; но до сихъ поръ, увы,—пресмѣшной народъ; вотъ тебѣ двѣ надписи, прочитанныя мною на домахъ во время послѣднихъ празднествъ.

„На одной нарисованъ прусскій орелъ, а подъ нимъ портной гладитъ, подъ портнымъ же написано:

Unter deinen Flügeln.
Kann ich ruhig bügeln.

„На другомъ транспарантѣ:

Es lebe hoch das Königspaar
Und wenn es möglich ist: zwei Tausend Jahr!
Doch wenn es auch unmöglich scheint,
So ist es doch recht gut gemeint.

„А на третьемъ:

Ein preussisch Herz, ein gutes Bier,—
Was wollen Sie noch mehr von mir?

„И много другихъ разныхъ остротъ.

„Что дѣлаешь ты? Чѣмъ занимаешься? Вѣришь-ли ты, или сомнѣваешься?—я думаю, что и то, и другое вмѣстѣ; это общее состояніе духа. Пріѣзжай скорѣй сюда; наука разрѣшитъ всѣ сомнѣнія или, по крайней мѣрѣ, покажетъ путь, на которомъ они должны разрѣшиться. Напиши мнѣ, пожалуйста, о вашемъ житьѣ-бытьѣ; я слышалъ, что Огаревъ собирается въ Берлинъ,—правда-ли это, и гдѣ онъ теперь? Гдѣ Сатинъ [1]), что Кетчеръ? При случаѣ поклонись имъ отъ меня. Что русская журналистика, что доказываетъ Бѣлинскій, и чему вѣритъ Языковъ [2]) и Панаевъ [3])?

„Не вышло-ли чего-нибудь изъ сочиненій Пушкина, Гоголя и Лермонтова?

„Пожми, пожалуйста, руку Ветлицкому (?); другой разъ я ему напишу. Скажи ему, чтобы онъ написалъ мнѣ письмо, не ожидая моего. Не собирается-ли онъ на Кавказъ?

„Прощай, милый Герценъ. Отъ души твой

М. Бакунинъ“.

„Мой адресъ: à M-r Mendelsohn & C° à Berlin, pour remettre à M. Bakounine.

„Напечатана-ли 2-я половина моей статьи, и если напечатана, нравится-ли она публикѣ и тебѣ въ особенности?“

III.

Катковъ, уѣхавшій въ Берлинъ вслѣдъ за Бакунинымъ въ одномъ изъ писемъ къ Краевскому очень удачно выразился, сказавъ: „Берлинъ городокъ—Москвы уголокъ“. Дѣйствительно, молодые русскіе, пріѣзжавшіе въ Берлинъ, обрѣ-

---

[1]) Ник. Мих. Сатинъ, членъ кружка Герцена, поэтъ, перев. Шекспира.

[2]) Языковъ, другъ Бѣлинскаго и Панаева.

[3]) Панаевъ, Ив. Ив. (1812—1862), литераторъ, съ 1847 г. редакторъ „Современника“.

тали въ немъ тотъ-же страстный интересъ къ философскимъ вопросамъ, который характеризовалъ московскіе кружки начала 40-хъ годовъ.

Герценъ, вспоминая объ увлеченіи московскихъ кружковъ нѣмецкой философіей и преклоненіи предъ ея тогдашними авторитетами, говорилъ:

„Какъ Франкёръ [1]) въ Парижѣ плакалъ отъ умиленія, услышавъ, что его въ Россіи принимаютъ за великаго математика, и что все юное поколѣніе разрѣшаетъ у насъ уравненія разныхъ степеней, употребляя тѣ же буквы, что и онъ,—такъ заплакали бы всѣ эти забытые Вердеры, Маргейнеке, Михелеты, Отто, Вадке, Шадлеры, Розекранцы и самъ Арнольдъ Руге [2]), котораго Гейне такъ удивительно хорошо назвалъ „привратникомъ Гегелевской философіи“,—если бы они знали, какія побоища и ратованія возбудили они въ Москвѣ между Моросейкой и Моховой, какъ ихъ читали и какъ ихъ покупали!“ [3]).

И вотъ, въ Берлинѣ Бакунинъ увидалъ всѣхъ этихъ псевдо-великихъ людей во плоти и могъ насытить свою философскую жажду непосредственно изъ самого источника нѣмецкой мудрости. Нѣкоторое представленіе о царившемъ тогда въ Берлинѣ воодушевленіи можетъ дать корреспонденція Каткова въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (1841 г., т. XVI, въ отдѣлѣ „Смѣси“, подъ именемъ „Берлинскихъ Новостей“).

Въ теченіе перваго семестра 1841 года студентами было устроено 5 торжественныхъ серенадъ именно этимъ осмѣеваемымъ Герценомъ знаменитостямъ: профессорамъ Вердеру, Вадке, Маргейнеке, Неандеру и Шталю.

Среди профессоровъ особеннымъ уваженіемъ и любовью русскихъ слушателей пользовался Вердеръ, близкій другъ и руководитель Станкевича, почтившій его смерть прочувствованнымъ лирическимъ стихотвореніемъ („Der Tod“), учитель Грановскаго и Невѣрова, близко знакомый со словъ

---

[1]) Луи Франкёръ (1773—1849), французскій математикъ.

[2]) Арнольдъ Руге (1802—1880), литераторъ, издатель „Halle'sche Jahrbücher“ (1840), „Deutsche Jahrbücher (1841—42), „Deutsch-Französicshe Jahrbücher“ (въ Парижѣ, совмѣстно съ К. Марксомъ въ 40-хъ годахъ). Другъ Бакунина.

[3]) Герценъ. Сочин. Т. VII, стр. 121—122.

Станкевича съ тогдашнимъ московскимъ философскимъ движенiемъ. Помимо университета, Вердеръ сближался съ прiѣзжавшими въ Берлинъ русскими въ литературномъ салонѣ Елизаветы Павловны Фроловой (урожденной Галаховой) [1]), постоянными посѣтителями которой, кромѣ Станкевича, были Тургеневъ, Грановскiй, Невѣровъ, Ефремовъ, Заикинъ, Сокологорскiй и другiе представители тогдашней русской молодежи, привлекаемые отчасти обаятельной личностью хозяйки, а отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ея салонѣ они могли встрѣтить тогдашнихъ знаменитостей берлинскаго философскаго и литературнаго мiра, въ родѣ Вердера, Беттины фонъ-Арнимъ, Фарнгагена фонъ-Энзе, Гумбольдта и др.

О характерѣ лекцiй Вердера, привлекавшихъ къ нему русскихъ слушатей, можно судить по слѣдующему отрывку, приводимому Катковымъ въ его корреспонденцiи.

Вердеръ въ заключительной лекцiи курса логики заявилъ, что „цѣль философiи сдѣлать людей преданными Богу, радостными для жизни и для смерти, готовыми на жертвы и отреченiе, сильными и великими въ творческой дѣятельности... Будемъ держать высоко наши головы, высоко, со спокойствiемъ и безбоязненностью, какъ прилично сынамъ Бога. Въ томъ-то святое значенiе лица человѣческаго, что оно поднято и обращено къ солнцу, ко всѣмъ вѣчнымъ свѣтиламъ мiра. Станемъ со своимъ лицомъ смѣло передъ лицо мiровъ, завернувшись въ волшебную мантiю великаго дѣла, перекрестившись десницей духа. Кто мыслитъ благородно, кто дѣйствительно мыслитъ, у кого свободная сила мысли претворилась въ жизненную силу души, тотъ не будетъ низко поступать, а кто самъ не будетъ низко поступать, тотъ не дастъ и съ собой поступать низко. Да будетъ это нашимъ рукопожатiемъ въ духѣ и такъ да пребудемъ мы всегда душевно другъ въ другѣ“.

Лекцiя эта, по словамъ Каткова, произвела потрясающее впечатлѣнiе на слушателей.

„Оглушительный взрывъ рукоплесканiй и восклицанiй,— говоритъ Катковъ:—потрясъ аудиторiю и проводилъ профессора. Чудное это было мгновенiе! Кто участвовалъ въ немъ, тотъ никогда не упуститъ его изъ воспоминанiй. Всѣ эти

[1]) Мужъ ея, В. Гр. Фроловъ (1812—1855), перевелъ „Космосъ“ Гумбольдта и издавалъ журналъ „Магазинъ Землевѣд.“.

А. И. ГЕРЦЕНЪ.

(По парижской литографіи 1847 года).

Т-во Голике и Вильборгъ.

люди, чуждые другъ другу, разнохарактерные, разноплеменные, слились въ одно великое семейство; на всѣхъ лицахъ пламенное вдохновеніе,—въ глазахъ у всѣхъ или свѣтилась слеза, или сверкалъ огонь. Всѣ чувствовали себя въ какомъ-то новомъ элементѣ, гдѣ исчезли всѣ преграды свѣтскихъ обычаевъ; души соприкасались взаимно въ одномъ духѣ, незнакомцы сходились, пожимали руки, безмолвно понимая другъ друга, какъ друзья, соединенные жизнью".

Туманный идеализмъ Вердера, сильно окрашенный мистицизмомъ, какъ разъ совпадалъ съ духовными запросами значительной части тогдашней русской молодежи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ приведенное нами выше письмо Бакунина къ Герцену. Ближайшій другъ Герцена, Огаревъ, въ концѣ 30-хъ годовъ усиленно трудился надъ созданіемъ собственной философской системы, которую онъ наименовалъ „опытомъ міровѣдѣнія". Въ 1839 г., извѣщая Герцена о своихъ философскихъ изысканіяхъ, Огаревъ пишетъ, между прочимъ: „Я увѣренъ, что человѣкъ есть форма, совершеннѣйшая на землѣ и выражающая идею самосознанія, одну изъ божественныхъ идей. Еще я съ нѣкоторыхъ поръ, слѣдуя моей системѣ, увѣрился въ безсмертіи души" [1]). Герценъ, въ свою очередь, незадолго до вышеприведеннаго письма Огарева, писалъ ему: „Да, всѣ теоріи о человѣчествѣ—вздоръ. Человѣчество есть падшій ангелъ. Откровеніе намъ высказало это, а мы хотѣли сами собою дойти до формулы бытія и дошли до нелѣпости" [2]). Въ началѣ 1839 года, когда Огаревъ съ женой пріѣхали навѣстить Герцена съ женой, бывшихъ тогда во Владимірѣ, произошла слѣдующая характерная сцена:

„У меня въ комнатѣ,—говоритъ Герценъ:—стояло небольшое чугунное распятіе. „На колѣни,—сказалъ Огаревъ:—и поблагодаримъ за то, что мы всѣ четверо вмѣстѣ!" Мы стали на колѣни возлѣ него и, отирая слезы, обнялись" [3]).

Тотчасъ послѣ этого свиданія Герценъ писалъ о немъ московскимъ друзьямъ: „Мы инстинктуально всѣ четверо бросились предъ распятіемъ, и горячія молитвы лились изъ устъ" [4]).

[1]) Анненковъ. „Идеалисты 30-хъ годовъ", „Вѣстн. Евр.", 1883 г.
[2]) Анненковъ и его друзья. Т. I, стр. 30—31.
[3]) Герценъ. Сочиненія. Т. VII, стр. 113.
[4]) Анненковъ и его друзья. Т. I, стр. 70.

IV.

Въ Берлинѣ Бакунинъ поселился вмѣстѣ съ И. С. Тургеневымъ, который въ это время также былъ охваченъ интересомъ къ философскимъ вопросамъ, являющимся одной изъ отличительныхъ чертъ общественно-литературнаго движенія въ Россіи конца 30-хъ и начала сороковыхъ годовъ. Объ этомъ періодѣ ихъ совмѣстной жизни имѣются любопытныя воспоминанія ихъ товарища по Берлинскому университету, остзейскаго барона Б. Ф. [1]).

„Въ теченіе зимняго семестра 1839—1840 гг.,—говоритъ баронъ Б. Ф.:—я посѣщалъ утреннія лекціи логики профессора Вердера. На эти лекціи являлось немного слушателей: въ числѣ ихъ находилось двое молодыхъ людей, говорившихъ по русски; это были Иванъ Тургеневъ и Михаилъ Бакунинъ; они занимались, подобно мнѣ, въ этомъ семестрѣ философіей и исторіей, и оба были восторженными приверженцами Гегелевской философіи, казавшейся намъ въ то время ключомъ къ познанію добра... Мы, земляки, скоро познакомились и не менѣе двухъ разъ въ недѣлю сходились по вечерамъ то у меня, то у обоихъ друзей, жившихъ на одной квартирѣ, для занятія философіей и для бесѣды. Хорошій русскій чай, въ то время рѣдкость въ Берлинѣ, и хлѣбъ съ холодною говядиною служили матеріальною придачею этихъ вечеровъ; вина мы никогда не пили и, несмотря на это, просиживали иной разъ до ранняго утра, увлекшись разговоромъ, переходившимъ нерѣдко въ споръ. Тургеневъ былъ самый спокойный изъ насъ. Въ 1839—40 гг. Тургеневъ ничѣмъ особеннымъ не выдавался, но былъ преисполненъ самыхъ идеальныхъ взглядовъ и надеждъ относительно будущаго преуспѣянія и развитія своего огромнаго отечества. Во всѣхъ нашихъ бесѣдахъ онъ никогда не сходилъ съ чисто-исторической почвы, и я не слыхалъ, чтобы онъ когда-

[1]) Baltische Monatschrifte, 1884.

нибудь высказывалъ горячія надежды или желанія по поводу отмѣны крѣпостного права, какъ многіе утверждаютъ. Даже самъ Бакунинъ, заходившій въ своихъ желаніяхъ гораздо дальше Тургенева, смотрѣлъ на освобожденіе крестьянъ, какъ на дѣло далекаго будущаго".

О мирномъ, идеалистическомъ настроеніи русской молодежи, жившей тогда въ Берлинѣ, свидѣтельствуютъ воспоминанія другого берлинца, В. М. Невѣрова.

„Однажды,—говоритъ онъ:—на вечерѣ у одной весьма образованной русской дамы (Е. П. Фроловой), оставившей отечество и постоянно жившей заграницей, шла рѣчь о всесословномъ участіи народа въ несеніи государственныхъ повинностей и о доступѣ ко всякой государственной дѣятельности. Когда, по окончаніи этого вечера, мы возвратились домой и, естественно, оставаясь подъ впечатлѣніемъ вечерней бесѣды, обсуждали поднятый на ней вопросъ,— Станкевичъ обратился къ намъ съ такимъ замѣчаніемъ:

„—Предсѣдательница бесѣды забываетъ, что масса русскаго народа остается въ крѣпостной зависимости и потому не можетъ пользоваться не только государственными, но и общечеловѣческими правами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано или поздно правительство сниметъ съ народа это ярмо, но и тогда народъ не можетъ принять участія въ управленіи общественными дѣлами, потому что для этого требуется извѣстная степень умственнаго развитія, и потому прежде всего надлежитъ желать избавленія народа отъ крѣпостной зависимости и распространенія въ средѣ его умственнаго развитія. Послѣдняя мѣра сама собой вызоветъ и первую, а потому кто любитъ Россію, тотъ прежде всего долженъ желать распространенія въ ней образованія",—и при этомъ Станкевичъ взялъ съ насъ торжественное обѣщаніе, что мы всѣ наши силы и всю нашу дѣятельность посвятимъ этой высокой цѣли" [1]).

Берлинскій періодъ жизни ярко отразился въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ Тургенева, особенно въ „Фаустѣ" и „Рудинѣ"; герои обѣихъ повѣстей являются представителями тогдашней русской молодежи, пріѣзжавшей въ Берлинъ

---

[1]) Русск. Стар. т. XI, стр. 419.

изучать нѣмецкую философію, при чемъ многіе черты характера Рудина напоминаютъ черты характера берлинскаго сожителя Тургенева, М. А. Бакунина. Въ изображеніи героя другой повѣсти: „Фаустъ", Павла Александровича Б., Тургеневъ несомнѣнно внесъ нѣкоторыя автобіографическія черты. Найдя забытый экземпляръ Гетевской трагедіи, герой повѣсти пишетъ пріятелю: „Я вспомнилъ все, и Берлинъ, и студенческое время, и фрейлейнъ Клару Штихъ, и Зейдельманна въ роли Мефистофеля, и музыку Радзивилла, и все, и вся... Моя молодость пришла и стала предо мною, какъ призракъ" [1]).

Отмѣтимъ, кстати, что и эстетическія удовольствія русскихъ берлинцевъ носили философскую окраску той эпохи. „Знаніе Гете,—говоритъ Герценъ:—особенно второй части Фауста (оттого-ли, что она хуже первой, или оттого, что труднѣе ея) было столько же обязательно, какъ имѣть платье. *Философія* музыки была на первомъ планѣ. Разумѣется, объ Россини и не говорили, къ Моцарту были снисходительны, хотя и находили его дѣтскимъ и бѣднымъ, за то производили философскія слѣдствія надъ каждымъ аккордомъ Бетховена и очень уважали Шуберта,—не столько, думаю, за его превосходные напѣвы, сколько за то, что онъ бралъ философскія темы для нихъ, какъ, напр., „Всемогущество Божіе", „Атласъ" и т. п. Наравнѣ съ итальянской музыкой дѣлила опалу французская литература и вообще, все французское, а по дорогѣ и все политическое" [2]).

Любовь къ театру въ Тургеневѣ и Бакунинѣ поддерживалъ ихъ пріятель, нѣмецкій журналистъ, Мюллеръ-Стрюбингъ (Müller-Strübing), незадолго передъ тѣмъ отсидѣвшій 5 лѣтъ въ тюрьмѣ за участіе въ тайныхъ студенческихъ обществахъ и лишь въ 1839 г. амнистированный и поселившійся въ Берлинѣ. Мюллеръ-Стрюбингъ вскорѣ подружился съ Бакунинымъ и Тургеневымъ, да и не съ одними ими, а вообще, съ тогдашними русскими берлинцами. „Не въѣзжая въ Россію,—говоритъ о немъ Герценъ:—онъ какъ-то всю жизнь прожилъ съ русскими.

„Какъ всѣ нѣмцы, не работающіе руками, Мюллеръ-Стрю-

---

[1]) Тургеневъ. Сочиненія (изд. Маркса), т. VI. стр. 230—231.

[2]) Герценъ. Сочиненія, т. VII, стр. 124.

бингъ учился древнимъ языкамъ очень долго и подробно, зналъ ихъ очень хорошо и много. Его образованіе было до того упорно-классическое, что онъ не имѣлъ времени никогда заглянуть ни въ какую книгу объ естествовѣденіи, хотя естественныя науки уважалъ, зная, что Гумбольдтъ ими занимался всю жизнь. Мюллеръ-Стрюбингъ, какъ всѣ филологи, умеръ-бы отъ стыда, если бы онъ не зналъ какой-нибудь книжонки, средневѣковой или классической дряни, и, не обинуясь, признавался, напримѣръ, въ совершенномъ невѣденіи физики, химіи и пр. Страстный музыкантъ безъ Anschlag'а и голоса, платоническій эстетикъ, не умѣвшій карандаша взять въ руки и изучавшій картины и статуи въ Берлинѣ, Мюллеръ-Стрюбингъ началъ свою карьеру глубокомысленными статьями объ игрѣ талантливыхъ, но вовсе неизвѣстныхъ берлинскихъ актеровъ и былъ страстнымъ любителемъ спектаклей.

„Судьба, рѣдко балующая нѣмцевъ, особенно идущихъ по филологической части, сильно баловала Мюллера-Стрюбинга. Онъ случайно попалъ въ пассатное русское общество, и при томъ молодыхъ и образованныхъ русскихъ. Оно завертѣло его, закормило, запоило. Это было лучшее, поэтическое время его жизни, Genussjahre. Лица мѣнялись, пиръ продолжался, безсмѣннымъ былъ одинъ Мюллеръ-Стрюбингъ. Кого и кого не водилъ онъ по музеямъ, кому не объяснялъ Каульбаха, кого не водилъ въ университетъ? Тогда была эпоха германопоклоненія въ полномъ разгарѣ; русскій останавливался съ почтеніемъ въ Берлинѣ, тронутый тѣмъ, что попираетъ философскую землю, которую Гегель попиралъ, поминалъ его и учениковъ его съ Мюллеромъ-Стрюбингомъ языческими возліяніями и страсбургскими пирогами. Эти событія могли разстроить міросозерцаніе какого угодно нѣмца. Нѣмецъ не можетъ однимъ синтезомъ обнять страсбургскіе пироги и шампанское съ изученіемъ Гегеля, идущимъ даже до брошюръ Маргейнеке, Бадера, Вердера, Шаллера, Розенкранца и всѣхъ въ жизни усопшихъ знаменитостей сороковыхъ годовъ. У нѣмцевъ все еще,—если страсбургскій пирогъ,—то банкиръ, если Champagner,—то юнкеръ.

„Мюллеръ - Стрюбингъ, довольный, что нашелъ такое вкусное сочетаніе науки съ жизнью, сбился съ ногъ; покоя ему не было ни одного дня. Русская семья, усаживаясь въ

почтовую карету (или, потомъ, въ вагонъ), чтобы ѣхать въ Парижъ, перебрасывала его, какъ ракету или воланъ, къ русской семьѣ, подъѣзжавшей изъ Кенигсберга или Штетина. Съ проводовъ онъ торопился на встрѣчу,—и горькое пиво разлуки было нагоняемо сладкимъ пивомъ новаго знакомства. Виргилій философскаго чистилища,—онъ вводилъ сѣверныхъ неофитовъ въ берлинскую жизнь и разомъ открывалъ имъ двери въ святилище des reinen Denkens und des deutschen Kneipens. Чистые душой соотечественники наши оставляли съ увлеченіемъ и порядочное вино, и прибранные комнаты отелей, чтобы бѣжать съ Мюллеръ-Стрюбингомъ въ душную полпивную. Они были внѣ себя отъ буршикозной жизни, и скверный табачный дымъ Германіи имъ сладокъ и пріятенъ былъ“ [1]).

Особенно славилась тогда въ Берлинѣ учено-литературная полпивная нѣкоего Стеели. Мюллеръ-Стрюбингъ былъ постояннымъ посѣтителемъ ея и потребителемъ пива, котораго онъ выпивалъ „нечеловѣческое количество“. Здѣсь, окруженный отставными актерами и еще непринятыми въ литературу писателями, Мюллеръ-Стрюбингъ, въ кругу русскихъ и нѣмецкихъ почитателей и слушателей, цѣлые часы проповѣдывалъ о Каульбахѣ и Корнеліусѣ, о томъ, какъ пѣлъ въ этотъ вечеръ Лаблашъ въ королевской оперѣ, о томъ, какъ мысль губитъ стихотвореніе и портитъ картину, убивая ихъ непосредственность... Помимо Мюллеръ-Стрюбинга, постоянными посѣтителями полпивной Стеели были Ауербахъ, разсказывавшій смѣшные анекдоты о русскихъ генералахъ, и нѣсколько берлинскихъ профессоровъ („Что было въ этомъ звукѣ—берлинскій профессоръ—для русскаго уха сороковыхъ годовъ!“—замѣчаетъ Герценъ). Посѣтители полпивной, помимо философскихъ споровъ, занимались декламированіемъ вольнодумныхъ стихотвореній. Вся атмосфера полпивной производила обаятельное впечатлѣніе на пріѣзжихъ русскихъ. Они думали:—„Вотъ она, свободная Европа... вотъ онѣ—Афины на Шпре! И мнѣ, — говоритъ Герценъ:— становилось жаль друзей, оставшихся на Тверскомъ бульварѣ и на Невскомъ проспектѣ“ [2]).

---

[1]) Герценъ. Посмертныя сочиненія. Стр. 74—76.

[2]) Ibidem. стр. 75—77. Дальнѣйшая судьба Мюллера-Стрюбинга такова:

Говоря о другомъ членѣ кружка Станкевича, В. П. Боткинѣ, Герценъ отмѣчаетъ тотъ вредъ, который приносило чрезмѣрное увлеченіе нѣмецкой философіей, нерѣдко дѣлавшее невозможнымъ непосредственное воспріятіе жизненныхъ впечатлѣній.

„Резонеръ въ музыкѣ и философъ въ живописи,—говоритъ Герценъ о В. И. Боткинѣ:—онъ былъ однимъ изъ самыхъ полныхъ представителей ультра-гегельянцевъ. Онъ всю жизнь носился въ эстетическомъ небѣ, въ философскихъ и критическихъ подробностяхъ. На жизнь онъ смотрѣлъ такъ, какъ Ретгеръ на Шекспира, возводя все въ жизни къ философскому значенію, дѣлая скучнымъ все живое, пережеваннымъ все свѣжее, словомъ, не оставляя въ своей непосредственности ни одного движенія души. Взглядъ этотъ, впрочемъ, въ разныхъ степеняхъ принадлежалъ тогда почти всему кружку; иные срывались талантомъ, другіе живостью, но у всѣхъ еще долго остался—у кого жаргонъ, у кого и самое дѣло:

„— Пойдемъ, — говорилъ Бакунинъ Тургеневу въ Берлинѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ:—пойдемъ окунуться въ пучину дѣйствительной жизни, бросимся въ ея волны,—и они шли просить Фарнгагена-фонъ-Энзе, чтобы онъ ихъ ввелъ ловкимъ купальщикомъ въ практическія пучины и представилъ бы ихъ одной хорошенькой актрисѣ“ [1]).

V.

Не должно, впрочемъ, думать, что Герценъ находилъ лишь отрицательныя стороны въ увлеченіи Гегелевской философіей. Напротивъ, онъ придавалъ ей огромное развиваю-

---

благодаря рекомендаціи Тургенева, онъ былъ принятъ гостемъ у M-me Віардо, въ домѣ которой жилъ нѣкоторое время, потомъ переселился въ Ноганъ къ Жоржъ Зандъ, наконецъ, переѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ былъ друженъ съ Герценомъ, но въ заключеніе поссорился съ нимъ, находя, что Герценъ „непочтительно“ относится къ нѣмцамъ. Умеръ въ Лондонѣ, въ исходѣ 1860-хъ годовъ.

1) Герценъ. Посмертныя сочиненія, стр. 42—43.

щее значеніе. „Діалектика Гегеля,—говоритъ онъ:—страшный таранъ; она, несмотря на свое двуличіе, на прусско-протестантскую кокарду, улетучивала все существующее и распускала все, мѣшающее разуму. Къ тому же, это было время Фейербаха, der kritischen Kritik“.

Это развивающее значеніе Гегелевской философіи не замедлило сказаться на Бакунинѣ и другихъ берлинскихъ русскихъ. Толчкомъ послужило открытіе Шеллингомъ курса лекцій въ ноябрѣ 1841 года. Шеллингъ въ первомъ семестрѣ читалъ философію откровенія, но глубокій мистицизмъ его лекцій, пришедшійся по душѣ Каткову, оттолкнулъ отъ него многихъ слушателей, которые въ силу реакціи не замедлили примкнуть къ такъ называемой „крайней лѣвой“ Гегельянства, представителями которой являлись тогда Штраусъ, Фейербахъ и Бруно Бауеръ. Бакунинъ также оказался въ числѣ перебѣжчиковъ, при чемъ, переѣхавъ въ началѣ 1842 года изъ Берлина въ Дрезденъ, выступилъ противъ Шеллинга печатно въ брошюрѣ (Schelling und die Offenbarung. Kritik des neuesten Reaktionsversuchs gegen die freie Philosophie. Leipzig. 1842). Брошюра эта является страстнымъ протестомъ противъ реакціонныхъ тенденцій Шеллинга и заканчивается горячимъ привѣтомъ „новому утру свободнаго сознанія“. Она произвела впечатлѣніе въ нѣмецкихъ философскихъ кружкахъ и вызвала очень лестный отзывъ со стороны Арнольда Руге, который (въ апрѣлѣ 1842 г.) писалъ философу Розенкранцу: „Брошюра принадлежитъ русскому, Бакунину, который теперь живетъ здѣсь. Подумай только, этотъ симпатичный молодой человѣкъ превосходитъ всѣхъ старыхъ ословъ въ Берлинѣ. Но я думаю, что Бакунинъ, котораго я знаю и принимаю очень охотно у себя, не будетъ радъ, если станетъ извѣстно, что онъ—авторъ брошюры. Онъ со временемъ отправится въ Москву, можетъ быть, въ университетъ (т. е. профессоромъ)“ [1]). Въ письмѣ этомъ очень характерно указаніе, сдѣланное Руге, вѣроятно, со словъ самого Бакунина, о намѣреніи послѣдняго посвятить себя профессорской дѣятельности. Сложись обстоятельства иначе, и—кто знаетъ—можетъ быть, солидная философская

---

[1]) Arnold Ruges Briefwechsel und Tagebücher aus den Jahren 1825—1880 (Berlin, 1886), т. I, стр. 273.

подготовка Бакунина, его блестящія діалектическія способности и громадный ораторскій талантъ нашли бы себѣ болѣе полезное примѣненіе на профессорской кафедрѣ и не были бы безцѣльно поглощены пучиной европейскаго революціоннаго движенія.

Сойдясь въ Дрезденѣ близко съ издателемъ лѣво-гегеліанскаго журнала „Deutsche Jahrbücher“, Бакунинъ началъ сотрудничать въ этомъ журналѣ и помѣстилъ въ №№ 247—251 довольно обширную статью: „Реакція въ Германіи“ (Die Reaction in Deutschland. Fragment eines Franzosen) подъ видомъ „замѣтокъ“ француза Jules Elizard'a. Статья написана въ ярко демократическомъ направленіи.

Почти аналогичный процессъ развитія въ это время переживали въ Россіи Герценъ и Огаревъ (а подъ ихъ вліяніемъ и Бѣлинскій), при чемъ на всѣхъ нихъ воздѣйствовалъ тотъ же факторъ,—„крайняя лѣвая“ Гегельянства.

Немудрено, что статья Бакунина въ Deutsche Jahrbücher пришлась по вкусу Герцену, который тогда еще не зналъ объ авторствѣ Бакунина и записалъ въ своемъ дневникѣ (1843 г., янв. 7-го):

„Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ (Deutsche Jahrbücher) была статья Jul. Elisard о современномъ духѣ реакціи въ Германіи. Художественно-превосходная статья. И это чуть-ли не первый французъ (!), понявшій Гегеля и германское мышленіе. Это—громкій, открытый, торжественный возгласъ демократической партіи, полный силъ, твердый въ обладаніи симпатій въ настоящемъ и всего міра въ будущемъ; онъ протягиваетъ руку консерватифамъ, какъ имѣющій власть, раскрываетъ имъ съ неимовѣрной ясностью *смыслъ* ихъ анахроническаго стремленія и зоветъ ихъ въ человѣчество. Вся статья отъ доски до доски замѣчательна. Когда французы примутся обобщать и популяризировать нѣмецкую науку, разумѣется, понявши ее, тогда наступитъ великая фаза der Bethätigung. У нѣмца нѣтъ еще языка на это. Въ этомъ дѣлѣ и мы можемъ вложить лепту“ [1]).

Но вскорѣ Герценъ (вѣроятно, черезъ Огарева, который въ 1842 г. пробылъ шесть мѣсяцевъ за-границей) узналъ,

---

[1]) Герценъ. Сочиненія, т. I, стр. 70—71.

что статья принадлежитъ Бакунину и занесъ въ дневникъ (28 января):

„Вѣсть объ Jules Elisard. Онъ смываетъ прежніе грѣхи свои. Я совершенно примирился съ нимъ“. И позже (15 февраля): „Письмо отъ J. Elisard. Онъ дошелъ до того, чтобы выйти изъ паутины, въ которой сидѣлъ“ [1]).

Бѣлинскій, какъ мы видѣли, раньше очень враждебно настроенный противъ Бакунина, въ свою очередь писалъ Боткину (7 ноября 1842 г.):

„До меня дошли хорошіе слухи о М(ишелѣ) и я—написалъ къ нему письмо!! Не удивляйтесь: отъ меня все можетъ статься... Странно: мы, я и М(ишель), искали Бога по разнымъ путямъ—и сошлись въ одномъ храмѣ. Я знаю, что онъ разошелся съ Вердеромъ, знаю, что онъ принадлежитъ къ лѣвой сторонѣ Гегельянства, знакомъ съ R (Руге) и понимаетъ жалкаго, заживо умершаго романтика Шеллинга. *М(ишель) во многомъ виноватъ и грѣшенъ, но въ немъ есть нѣчто, что перевѣшиваетъ всѣ его недостатки,—это—вѣчно движущее начало, лежащее въ глубинѣ его духа*“ [2]).

Въ тогдашней русской журналистикѣ не замедлили отразиться до извѣстной степени эти новыя вѣянія. Первоначально редакція „Отечественныхъ Записокъ“ предполагала ознакомить читателей съ философіей Шеллинга въ статьѣ, которую долженъ былъ написать Катковъ. Но Грановскій поспѣшилъ уже весной 1842 года предупредить Бѣлинскаго: „смотри, братъ, не поддавайся берлинской философіи, которую собирается привезти вамъ Катковъ“. Самъ Катковъ извѣстилъ Бѣлинскаго о томъ впечатлѣніи, какое произвела на него философія Шеллинга. По его словамъ, она была глубже всего, что только есть на свѣтѣ. „Бѣдный Гегель“!—замѣчаетъ по этому поводу иронически Бѣлинскій (въ письмѣ къ Боткину, отъ 20 апрѣля 1842 г. [3]). Вслѣдствіе этихъ дружескихъ предупрежденій статью о Шеллингѣ редакція

---

[1]) Ibid., стр. 82.

[2]) Невѣденскій. Катковъ и его время, стр. 94. Любопытную параллель этому отзыву Бѣлинскаго о Бакунинѣ представляютъ слова Басистова о Рудинѣ: „этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя!“.

[3]) Невѣденскій. Катковъ и его время, стр. 92.

„Отечеств. Записокъ“ поручила написать Боткину, который отнесся къ Шеллингу съ большой строгостью. Въ его статьѣ говорилось, что „Шеллингъ, приглашенный съ большимъ торжествомъ, не оправдалъ своего обѣщанія „побѣдить противниковъ“, что вмѣсто новой философіи, онъ, оставивъ путь чистой мысли, погрузился въ миѳологическія и гностическія фантазіи, давно уже всѣмъ извѣстныя по его прежнимъ чтеніямъ“ [1]).

Немудрено поэтому, что у Бѣлинскаго и Боткина произошелъ разрывъ съ Катковымъ. Въ письмѣ къ Боткину (отъ 6 февраля 1843 г.) Бѣлинскій сообщаетъ о впечатлѣніи, которое произвелъ на него Катковъ, думавшій импонировать новопріобрѣтенными философскими сокровищами послѣдняго берлинскаго чекана:

„Каткова ты видѣлъ,—писалъ Бѣлинскій Боткину:—я тоже видѣлъ. Знатный субъектъ для психологическихъ наблюденій. Это Хлестаковъ въ нѣмецкомъ вкусѣ. Я теперь понялъ, отчего во время самаго разгара моей мнимой къ нему дружбы, меня дико поражали его зеленые, стекляные глаза. Ты нѣкогда недостойнымъ участіемъ къ нему жестоко погрѣшилъ противъ истины; но честь и слава тебѣ, ты же хорошо и поправился, ты постигъ его натуру, попалъ ему въ самое сердце. Этотъ человѣкъ не измѣнился, а только сталъ самимъ собой... Мы всѣ славно повели себя съ нимъ — онъ, было, вошелъ на ходуляхъ, но наша полная презрѣнія холодность заставила его сойти съ нихъ“ [2]).

Бѣлинскій и его друзья окончательно распрощались съ философіей примиренія и освободились отъ узъ мистицизма. Катковъ, разойдясь съ прежними товарищами по кружку, на долгое время погружается въ міръ классической древности и античной философіи, какъ бы стараясь загородиться ими отъ бурныхъ волнъ западно-европейской общественной жизни, за которой, напротивъ, съ такимъ напряженымъ, лихорадочнымъ вниманіемъ начинаютъ слѣдить Бѣлинскій и его друзья.

---

[1]) Ibid

[2]) Ibid. стр. 93.

VI.

Между тѣмъ Бакунинъ, подружившись съ нѣмецкимъ поэтомъ Гервегомъ, уѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Швейцарію, гдѣ принялъ участіе въ радикальной агитаціи, которую велъ тогда нѣмецкій портной-публицистъ Вейтлингъ. Агитація эта закончилась арестами; въ числѣ заподозрѣнныхъ былъ и Бакунинъ, который поспѣшилъ уѣхать въ Парижъ. Русское посольство въ Бернѣ донесло правительству о дѣятельности Бакунина въ Швейцаріи, и это донесеніе, въ связи съ дѣятельностью нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ русскихъ, жившихъ за-границей, вызвало указъ 15 марта 1844 года, чрезвычайно стѣснившій выдачу заграничныхъ паспортовъ.

Въ воспоминаніяхъ барона Корфа [1]) имѣется любопытная страничка объ этомъ эпизодѣ.

„Въ царствованіе императора Николая,—говоритъ Корфъ:— хотя прямого запрещенія выѣзжать изъ Россіи не послѣдовало, но послѣ французской и бельгійской революціи 1830 года, повлекшей за собой польскую, заграничныя поѣздки вновь подвергнуты были весьма важнымъ ограниченіямъ. Прежде всего постановлено (18 февраля 1831 г.), что русское юношество отъ 10-ти до 18-ти лѣтъ должно быть воспитываемо всегда въ Россіи, подъ лишеніемъ, въ противномъ случаѣ, права вступать на службу. Потомъ (17 апрѣля 1834 года) срокъ дозволеннаго пребыванія русскихъ подданныхъ въ чужихъ краяхъ ограниченъ для дворянъ пятью, а для лицъ прочихъ состояній тремя годами, съ опредѣленіемъ, за просрочку, важныхъ политическихъ и гражданскихъ лишеній. Далѣе (10-го іюля 1840 г.) установлена значительная пошлина съ заграничныхъ паспортовъ. Наконецъ, *указомъ 15-го марта 1844 г.*, эта пошлина еще возвышена и положены новыя стѣсненія и въ лѣтахъ выѣзжающихъ, и въ обрядѣ выдачи паспортовъ. Сверхъ общаго нерасположенія императора Николая къ пребыванію

[1]) Изъ записокъ барона М. А. Корфа, „Русск. Стар.", 1899 г., XI, стр. 293—295.

русскихъ, наиболѣе же молодыхъ людей, за границею, непосредственнымъ поводомъ къ послѣднему постановленію послужило и нѣсколько особенныхъ случаевъ. Служившій при нашей миссіи въ Парижѣ, князь Гагаринъ, молодой человѣкъ, даровитый и трудолюбивый, вдругъ вздумалъ, отказавшись отъ всѣхъ служебныхъ видовъ и отъ надеждъ на значительное наслѣдство, перейти въ римско-католическую вѣру и поступить на послушаніе въ одинъ іезуитскій монастырь въ Бельгіи, чтобы потомъ ѣхать въ духовную миссію. Два другихъ молодыхъ человѣка, князь Петръ Долгоруковъ [1]) и Иванъ Головинъ [2]), кончившій курсъ въ Дерптскомъ университетѣ, живя также въ Парижѣ, издали тамъ двѣ брошюры: первый, подъ псевдонимомъ „графа Альмагро“ біографическую исторію русскихъ дворянскихъ родовъ, послѣдній, подъ анонимомъ „Un Russe“,—разсужденіе о политической экономіи. Долгоруковъ откровенно разсказалъ происхожденіе и домашнія тайны нѣкоторыхъ высшихъ нашихъ фамилій, а Головинъ коснулся критически положенія крѣпостного состоянія въ Россіи. Обѣ книги вызвали неудовольствіе нашего правительства, и авторы ихъ были вытребованы во-свояси. Долгорукова, немедленно явившагося по этому вызову, отправили на службу въ Вятку; но Головинъ уклонился отъ возвращенія сначала подъ предлогомъ болѣзни, а потомъ, безъ всякаго уже предлога, написалъ дерзкій отвѣтъ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ, за что въ одинъ день съ упомянутымъ выше постановленіемъ 15 марта 1844 г. данъ былъ указъ Сенату о преданіи его законному взысканію (Головинъ по рѣшенію Сената былъ лишенъ правъ русскаго подданства, съ обращеніемъ его имѣнія къ наслѣдникамъ). Наконецъ, *нѣкто Бакунинъ*, молодой человѣкъ хорошей фамиліи, котораго дядя былъ сенаторомъ, явно присталъ въ Парижѣ къ коммунистамъ и также отказался возвратиться въ Россію. Все это вмѣстѣ побудило государя учредить особый комитетъ изъ графа Нессельроде,

---

[1]) Князь ПетръВлад. Долгоруковъ. Подробнѣе о немъ см. въ „Словарѣ умершихъ писателей“ Геннади, въ III-мъ томѣ „Изъ дальнихъ лѣтъ“ Пассекъ и въ его „Memoires“.

[2]) Подробнѣе о Головинѣ см. въ статьѣ Б. Л. Модзалевского „Яковъ Никол. Толстой“, „Русск. Стар.“, 1899 г. № 10, стр. 186 и 189. См. также „Записки Ивана Головина“. Лейпцигъ.

графа Бенкендорфа и Перовскаго для пересмотра правилъ о заграничныхъ паспортахъ, и вслѣдствіе совѣщаній сего комитета или, лучше сказать, объявленной ему высочайшей воли, явилось постановленіе 15-го марта 1844 года".

Отказъ Бакунина возвратиться въ Россію стоилъ ему дорого. Согласно рѣшенію Сената, онъ былъ лишенъ офицерскаго чина, дворянства и правъ русскаго подданства. Бакунинъ, начавшій съ проповѣди „примиренія съ дѣйствительностью", послѣ двухлѣтняго пребыванія заграницей примыкаетъ къ крайнимъ элементамъ западно-европейскаго демократическаго движенія.

II. Воспоминанія А. И. Герцена объ А. А. Ивановѣ и М. С. Щепкинѣ.

Въ собраніе сочиненій А. И. Герцена, изданное (1875—79 г. г.) подъ редакціей Вырубова, не вошли, къ сожалѣнію, многія статьи Герцена, появившіяся раньше на страницахъ „Колокола“ и нерѣдко представляющія крупный историко-литературный интересъ. Къ такимъ статьямъ можно отнести некрологи А. А. Иванова („Колоколъ“, № 22, 1 сентября 1858 г.) и М. С. Щепкина („Колоколъ“, № 171, 1 октября 1863 г.).

Некрологъ Иванова интересенъ, помимо сообщенныхъ въ немъ нѣкоторыхъ біографическихъ данныхъ о великомъ русскомъ художникѣ, также и тѣмъ, что въ некрологѣ этомъ на конкретномъ примѣрѣ выясняется,—какія требованія Герценъ предъявляетъ къ искусству. Въ нѣкоторой связи съ некрологомъ Иванова стоитъ та глава „Концовъ и Началъ“, въ которой Герценъ говоритъ о положеніи искусства въ буржуазной Европѣ.

Некрологъ Щепкина представляетъ еще большій интересъ для всякаго, интересующагося біографіей А. И. Герцена, такъ какъ въ некрологѣ этомъ имѣются нѣкоторыя очень цѣнныя автобіографическія данныя.

I.

Взглядъ Герцена на положеніе искусства въ буржуазной Европѣ, какъ мы уже сказали выше, проведенъ въ одной изъ его статей, озаглавленныхъ „Концы и начала“. Статьи эти, представляющія до извѣстной степени политическое и философское profession de foi Герцена, интересны еще и потому, что онѣ, въ сущности, являются открытыми письмами

къ И. С. Тургеневу, отрицательно относившемуся къ преждевременному „погребенію“ Запада и къ славянофильскому соціализму Герцена [1]).

„Пожалуйста, не подумай,—обращается Герценъ къ Тургеневу въ первомъ письмѣ въ „Концахъ и Началахъ“:—что съ точки зрѣнія суроваго цивизма и аскетической демагогіи я стану возражать *на то мѣсто, которое ты даешь искусству въ жизни.* Я съ тобой согласенъ въ этомъ. Искусство—c'est autant de pris; оно, вмѣстѣ съ зарницами личнаго счастья, — единственное несомнѣнное благо наше; во всемъ остальномъ мы работаемъ или толчемъ воду для человѣчества, для родины, для извѣстности, для дѣтей, для денегъ и притомъ разрѣшаемъ безконечную задачу. Въ искусствѣ мы наслаждаемся, въ немъ цѣль достигнута.

„И такъ, отдавъ Діанѣ Эфесской, что Діанѣ принадлежитъ, я тебя спрошу, о чемъ ты собственно говоришь: о настоящемъ или прошедшемъ? О томъ ли, что искусство развилось на Западѣ, что Данте и Буонаротти, Шекспиръ и Рембрандтъ, Моцартъ и Гете были по мѣсту рожденія и по мнѣніямъ *западниками*? Но объ этомъ никто не споритъ. Или ты хочешь сказать о томъ, что долгая историческая жизнь приготовила и лучшую арену для искусства, и красивѣйшую раму для него, что хранилищницы въ Европѣ пышнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, галлереи и школы богаче, учениковъ больше, учителя даровитѣе, театры лучше обставлены и пр. Это такъ... Вся Америка не имѣетъ такого Campo Santo, какъ Пиза, но все же Campo Santo—кладбище. Къ тому же довольно естественно, что тамъ, гдѣ было больше коралловъ, тамъ и коралловыхъ рифовъ больше... Но гдѣ же во всемъ этомъ *новое искусство, творческое, живое* или *художественный* элементъ *въ самой жизни?* Вызывать постоянно усопшихъ, повторять Бетховена, играть Федру и Аталію—очень хорошо, но ничего не говоритъ въ пользу *творчества.* Въ скучнѣйшія времена Византіи на литературныхъ вечерахъ читали Гомера, декламировали Софокла; въ Римѣ берегли статуи Фидіаса и собирали лучшія изваянія наканунѣ Генсериховъ и АларихOвъ. Гдѣ же *новое искусство,* гдѣ *художественная инищіатива?* Развѣ въ „*будущей*“ музыкѣ Вагнера?“

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. ниже, въ ст. „Герценъ и Тургеневъ“.

Далѣе Герценъ указываетъ на основную причину упадка искусства на Западѣ:

„Искусство не брезгливо. Оно все можетъ изобразить, ставя на всемъ неизгладимую печать дара духа изящнаго и безкорыстно поднимая въ уровень Мадоннъ и полу-боговъ всякую случайность бытія, всякій звукъ и всякую форму, сонную лужу подъ деревомъ, вспорхнувшую птицу, лошадь на водопоѣ, нищаго мальчика, обожженнаго солнцемъ. Отъ дикой, грозной фантазіи ада и страшнаго суда до фламандской таверны съ ея отвернувшимся мужикомъ, отъ Фауста до Фоблаза, отъ Requiem'а до камаринской—все подлежитъ искусству... *Но и искусство имѣетъ свой предѣлъ.* Есть камень преткновенія, который рѣшительно не беретъ ни смычокъ, ни кисть, ни рѣзецъ; искусство, чтобъ скрыть свою немоготу, издѣвается надъ нимъ, дѣлаетъ каррикатуры. Этотъ камень преткновенія—*мѣщанство*... Художникъ, который превосходно набрасываетъ человѣка совершенно голаго, покрытаго лохмотьями или до того совершенно одѣтаго, что ничего не видать кромѣ желѣза или монашеской рясы, останавливается въ отчаяніи передъ... *мѣщаниномъ во фракѣ*... Отсюда посягательство Роберту Пилю набросить римскую тогу; съ какого-нибудь банкира снять сюртукъ, галстукъ и отогнуть ему рубашку, такъ, что если-бъ онъ послѣ смерти самъ увидѣлъ свой бюстъ, то передъ своей женой покраснѣлъ бы до ушей...

„Дѣло въ томъ, что весь характеръ мѣщанства, съ своимъ добромъ и зломъ, противенъ, тѣсенъ для искусства. Искусство вянетъ въ немъ, какъ зеленый листъ въ хлорѣ, и только всему человѣческому присущія *страсти* могутъ, изрѣдка врываясь въ мѣщанскую жизнь, или, лучше, вырываясь изъ ея чинной среды, поднять ее до художественнаго значенія".

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Герценъ понималъ всю законность и неизбѣжность появленія мѣщанства.

„Съ мѣщанствомъ,—говоритъ Герценъ:—стираются личности, но стертые люди *сытѣе;* платья дюжинныя, незаказныя, не по таліи, но число носящихъ ихъ *больше.* Съ мѣщанствомъ стирается красота породы, но растетъ ея благосостояніе. Толпа гуляющихъ въ праздничный день въ Елисейскихъ поляхъ, Кенсингтонъ-Гарденѣ, собирающихся въ церквяхъ, театрахъ, наводитъ уныніе пошлыми лицами, ту-

пыми выраженіями, но... имъ до этого дѣла нѣтъ, они даже этого не замѣчаютъ. Но что для нихъ очень важно и замѣтно, это то, что отцы и старшіе братья ихъ не въ состояніи были идти ни на гулянье, ни въ театръ, а они *могутъ;* что тѣ иногда ѣздили на козлахъ каретъ, а они сами ѣздятъ и очень часто въ фіакрахъ“.

„Во имя *этого* мѣщанство побѣдитъ, и должно побѣдить. Нельзя сказать голодному:—тебѣ больше къ лицу голодъ, не ищи пищи. Господство мѣщанства, отвѣтъ *на освобожденіе безъ земли,* на открѣпленіе людей и прикрѣпленіе почвы малому числу избранныхъ. Заработавшая себѣ копѣйку толпа одолѣла и по своему жуируетъ, и владѣетъ міромъ. Въ сильно обозначенныхъ личностяхъ, въ оригинальныхъ умахъ ей нѣтъ никакой необходимости. Наука не можетъ не натолкнуться на ближайшія открытія. Фотографія, эта шарманка живописи, замѣняетъ артиста; хорошо, если явится художникъ съ творчествомъ, но вопіющей нужды и въ немъ нѣтъ...“

„Выходъ изъ этого положенія,—продолжалъ онъ:—*далекъ.* За большинствомъ, теперь господствующимъ, стоитъ еще *большее большинство* кандидатовъ на него, для которыхъ нравы, понятія, образъ жизни мѣщанства — единственная цѣль стремленій, ихъ хватитъ на десять перемѣнъ. Міръ безземельный, міръ городского преобладанія, до крайности доведеннаго права собственности, не имѣетъ другого пути спасенія и весь пройдетъ мѣщанствомъ, которое въ *нашихъ* глазахъ отстало, а въ глазахъ полевого населенія и пролетаріевъ представляетъ образованность...

„Было это и прежде, но и размѣры, и сознаніе были меньше, къ тому же прежде были идеалы, вѣрованія, слова, отъ которыхъ билось и простое сердце бѣднаго гражданина, и сердце надменнаго рыцаря; у нихъ были *общія* святыни, передъ которыми, какъ передъ дарами, склонялись всѣ. Гдѣ тотъ псаломъ, который могутъ въ наше время съ вѣрой и увлеченіемъ пѣть во всѣхъ этажахъ дома отъ подвала до мансарды, гдѣ наше „Gottes feste Burg“ или марсельеза?“

Первое письмо „Концовъ и началъ“ заканчивается конкретнымъ примѣромъ. Герценъ указываетъ на Иванова, задыхавшагося въ мѣщанскомъ квіетизмѣ Европы.

„Когда Ивановъ,—пишетъ Герценъ:—былъ въ Лондонѣ,

онъ съ отчаяніемъ говорилъ о томъ, что ищетъ новый религіозный типъ и нигдѣ не находитъ его въ окружающемъ мірѣ. Чистый артистъ, боявшійся, какъ клятвопреступленія, солгать кистью, прозрѣвавшій больше фантазіей, чѣмъ анализомъ, онъ требовалъ, чтобы мы ему указали, гдѣ тѣ живописныя черты, въ которыхъ просвѣчиваетъ *новое искупленіе*. Мы ему ихъ не указали. „Можетъ, укажетъ Маццини",—думалъ онъ.

„Маццини ему указалъ бы на „единство Италіи", можетъ, на Гарибальди въ 1861 году, какъ на *предтечу*, на этого *великаго послѣдняго*.

„Ивановъ умеръ, стучась:—такъ дверь и не отверзлась ему" [1]).

Въ вышеприведенныхъ цитатахъ ярко и выпукло высказанъ безнадежный взглядъ Герцена на положеніе искусства при господствѣ буржуазіи.

II.

Помимо вышеприведенныхъ строкъ, посвященныхъ Иванову въ „Концахъ и началахъ", Герценъ посвятилъ Иванову довольно обширный некрологъ, въ которомъ разсказалъ исторію своихъ отношеній къ нему.

„Еще разъ,—пишетъ Герценъ:—коса смерти прошлась по нашему бѣдному полю, и еще одинъ изъ лучшихъ дѣятелей палъ—странно, безвременно. Смерть подкосила его въ то самое время, какъ онъ усталой рукой касался, послѣ цѣлой жизни труда и лишеній, лавроваго вѣнка. Больной, измученный нуждой, Ивановъ не вынесъ грубаго прикосновенія... и умеръ!

...„Жизнь Иванова была анахронизмомъ; такое благочестіе къ искусству, религіозное служеніе ему съ недовѣріемъ къ себѣ, со страхомъ и вѣрою, мы только встрѣчаемъ въ разсказахъ о средневѣковыхъ отшельникахъ, молившихся кистью, для которыхъ искусство было нравственнымъ подвигомъ жизни, священнодѣйствіемъ, наукой.

„Молодымъ человѣкомъ принялся Ивановъ за свою картину „Іоаннъ Предтеча" [2]) и состарѣлся съ нею; кисть, взя-

[1]) Письмо помѣчено: Isle of Whight (островъ Уайтъ), 10 іюня, 1862.

[2]) Очевидно, Герценъ говоритъ о картинѣ Иванова „Явленіе Христа народу".

тая юношеской рукой, ослабѣла на томъ же полотнѣ, цѣлая жизнь была употреблена на созерцаніе, обдумываніе, изученіе своего предмета—и при какихъ условіяхъ! „Нищета его—пишетъ мнѣ одинъ изъ друзей его:—была такова, что онъ по суткамъ довольствовался стаканомъ кофе и черствой булкой или чашкой чечевицы, сваренной изъ экономіи имъ самимъ, въ той студіи, гдѣ работалъ, и на водѣ, за которой нашъ художникъ ходилъ самъ къ ближайшему фонтану". И въ этой борьбѣ шли годы и годы...

„Въ прошедшемъ году [1]) онъ выставилъ свою картину въ Римѣ, общество художниковъ всѣхъ странъ осыпало ее похвалами, это были единственныя сладкія минуты Иванова, но и онѣ не были безъ примѣси горькаго элемента внутренней борьбы. Объ ней мы скажемъ ниже.

„Его звали въ Россію; два мѣсяца передъ кончиной пріѣхалъ онъ въ Петербургъ. Полный надеждъ и думъ, онъ мечталъ, что для него легко откроется новая дѣятельность. Онъ мечталъ о своихъ давно задуманныхъ эскизахъ изъ жизни Христа, думалъ съѣздить въ Іерусалимъ и потомъ ему хотѣлось больше и больше распространять великую художественную традицію живописи, передавая ее молодому поколѣнію.

„Петербургскую жизнь Ивановъ совсѣмъ не зналъ или зналъ смутно, по слухамъ. Простой, отвыкшій отъ людей, онъ какимъ-то чуждымъ явился со своей картиной—передъ толпой цеховыхъ интригановъ, равнодушныхъ невѣждъ, казарменныхъ эстетиковъ.

„Начались маленькія avanies, которыя онъ не умѣлъ переносить,—все огорчало его, мучило... Второй и третьей гильдіи мастера пожимали плечами, другимъ [2]) было не до Иванова...

„Денегъ у него не было, онъ жилъ у одного пріятеля, не понимая, что ему надобно было снискать покровителей, пріобрѣсти ходатаевъ.

„Наконецъ, 29 іюня Иванову объявили, что ему опредѣляется 10.000 руб. вознагражденія и назначается 2.000 руб. пенсіи. Несмотря на свою застѣнчивость, Ивановъ не спѣшилъ принять предложеніе и просилъ его обдумать.

---

[1]) 1857.

[2]) Картина Иванова была выставлена въ „Бѣлой Залѣ" Зимняго дворца.

„На другой день, 30 іюня, вечеромъ онъ почувствовалъ себя дурно, къ полуночи явились новые признаки холеры, и въ ночь съ 2-го на 3-е іюля его не стало.

„На утро явился курьеръ съ пакетомъ, возвѣщавшимъ трупу художника, что ему назначено 15.000 р. и владимірскій крестъ въ петлицу!..“

Далѣе Герценъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Ивановымъ.

„Теперь скажу нѣсколько словъ о моихъ личныхъ сношеніяхъ съ Ивановымъ. Я познакомился съ нимъ въ Римѣ, въ 1847 году. При первомъ свиданіи мы чуть не поссорились [1]). Разговоръ зашелъ о „Перепискѣ“ Гоголя: Ивановъ страстно любилъ автора, я считалъ эту книгу—преступленіемъ. Вліяніе этого разговора не изгладилось, многое поддерживало его. Насталъ громовой 1848 г.,—Ивановъ плотнѣе запирался въ своей студіи, сердился на шумъ исторіи, не понималъ его; я сердился на него за это. Къ тому же онъ былъ тогда подъ вліяніемъ восторженнаго мистицизма и своего рода эстетическаго христіанства. Тѣмъ не менѣе, иногда вечеромъ Ивановъ приходилъ ко мнѣ изъ своей студіи и всякій разъ, наивно улыбаясь, заводилъ рѣчь именно о тѣхъ предметахъ, въ которыхъ мы совершенно расходились [2]).

„Въ Парижѣ была провозглашена республика, престолъ папы покачнулся, вся Европа приподымалась, я забылъ Иванова и поскакалъ въ Парижъ.

„Десять лѣтъ миновали, и между нами не было никакихъ сношеній.

---

[1]) Слѣдъ этого перваго свиданія остался въ перепискѣ Герцена. „Ивановъ est un homme très excentrique, artiste etc.“—писалъ Герценъ Гаевскому (А. Цомакіонъ, „Ивановъ“, стр. 66).

[2]) Воспоминанія И. С. Тургенева объ А. А. Ивановѣ относятся къ 1857 г. Въ нихъ также отмѣчено сильное вліяніе Гоголя на художника. „Изъ его (Иванова) почтительныхъ,—говоритъ Тургеневъ:—изъ осторожныхъ отзывовъ о нашемъ великомъ писателѣ можно было заключить, что онъ особенно хорошо изучилъ его... Ивановъ съ особеннымъ сочувствіемъ упоминалъ о страшномъ впечатлѣніи, произведенномъ на Гоголя всеобщимъ осужденіемъ его „Переписки“; объ этомъ, да еще о 1848 годѣ, Ивановъ говорилъ не иначе, какъ съ содроганіемъ“. „Въ началахъ, которыя чуть было не восторжествовали въ 1848 г., онъ, почему-то, видѣлъ конецъ и раззореніе всякаго художества“. („Поѣздка въ Альбани и Фраскато“. Тур., Соч., т. XII).

„Вдругъ, получаю въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года (1857) изъ Интерлакена письмо отъ Иванова. Каждое слово его дышетъ инымъ вліяніемъ, сильной борьбой, запертая дверь студіи не помѣшала, мысль вѣка прошла сквозь замокъ...“

„Слѣдя за современными успѣхами,—писалъ Ивановъ Герцену:—я не могу не замѣтить, что и живопись должна получить новое направленіе. Я полагаю, что нигдѣ не могу разъяснить мыслей моихъ, какъ въ разговорахъ съ вами, а потому рѣшаюсь пріѣхать на недѣлю въ Лондонъ, отъ 3-го до 10 сентября.

...„Въ итальянскихъ художникахъ не слышно ни малѣйшаго стремленія къ новымъ идеямъ въ искусствѣ, не говоря уже о теперешнемъ гниломъ состояніи Рима; они и въ 1848—1849 годахъ, когда церковь рушилась до основанія, *думали, какъ бы получить для церквей новые заказы*“.

„Въ заключеніе онъ писалъ мнѣ, что ему было бы пріятно встрѣтиться *у меня съ Мацщини*. (Это ему не удалось:— Маццинп былъ тогда на континентѣ, но я его познакомилъ съ Саффи).

„Письмо Иванова удивило меня, съ нетерпѣніемъ ждалъ я его. Наконецъ, онъ пріѣхалъ: много состарился онъ въ эти десять лѣтъ:—посѣдѣли волосы, типически русское выраженіе его лица стало еще сильнѣе; простота, добродушіе ребенка во всѣхъ пріемахъ, во всѣхъ словахъ. На другой день мы ходили съ нимъ въ National Gallery, потомъ пошли вмѣстѣ обѣдать. Ивановъ былъ задумчивъ, тяжелая мысль сквозила даже въ его улыбкѣ. Послѣ обѣда онъ сталъ разговорчивѣе и, наконецъ, сказалъ:

— „Да, вотъ что меня тяготитъ, съ чѣмъ я не могу сладить:—я утратилъ ту религіозную вѣру, которая мнѣ облегчала работу, жизнь, когда вы были въ Римѣ. Часто поминалъ я наши разговоры,—вы правы!—Да что мнѣ отъ этого, что отъ этого искусству! Миръ души разстроился, сыщите мнѣ выходъ, укажите идеалы!

— „Событія, которыми мы были окружены, навели меня на рядъ мыслей, отъ которыхъ я не могъ больше отдѣлаться; годы цѣлые занимали онѣ меня и когда онѣ начали становиться яснѣе, я увидѣлъ, что въ душѣ *нѣтъ больше вѣры*. Я мучаюсь о томъ, что не могу формулировать искусствомъ, не могу воплотить мое новое воззрѣніе, а до стараго касаться

я считаю преступнымъ, — прибавилъ онъ съ жаромъ.— Писать безъ вѣры религіозныя картины—это безнравственно, это грѣшно! Я не надивлюсь на французовъ и на итальянцевъ: разбирая по камнямъ католическую церковь, они на перехватъ пишутъ картины для ея стѣнъ. Этого я не могу, нѣтъ, никогда, никогда! Мнѣ предлагали главное завѣдываніе живописными работами въ новомъ соборѣ. Мѣсто, которое доставило бы и славу, и матеріальное обезпеченіе; я думалъ, думалъ, да и отказался,—что же я буду въ своихъ глазахъ, войдя безъ вѣры въ храмъ и работая въ немъ съ сомнѣніемъ въ душѣ? Лучше остаться бѣднякомъ и не брать кисти въ руки!

— „Хвала русскому художнику, безконечная хвала!—сказалъ я со слезами на глазахъ и бросился обнимать Иванова.

— „Не знаю,—сыщете ли вы формы вашимъ идеаламъ, но вы подаете не только великій примѣръ художникамъ, но даете свидѣтельство о той непочатой, цѣльной натурѣ русской, которую мы знаемъ чутьемъ, о которой догадываемся сердцемъ и за которую мы такъ страстно любимъ Россію, такъ горячо надѣемся на ея будущность!“

„Сими словами,—такъ заканчивается некрологъ:—и заключимъ надгробную скорбь нашу объ истиномъ художникѣ русскомъ“ [1]).

Слѣды дружескихъ отношеній Герцена къ Иванову остались въ перепискѣ Тургенева съ Герценомъ. Герценъ въ письмахъ къ Тургеневу, бывшему тогда въ Римѣ и видавшемуся съ Ивановымъ, рекомендовалъ какую-то книгу для Иванова. Тургеневъ по этому поводу пишетъ Герцену [2]):

„Ты пишешь, что рекомендуешь Иванову книгу, а какую именно,—осталось у тебя въ чернильницѣ“.

Некрологъ Герцена является чрезвычайно цѣннымъ дополненіемъ къ воспоминаніямъ Тургенева объ Ивановѣ. Несмотря на глубоко сочувственный тонъ, въ которомъ написаны воспоминанія Тургенева, на массу интересныхъ подробностей, наглядно рисующихъ *внѣшній* обликъ Иванова, для читателей, незнакомыхъ съ некрологомъ Герцена, Ива-

[1]) „Выѣзжая изъ Рима, Ивановъ послалъ мнѣ фотографію съ своей картины; она залежалась въ Парижѣ и пришла ко мнѣ вмѣстѣ съ вѣстью о его кончинѣ“. (Прим. А. И. Герцена).

[2]) Письмо отъ 7-го янв. 1858 г.

новъ остается загадочнымъ мистикомъ-чудакомъ, хорошимъ, но „свихнувшимся“ человѣкомъ. Ивановъ былъ для Герцена родственной душой по своей глубокой искренности, по страстному мучительному исканію правды, и поэтому понятна та глубокая симпатія великаго публициста въ Иванову, которая такъ ярко выразилась въ некрологѣ. Читателю дѣлается яснымъ, почему картина Иванова осталась неоконченной, становится понятнымъ весь мучительный процессъ, пережитый художникомъ, начавшимъ свою картину подъ наитіемъ свѣтлой младенческой вѣры и пришедшимъ въ концѣ своей работы къ суровому раціонализму.

III.

Если въ лицѣ Иванова Герценъ проводилъ въ могилу искренняго и талантливаго русскаго художника, съ которымъ его связывало общее имъ обоимъ неутомимое и неуклонное исканіе истины, то въ лицѣ М. С. Щепкина онъ терялъ близкаго друга, съ которымъ у него были связаны лучшія воспоминанія молодости. Со Щепкинымъ Герценъ познакомился въ декабрѣ 1839 г. у Кетчера. Въ письмѣ къ женѣ (11 декабря 1839 г.) Герценъ, между прочимъ, сообщаетъ:

„У Кетчера провелъ время хорошо: тамъ познакомился съ извѣстнымъ актеромъ Щепкинымъ и хохоталъ, какъ безумный, отъ его дара разсказывать анекдоты“ [1]).

Но болѣе тѣсно Герценъ сошелся со Щепкинымъ лишь послѣ своего переселенія въ Москву.

„Въ 1842 г.,—говоритъ біографъ Грановскаго, г. Станкевичъ:—переселился въ Москву изъ Новгорода А. И. Герценъ. Живой, умный, разнообразно образованный, полный интересовъ научныхъ и общественныхъ, даровитый и остроумный, онъ соединялъ въ себѣ все, что дѣлало его бесѣду и сообщество привлекательнымъ и живительнымъ для Грановскаго и друзей его. Тѣсный кружокъ друзей собирался часто вмѣстѣ. Каждый изъ нихъ много читалъ. Всякое значитель-

[1]) Е. Некрасова. „Связка писемъ А. И. Герцена“. Сѣверн. Вѣстн. 1895, кн. 7, стр. 200.

ное явленіе, къ какой бы области знанія, искусства, литературы ни принадлежало оно, было извѣстно одному изъ нихъ. Прочтенное и узнанное въ спорахъ и бесѣдахъ дѣлалось общимъ достояніемъ друзей. Рядомъ съ веселой бесѣдой, шутками и остротами, друзья обмѣнивались мнѣніями, мыслями, новостями. Въ частыхъ бесѣдахъ обобщались ихъ понятія и мнѣнія. Въ этомъ кружкѣ образованныхъ и одушевленныхъ живыми интересами людей нерѣдко появлялись замѣчательнѣйшіе и даровитѣйшіе изъ нашихъ литераторовъ и артистовъ. Частымъ гостемъ бывалъ въ немъ *М. С. Щепкинъ,* находившій здѣсь пищу своимъ артистическимъ интересамъ и своему обширному уму, воспріимчивому до послѣднихъ дней его старости" [1]).

Г-жа Головачова въ своихъ воспоминаніяхъ также указываетъ на близость Щепкина къ кружку Герцена:

„Почти каждый вечеръ,—говоритъ она:—всѣ собирались вмѣстѣ большею частью у Герцена. *Щепкинъ* былъ постояннымъ собесѣдникомъ въ этомъ кружкѣ. Разъ онъ не явился къ Герцену, и Кетчеръ отправился за нимъ; оказалось, что Щепкинъ уѣхалъ въ баню; Кетчеръ притащилъ его изъ бани, краснаго, какъ ракъ.

„За ужиномъ Щепкина всегда просили разсказать что-нибудь изъ его молодости, когда онъ еще былъ провинціальнымъ актеромъ и служилъ у антрепренеровъ. Между прочимъ, Щепкинъ разсказалъ однажды печальную исторію одной молоденькой актрисы и этотъ разсказъ послужилъ Герцену сюжетомъ для повѣсти „Сорока воровка" [2]).

Изъ писемъ Боткина къ Анненкову видно, что 3-е изъ знаменитыхъ „Писемъ изъ Avenue Marigny" Герцена, появившихся въ 1847 г. въ „Современникѣ", трактующее о французскомъ театрѣ, было адресовано Герценомъ къ Щепкину [3]).

Самъ Герценъ въ „Быломъ и Думахъ" съ большой теплотой воспоминаетъ о Щепкинѣ:

„Лѣто 1845 г.,—пишетъ Герценъ:—мы жили на дачѣ въ Соколовѣ... Прекрасно мы провели тамъ время. Никакое серьезное облако не застилало лѣтняго неба; много работая

---

[1]) А. Станкевичъ. „Грановскій". т. I (изд. 2-е), стр. 120.
[2]) А. К. Головачова-Папаева. Воспоминанія. 1890, стр. 165.
[3]) П. В. Анненковъ и его друзья. Т. I, стр. 540.

и много гуляя, жили мы въ нашемъ паркѣ. К(етчеръ) меньше ворчалъ, хотя иной разъ и случалось ему забирать брови очень высоко и говорить крупныя рѣчи съ сильной мимикой. Грановскій и Е (Коршъ) пріѣзжали почти всякую недѣлю въ субботу и оставались ночевать, и иногда уѣзжали ужъ въ понедѣльникъ. М. С. Щ(епкинъ) нанималъ неподалеку другую дачу. Часто приходилъ и онъ пѣшкомъ, въ шляпѣ съ широкими полями и въ бѣломъ сюртукѣ, какъ Наполеонъ въ Лонгвудѣ, съ кузовкомъ набранныхъ грибовъ, шутилъ, пѣлъ малороссійскія пѣсни и морилъ со смѣху своими разсказами, отъ которыхъ, я думаю, самъ Іоаннъ Кручинникъ, точившій всю жизнь слезы о грѣхахъ міра сего, сталъ бы ихъ точить отъ хохота".

Некрологъ Щепкина въ „Колоколѣ" интересенъ, какъ мы уже сказали, не только потому, что онъ посвященъ великому артисту, но также и потому, что въ немъ разсказана любопытная страничка изъ жизни самого Герцена.

„Пустѣетъ Москва,—писалъ Герценъ въ некрологѣ Щепкина:—и патріархальное лицо Щепкина исчезло.., а оно было крѣпко вплетено во всѣ воспоминанія нашего московскаго круга. Четверть столѣтія старше насъ, онъ былъ съ нами на короткой дружеской ногѣ родного дяди или старшаго брата. Его всѣ любили безъ ума: дамы и студенты, пожилые люди и дѣвочки. Его появленіе вносило покой, его добродушный упрекъ останавливалъ юные споры, его кроткая улыбка любящаго старика заставляла улыбаться, его безграничная способность извинять другого, находить облегчающія причины—была школой гуманности.

„И притомъ онъ былъ великій артистъ. Артистъ по призванію и по труду. Онъ создалъ *правду* на русской сценѣ, онъ первый сталъ *нетеатраленъ* на театрѣ, его воспроизведенія были безъ малѣйшей фразы, безъ аффектаціи, безъ шаржа: лица, имъ созданныя, были Теньеровскія, Остадовскія. . . . . . .

„Щепкинъ и Мочаловъ безъ сомнѣнія два лучшихъ артиста изо всѣхъ видѣнныхъ мною въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ и на протяженіи всей Европы. Оба принадлежатъ къ тѣмъ *намекамъ* на сокровенныя силы и возможности русской натуры, которыя дѣлаютъ незыблемой нашу вѣру въ будущность Россіи.

„Въ разборъ таланта и сценическаго значенія Щепкина, мы не войдемъ, замѣтимъ только, что онъ былъ вовсе не похожъ на Мочалова. Мочаловъ былъ человѣкъ порыва, не приведеннаго въ покорность и строй вдохновенія: средства его не были ему послушны, скорѣе онъ имъ. Мочаловъ не работалъ, онъ зналъ, что его иногда посѣщаетъ какой-то духъ, превращавшій его въ Гамлета, Лира или Карла Моора, и поджидалъ его..., а духъ не приходилъ, и оставался актеръ, дурно знающій роль. Одаренный необыкновенной чуткостью и тонкимъ пониманіемъ всѣхъ оттѣнковъ роли, Щепкинъ, напротивъ, страшно работалъ и ничего не оставлялъ на произволъ минутнаго вдохновенія. Но роль его не была результатомъ одного изученія. Онъ также мало былъ похожъ на Каратыгина, этого лейбъ-гвардейскаго трагика, далеко не безталаннаго, но у котораго все было до того заучено, выштудировано и приведено въ строй, что онъ по темпамъ закипалъ страстью, зналъ церемоніальный маршъ отчаянія и, правильно убивши кого надобно,—мастерски дѣлалъ „на погребеніе“. Игра Щепкина, вся отъ доски до доски, была проникнута теплотой, наивностью; изученіе роли не стѣсняло ни одного звука, ни одного движенія, а давало имъ твердую опору и твердый грунтъ.

„Но, вѣроятно, о талантѣ Щепкина и о его значеніи будетъ у насъ довольно писано. Мнѣ хочется разсказать мою послѣднюю встрѣчу съ нимъ.

„Осенью 1853 г. я получилъ письмо изъ Парижа, что такого-то числа Щепкинъ ѣдетъ въ Лондонъ черезъ Булонь. Я испугался отъ радости... Въ образѣ свѣтлаго старика выходила молодая жизнь изъ-за гробовъ; весь московскій періодъ...

„Ждать я не могъ и утромъ въ день его пріѣзда отправился съ экспрессомъ въ Фокстонъ.

„Что-то онъ мнѣ разскажетъ, какія вѣсти привезетъ, какіе поклоны, какія подробности, чьи шутки, рѣчи... *Тогда* я еще такъ многихъ любилъ въ Москвѣ!

„Когда пароходъ подошелъ къ берегу, толстая фигура Щепкина въ сѣрой шляпѣ, съ дубиной въ рукахъ, такъ и вырѣзалась, я махнулъ ему платкомъ и бросился внизъ. Полицейскій меня не пускалъ, я оттолкнулъ его и такъ весело посмотрѣлъ, что онъ улыбнулся и кивнулъ головой,

а я сбѣжалъ на палубу и бросился на шею старика. Онъ былъ тотъ же, какъ я его оставилъ, съ тѣмъ же добродушнымъ видомъ, жилетъ и лацканы на пальто такъ же въ пятнахъ, точно будто сейчасъ шелъ изъ Троицкаго трактира къ Сергѣю Тимоѳеевичу Аксакову.

„— Экъ, куда его принесло! Это ты пріѣхалъ этакую даль встрѣчать?—сказалъ онъ мнѣ сквозь слезы.

„Мы поѣхали вмѣстѣ въ Лондонъ; я разспрашивалъ его подробности, мелочи о друзьяхъ, мелочи, безъ которыхъ лица перестаютъ быть живыми и остаются въ памяти крупными очерками, профилями. Онъ разсказывалъ вздоръ, мы хохотали со слезами въ голосѣ.

„Когда улеглось нервное раздраженіе, я мало-по-малу замѣтилъ что-то печальное, будто какая-то затаенная мысль мучила честное выраженіе его лица. И дѣйствительно, на другой день мало-по-малу разговоръ склонился на типографію, и Щепкинъ сталъ мнѣ говорить о тяжеломъ чувствѣ, съ которымъ въ Москвѣ была принята сначала моя эмиграція, потомъ моя брошюра „Du developpement des idées revolutionaires“ и, наконецъ, лондонская типографія.

„— Какая можетъ быть польза отъ вашего печатанія?— вы сгубите бездну народу, сгубите вашихъ друзей...

„— Однако-жъ, Михаилъ Семеновичъ, до сихъ поръ Богъ миловалъ, и изъ-за меня никто не попался.

„Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ, я видѣлъ ясно, что это *не только* личное мнѣніе Щепкина; еслибъ оно было такъ,—въ его словахъ не было бы того императивнаго тона.

„Разговоръ этотъ для меня очень замѣчателенъ, въ немъ слышны первые звуки *московскаго консерватизма*, не въ кругѣ Сергѣя Михайловича Голицына, праздныхъ помѣщиковъ, праздныхъ чиновниковъ, а въ кругѣ образованныхъ людей, литераторовъ, артистовъ, профессоровъ. Я слышалъ въ первый разъ это мнѣніе, выраженное такимъ образомъ; оно меня поразило, хотя я тогда былъ очень далекъ, чтобы понять, что изъ него впослѣдствіи разовьется то упрямоконсервативное направленіе, которое изъ Москвы сдѣлало въ самомъ дѣлѣ Китай-городъ“.

„— Александръ Ивановичъ,—сказалъ Щепкинъ, вставая и прохаживаясь въ волненіи по комнатѣ:—вы знаете, какъ я васъ люблю, и какъ всѣ наши васъ любятъ... Я вотъ, на

старости лѣтъ, не говоря ни слова по-англійски, пріѣхалъ посмотрѣть на васъ въ Лондонъ. Я сталъ бы на свои старыя колѣни передъ тобой, сталъ бы просить тебя остановиться, пока есть время.

„— Что же вы, Михаилъ Семеновичъ, и ваши друзья хотите отъ меня?

„— Я говорю за одного себя, и прямо скажу: по-моему, поѣзжай въ Америку, ничего не пиши, дай себя забыть, и тогда года черезъ два-три мы начнемъ работать, чтобъ тебѣ разрѣшили въѣздъ въ Россію.

„Мнѣ было безконечно грустно, я старался скрыть боль, которую производили на меня эти слова, жалѣя старика, у котораго были слезы на глазахъ. Онъ продолжалъ развивать заманчивую картину счастья снова жить въ Россіи, но, видя, что я не отвѣчаю, спросилъ:

„— Не такъ ли, Александръ Ивановичъ?

„— Не такъ Михаилъ, Семеновичъ. Я знаю, что вы меня любите и желаете мнѣ добра. Мнѣ больно васъ огорчить, но обманывать я васъ не могу...

„Къ разговору этому мы не возвращались. Только передъ отъѣздомъ въ амбаркадерѣ онъ грустно сказалъ, качая головой:

„— Много, много радости вы у меня отняли вашимъ упрямствомъ!

„— Михаилъ Семеновичъ, оставьте каждаго идти своей дорогой, тогда, можетъ, иной и придетъ куда-нибудь.

„Онъ уѣхалъ; но неудачное посольство его все еще бродило въ немъ, и онъ, любя сильно, сильно сердился и, выѣзжая изъ Парижа, прислалъ мнѣ грозное письмо. Я прочиталъ его съ той же любовью, съ которой бросился ему на шею въ Фокстонѣ, и—*пошелъ своей дорогой...*“

Герценъ заканчиваетъ некрологъ Щепкина грустнымъ вопросомъ:

„... А какъ потухала его жизнь?.. Декораціи, актеры и самая пьеса еще разъ измѣнились... Что дѣлалъ старикъ, дожившій съ одной стороны до осуществленія своей вѣчной мечты объ освобожденіи крестьянъ, что дѣлалъ онъ въ средѣ пресыщеннаго либерализма, окруженный измѣнниками своей юности, своихъ благороднѣйшихъ стремленій, рукоплескаю-

щими возгласамъ Писемскаго и статьямъ „Московскихъ Вѣдомостей?..“

Какою болью сжалось бы сердце Герцена, если бы онъ узналъ, при какой обстановкѣ „потухла жизнь“ великаго артиста! Объ этомъ имѣется любопытная страничка въ интересномъ разсказѣ Н. П. Вагнера (Кота-Мурлыки) „Дубовая Кора“ [1]).

Г. Вагнеръ разсказываетъ, какъ въ 1863 г. ему пришлось увидать М. С. Щепкина въ Таганрогѣ на пароходѣ. Щепкинъ тогда уже былъ настолько боленъ, что съ трудомъ ходилъ. Въ Ялтѣ Щепкинъ высадился на берегъ, и за нимъ была прислана коляска богача Б—ва. Г. Вагнеръ, который не могъ безъ чувства глубокаго состраданія смотрѣть на мученія больного старика, уѣхалъ изъ Ялты успокоенный, думая, что въ домѣ богача Б—ва Щепкинъ найдетъ должный уходъ и заботливость.

Черезъ мѣсяцъ г. Вагнеръ вернулся въ Ялту и, остановившись въ мѣстной дрянной гостинницѣ, встрѣтился съ своимъ знакомымъ Николаемъ Ивановичемъ Пазриковымъ. Г. Вагнеръ спросилъ своего знакомаго: не знаетъ ли онъ чего-нибудь о Щепкинѣ?

Знакомый г. Вагнера заволновался

— Умеръ! — отвѣтилъ онъ коротко и рѣзко, и тутъ же вскочилъ со стула и началъ размахивать руками.—Нѣтъ! Вы представьте себѣ, каковы эти господа!

— Да кто такой? Что такое? Вѣдь его увезъ къ себѣ Б.?

— Ну, да, на одну ночь.

— Какъ на одну ночь?

— Такъ-съ. Вѣдь, вы знаете, привезли его больного, едва живого.

— Ну, да. Я самъ ѣхалъ съ нимъ на пароходѣ.

— Ну, вотъ! Привезли, а Б. тотчасъ же пригласилъ его къ себѣ. Тамъ вѣдь у него, понимаете, комфортъ, роскошь, домъ—дворецъ, свой докторъ, своя аптека. Ну-съ, пріѣхалъ Михаилъ Семеновичъ, полежалъ, отдохнулъ, легче ему стало. Одышка отпустила, за обѣдомъ, знаете ли, разговорился, повеселѣлъ. Вечеромъ пріѣхали гости какіе-то. Ну, Б. сейчасъ же устроилъ для нихъ литературный вечеръ!—„Садись,

---

[1]) „Дубовая Кора“. „Вѣстникъ Европы“, 1888 г., № 12, стр. 619—638.

Михаилъ Семеновичъ, читай!“ Дали ему второй томъ „Мертвыхъ Душъ“. Бѣдный старикъ читалъ добросовѣстно, какъ и всегда,—всю душу вложилъ въ дѣло. Читалъ онъ до двѣнадцати часовъ, а тамъ задохнулся, заохалъ, застоналъ, и его увели, уложили, позвали доктора. Докторъ немного поговорилъ съ нимъ и ушелъ, а на другой день говоритъ хозяину:—Онъ вѣдь очень плохъ и можетъ вдругъ умереть!—Какъ!?—хозяева ужасно перепугались.—Какъ, у насъ умереть? У насъ въ домѣ?—Хозяйка кричитъ:—Ахъ! Я такъ боюсь мертвецовъ! Нельзя ли какъ-нибудь...—И вотъ, ничего худого не говоря, живо велѣли заложить карету и вмѣстѣ съ докторомъ отправили умирающаго въ Ялту. А? Какъ вамъ это нравится?

— Что же они? „Мертваго тѣла“ испугались?

— Да-съ. Испугались. Нѣтъ, вы преставьте себѣ! Самъ пригласилъ къ себѣ жить. Пріѣзжаетъ больной, съ дороги. Вѣдь, чтобы догадаться, послать за докторомъ, осмотрѣть, дать хоть бы первый день отдохнуть... Вѣдь, по человѣчеству, не правда ли? Нѣтъ, читать заставили!

— И что же, онъ скоро умеръ?

— Позвольте! Сейчасъ разскажу. Привезли его сюда и положили вотъ здѣсь, въ этой самой комнатѣ, на солнцѣ,—и онъ показалъ на одно изъ оконъ нижняго этажа гостинницы. Номера на другой-то половинѣ дороже... Но вы послушайте, какъ несчастный скончался... Вѣдь это ужасно! И въ этой исторіи часть инициативы принадлежитъ вашей тетушкѣ Н. С... Эта госпожа устроила балъ по подпискѣ въ номерахъ этой гостинницы наверху, какъ разъ надъ тѣмъ номеромъ, гдѣ лежалъ умирающій.

— Да что же, развѣ другого мѣста въ городѣ не было? замѣтилъ я.

— Было! Да если бы даже и не было, то вы поймите, что изъ одного того, чтобы не безпокоить умирающаго, должно было отказаться отъ бала. Нѣкоторые такъ и сдѣлали. И вѣдь ей говорили, ее усовѣщали!

— Что же она?

— Ничего-съ! „Михаилу Семеновичу,—говоритъ:—веселѣе будетъ, когда мы здѣсь танцовать будемъ!“ Каково?!

— Ну, и устроила?

— Ну, и устроила!

— Хорошо общество!—сказалъ я, пожимая плечами.

— Нѣтъ! Скажите: хорошъ этотъ Б., сплавляющій „мертвое тѣло“ отъ себя подальше, и эта безшабашная „львица“ устраивающая пиръ надъ умирающимъ человѣкомъ.

— Что же? спросилъ я:—и танцовали?

— Какъ же!.. Всѣ эти, съѣхавшіяся со всѣхъ концовъ Россіи, важныя особы обоего пола, всѣ плясали до упаду.

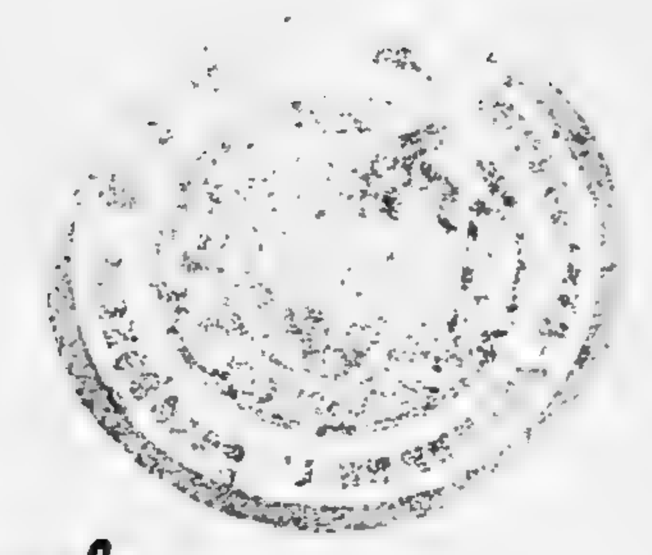
— А больной?

— Умирающій!—поправилъ Николай Ивановичъ. — Что же, поневолѣ терпѣлъ, хоть и было невтерпежъ. Ваша тетушка попляшетъ наверху, попляшетъ какую-нибудь кадриль или польку и сбѣжитъ внизъ къ Михаилу Семеновичу прохладиться. „Ну, что, Михаилъ Семеновичъ? Какъ вамъ? Немножко получше? Да?“ Ну, а онъ, несчастный, едва лепечетъ, стонетъ, задыхается. Она поправитъ у него подушку, дастъ лѣкарство, повертится, помашетъ вѣеромъ... Заиграютъ наверху, и она опять наверхъ. Пригласили, знаете ли, военный оркестръ, выписанный изъ Ливадіи. Трубы дудятъ, барабаны грохочутъ, вся гостиница ходуномъ ходитъ, дрожитъ, и все это надъ Щепкинымъ, въ его послѣднія минуты...

— Что-жъ, онъ такъ и умеръ?

— На разсвѣтѣ скончался, когда разъѣзжаться стали...

Такъ умиралъ другъ Герцена и Шевченко, Грановскаго и Гоголя, великій артистъ, давшій столько художественныхъ наслажденій русскому обществу...

III. Герценъ и Тургеневъ.

(1842—1870).

I.

Знакомство Герцена съ Тургеневымъ, судя по письму послѣдняго къ Ханыкову [1]), относится къ началу 40-хъ годовъ, когда Герценъ (1842) переселился изъ Новгорода въ Москву, куда въ началѣ 1842 года прибылъ и Тургеневъ, попытавшійся тогда держать при московскомъ университетѣ экзаменъ на степень магистра философіи [2]).

Въ томъ-же 1842 г. Тургеневъ переѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ близко сходится съ Бѣлинскимъ [3]), съ которымъ былъ друженъ Герценъ. Но до отъѣзда Тургенева заграницу, куда онъ выѣхалъ почти одновременно съ Герценомъ (въ январѣ 1847 г.) особенной близости между Герценомъ и Тургеневымъ, кажется, не было. Кое-какія свѣдѣнія о совмѣстномъ пребываніи Герцена и Тургенева заграницей въ 1847—48 гг. можно найти въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ обоихъ писателей, а также въ перепискѣ П. В. Анненкова.

Въ февралѣ 1847 г. Боткинъ пишетъ Анненкову изъ Москвы: „Не знаю извѣстно-ли вамъ, что Тургеневъ находится въ Берлинѣ; Герценъ его тамъ видѣлъ, а объ дальнѣйшихъ его похожденіяхъ ничего не знаю, хотя онъ мнѣ и говорилъ, что будетъ въ Парижѣ“ [4]). Въ Берлинъ Тургеневъ отправился съ цѣлью проводить семью M-me Віардо, дававшей тогда концерты въ Германіи [5]). Вскорѣ онъ возвращается въ Парижъ, гдѣ и поселяется на нѣкоторое время.

---

[1]) Ежемѣсячныя сочиненія, 1901 г., № 12, стр. 307.

[2]) Ивановъ. „И. С. Тургеневъ“, стр. 51.

[3]) Ibid., стр. 61.

[4]) П. В. Анненковъ и его друзья. Т. I, стр. 531.

[5]) „И. С. Тургеневъ. Неизданныя письма“. Москва, 1900 г., стр. VIII.

Тургеневъ въ то время былъ почти безъ средствъ, благодаря ссорѣ съ матерью, и въ эту эпоху его жизни литературный заработокъ являлся для него едва-ли не единственнымъ источникомъ дохода. Особенно тяжело было его финансовое положеніе въ 1847—48 гг., когда постоянное тягостное безденежье вынудило его воспользоваться любезнымъ предложеніемъ семьи Віардо. Тургеневъ провелъ цѣлую зиму (?) въ имѣніи Віардо „Куртавенель".—„Здѣсь,—говорилъ онъ впослѣдствіи Фету:—не имѣя средствъ жить въ Парижѣ, я провелъ всю зиму (?) въ полномъ одиночествѣ, питаясь бульономъ изъ курицы и яичницей, которые мнѣ готовила старая служанка. Здѣсь, чтобы заработать себѣ денегъ, я написалъ большую часть „Записокъ охотника" [1]).

Кромѣ дома Віардо, Тургеневъ часто навѣщалъ жившую тогда въ Парижѣ г-жу Языкову [2]), постоянными посѣтителями которой были также Бакунинъ и Герценъ.

О пребываніи Герцена въ Парижѣ въ 1848—49 гг. имѣются любопытныя воспоминанія австрійскаго журналиста Густава Раша, напечатанныя въ „Neue Freie Presse" вскорѣ послѣ смерти Герцена [3]).

„Я познакомился съ Александромъ Герценомъ,—говоритъ Рашъ:—въ декабрѣ 1848 года въ домѣ Гервега. Въ то время Герценъ былъ еще статнымъ мужчиной, лѣтъ тридцати пяти, съ изящными и привѣтливыми пріемами, съ богатымъ запасомъ научнаго образованія. Герценъ въ то время обладалъ значительнымъ состояніемъ, дававшимъ ему около пятнадцати тысячъ годового дохода. Домъ его, который онъ пріобрѣлъ

---

[1]) А. Фетъ. „Мои воспоминанія". Т. I, стр. 158. Весьма вѣроятно, что Фетъ по забывчивости неточно передалъ слова Тургенева, ибо Тургеневъ провелъ въ Куртавенелѣ не *зиму*, а *лѣто* 1849 г. (іюнь—августъ). Не совсѣмъ вѣрно, что большинство „Записокъ охотника" были написаны во время этого пребыванія Тургенева въ Куртавенелѣ, ибо *тринадцать* разсказовъ („Хорь и Калинычъ", „Каратаевъ", Ермолай и мельничиха", „Радиловъ", „Овсяпниковъ", „Льговъ", „Бурмистръ", „Контора", „Малиновая вода", „Уѣздный лекарь", „Бирюкъ", „Лебедянь" и „Татьяна Борисовна")—были напечатаны въ „Современникѣ" въ 1847—48 гг., т. е. еще до пребыванія Тургенева въ Куртавенелѣ. Подробнѣе объ этомъ періодѣ жизни Тургенева см. „И. С. Тургеневъ. Неизданныя письма" Москва, 1900 г., стр. 7—105.

[2]) И. С. Тургеневъ. „Неизд. письма", стр. IX.

[3]) См. „Недѣля", 1870 г., стр. 181.

въ одной изъ аллей Енисейскихъ полей, былъ открытъ изгнанникамъ самыхъ различныхъ національностей: тамъ можно было встрѣтить нѣмцевъ, итальянцевъ, румынъ, сербовъ, венгровъ. Каждый день столъ накрывался на двадцать приборовъ для бѣдняковъ, которые садились за него, быть можетъ, потому, что у нихъ не было средствъ пообѣдать въ ресторанѣ. Чтобы получить доступъ въ домъ Герцена, не нужно было никакой рекомендаціи, никакихъ представленій. На вспомоществованіе этимъ изгнанникамъ Герценъ истратилъ въ 1848 и 1849 гг. нѣсколько тысячъ. Черезъ мои руки прошли значительныя суммы, которыя онъ выдавалъ мнѣ для вѣнскихъ эмигрантовъ, которыхъ онъ зналъ только по имени, при чемъ я не имѣлъ даже права, при передачѣ этихъ суммъ по назначенію, сказать, отъ кого онѣ идутъ. Многіе содержались исключительно на его счетъ; жены двухъ австрійскихъ эмигрантовъ разрѣшились отъ бремени въ его домѣ, потому что дома у нихъ не было для этого надлежащихъ удобствъ. Герценъ жилъ вмѣстѣ съ своей матерью. Кто изъ насъ не помнитъ его кроткой красавицы жены, которая нѣсколько лѣтъ спустя умерла? Старшій его сынъ былъ глухо-нѣмой [1]), но отецъ и мать тѣмъ болѣе любили его вслѣдствіе этого. Извѣстный нѣмецкій писатель Фридрихъ Каппъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи нотаріусомъ въ Нью-Іоркѣ, явился въ то время изгнанникомъ въ Парижъ. Не имѣя никакого состоянія, онъ очутился въ чужомъ городѣ, въ самомъ безвыходномъ положеніи. Герценъ познакомился съ нимъ, предложилъ ему мѣсто гувернера при своихъ дѣтяхъ, чтобы не оскорбить его предложеніемъ простой денежной помощи. Каппъ переѣхалъ въ домъ Герцена и жилъ въ немъ, не неся собственно въ отношеніи дѣтей никакихъ обязанностей. Единственной его обязанностью было—ходить съ ними гулять, такъ какъ по всѣмъ предметамъ имъ преподавали учителя. Я бы могъ привести о Герценѣ не одну черту подобнаго рода“.

Во время жизни Герцена въ Парижѣ, Тургеневъ былъ своимъ человѣкомъ въ домѣ Герцена, принимая участіе во всѣхъ горестяхъ и радостяхъ семьи друга. Герценъ, въ свою очередь, съ теплой дружбой относился къ Тургеневу.

[1]) Рашъ ошибается: старшій сынъ Герцена, Александръ, былъ совершенно здоровъ; рѣчь, очевидно, идетъ о второмъ сынѣ, Николаѣ, который, вмѣстѣ съ матерью Герцена, утонулъ на пароходѣ близъ Генуи.

Лѣтомъ 1840 г. въ Парижѣ свирѣпствовала холера, и Тургеневу пришлось въ легкой формѣ выдержать болѣзнь, чѣмъ, можетъ быть, и объясняется тотъ ужасъ, который онъ всегда испытывалъ впослѣдствіи при однихъ слухахъ о появленіи холеры.

„И. Т(ургеневъ), — разсказываетъ Герценъ: — собирался ѣхать изъ Парижа, срокъ его квартиры окончился, онъ пришелъ ко мнѣ переночевать. Послѣ обѣда онъ жаловался на духоту, я сказалъ ему, что купался утромъ; вечеромъ пошелъ и онъ купаться. Возвратившись, онъ чувствовалъ себя нехорошо, выпилъ содовой воды съ виномъ и сахаромъ и пошелъ спать. Ночью онъ разбудилъ меня. „Я потерянный человѣкъ,—сказалъ онъ мнѣ:—холера!“ У него, дѣйствительно, были тошнота и спазмы; по счастью, онъ отдѣлался десятью днями болѣзни.

„Моя мать, схоронивъ свою знакомую, переѣхала въ villa D'Avray. Когда занемогъ (Тургеневъ), я отправилъ туда Natalie и дѣтей и остался одинъ съ нимъ, а когда ему стало гораздо легче, переѣхалъ и я туда“ [1]).

Въ Россіи распространился, было, слухъ о смерти Герцена отъ холеры.

„На-дняхъ распространился слухъ о твоей смерти,—писалъ Герцену Грановскій.—Когда мнѣ сказали объ этомъ, я готовъ былъ хохотать отъ всей души. Этого не доставало еще, а, впрочемъ, почему же и не умереть тебѣ? Вѣдь это не было бы глупѣе остального. Пока хорошо, что ты живъ. Есть о комъ съ любовью подумать. Поводомъ къ слухамъ о твоей смерти было твое письмо къ Е(вгенію) И(вановичу) [2]), гдѣ ты говоришь о припадкѣ холеры съ И. Т(ургеневымъ),— васъ смѣшали“ [3]).

Зимой 1848 г. опасно заболѣла дочь Герцена, и Тургеневъ,—по словамъ Герцена,—„приходилъ дѣлить мрачные часы“ тревожнаго ожиданія [4]).

Тургеневъ вмѣстѣ съ Герценомъ лихорадочно переживалъ событія 1848 г. Слѣды пережитыхъ тогда впечатлѣній сохранены въ двухъ очеркахъ Тургенева: „Человѣкъ въ

---

[1]) А. Герценъ. Сочиненія, т. VIII, стр. 261—262.

[2]) Коршу?

[3]) Грановскій, т. II, стр. 446.

[4]) Герценъ. Сочиненія, т. VIII, стр. 256.

сѣрыхъ очкахъ“ (изъ парижскихъ воспоминаній 1848 года) и „Наши послали!“ (эпизодъ изъ исторіи іюньскихъ дней 1848 г. въ Парижѣ). Для Герцена 1848 годъ былъ страшнымъ ударомъ, разрушившимъ его надежды на близкое торжество дорогихъ ему съ юности идеаловъ. Съ этого времени начинается его глубокое разочарованіе въ Западной Европѣ. Оцѣнка тогдашнихъ событій сдѣлана Герценомъ въ его знаменитой книгѣ: „Vom anderen Ufer“ (Съ того берега).

Тяжелые мѣсяцы переживалъ Герценъ послѣ іюньской бойни 1848 года. Знакомые и друзья мало-по-малу уѣзжали изъ Парижа, напуганные начинавшейся реакціей, и вокругъ Герцена начала образовываться гнетущая пустота. Осенью 1848 г. уѣхала въ Россію жившая вмѣстѣ съ Герценомъ знакомая семья Т. и Марья Ѳедоровна Коршъ. Герценъ въ „Быломъ и Думахъ“ такъ вспоминаетъ объ этомъ періодѣ:

„Т. жили въ томъ-же домѣ; М(арья) Ѳ(еодоровна) у насъ; А(нненковъ и Т(ургеневъ) приходили всякій день; но все глядѣло въ даль, кружекъ нашъ расходился. Парижъ, вымытый кровью, не удерживалъ больше; всѣ собирались ѣхать безъ особенной необходимости, вѣроятно, думая спастись отъ внутренней тягости, отъ іюньскихъ дней, вошедшихъ въ кровь и которые они везли съ собой.

„Зачѣмъ не уѣхалъ и я? Многое было бы спасено, и мнѣ не пришлось бы принести столько человѣческихъ жертвъ и столько самого себя на закланіе богу, жестокому и безпощадному“ [1]).

Въ это тяжелое для Герцена время Тургеневъ былъ постояннымъ посѣтителемъ семьи Герцена.

„Я дѣлаюсь,—писала Наталія Алекс. Герценъ Анненкову (12 ноября 1848 г.):—страшной эгоисткой: хотѣла-бы просто въ какомъ-нибудь уголкѣ Италіи жить и наслаждаться, и не думать ни о чемъ,—ужъ очень наболѣло! Съ семьей Гариса видаемся часто: то мы пойдемъ погрѣться у ихъ камина, то они придутъ погрѣться у нашего. Знаете, диваны по обѣимъ сторонамъ,—а по рединѣ у нихъ и у насъ лежитъ *Тургеневъ* на полу и полусоннымъ голосомъ спрашиваетъ: „А знаете еще вотъ эту игру?“. На-дняхъ какъ-то проговорили о васъ мы втроемъ,—я, Тургеневъ и Эмма,—почти весь вечеръ, и мнѣ такъ что-то стало жаль, что васъ нѣтъ“ [2]).

---

[1]) Герценъ. Сочиненія, т. VIII, стр. 242.

[2]) Анненковъ и его друзья, т. I, стр. 630.

Тургеневъ читалъ Герцену и женѣ его свои новыя произведенія, при чемъ Герценъ совѣтовалъ ему сдѣлать нѣкоторыя, несущественныя, впрочемъ, поправки въ его комедіи „Нахлѣбникъ". Тургеневъ писалъ по этому поводу Щепкину: „Вполнѣ согласенъ, что это—мелочь, и я устыдился бы писать о ней, если бы этого не потребовалъ Герценъ" [1]).

По поводу этой же комедіи Н. А. Герценъ писала Анненкову (6 декабря 1848 г.):

„Тургеневъ бѣдный боленъ безпрестанно; и онъ хотѣлъ писать вамъ, и все еще хочетъ. Если вы будете въ Москвѣ во время представленія его комедіи „Нахлѣбникъ" [2]), (которая мнѣ ужасно нравится!), напишите мнѣ эффектъ, слѣдствіе и проч., какъ на своихъ, такъ и на чужихъ" [3]).

При отъѣздѣ Анненкова осенью 1848 г. на родину былъ, между прочимъ, поставленъ вопросъ о возвращеніи Герцена въ Россію. [4])

„Я пошелъ къ (Анненкову),—говоритъ Герценъ въ „Быломъ и Думахъ":—онъ тоже ѣхалъ на-дняхъ; съ нимъ мы вмѣстѣ отправились гулять, улицы были скучнѣе чтенія газетъ, такая тоска"...

„— Пойдемте ко мнѣ обѣдать,—сказалъ я, и мы пошли.

„Вечеръ былъ безсвязенъ, глупъ.

„— Итакъ, рѣшено—спросилъ я А(нненкова), прощаясь.— Вы ѣдете въ концѣ недѣли?

„— Рѣшено.

„— Жутко вамъ будетъ въ Россіи.

„— Что дѣлать, мнѣ ѣхать необходимо; въ Петербургѣ я не останусь, уѣду въ деревню. Вѣдь, и здѣсь теперь не Богъ знаетъ какъ хорошо; какъ бы вамъ не пришлось раскаяться, что остаетесь?".

„Я тогда еще могъ возвратиться, корабли не были сожжены, французская полиція еще не писала своихъ доносовъ; но *внутри* дѣло было рѣшено. Слова А(нненкова), между тѣмъ, все-таки непріятно коснулись моихъ обнаженныхъ нервовъ..."

---

[1]) П. Гутьяръ. „Къ біографіи Тургенева" (Труды Оренбургской архивной коммиссіи).

[2]) Напечатана лишь въ 1857 г. въ „Современникѣ".

[3]) Анненковъ и его друзья, т. I, стр. 631.

[4]) Герценъ. Сочиненія, т. VIII, стр. 245.

Герценъ, очевидно, долго колебался передъ тѣмъ, какъ рѣшилъ окончательно остаться заграницей. Еще въ началѣ 1849 года онъ думалъ вернуться въ Россію.

„Герценъ еще въ Парижѣ,—писалъ Боткинъ Анненкову (изъ Москвы, 10 марта 1849 г.):—на-дняхъ писалъ, что онъ намѣревается будущимъ лѣтомъ воротиться и заняться хозяйствомъ“ [1]).

Въ русскомъ предисловіи къ „Съ того берега“ Герценъ говоритъ о своихъ дальнѣйшихъ планахъ. Это мѣсто русскаго предисловія очень важно въ томъ отношеніи, что здѣсь Герценъ едва-ли не впервые противопоставляетъ Россію—Европѣ и намѣчаетъ основныя точки той славянофильско-соціалистической программы, которую онъ исповѣдывалъ до конца своей жизни.

„Для русскихъ заграницей,—писалъ Герценъ:—есть еще другое дѣло. Пора дѣйствительно знакомить Европу съ Русью. Европа насъ не знаетъ, она знаетъ нашъ фасадъ и больше ничего; для этого знакомства обстоятельства превосходны, ей теперь какъ-то не идетъ гордиться и величаво завертываться въ мантію пренебрегающаго незнанія; Европѣ не къ лицу das vornehme Ignoriren Россіи съ тѣхъ поръ, какъ отъ Дуная до Атлантическаго океана она побывала въ осадномъ положеніи, съ тѣхъ поръ, какъ тюрьмы, галеры полны за убѣжденіе... Пусть она узнаетъ ближе народъ, котораго отроческую силу она оцѣнила въ боѣ, гдѣ онъ остался побѣдителемъ; раскажемъ ей объ этомъ мощномъ и неразгаданномъ народѣ, который въ тихомолку образовалъ государство въ шестьдесятъ милліоновъ, который такъ крѣпко и удивительно разросся, не утративъ общиннаго начала, и первый перенесъ его черезъ начальные перевороты государственнаго развитія; объ народѣ, который какъ-то чудно умѣлъ сохранить себя подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкихъ бюрократовъ; который сохранилъ величавыя черты, живой умъ и широкій разгулъ богатой натуры подъ гнетомъ крѣпостного состоянія и въ отвѣтъ на царскій приказъ образоваться—отвѣтилъ черезъ сто лѣтъ громаднымъ явленіемъ Пушкина. Пусть узнаютъ европейцы своего сосѣда, они его только боятся, надобно имъ знать, чего они боятся.

[1]) Анненковъ и его друзья, т. I, стр. 557.

„До сихъ поръ мы были непростительно скромны и, сознавая свое тяжкое положеніе безправія, забывали все хорошее, полное надеждъ и развитія, что представляетъ народная жизнь. Мы дождались нѣмца [1]) для того, чтобы рекомендоваться Европѣ. Не стыдно-ли?

„Успѣю-ли я что сдѣлать?... Не знаю,—надѣюсь!

„Итакъ, прощайте, друзья, надолго... давайте ваши руки, вашу помощь, мнѣ нужно и то, и другое" [2])...

II.

Первое изъ извѣстныхъ намъ писемъ Тургенева къ Герцену датировано: „31 іюля 1849 г. Парижъ".

„Виноватъ я передъ тобой, милый Герценъ,—пишетъ Тургеневъ:—долго къ тебѣ не писалъ, хотя часто вспоминаю о тебѣ; но я все это время провелъ въ деревнѣ [3]), въ совершенномъ уединеніи,—а уединеніе производитъ во мнѣ всякій разъ невыразимую лѣнь, которую на поэтическомъ языкѣ называютъ тишиной, погруженіемъ въ тишину и т. д.

„Однако, изрѣдка до меня долетали слухи о тебѣ и твоемъ семействѣ,—и теперь вотъ я, пріѣхавъ на два дня въ Парижъ, не хочу пропустить случая пожать тебѣ заочно руку и пожелать тебѣ и всѣмъ твоимъ всякаго блага и добра. Гдѣ то мы увидимся? Дѣла такой приняли оборотъ, что никакого рѣшительнаго отвѣта на этотъ вопросъ дать нельзя.

„Слышалъ я объ одномъ твоемъ намѣреніи,—и не хвалю тебя за то, за что тебя многіе хвалить будутъ, потому что сдѣлать это для тебя, такъ-же естественно, какъ выпить бутылку шампанскаго. Ты—славный малый, и я тебя очень люблю.

„Я опять на четыре недѣли уѣзжаю въ деревню охотиться,—что послѣ будетъ,—это знаетъ одинъ Всевышній. Я не думаю, чтобы ты остался въ Швейцаріи. Поклонись отъ меня твоей женѣ, Гервегу [4]) и пр. Я слышалъ, ты на-дняхъ сдѣ-

---

[1]) Герценъ имѣетъ въ виду барона Гакстгаузена и его книгу.

[2]) Герценъ. Сочиненія, т. V, стр. 7—15.

[3]) Въ имѣніи M-me Віардо, Куртавенель.

[4]) Георгъ Гервегъ (1817—1875 г.г.) нѣмецкій поэтъ.

Гервегъ, который былъ очень друженъ съ Герценомъ, сыгралъ

лалъ путешествіе по глетчерамъ. Напиши что-нибудь объ этомъ. Жму тебѣ крѣпко руку и остаюсь навсегда преданный тебѣ Тургеневъ“.

Слова Тургенева о „намѣреніи“ Герцена, очевидно, относятся къ рѣшенію послѣдняго заняться заграничнымъ издательствомъ.

Второе письмо Тургенева написано почти черезъ годъ послѣ перваго и датировано: „Парижъ, 22/10 іюня 1850 г.“

очень печальную роль въ жизни Герцена, увлекши его жену. Эта трагическая страница жизни великаго публициста разсказана имъ въ той части „Былого и Думъ“, которая до сихъ поръ не опубликована. Въ беллетрической формѣ этотъ эпизодъ разсказанъ въ романѣ г-жи Н. А. Таль (Наталіи Алек. Утиной), напечатанномъ въ 1-й половинѣ 80-хъ годовъ въ „Вѣстникѣ Европы“.

Нѣкоторыя намеки на пережитую Герценомъ трагедію сохранились, впрочемъ, въ опубликованныхъ частяхъ „Былого и Думъ“, гдѣ онъ съ глубокой горечью говоритъ о Гервегѣ:

Говоря о 1848—9 г.г., Герценъ замѣчаетъ:

„Число постороннихъ росло около насъ, и къ вечеру маленькая гостинная наша на Елисейскихъ поляхъ была полна чужими. Большею частью это были вновь пріѣхавшіе эмигранты, люди добрые и несчастные, но близокъ я былъ только съ однимъ человѣкомъ... *и зачѣмъ я былъ близокъ съ нимъ!*“ (Герценъ. Сочиненія. Т. VIII, стр. 344).

Вспоминая о своемъ восхожденіи съ Гервегомъ въ 1849 г. на Монте-Розу, Герценъ говоритъ:

„Какимъ натянутымъ риторомъ сочли бы меня, если бы я заключилъ эту картину Монте-Розы, сказавши, что средь этой бѣлизны, свѣжести и тишины, изъ двухъ путниковъ, потерянныхъ на этой выси и считавшихъ другъ друга близкими друзьями, *одинъ обдумывалъ черную измѣну?*“ (Ibid., стр. 350—351).

Говоря о ненормальномъ положеніи женщины въ современномъ строѣ, Герценъ вноситъ личную, страстную ноту въ свои разсужденія:

„Какую ширину, какое человѣчески-сильное и человѣчески-прекрасное развитіе надобно имѣть женщинѣ, чтобъ перешагнуть всѣ палисады, всѣ частоколы, въ которыхъ она поймана!

„Я видѣлъ одну борьбу, и одну побѣду“. (Соч. IX, 79).

Въ 1851 г. Наталья Александровна Герценъ возвратилась къ мужу. Въ „Быломъ и Думахъ“ (IX, 91) приведенъ отрывокъ ея письма къ Герцену, ярко характеризующій ея тогдашнее душевное настроеніе. „Я возвращаюсь,—писала она:—какъ корабль, въ свою родную гавань, послѣ бурь, кораблекрушеній и несчастій, сломанный, но спасенный“.

Въ томъ же 1851 г. страшное несчастье поразило Герцена и доканало и безъ того больную Наталью Александровну. Въ ноябрѣ утонулъ пароходъ, на которомъ ѣхалъ сынъ Герцена, Николай, и его мать. Ударъ этотъ сразилъ жену Герцена, и она вскорѣ умерла.

Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ періодѣ жизни Герцена можно найти у Анненкова (П. В. Анненковъ и его друзья. Т. I, стр. 67—68).

„Я пріѣхалъ,—пишетъ Тургеневъ:—изъ деревни, любезный Александръ, часъ спустя послѣ твоего отъѣзда; ты можешь себѣ представить, какъ мнѣ это было досадно; я бы такъ былъ радъ еще разъ съ тобой повидаться передъ возвращеніемъ въ Россію.

„Да, братъ, я возвращаюсь: всѣ вещи мои уложены и послѣ-завтра я покидаю Парижъ, и черезъ недѣлю, въ будущую субботу, сажусь на пароходъ въ Штетинѣ. Ты можешь быть увѣренъ, что всѣ твои письма и бумаги будутъ мною доставлены въ цѣлости, и хотя ты не удостоилъ меня даже извѣщеніемъ о мѣстѣ твоего пребыванія,—я исполню всѣ свои обѣщанія: буду высылать тебѣ книги и журналы на имя дѣвицы Эрнъ, какъ мы условились,—къ Ротшильду; я сегодня же зайду къ нему и извѣщу его объ этомъ.

„Богъ знаетъ, когда мнѣ придется тебѣ писать въ другой разъ; Богъ знаетъ, что меня ждетъ въ Россіи,—mais le vin est tiré, il faut le boire.—Въ случаѣ какого-нибудь важнаго обстоятельства, ты можешь извѣстить помѣщеніемъ въ объявленіяхъ „Journal des Débats“, que M-r Louis Morrisset de Caen и т. д. Я буду читать этотъ журналъ и пойму, что ты захочешь мнѣ сказать. Прощай, милый Герценъ, желаю тебѣ всѣхъ возможныхъ благъ; я отъ твоего имени обниму всѣхъ твоихъ друзей. Мы много будемъ говорить о тебѣ съ ними. Постараюсь также по тому же адресу доставить тебѣ свѣдѣнія объ Огаревѣ и т. д.

„Будь здоровъ и дѣйствуй по возможности. Крѣпко жму руку твоей женѣ и цѣлую твоихъ дѣтей. Мой поклонъ Гервегу и его женѣ. Еще разъ обнимаю тебя и остаюсь

Твой И. Тургеневъ“.

Лѣтомъ 1850 года Тургеневъ уѣхалъ въ Россію, гдѣ пробылъ до 1856 г., и на это время переписка между друзьями прекратилась. Положеніе корреспондентовъ за пять лѣтъ разлуки значительно измѣнилось. Оба писателя превратились въ литературныя звѣзды первой величины. За этотъ промежутокъ времени Герценомъ были изданы: „Съ того берега“ и „Письма изъ Франціи и Италіи“ (по-нѣмецки, въ 1850 г.), „Du developpement des idées“ (появилось по-нѣмецки въ 1851 г. въ „Deutsche Jahrbücher“ и въ томъ же году по-французски); письмо къ Мишле: „Le peuple russe et

le socialisme (1851); въ 1853 г. Герценомъ была основана въ Лондонѣ русская типографія и выпущены первые политическіе памфлеты на русскомъ языкѣ; въ 1854 г. появились „Письма къ Линтону“ по-англійски („Letters to W. Linton“) и первые отрывки изъ „Былого и Думъ“; въ 1855 г. была издана первая книга „Полярной Звѣзды“, а въ 1856 г. появились первыя двѣ книги „Голосовъ изъ Россіи“ и 2-я книга „Полярной Звѣзды“. Измѣнилось многое и въ личной жизни Герцена: въ 1852 г. умерла, горячо любимая имъ жена, Наталья Александровна, и ея смерти самъ Герценъ приписываетъ свои усиленные литературные труды, служившіе для него отвлекающимъ средствомъ отъ глубокой скорби, овладѣвшей имъ вслѣдствіе понесенной утраты.

Съ другой стороны, въ 1852 г. поялилось, отдѣльное изданіе „Записокъ охотника“ Тургенева, сразу поставившее его въ первые ряды русской литературы и произведшее громадное впечатлѣніе на русскую читающую публику. Въ 1850 г. былъ напечатанъ „Дневникъ лишняго человѣка“, въ 1852 г. знаменитый разсказъ „Муму“, который Карлейль называлъ наиболѣе трогательнымъ изъ произведеній всемірной литературы; въ 1854 г.—„Затишье“, и въ 1856 г. первый изъ крупныхъ общественныхъ романовъ Тургенева „Рудинъ“ въ которомъ былъ выведенъ общій пріятель Тургенева и Герцена, М. А. Бакунинъ. [1]).

Немедленно по пріѣздѣ въ 1856 г. заграницу Тургеневъ явился въ Лондонъ повидаться со старымъ другомъ. Между ними шли горячіе споры по вопросу о будущности Россіи; Герценъ являлся представителемъ своеобразнаго соціалистическаго славянофильства. Тургеневъ стоялъ на почвѣ прямолинейнаго западничества, какъ оно понималось въ тогдашней русской литературѣ и жизни. Споръ этотъ, въ сущности, былъ продолженіемъ старыхъ московскихъ и петербургскихъ споровъ, имѣвшихъ мѣсто въ 40-хъ годахъ въ кружкѣ Герцена и Бѣлинскаго. Герценъ рѣшилъ суммировать этотъ споръ въ отдѣльной статьѣ, озаглавленной: „Варіаціи на старыя темы“, и хотѣлъ посвятить статью Тургеневу, какъ главному и характерному представителю тогдашняго „западничества“. Въ виду неудобства полнаго

[1]) См. Письмо С. Аксакова къ Тургеневу, „Рус. Обозрѣніе“ 1894. дек., стр. 587 и „Иностр. крит. о Тургеневѣ“, отзывъ Шмидта, стр. 24.

посвященія, онъ хотѣлъ поставить лишь инициалы имени Тургенева: „посвящается И. С.“ (Ивану Сергѣевичу) и въ письмѣ къ Тургеневу по этому поводу шутливо замѣтилъ что если кто-либо изъ постороннихъ спроситъ его, кому посвящена статья, кто этотъ И. С.,—онъ отвѣтитъ: „Ипподромъ Сухозанетъ“ [1]).

Письмомъ, датированнымъ: „Куртавенель, 22 сентября 1856 г.“, начинается длинный рядъ писемъ Тургенева къ Герцену, относящихся къ эпохѣ 60-хъ годовъ.

„Что же ты никакой вѣсти о себѣ не даешь, любезный другъ?—пишетъ Тургеневъ.—Я все ждалъ письма и присылки твоей повѣсти, но, наконецъ, рѣшаюсь сказать два слова. Пріѣхалъ ли ты въ Путней и здоровъ ли ты, и здоровы ли всѣ вы? Я здѣсь живу въ деревнѣ и наслаждаюсь farniente и охотой. Плохо только то, что охота, за скудостью дичи, очень посредственная и погода прескверная. Кончилъ я твои мемуары во 2-й части „Полярной звѣзды“ [2]). Это прелесть,—и только остается сожалѣть о невѣрностяхъ въ языкѣ. Но ты непремѣнно продолжай эти разсказы: въ нихъ есть какая то мужественная и безыскуственная правда, и сквозь печальные ихъ звуки прорывается, какъ бы нехотя, веселость и свѣжесть. Мнѣ все это чрезвычайно понравилось,—и я повторяю свою просьбу—непремѣнно продолжать ихъ, не стѣсняясь ничѣмъ.

„Странное дѣло! Въ Россіи я уговаривалъ старика Аксакова продолжать свои мемуары [3]),—а здѣсь—тебя. И его, и твои мемуары—правдивая картина русской жизни, только на двухъ ея концахъ и съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Но земля наша не только велика и обильна,—но и широка—и обнимаетъ многое, что кажется чуждымъ другъ другу!

„Фетъ пріѣзжалъ сюда дня на два,—я ему далъ книжку его стиховъ и твой адресъ,—онъ перешлетъ ее тебѣ.

„Отзовись, пожалуйста;—а я, пріѣхавши въ Парижъ, буду писать тебѣ часто и толково; а здѣсь лѣнь на меня напала невообразимая. Вотъ мой адресъ:

---

[1]) Мы надѣемся возвратиться къ этой статьѣ Герцена въ дальнѣйшей работѣ объ отношеніяхъ Герцена къ славянофиламъ. Пока же лишь отмѣтимъ, что она является изложеніемъ взглядовъ Герцена на „Старую Европу“ и надеждъ на Россію.

[2]) „Былое и Думы“.

[3]) Тургеневъ имѣетъ въ виду „Семейную хронику“ С. Т. Аксакова.

„Au chateau de Courtavenel, près de Romy en Brie (Seine et Marne).

„Обнимаю всѣхъ твоихъ и Огарева.—Будь здоровъ.

„Твой Ив. Тургеневъ“.

Слѣдующее письмо изъ Парижа датировано: „10 ноября 1856 г.“ Герценъ хлопоталъ объ изданіи нѣкоторыхъ своихъ произведеній въ Россіи; особенно ему хотѣлось, чтобы появился его романъ: „Кто виноватъ?“. Письмо Тургенева отчасти касается этого вопроса.

„Милѣйшій Александръ Ивановичъ,—писалъ Тургеневъ:— прежде всего благодарю тебя за твою охотничью услугу. Англикъ человѣкъ честный и вручитъ тебѣ настоящее ружье, а я тотчасъ вышлю тебѣ деньги, какъ только онѣ прибудутъ изъ моего „прекраснаго-далёка“, какъ выражался Гоголь.

„Также низко тебѣ кланяюсь за Колбасина [1]), хотя извѣстіе о томъ, что ты уже другому далъ позволеніе напечатать твои вещи, его, вѣроятно, огорчитъ. Впрочемъ, если ты П(исаревскому?) не далъ письменнаго позволенія, то я не думаю, чтобы онъ могъ что-нибудь сдѣлать, потому что кромѣ того, что у тебя есть наслѣдники, цензура можетъ спросить: а по какому праву ты печатаешь Искандера? И потому я всетаки прошу тебя выслать это позволеніе, поставивши вмѣсто одного имени Колбасина—имена его и П—го. Я ему тогда перешлю эту бумажку. И онъ, снесшись съ П., будетъ въ состояніи хлопотать.

„Я хохоталъ до упаду отъ имени: *Ипподромъ Сухозанетъ*, и не вижу причины, почему тебѣ не поставить буквъ: *И. Т.*— Развѣ онѣ не могутъ обозначать: Иліогабалъ Тизенгаузенъ? Сдѣлай одолженіе, не стѣсняйся,—а я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю этого письма [2]). Я и въ Россіи не скрывалъ, что знаю и люблю тебя, тѣмъ болѣе могу я теперь смѣло сознаться въ этомъ передъ кѣмъ бы то ни было.

„Я вчера обѣдалъ съ Пинто у Мельгунова [3]); мнѣ онъ очень понравился,—но что за борода въ видѣ каскада!

---

[1]) Колбасинъ, пріятель Тургенева, авторъ нѣсколькихъ статей по исторіи русской литературы, напечатанныхъ въ „Современникѣ“.

[2]) Тургеневъ имѣетъ въ виду статью Герцена: „Варіаціи на старыя темы“, о которой мы говорили выше.

[3]) Н. А. Мельгуновъ, другъ Герцена, литераторъ. О немъ см. статью Кирпичникова: „Между западниками и славянофилами“. Рус. Ст. 1897.

Шутки въ сторону, онъ мнѣ кажется такой изящной и чистой натурой. A propos d'italiens—поклонись отъ меня милѣйшему Саффи, qui a fait ma conquête [1]).

„Кланяюсь также всѣмъ твоимъ — Огареву, его женѣ, и твоимъ дѣткамъ. Что поэмы Огарева,—будутъ ли напечатаны и гдѣ именно?

„На-дняхъ я надѣюсь получить изданіе моихъ повѣстей и разсказовъ въ трехъ томахъ и тотчасъ перешлю тебѣ одинъ экземпляръ. Прочитай все это á loisir—и скажи мнѣ свое мнѣніе обо всемъ. Огарева прошу о томъ же; ваше мнѣніе мнѣ дорого,—и я ему вѣрю.

„Ну, прощай, другъ. Цѣлую твои ясныя очи. Если буду живъ и здоровъ, увижу тебя въ Лондонѣ, если не въ февралѣ, то ужъ непремѣнно въ апрѣлѣ,—ибо я передъ возвращеніемъ въ Россію хочу провести часть сезона въ Лондонѣ. Еще разъ спасибо и будь здоровъ.

Твой Ив. Тургеневъ.

„P. S. Если ты по предложенію моему пришлешь мнѣ autorisation на бумажкѣ [2]), то кстати скажи о ружьѣ,—выдалъ ли тебѣ его Ленгъ; во всякомъ случаѣ отвѣчай поскорѣе хоть однимъ словомъ.

И. Т.“.

Слѣдующее письмо Тургенева (изъ Парижа, отъ 6 декабря 1856 г.) посвящено тѣмъ же хлопотамъ объ изданіи сочиненій Герцена въ Россіи.

„Вчера я послалъ тебѣ черезъ Ротшильда 500 франковъ, милый Герценъ,—пишетъ Тургеневъ:—и прошу, чтобы ты подождалъ уплаты остальныхъ до новаго года. Ты обратись къ Ротшильду съ запросомъ о 500 фр., высланныхъ тебѣ изъ Парижа Тургеневымъ, и сейчасъ ихъ получишь.

„Я получилъ „Амнистію“ и другія брошюры. Письменно говорить объ этомъ затруднительно; откладываю все это до зимняго свиданія, которое становится все болѣе вѣроятнымъ. Ограничиваюсь теперь изъявленіемъ моего сочувствія. Н. А. М(ельгуновъ), котораго я часто вижу, не даетъ мнѣ покоя насчетъ двухъ буквъ, долженствующихъ стать во главѣ тво-

---

[1]) Саффи, итальянскій революціонеръ, другъ Герцена, Маццини и Гарибальди.

[2]) Передача правъ на изданіе сочиненій Герцена въ Россіи.

его письма; онъ увѣряетъ, что это опасно, я убѣжденъ, что это—пустяки, и только желалъ бы, чтобы въ самомъ письмѣ не было упомянуто о подробностяхъ и случайностяхъ нашего свиданія [1]).

„Я давнымъ давно отправилъ къ Колбасину твое разрѣшеніе вмѣстѣ съ „онымъ“, но до сихъ поръ еще отвѣта не получилъ. Во всякомъ случаѣ повторяю тебѣ его и мое спасибо; я думаю, что это славная была бы шутка, еслибъ позволили хотя одинъ твой романъ [2]).

„Изъ Россіи я имѣю извѣстіе о громадномъ и неслыханномъ успѣхѣ стихотвореній Некрасова. 1400 экземпляровъ разлетѣлись въ двѣ недѣли; этого не бывало со временъ Пушкина. Отъ него я давно не имѣю писемъ; кажется, онъ хандритъ и скучаетъ въ Римѣ. Онъ и въ Россіи скучалъ, но не такъ ѣдко; плохо умному человѣку, уже нѣсколько отжившему, но нисколько не образованному, хоть и развитому, плохо ему въ чужой землѣ, среди незнакомыхъ и неизвѣстныхъ явленій! Онъ чуетъ смутно ихъ значеніе, и тѣмъ больше разбираетъ его досада и горечь не безсилія, а невозвратно потеряннаго времени!

„Мнѣ здѣсь хорошо, и было бы еще лучше, еслибъ не подлый мой пузырь! Очень онъ мнѣ мѣшаетъ жить,—особенно работать почти невозможно. За то я читаю пропасть. Проглотилъ Светонія, Саллюстія (который мнѣ крайне не понравился), Тацита и частью Тита Ливія. Ты спросишь: что за латиноманія на меня напала? Не знаю; можетъ быть, она навѣяна современностью.

„Но вотъ что прочти непремѣнно: „The Confessions of an opium-eater“. Прочти и скажи мнѣ,—такое ли же впечатлѣніе произведетъ эта книжка на тебя, какъ на меня. Я ее прочелъ *два* раза сразу—à la lettre [3]).

„Прощай; цѣлую тебя въ лобъ, а Огарева въ бороду, жену его въ руку, а дѣтей твоихъ въ ясныя очи. Будьте всѣ здоровы и веселы и не забывайте

Любящаго васъ Ив. Тургенева“.

---

[1]) Рѣчь идетъ все о той же статьѣ Герцена «Варіаціи на старыя темы».

[2]) «Кто виноватъ?».

[3]) Тургеневъ имѣетъ въ виду книжку извѣстнаго англійскаго писателя Thomas de Quincey (1785—1859) «Признанія любителя опіума».

Герцену, несмотря на его эмигрантское положеніе, удавалось отъ времени до времени проникать и въ легальную русскую литературу. Такъ, въ 1856 г., въ фельетонѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", былъ напечатанъ его очеркъ „Оба лучше", посвященный сравненію двухъ типовъ: американскаго дѣльца Барнума и жоржъ-зандовскаго Ораса. Объ этомъ очеркѣ нѣсколько разъ упоминаетъ Тургеневъ въ своихъ письмахъ къ Герцену. Герценъ справлялся у Тургенева о личности нѣкоего Погенполя, бывшаго тогда редакторомъ издававшагося въ Брюсселѣ журнала „Nord" [1]), удѣлявшаго много мѣста русскимъ дѣламъ. По поводу Некрасова, лѣчившагося въ Римѣ отъ болѣзни горла, Герценъ писалъ Тургеневу, что положеніе безголосаго Некрасова въ музыкальномъ Римѣ подобно положенію „щуки въ оперѣ".

Въ письмѣ отъ 17 декабря 1856 г. изъ Парижа, отвѣчая Герцену на нѣкоторые его вопросы, Тургеневъ сообщаетъ ему послѣднія петербургскія новости.

„Милый Герценъ,—писалъ Тургеневъ:—мнѣ непремѣнно хочется прочесть „Барнумъ и Орасъ", и поэтому, сдѣлай одолженіе, пришли его къ той дамѣ, которую ты называешь Марьей Касперовной [2]), и которую я не знаю. Сообщи мнѣ ея адресъ и предупреди ее о томъ, что я явлюсь къ ней.

„Стихи Огарева получены и прочтены. Они мнѣ нравятся попрежнему,—хотя лучше слышать ихъ отъ него, чѣмъ самому читать. Его тихій и меланхолическій голосъ придаетъ имъ особенную прелесть; когда самъ читаешь, много замѣчаешь небрежностей и не довольно сжатыхъ мѣстъ.—При этихъ листахъ находились страницы три твоихъ воспоминаній, которыя мнѣ чрезвычайно понравились. Рѣшительно оказывается, что собственно твое призваніе—писать такого рода хроники. Это въ своемъ родѣ стоитъ Аксакова. Я уже, кажется, сказалъ, что въ моихъ глазахъ вы представляете

---

[1]) Газета «Nord» была основана въ 1855 г. Сотрудниками ея были: Поггенполь, Кретино, Стейнъ, гр. Д. Н. Толстой (впосл. мин. народнаго просвѣщ.), Каппельманъ, Я. Н. Толстой, Сомовъ, Гречъ, Ю. Мавринъ, Моллеръ, Скрипицынъ, Катакази, и др.

[2]) Марья Касперовна Рейхель, урожденная Эрнъ, воспитанница отца Герцена, уѣхавшая съ семьей Герцена за границу, гдѣ она вышла замужъ за друга Прудона и Бакунина, музыканта Рейхеля, директора консерваторіи въ Бернѣ.

два электрическихъ полюса одной и той же жизни и изъ вашего соединенія происходитъ для читателя гальваническая цѣпь удовольствія и поученія. Это, однако, уже что-то Востокомъ пахнетъ.

„Погенполь—интриганъ, русскій нѣмецъ, который увѣряетъ, что ненавидитъ нѣмцевъ и „чюфствуетъ союзу“ (собственныя его слова) съ русскимъ мужикомъ. Онъ и ко мнѣ забѣгалъ, да и ко всѣмъ. Богъ его знаетъ, какими способами онъ пріобрѣлъ „Nord“,—и теперь, такъ какъ вѣтеръ въ Россіи, кажется, перемѣнился,—то и онъ хочетъ не отстать и т. д. Порядочному человѣку съ этакими молодчиками знаться не для чего [1]).

„А вѣтеръ не такъ то еще перемѣнился, какъ полагали. На-дняхъ „Современникъ“ получилъ сильнѣйшій нагоняй, и Бекетова отъ него отставили за перепечатаніе трехъ стихотвореній Некрасова изъ его книжки, которую Мусинъ-Пушкинъ въ своей попечительской агоніи пропустилъ не безъ задней мысли. Надобно сознаться, что въ этомъ дѣлѣ Панаевъ поступилъ, какъ мальчишка. — А стихотворенія „щуки въ оперѣ“ (я хохоталъ донельзя надъ этимъ именемъ) имѣютъ успѣхъ громадный [2]), по согласному показанію всѣхъ моихъ корреспондентовъ.

„Я получилъ два экземпляра моихъ повѣстей—и пошлю одинъ тебѣ.—Прочти на досугѣ и сообщи свое мнѣніе.

„Прощай. Будь здоровъ и веселъ. Обнимаю тебя и твоихъ, и Огарева. Женѣ его кланяюсь.

Твой Ив. Тургеневъ“.

III.

Въ письмѣ, отъ 21 декабря 1856 г., изъ Парижа Тургеневъ пишетъ:

„Милый Герценъ, спасибо тебѣ за знакомство съ Каппе-

---

[1]) Сохранилась довольно ядовитая эпиграмма Огарева на Погенполя:

„Въ Nord'-ѣ сквозь всѣ тонкости
„Языка французскаго,
„Все-же такъ и слышится
Погань поля русскаго.

[2]) Рѣчь идетъ о стихотвореніяхъ Некрасова.

ревымъ [1]) и Грибовскимъ. Они оба, кажется, очень хорошіе ребята. Кашперева (который вчера уже уѣхалъ) я сводилъ къ г-жѣ Віардо,—и онъ игралъ ей и пѣлъ свою музыку. Онъ остался доволенъ ею и ея совѣтами, хотя большихъ похвалъ отъ нея не слыхалъ. Что касается собственно до меня, то я думаю, что у него талантъ есть,—но Господь вѣдаетъ, выйдетъ ли изъ этого что-нибудь.

„Я совсѣмъ забылъ, что Марья Касперовна—собственно г-жа Рейхель, которую я очень хорошо знаю. Мы третьяго дня къ ней ходили втроемъ, но Рейхеля не застали, а посидѣли съ ней. Пришли ей пожалуйста „Ораса и Барнума", а она мнѣ передастъ.

„Скажи Огареву, чтобы онъ прислалъ мнѣ свою поэму, что я ему возвращу ее въ исправности и съ посильными замѣтками.

„ Кашперевъ отнялъ у меня экземпляръ моихъ повѣстей и разсказовъ, но далъ мнѣ слово выслать тебѣ ихъ изъ Берлина.

„Прощай, покамѣстъ. Будь здоровъ и веселъ, а я остаюсь

Любящій тебя Ив. Тургеневъ".

Въ это время Герценъ хотѣлъ издать появившіяся въ „Полярной Звѣздѣ" „Былое и Думы" во французскомъ переводѣ и просилъ Тургенева похлопотать объ этомъ у парижскихъ книгопродавцевъ.

Въ отвѣтъ на эту просьбу Тургеневъ (въ письмѣ, датированномъ: „Парижъ, 8 Генваря 1857 г.") писалъ Герцену:

„Милый Герценъ, дня три тому назадъ я писалъ Огареву мои замѣчанія на его поэму, а теперь хочу написать тебѣ два слова. Присылай, пожалуйста, твои „Записки" и будь увѣренъ, что услышишь отъ меня искреннее мое мнѣніе. „Барнума и Ораса" я на-дняхъ прочелъ въ одномъ № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" и только пожалѣлъ, что коротко: очень умная и тонкая вещица. О печатаніи перевода твоей книжки идутъ переговоры; но твоя репутація такая грозная, и здѣшніе книгопродавцы такіе слабос..ы, что надежды мало; даже Паньеръ (т. е. его фирма) отказался.

---

[1]) Кашперевъ, впослѣдствіи издатель журнала „Заря" и авторъ нѣсколькихъ не имѣвшихъ успѣха оперъ. Его переписку съ Тургеневымъ см. „Рус. Обозр.", 1893 г., № 12, 1895 г., № 12.

„Я познакомился со многими здѣшними литераторами; бываю у г-жи d'Агу; долженъ сознаться, что до сихъ поръ ни одного молодого симпатичнаго существа не встрѣтилъ; ужасно все мелко и пусто. Доставь мнѣ возможность познакомиться съ Мишле [1]), мнѣ это будетъ очень пріятно.

„Съ октября мѣсяца я получаю „Библіотеку для чтенія“, поступившую въ завѣдываніе Дружинина; онъ намѣренъ придать ей консервативно-англійскій характеръ и уже написалъ одну статью о Бѣлинскомъ, въ которой бросалъ на него взглядъ свыше; но статья вышла тупая,—точно птица безъ клюва; этимъ ни одной крѣпколобой головы не продолбить. Да и откуда взяться консерваторству на Руси? Не подойти же къ гнилому плетню и сказать ему: ты—не плетень, а каменная стѣна, къ которой я намѣренъ пристраивать!

„Грибовскаго я вижу довольно часто; онъ, кажется, хорошій малый. А Мельгуновъ, вообрази, (только это между нами) далъ наканунѣ новаго года réveillon, который стоилъ ему навѣрно франковъ триста. Гости были: Грибовскій, Пинто, я, два офицера въ мундирахъ, совершенные жеребцы, вонъ изъ тѣхъ, что ходятъ въ омнибусахъ, да нѣсколько отставныхъ лоретокъ. Мельгуновъ, съ свойственной ему флегматической важностью, отвелъ меня въ сторону и держалъ слѣдующую рѣчь: „Здѣсь вы можете видѣть то, что въ Парижѣ называется demi-monde, но предупреждаю васъ, не судите о немъ по этому образчику: ибо здѣсь находящіяся лоретки или стары, или некрасивы“. Я съ изумленіемъ смотрѣлъ на его лобъ съ надвинутой ермолкой и думалъ: „Да изъ-за чего же ты тратишься въ такомъ случаѣ?“.

„Этотъ человѣкъ—чудакъ перваго сорта, vom reinsten Wasser [2]),—а премилый со всѣмъ тѣмъ.

„Ты меня поздравилъ съ европейскимъ новымъ годомъ, а я тебя съ русскимъ.

„Кстати, на-дняхъ я тебѣ вышлю остальные 500 франковъ.

„Ну, прощай, пока, будь здоровъ. Обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ и остаюсь

Любящій тебя Ив. Тургеневъ“.

Черезъ недѣлю (письмо датировано: „Парижъ, 16 января

---

[1]) Знаменитый французскій историкъ.

[2]) Чистѣйшей воды.

1857“) Тургеневъ, которому Герценъ послалъ вышедшую въ это время 3-ю книгу „Полярной Звѣзды“, извѣщаетъ Герцена о полученіи и дѣлаетъ нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу слога Герцена, страдающаго галлицизмами.

„Милый другъ! Третьяго дня получилъ я твои „Записки“ и тотчасъ прочелъ ихъ [1]). Впечатлѣніе было сильное и хорошее; въ этихъ главахъ чрезвычайно много поэзіи и юности, лицо твоей жены (всѣмъ намъ, дѣйствительно, мало извѣстной) привлекательно и живо, отрывки изъ ея писемъ даютъ понятіе о замѣчательной натурѣ. Послѣдняя глава мнѣ очень понравилась и возбудитъ негодованіе только тѣхъ людей, которыхъ одно твое имя сердитъ. Съ моей стороны, я сдѣлаю только два возраженія.

„*Первое.* Осторожно-ли ты поступилъ, описывая К(етчера [2]), котораго, разумѣется, всѣ узнаютъ, его „тоску по революціи“ и т. д. и т. д.?

„*Второе.* Въ этомъ послѣднемъ отрывкѣ слогъ твой уже черезчуръ небреженъ, галлицизмы самые вопіющіе попадаются на каждомъ шагу; хоть бы Огареву просматривать твои корректуры. Напримѣръ, можно-ли сказать: (стр. 84) „иной міръ, *иначе* симпатичный, *нежели* тотъ!..

„Что такое (на стр. 87)—„есть организаціи, которымъ никогда не нужна опора, указка, которыя лучше всего идутъ тамъ, гдѣ нѣтъ рѣшетки?“

„Или (на стр. 127): „Ну, оно какъ ни пріятно, а я *изъ* этого не рѣшился прежде, *нежели* было нужно, оставить умирающую женщину“ и т. д.

„Это тѣмъ болѣе непріятно, что вообще языкъ твой легокъ, быстръ, свѣтелъ и имѣетъ свою физіономію. Я бы взялся въ полчаса стереть всѣ эти маленькія пятна, причину которыхъ слѣдуетъ искать въ долгомъ твоемъ пребываніи заграницей. Но, повторяю, „Записки“ отличныя и читаются съ удовольствіемъ, иногда съ умиленіемъ. Нѣсколько ввод-

---

[1]) Въ № 3 «Полярной Звѣзды» была помѣщена та часть «Былого и Думъ“, въ которой Герценъ разсказываетъ о своей женитьбѣ на Н. А. Захарьиной. Подробности о Н. А. Захарьиной см. «Рус. Ст.» 92 г. № 3 и ея переписку съ Герценомъ въ «Рус. Мысли» 1888—91 гг.

[2]) Кетчеръ, членъ московскаго кружка Герцена, переводчикъ Шекспира.

ныхъ лицъ прекрасно очерчены (какъ, напр., Архіерей Парфеній)[1]).

„№ „Библіотеки“ отправится къ тебѣ на-дняхъ: теперь онъ у Мельгунова, у котораго я возьму его завтра или послѣзавтра. Не я послалъ тебѣ Некрасова; должно быть, онъ самъ распорядился, или, можетъ быть, какой-нибудь изъ твоихъ тайныхъ приверженцевъ вспомнилъ о тебѣ. A propos de приверженцы. Ты никогда не угадаешь, отъ кого я не далѣе, какъ вчера, слышалъ великія похвалы тебѣ... Отъ князя Орлова (раненнаго подъ Силистріей)—сынъ извѣстнаго Орлова.— Онъ все прочелъ, что ты написалъ. Онъ мнѣ чрезвычайно понравился; несчастье его отрезвило, да и вообще, натура въ немъ высказывается хорошая. Вотъ, поневолѣ воскликнешь: Ou la vertu va-t-elle se nicher? Онъ всю зиму пробудетъ здѣсь; мы, я надѣюсь, будемъ видѣтся[2]).

„Къ d'Агу я ѣзжу съ точки зрѣнія естествоиспытателя. Какія тамъ попадаются „букашки и таракашки!“.

„Прощай, обнимаю тебя и остаюсь

Твой Ив. Тургеневъ.

„P. S. Колѣнопреклоненно умоляю тебя: не употребляй слова: безразличный! Особенно въ одномъ мѣстѣ оно меня точно по щекѣ ударило. И. Т.“

Въ слѣдующемъ письмѣ (датированномъ: „Суббота, 23 февраля, 1857. Парижъ“) Тургеневъ, между прочимъ, извѣщалъ, что Герцена собирается навѣстить графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

„Мельгуновъ мнѣ показывалъ твое письмо къ нему, милый Герценъ,—отвѣчаю вкратцѣ на твои пени. Я хандрю потому, что боленъ и ничего не дѣлаю.—Я вылечусь только тогда, когда брошу Парижъ. А брошу я его черезъ мѣсяцъ и покачу въ Англію, въ Лондонъ, къ тебѣ. Авось, тамъ я поправлюсь.—А оттуда въ Россію и *засяду тамъ на вѣки вѣковъ.*

„Стихи „Войнаровскій“ я не знаю[3]).

„Некрасовъ (котораго ты не любишь), былъ въ восхищеніи отъ послѣдняго отрывка твоихъ мемуаровъ. Толстой тоже

---

[1]) Владимірскій епископъ, Парфеній, способствовавшій женитьбѣ Герцена.

[2]) Князь Н. А. Орловъ, впослѣдствіи русскій посолъ въ Парижѣ.

[3]) Очевидно, рѣчь идетъ о поэмѣ Рылѣева «Войнаровскій».

будетъ въ Англіи; ты его полюбишь, я надѣюсь, и онъ тебя.

„Я привезу къ тебѣ въ Лондонъ всѣ имѣющіеся у меня нумера журналовъ и оставлю ихъ тебѣ,—а теперь не могу никакихъ сообщить новостей. О побоищѣ Шевырева ты уже, вѣроятно, знаешь.

„Кланяюсь всѣмъ твоимъ, и цѣлую кого могу. Еще разъ, будь здоровъ и до свиданія въ Путнеѣ, гдѣ я заживу *путнѣе*.

„Rends toi, brave Herzillon! Твой И. Тур.".

Герценъ, очевидно, ничего не зналъ о „побоищѣ Шевырева", такъ какъ все слѣдующее письмо Тургенева (датированное: „Парижъ, 5 марта 1857 г.") посвящено остроумному описанію эпизода. Письмо носитъ длинное юмористическое заглавіе:

„*Подробное историческое описаніе побоища, происходившаго въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ между гр. Б*** и профессоромъ элоквенціи Шевыревымъ*".

„Бывшій губернскій предводитель Чертковъ, отставленный за помѣщеніе въ дружинные офицеры людей, взятыхъ въ кабакахъ и изъ-подъ Иверской,—давалъ вечеръ членамъ общества любителей художества. На этомъ вечерѣ присутствовали между прочими вышеозначенные графъ и профессоръ. Возникли споры (какъ это водится въ Москвѣ) о славянофильствѣ, о статьѣ Аксакова, о богатыряхъ, а наконецъ, и о рѣчи Роберта Пиля, за которую упомянутый графъ вздумалъ заступаться.

„—Послѣ этого вы не патріотъ!—замѣтилъ профессоръ.

„На эти слова графъ съ изумительною находчивостью и совершеннымъ a propos возразилъ:

„—А ты, с.... сынъ, женатъ на...

„—А ты самъ происходишь отъ...—въ свою очередь замѣтилъ профессоръ, и бацъ графа въ рожу. Тутъ уже графъ не вытерпѣлъ, сшибъ профессора съ ногъ, началъ его топтать и бить стуломъ. Гости, увидѣвъ такое зрѣлище и сообразивъ, что графъ, человѣкъ большого роста и сильный, непремѣнно убьетъ стараго и слабаго профессора,—тотчасъ всѣ прыснули вонъ; одинъ хозяинъ не потерялъ присутствія духа и тоже убѣжалъ, но прямо къ Закревскому [1]), которому

---

[1]) Тогдашній генералъ-губенаторъ.

немедленно обо всемъ донесъ. Закревскій, какъ извѣстный дѣлецъ и административная голова, тотчасъ нашелся: онъ далъ знать въ Петербургъ по телеграфу, что дерутся, молъ, такой-то и такой-то,—что прикажете сдѣлать?

„Между тѣмъ, Б. продолжалъ бить Шевырева—и, вѣроятно, убилъ бы его окончательно, если-бы г-жа Черткова, оставшаяся одна на театрѣ побоища, отчасти усиліями своихъ слабыхъ рукъ, отчасти увѣщаніями и слезами, не успѣла остановить раздраженнаго графа, такъ что онъ сломалъ Шевыреву только одно ребро. Шевырева отнесли замертво,—и онъ до сихъ поръ лежитъ въ постели. Дѣло на этомъ остановилось и дальнѣйшихъ пока послѣдствій нѣтъ“.

„Вотъ тебѣ, милый Герценъ, подробное и во всѣхъ своихъ подробностяхъ точное описаніе этой замѣчательной драки, отъ которой по всей Москвѣ стонъ стоялъ стономъ.

„Толстому я передалъ твой поклонъ; онъ очень ему обрадовался и велитъ тебѣ сказать, что давно желаетъ съ тобой познакомиться и заранѣе тебя любитъ лично, какъ полюбилъ твои сочиненія (хотя онъ далеко не красный).

„Мы черезъ мѣсяцъ увидимся.

„Прощай пока, будь здоровъ. Кланяюсь всѣмъ твоимъ и Огареву.

Твой И. Тургеневъ“.

Съ 1-го іюня 1857 года началъ выходить въ Лондонѣ „Колоколъ“, и Тургеневъ въ письмѣ изъ Зинцига (отъ 18 іюля 1857 г.) сообщаетъ Герцену нѣкоторыя подробности о томъ, что „Колоколъ“ проникъ въ высокопоставленную среду.

„Любезнѣйшій другъ,—пишетъ Тургеневъ:—прежде всего земной тебѣ поклонъ за высланные Делаво 250 франковъ, о полученіи которыхъ онъ мнѣ отписалъ; очень тебѣ благодаренъ. За знакомство же съ Сабуровыми тебѣ приходится мнѣ быть благодарнымъ, потому что они оба, и братъ, и сестра принадлежатъ къ числу самыхъ милыхъ русскихъ, съ какими мнѣ только удавалось встрѣчаться. Они, вѣроятно, разсказали тебѣ кое-что о моемъ здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ. Съ своей стороны, скажу тебѣ, что, кажется, мнѣ здѣшнія воды и ванны помогаютъ; сперва боли мои усилились было, а теперь съ каждымъ днемъ становятся легче; что-то дальше будетъ! Народу здѣсь очень мало, и я этому радъ; авось, удастся поработать,—я уже кое-что началъ. Хожу ужасно

много;—вчера ходилъ на гору (1400 ф. надъ поверхностью моря) восемь верстъ отсюда, взлѣзъ на самый верхъ, осмотрѣлъ базальтовыя копи, и тотчасъ-же вернулся домой.

„Извѣстій изъ Россіи мало. Жду письма отъ Некрасова, котораго я проводилъ до Берлина, и который теперь, вѣроятно, уже давно гуляетъ по Невскому и дышетъ его кисло-сѣроватымъ воздухомъ. Твой „Колоколъ" достигъ высочайшихъ регіоновъ; какое онъ тамъ произвелъ впечатлѣніе, самъ можешь посудить. Я на-дняхъ надѣюсь собрать кое-какія свѣдѣнія.

„Кн. Долгоруковъ, поступившій на мѣсто Орлова, оказывается величайшимъ обскурантомъ; жандармы снова вмѣшиваются въ частную жизнь, въ семейственныя дѣла и т. д.

„На дняхъ долженъ къ тебѣ явиться Ленгъ (ружейникъ) съ ружьемъ, заказаннымъ мною для Некрасова. Оно стоитъ 42 фунта; заплачено мною впередъ 21, да возвращенная Ленгу собака стоитъ 17½ фунтовъ. Остается 3½ фунта, которые ты, по твоей старинной привычкѣ—кормивши до усовъ, кормить до бороды,—заплатишь за меня. Я же тебѣ вышлю ихъ въ половинѣ августа изъ Парижа вмѣстѣ съ 250 франками Делаво.

„Что дѣлаетъ Огаревъ? Какъ его здоровье? Поклонись ему, его женѣ и всѣмъ твоимъ.

„Печатай 1 и 2 части „Полярной Звѣзды" вторымъ изданіемъ. Здѣсь только и слышно, что жалобы на невозможность достать ихъ.

„Прощай, братъ, будь здоровъ. Я заѣду въ Лондонъ передъ возвращеніемъ въ Россію, посмотрѣть на тебя и кое-что переговорить. Твой Ив. Тургеневъ.

„P. S. Повторяю на всякій случай мой адресъ:
„Sinzig, bei Remingen am Rhein, Regierungsbezirk Coblentz".

IV.

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ дальнѣйшимъ письмамъ Тургенева, считаемъ не лишнимъ въ поясненіе къ нимъ привести сохранившееся въ бумагахъ покойнаго А. И. Герцена письмо къ нему Н. А. Некрасова, а равно и черновую отвѣта Герцена на это письмо.

Денежныя недоразумѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь въ этихъ письмахъ, повели къ тому, что Герценъ не принялъ Некрасова, когда послѣдній пріѣхалъ къ нему въ Лондонъ. Благодаря вліянію Герцена, обострились отношенія между Некрасовымъ и Тургеневымъ, вскорѣ дошедшія до разрыва и открытой вражды [1]).

Письмо Некрасова изъ Парижа датировано: „27 іюня 1857 г“.

„Милостивый государь,

Александръ Ивановичъ!

„Тургеневъ передалъ мнѣ росписку, данную мною Вамъ въ 1846 году, и я увидѣлъ, что дѣло это, которое я считалъ конченнымъ *относительно Васъ,* не кончено и, быть можетъ, служитъ одной изъ причинъ неудовольствія Вашего противъ меня. Вотъ мое объясненіе.—Я не сдѣлалъ съ Вами своевременно разсчета, частію по затрудненію сношеній съ Вами, а главное по безпечности, въ которой признаю себя виновнымъ передъ Вами. Въ 1850 году Тургеневъ привезъ мнѣ изъ заграницы записку Вашу о передачѣ остальныхъ денегъ ему. Съ Тургеневымъ я имѣлъ постоянные счеты, по которымъ постоянно мои деньги приходились за нимъ,—поэтому долгъ *ему* не безпокоилъ меня, и я до настоящей минуты оставлялъ это дѣло нерѣшеннымъ, думая, что отвѣтственностью обязанъ не Вамъ. Теперь спѣшу по возможности загладить слѣды своей безпечности сначала, недоразумѣнія впослѣдствіи, и сообщаю Вамъ, что первымъ моимъ дѣломъ по возвращеніи въ Россію (куда я ѣду скоро) будетъ приведеніе въ ясность счетовъ и высылка Вамъ остальныхъ денегъ От Васъ бу-

---

[1]) Судя по воспоминаніямъ д-ра Бѣлоголоваго, Герценъ до смерти сохранилъ непріязненное чувство къ Некрасову. (Свиданіе Бѣлоголоваго съ Герценомъ происходило за четыре мѣсяца до смерти послѣдняго).

„Вотъ и Некрасовъ,—сказалъ Герценъ:—тоже большой талантъ, а его исторія съ Огаревымъ такая, что для него одной тюрьмы мало;—и я нисколько не раскаиваюсь въ томъ, что не пустилъ его за порогъ своего дома, когда онъ въ пріѣздъ въ Лондонъ надумалъ сдѣлать мнѣ визитъ; онъ пріѣзжаетъ,—я былъ дома, у меня были гости; онъ даетъ въ передней для подачи мнѣ свою визитную карточку; я приказалъ лакею отдать ему карточку и сказать: „не принимаютъ“. (См. Бѣлоголовый „Воспоминанія“, изд. 3-е, стр. 547—548). Къ вопросу о недоразумѣніяхъ между Некрасовымъ и Огаревымъ мы возвратимся въ той главѣ настоящаго очерка, въ которой будетъ приведена статья Герцена въ „Колоколѣ“, направленная противъ Некрасова.

детъ зависѣть назначить, куда ихъ выслать или кому передать ихъ въ Россіи, я скажу только, что теперь Вы недолго будете ихъ ждать. Что касается до оправданій и извиненій, если Вамъ угодно ихъ принять, то ихъ у меня два: 1-е) въ послѣдніе годы я не былъ настолько бѣденъ, чтобы не имѣть возможности заплатить эти деньги; 2-е) я не дошелъ до того, чтобъ пользоваться чужими деньгами умышленно. Повторяю, причины—въ недоразумѣніи и въ безпечности, которыя частію поддерживались увѣренностью въ Вашей снисходительности. Ник. Некрасовъ".

Герценъ отвѣтилъ Некрасову слѣдующимъ письмомъ (датировано: „Путней, 10 іюня, 1857 г."), собственноручная копія котораго, какъ мы сказали выше, сохранилась въ бумагахъ Герцена:

„*Г. Некрасову.*

Милостивый государь,

„Я получилъ письмо Ваше отъ 27 іюня; вѣроятно, Вы не желали имѣть отвѣта, потому что не дали адреса,—но мнѣ кажется необходимымъ отвѣчать Вамъ.

„Мнѣ очень жаль, что вы могли думать, что „доля неудовольствія моего противъ Васъ" была основана на такой мелкой причинѣ, какъ Вашъ долгъ мнѣ.—Я такъ же забылъ и о немъ, и о запискѣ, данной Тургеневу, какъ и самъ Тургеневъ; мнѣ очень больно, что Вы косвенно вините его въ этомъ дѣлѣ.—Видя по покупкамъ, которыя онъ для Васъ дѣлалъ, какъ Вы далеки отъ нужды, я думалъ, что Вамъ доставитъ удовольствіе заплатить небольшой долгъ, изъ котораго Вы уже уплатили долю Бѣлинскому, по моей просьбѣ, въ весьма тяжелое время для него,—и потому просилъ Тургенева передать Вамъ, что если Вы желаете заплатить остальныя деньги, около 1000 руб. с., то Вы можете ихъ вручить Петру Александровичу Захарьину,—въ Петербургѣ (о желаніи Вашемъ онъ придетъ узнать).

„Причина, почему я отказывалъ себѣ въ удовольствіи Васъ видѣть *единственно* участіе Ваше въ извѣстномъ дѣлѣ о требованіи съ Огарева денежныхъ суммъ, которыя должны были быть пересланы, и потомъ, вѣроятно, по забывчивости, не были пересланы, не были даже и возвращены Огареву.— Я такъ былъ увѣренъ, что дѣло было совершенно „*не-*

умышленно", что, несмотря на два Ваши письма къ Марьѣ Львовнѣ [1]),—ждалъ объясненія.

„Вы оцѣните чувство деликатности, которое воспрещало мнѣ видѣться съ Вами, до тѣхъ поръ, пока я не имѣлъ доказательствъ, что Вы были чужды этого дѣла, и что вся отвѣтственность за него падаетъ на третье лицо, какъ Вы объясняете въ письмѣ къ Тургеневу.

„Въ ожиданіи этого объясненія позвольте мнѣ остаться незнакомымъ съ Вами.

А. Герценъ".

Тургеневъ былъ очень недоволенъ, что онъ былъ косвеннымъ образомъ впутанъ въ это непріятное дѣло, и писалъ по этому поводу Герцену (письмо датировано: „Зинцигъ, 22 іюля 1857 г."):

„Признаюсь, милый другъ, твое письмо, несмотря на мою овечью натуру, разсердило меня противъ Некрасова. Онъ обвиняетъ меня, что я тебѣ не объяснилъ и т. д. Да развѣ я входилъ когда-нибудь въ его денежныя дѣла и отношенія? Они всегда были такого рода, что постороннему человѣку нечего было туда заглядывать. Онъ говоритъ, что я тебѣ заплачу изъ денегъ, которыя я ему долженъ. Но знаешь-ли, какъ я ему долженъ? Я ему продалъ второе изданіе „Записокъ Охотника" за 1000 руб. сер., а онъ его тотчасъ-же перепродалъ книгопродавцу Базунову за 2500. (Я очень этому радъ, потому что я съ тѣмъ и продалъ ему „Записки Охотника", чтобы онъ получилъ съ нихъ барышъ).—2-е изданіе до сихъ поръ не разрѣшено цензурой, но онъ не только никогда не предлагалъ мнѣ возвратить мнѣ купленное имъ право, но даже теперь, уѣзжая въ Петербургъ, собирался непремѣнно выхлопотать это позволеніе. Я ему сегодня-же написалъ письмо, въ которомъ, ссылаясь на сказанныя тобою мнѣ слова или, лучше сказать, на переданныя тобою слова Некрасова, прошу его либо выслать мнѣ тотчасъ бумагу, по которой я передаю ему право на изданіе „Записокъ Охотника", и тогда я готовъ тебѣ заплатить эти 1000 руб., или, если онъ хочетъ удержать это право за собою, не считать меня *въ долгу*, ибо долга я признать не могу.

---

[1]) Первая жена Огарева.

„Все это, дѣйствительно, непріятно,—и хотя мнѣ ничего не раскрываетъ новаго, однако имѣетъ и будетъ имѣть свое дѣйствіе. Нѣтъ, рѣшительно, безъ честности нельзя, — какъ безъ хлѣба [1]).

„Письмо твое я доставлю при первой возможности (нельзя-жъ переслать его по почтѣ), но эта возможность, вѣроятно, раньше 4-хъ недѣль не явится, т. е. раньше отъѣзда Дружинина, который писалъ мнѣ изъ Парижа, и съ которымъ мы уговорились съѣхаться на Рейнѣ. Но ручаюсь тебѣ, что письмо доставлено будетъ, и прошу тебя не печатать ничего въ „Колоколѣ“. Хотя Некрасовъ тебѣ вовсе не свой, но все таки, согласись, что это значило бы бить по своимъ.

„Очень тебѣ благодаренъ за Делаво и Ленга; я вчера получилъ деньги изъ деревни и могу тебѣ выслать эти 250 франковъ и 3½ фунта завтра или послѣзавтра, т. е. въ первую мою поѣздку въ Боннъ.

„Здоровье мое все неудовлетворительно; пузырь болитъ почти постоянно, и мнѣ кажется, что зинцигскія воды мнѣ нисколько не помогаютъ. Надъ другими онѣ чудеса производятъ: сосѣдъ мой, англичанинъ, пріѣхалъ сюда безъ ногъ, весь недвижимый, а теперь по горамъ лазитъ. Кому какое счастье.

„Прощай, милый другъ. Кланяюсь Огаревымъ и всей твоей семьѣ. Что его болѣзнь? Я получилъ на дняхъ отъ Орлова кипу журналовъ („Бесѣды“, „Вѣстника“, „Библіотеки“

---

[1]) Не лишено интереса сравненіе этихъ отзывовъ о Некрасовѣ въ вышеприведенномъ письмѣ съ письмомъ Тургенева къ самому Некрасову по поводу денежныхъ недоразумѣній между Герценомъ и Некрасовымъ (письмо Тургенева помѣчено 24/12 Августа 1857 г.).

„Прежде всего,—писалъ Тургеневъ Некрасову:—скажу тебѣ, что мое письмо напрасно тебя огорчило; я никогда не думалъ тебя подозрѣвать, а приписалъ все это недоразумѣніе (которое, признаюсь, меня нѣсколько взволновало) твоей небрежности; это же самое заставило меня написать дядѣ о высылкѣ тебѣ должныхъ мною денегъ. Гдѣ эти проклятые счеты заведутся, рано или поздно заводятся также недоразумѣнія, а я не хочу, чтобы они были между нами. Увѣряю тебя, что эта, какъ ты говоришь, *исторія* не произвела на меня никакого дѣйствія; я также люблю тебя, какъ любилъ прежде,—стало быть, и думать объ этомъ больше не стоитъ... До скораго свиданія, милый другъ. Повторяю тебѣ, не сомнѣвайся во мнѣ, какъ я въ тебѣ не сомнѣваюсь. Ну, а иногда другъ на друга посѣтовать можно:—съ кѣмъ это не случается“. („Рус. Мысль“, 1902, № 1).

и т. д.). Какъ только прочту, пошлю тебѣ sous bande. А ты пока будь здоровъ и не забывай

Преданнаго тебѣ Ив. Тургенева".

V.

„Колоколъ", основанный лѣтомъ 1857 года, быстро вошелъ въ силу. Помимо публицистическаго таланта редактора, онъ поражалъ читателей точностью свѣдѣній о различныхъ закулисныхъ событіяхъ, происходившихъ въ то время въ Россіи.

Теперь, когда раскрыты имена многихъ корреспондентовъ Герцена, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Сотрудниками „Колокола" первой эпохи (до польскаго возстанія) были такіе люди, какъ Тургеневъ, Кавелинъ, Мельгуновъ, И. С. Аксаковъ, Самаринъ, Кошелевъ, Бѣлоголовый, В. П. Боткинъ и т. п., доставлявшіе Герцену свѣдѣнія изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ.

Самъ Герценъ, не задолго до прекращенія „Колокола", такъ вспоминалъ эту горячую эпоху [1]):

„Ни страшная даль, въ которой я жилъ отъ Вестъ-Энда... ни постоянно запертыя двери по утрамъ, — ничего не помогало. Мы были въ модѣ.

„Кого и кого мы не видали тогда! Какъ многіе дорого заплатили бы теперь, чтобъ стереть изъ памяти, если не своей, то людской, свой визитъ... Но тогда, повторяю, *мы были въ модѣ,* и въ какомъ то гидѣ туристовъ я былъ отмѣченъ между достопримѣчательностями „Путнея" [2]).

„Такъ было отъ 1857 до 1863 г., но прежде было не такъ. По мѣрѣ того, какъ росла послѣ 1848 г. и утверждалась реакція въ Европѣ и особенно въ Россіи, русскіе начали избѣгать меня и побаиваться... Къ тому же, въ 1851 г. стало извѣстно, что я оффиціально отказался ѣхать въ Россію. Путешественниковъ тогда было очень мало. Изрѣдка являлся кто-нибудь изъ старыхъ знакомыхъ, разсказывалъ страш-

---

[1]) „Апогей и Перигей". Приводимый нами отрывокъ не вошелъ въ полное собраніе сочиненій Герцена.

[2]) Мѣстность Лондона, гдѣ жилъ Герценъ.

ныя, уму непостижимыя вещи, съ ужасомъ говорилъ о возвращеніи и исчезалъ, осматриваясь, нѣтъ ли соотечественника. Когда въ Ниццѣ ко мнѣ заѣхалъ въ каретѣ и съ лонъ-лакеемъ А. И. Сабуровъ, я самъ смотрѣлъ на это, какъ на геройскій подвигъ. Проѣзжая тайкомъ Францію въ 1852 году, я въ Парижѣ встрѣтилъ кой кого изъ русскихъ, это были послѣдніе. Въ Лондонѣ не было никого. Проходили недѣли, мѣсяцы...

„Ни звука русскаго, ни русскаго лица.

„Писемъ ко мнѣ никто не писалъ. М. С. Щепкинъ былъ первый, сколько-нибудь близкій человѣкъ *изъ дома*, съ которымъ я увидался въ Лондонѣ. О свиданіи съ нимъ я разсказывалъ въ другомъ мѣстѣ. Его пріѣздъ былъ для меня чѣмъ-то вродѣ родительской субботы, мы справляли съ нимъ поминки всему московскому, и самое настроеніе обоихъ было какое-то похоронное. Настоящимъ голубемъ ковчега, съ масличной вѣтвью во рту, былъ не онъ, а докторъ В—скій.

„Онъ былъ первый русскій, пріѣхавшій къ намъ послѣ смерти императора Николая въ Чомле-Лоджъ, въ Ричмондѣ, постоянно удивляясь, что она называется такъ, а пишется Cholmondely Lodge. Вѣсти, привезенныя Щепкинымъ, были мрачны, онъ самъ былъ въ печальномъ настроеніи. В—скій смѣялся съ утра до вечера, показывая бѣлѣйшіе зубы; вѣсти его были полны той надежды, того „сангвинизма“, какъ говорятъ англичане, который овладѣлъ Россіей. Правда, онъ-же привезъ плохія новости о здоровьѣ Грановскаго и Огарева, но и это терялось въ яркой картинѣ проснувшагося общества, котораго онъ самъ былъ образчикомъ.

„Съ какой жадностью слушалъ я его разсказы, переспрашивалъ, добиваясь подробностей... И не знаю, зналъ-ли онъ тогда, или оцѣнилъ-ли послѣ то безмѣрное добро, которое онъ мнѣ сдѣлалъ?

„Три года лондонской жизни утомили меня. Работать, не видя близкаго плода, тяжело, къ тому-же я слишкомъ разобщенно стоялъ со всякой родственной средой. Печатая листъ за листомъ и ссыпая груды отпечатанныхъ брошюръ и книгъ въ подвалы Трюбнера [1]), я почти не имѣлъ возможности переслать что-нибудь за русскую границу. Не про-

[1]) Лондонскій книгопродавецъ.

должать я не могъ, русскій станокъ былъ для насъ дѣломъ жизни, доской изъ отчаго дома, которую переносили съ собой древніе германцы,—съ нимъ я жилъ въ русской атмосферѣ, съ нимъ я былъ вооруженъ. Но при всемъ томъ глухо пропадавшій трудъ утомлялъ, руки опускались. Вѣра слабѣла минутами и искала знаменій, и не только ихъ не было, но не было *ни одного слова* сочувствія изъ дома.

„Съ крымской войной, со смертью императора Николая, настаетъ другое время; изъ-за сплошного мрака выступали новыя массы, новые горизонты, чуялось какое-то движеніе, разглядѣть издали было трудно,—очевидецъ былъ необходимъ. Онъ-то и явился въ лицѣ В—скаго, подтвердившаго, что эти горизонты не миражъ, а быль, что барка тронулась, что она на ходу. Стоило взглянуть на свѣтлое лицо его, чтобы ему повѣрить. Такихъ лицъ вовсе не было въ послѣднее время въ Россіи...

„Удрученный непривычнымъ для русскаго чувствомъ, я вспомнилъ Канта, снявшаго бархатную шапочку при вѣсти о провозглашеніи республики 1792 года и повторившаго: „Нынѣ отпущаеши“ Симеона Богопріимца. Да, хорошо уснуть на зарѣ... послѣ длинной ненастной ночи, съ полной вѣрой, что настанетъ чудесный день!

„Такъ умеръ Грановскій...

„Дѣйствительно, наставало *утро* того дня, къ которому стремился я съ тринадцати лѣтъ—мальчикомъ въ камлотовой курткѣ, сидя съ такимъ же „злоумышленникомъ“ (только годомъ моложе [1]) въ маленькой комнаткѣ „стараго дома“,—въ университетской аудиторіи, окруженный горячимъ братствомъ, въ тюрьмѣ и ссылкѣ, на чужбинѣ, проходя разгромомъ революцій и реакцій, на верху семейнаго счастья и разбитый, потерянный на англійскомъ берегу съ моимъ печатнымъ *монологомъ*. Солнце, садившееся, освѣщая Москву, подъ Воробьевыми горами и уносившее съ собой отроческую клятву... всходило послѣ двадцатилѣтней ночи! [2]).

---

[1]) Н. П. Огаревъ.

[2]) Герценъ подразумѣваетъ дѣтскій обѣтъ, произнесенный имъ совмѣстно съ Н. П. Огаревымъ на Воробьевыхъ горахъ. „Запыхавшись и раскраснѣвшись, стояли мы тамъ, обтирая потъ. Садилось солнце, купола блестѣли, городъ стлался въ необозримое пространство подъ горой, свѣжій вѣтерокъ подувалъ на насъ; постояли мы, постояли, оперлись

„Какой же тутъ покой и сонъ?.. За дѣло! И за дѣло я принялся съ удвоенными силами. Работа не пропадала больше, не исчезала въ глухомъ пространствѣ, громкія рукоплесканія и горячія сочувствія неслись изъ Россіи. „*Полярная Звѣзда*“ читалась нарасхватъ.

„Весной 1856 года пріѣхалъ Огаревъ, годъ спустя (1 іюля 1857 г.) вышелъ первый листъ „Колокола“. Безъ довольно близкой періодичности нѣтъ настоящей связи между органомъ и средой. Книга остается, журналъ исчезаетъ, но книга остается въ библіотекѣ, а журналъ исчезаетъ въ мозгу читателя и до того усваивается имъ повтореніями, что кажется ему его собственной мыслью. Если же читатель начинаетъ забывать ее, новый листъ журнала, никогда не боящійся повтореній, подскажетъ и подновитъ ее.

„Дѣйствительно, вліяніе „Колокола“ въ одинъ годъ далеко переросло „Полярную Звѣзду“. „Колоколъ“ въ Россіи былъ принятъ отвѣтомъ на потребность органа, неискаженнаго цензурными условіями. Горячо привѣтствовало насъ молодое поколѣніе, были письма, отъ которыхъ слезы навертывались на глаза... Но и не одно молодое поколѣніе поддержало насъ...

„Колоколъ“—*власть*, говорилъ мнѣ въ Лондонѣ—horribile dictu!—*Катковъ* и прибавилъ, что онъ у Ростовцева лежитъ на столѣ для справокъ по крестьянскому вопросу... И прежде его повторяли то-же и Т(ургеневъ), и А(ксаковъ), и С(амаринъ), и К(авелинъ), генералы изъ либераловъ, либералы изъ статскихъ совѣтниковъ, придворныя дамы съ жаждой прогресса и флигель-адъютанты съ литературой; самъ В. П. (Боткинъ), — постоянный, какъ подсолнечникъ, въ своемъ поклоненіи всякой силѣ,—умильно смотрѣлъ на „Колоколъ“, какъ будто онъ былъ начиненъ трюфелями...

„Во дворцѣ „Колоколъ“ получилъ свое гражданство еще прежде. По статьямъ его государь велѣлъ пересмотрѣть дѣло „стрѣлка Кочубея“, подстрѣлившаго своего управляющаго.

„Горчаковъ съ удивленіемъ показывалъ напечатанный

другъ на друга и вдругъ, обнявшись, присягнули въ виду всей Москвы пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу“. („Былое и Думы“. Часть первая, стр. 97; изд. 1860 г.).

въ „Колоколѣ“ отчетъ о тайномъ засѣданіи государственнаго совѣта по крестьянскому дѣлу.

„— Кто-же, говорилъ онъ:—могъ сообщить имъ такъ вѣрно подробности, какъ не кто-нибудь изъ присутствовавшихъ?

„На меня обрушился ливень писемъ и корреспонденцій— изъ всѣхъ частей Россіи. Всякій писалъ, что попало, одинъ, чтобы сорвать сердце, другой, чтобы себя увѣрить, что онъ опасный человѣкъ... Но были письма, писанныя въ порывѣ негодованія, страстные крики въ обличеніе ежедневныхъ мерзостей.

„Вообще, *балластъ* писемъ можно было раздѣлить—на письма безъ фактовъ, но съ большимъ обиліемъ души и краснорѣчія, на письма съ начальническимъ одобреніемъ или съ начальническими выговорами и, наконецъ, на письма съ важными сообщеніями изъ провинціи.

„Важныя сообщенія, обыкновенно писанныя изящнымъ канцелярскимъ почеркомъ, имѣли почти всегда еще болѣе изящное предисловіе, исполненное возвышенныхъ чувствъ и неотразимой лести: „Вы первый открыли новую эру россійскаго слова и, такъ сказать, мысли; вы съ высоты лондонскаго амвона стали гласно клеймить людей, тиранствующихъ надъ нашимъ добрымъ народомъ,—ибо народъ нашъ *добрый,* вы не даромъ его любите. Вы не знаете, сколько сердецъ бьются любовью и благодарностью къ вамъ, въ дальней дали нашего отечества, отъ знойной Колхиды—до льдовъ скромной Оки, Клязьмы или такой-то губерніи. Мы на васъ смотримъ, какъ на единственнаго защитника. Кто можетъ, кромѣ Васъ, обличить изверга, по званію и мѣсту стоящаго выше закона, изверга вродѣ нашего предсѣдателя (казенной, уголовной, удѣльной палаты... имя, отчество, фамилія, чинъ). Человѣкъ, не получившій образованія, доползшій изъ низменныхъ сферъ канцелярскаго служенія—до почестей, онъ сохранилъ всю грубость стариннаго крючкотвора, не отказываясь вовсе отъ благодарности, подписанной княземъ Хованскимъ (какъ говорятъ у насъ старики). Грубость этого сатрапа извѣстна во всѣхъ окольныхъ губерніяхъ, чиновники бѣгутъ казенной палаты, какъ окаяннаго мѣста, онъ дерзокъ не только *съ нами,* но и со столоначальниками. Жену свою онъ оставилъ и держитъ на содержаніи къ общему соблазну вдову

(имя, отчество, фамилія, чинъ покойнаго супруга), которую мы прозвали губернской Миной Ивановой, потому что ея руками все дѣлается въ палатѣ. Пусть же звучный голосъ „Колокола“ разбудитъ и испугаетъ этого пашу среди оргій его, въ преступныхъ объятіяхъ сорокалѣтней Иродіады. Если вы напечатаете объ немъ, мы готовы вамъ доставлять обильныя свѣдѣнія, у насъ довольно „свиней въ ермолкахъ“, какъ выразился безсмертный авторъ геніальнаго „Ревизора“.

„P. S. Тѣмъ неподражаемымъ перомъ, которымъ Вы умѣете писать ваши ѣдкія сатиры, не забудьте черкнуть, что подполковникъ внутренней стражи 6 декабря, на балѣ у дворянскаго предводителя (куда пріѣхалъ отъ градского головы подшафе), къ концу ужина такъ нализался, что при сановитыхъ дамахъ и ихъ дочеряхъ началъ произносить слова, болѣе свойственныя торговой банѣ и площади, чѣмъ салону предводителя образованнѣйшаго сословія въ обществѣ“.

„Рядомъ съ письмами, сообщавшими тайны поведенія предсѣдателя и предсѣдателевой жены и явное пьянство подполковника, приходили письма чисто поэтическія, безкорыстныя и безсмысленныя. Многія изъ нихъ я уничтожилъ и раздарилъ друзьямъ, но нѣкоторыя остались.

„Одно изъ лучшихъ было, повидимому, отъ молодого офицера въ самой первой эмансипировкѣ. Оно начиналось съ общихъ мѣстъ и со словъ: „Милостивый Государь!“—очень скромно и лестно. Но мало-по-малу пульсъ подымался, пошли совѣты, потомъ увѣщанія,—жаръ возрастаетъ... На четвертой страницѣ (большого формата) дружба наша дошла до того, что незнакомецъ говорилъ мнѣ: „Милый мой и моншеръ“!—„Оттого, заключалъ храбрый офицеръ:—я и пишу *тебѣ* такъ откровенно, что люблю тебя отъ души“. Читая это письмо, я такъ и вижу молодого человѣка, садящагося, поужинавши, за письмо и за бутылку чего-нибудь очень не слабаго... По мѣрѣ того, какъ бутылка пустѣетъ, сердце наполняется, дружба растетъ и съ послѣднимъ глоткомъ добрый офицеръ меня любитъ и исправляетъ, любитъ и хочетъ меня поцѣловать... Офицеръ, офицеръ, оботрите только ваши губы, и я не буду имѣть ничего противъ нашей быстрой дружбы in contumaciam“...

Приводимыя ниже письма Тургенева къ Герцену почти всѣ касаются „Колокола“ и переполнены любопытными эпизодами изъ тогдашней общественной жизни.

„Прежде этого письма,—писалъ Тургеневъ Герцену изъ Рима (отъ 22 декабря 1857 г.):—прочти прилагаемое дѣло, которое посылаю тебѣ для скорѣйшаго помѣщенія его въ „Колоколѣ“. Оно составлено по документамъ и получено мною изъ самовѣрнѣйшаго источника. Прибавь къ тому, что ты прочтешь, еще слѣдующее: Кочубей, между прочимъ, представилъ пулю, будто бы выпавшую изъ раны, а пуля оказалась въ тѣлѣ Зальцмана; онъ втеченіе шестимѣсячной проволочки *передѣлалъ* всѣ свои комнаты и кабинетъ такъ, что введенный Зальцманъ не могъ узнать ничего изъ мѣстности,—между тѣмъ какъ всякій порядочный человѣкъ самъ бы первый долженъ былъ хлопотать о возможнѣйшей гласности и ясности. За все это полтавское дворянство избрало его своимъ губернскимъ предводителемъ, и на коронаціи онъ получилъ анненскую звѣзду, настаивая на томъ, что онъ ее хочетъ не для себя, а для дворянства. Читая это дѣло, невольно вспоминаешь слова городничаго въ „Ревизорѣ“: „Вы ей не вѣрьте; не я ее высѣкъ,—она сама себя высѣкла“. Эти слова можно бы поставить эпиграфомъ предисловія, которое ты, надѣюсь, напишешь. Только не бранись слишкомъ: это гнусное дѣло само за себя говоритъ.

„Ты увидишь, что я вычеркнулъ нѣсколько ненужныхъ и ослабляющихъ общее дѣйствіе украшеній въ слогѣ, и я думаю,—самое заглавіе не худо бы перемѣнить. Имя благодѣтельнаго генералъ-адъютанта я долженъ былъ обѣщаться вычеркнуть. Тотчасъ по полученіи этого письма дай мнѣ знать о томъ. Напиши только одно слово, что документъ у тебя въ рукахъ.

„И такого рода дѣла—не исключеніе у насъ, напротивъ,—они составляютъ правило, обычную норму нашей юриспруденціи: всякій, знакомый съ русскими порядками, это скажетъ! А графъ Панинъ [1]) недавно выхлопоталъ согласіе на запрещеніе всякихъ печатныхъ толковъ о гласности, а по новѣйшимъ извѣстіямъ реакція въ полномъ ходу и торжествѣ!

---

[1]) Графъ Н. В. Панинъ, тогдашній министръ юстиціи и ярый противникъ всякихъ реформъ.

„Прощай, будь здоровъ, держи имя своего корреспондента въ тайнѣ, а въ „Колоколѣ“ напечатай какъ можно скорѣе. Кланяюсь всѣмъ друзьямъ.

Твой Тургеневъ.

„P. S. Мой адресъ:

Rome, Hôtel d'Angleterre № 57“.

Слѣдующее письмо Тургенева изъ Рима (отъ 7 января 1858 г.) также наполнено разнаго рода совѣтами и свѣдѣніями для „Колокола“.

„Любезный Герценъ, — писалъ Тургеневъ: — отвѣчаю на твое исполненное каламбуровъ и дружелюбія письмо. Спасибо за присылку отрывковъ изъ „Колокола“, но я уже вчера получилъ весь № отъ одного изъ твоихъ пламеннѣйшихъ поклонниковъ (имя ихъ легіонъ). Впередъ, пожалуйста, присылай мнѣ „Колоколъ“ sous bande и „Полярную“ — idem, и книгу о Корфѣ—idem. Это—самый скорый и вѣрный способъ доставленія. Шестой № „Колокола“—хорошъ, но, по моему, немного сбивается на Charivari; а „Колоколъ“ и „Шаривари“—большая разница. Я знаю, что не во всякій № можно написать такую статью, какъ въ № 4 [1]), но „игривость“ не нужна, особенно теперь, когда въ Россіи готовятся весьма серьезныя вещи. Два рескрипта и 3-й о томъ-же Игнатьеву произвели въ нашемъ дворянствѣ тревогу неслыханную [2]); подъ наружной готовностью скрывается самое тупое упорство и страхъ, и скаредная скупость; но уже теперь назадъ пойти нельзя: le vin est tiré — il faut le boire. Жаль также, что ты напечаталъ извѣстіе о побѣдѣ, — пребываніи Беринга въ то время, какъ его замѣнили Ахматовымъ [3]). Этотъ господинъ совсѣмъ въ другомъ родѣ: сладкій, учтивый, богомольный — и засѣкающій на слѣдствіяхъ крестьянъ, не возвышая голоса и не снимая перчатокъ. Онъ мѣтилъ при Николаѣ Павловичѣ въ

[1]) Статья Герцена по поводу книги барона Н. И. Корфа: „О вступленіи на престолъ императора Николая 1-го“.

[2]) Рескрипты Назимову (виленскому генералъ-губернатору) и петербургскому (Игнатьеву), въ которыхъ впервые затронутъ вопросъ объ эмансипаціи крестьянъ.

[3]) Берингъ—московскій полиціймейстеръ. Позднѣе, въ № 8 „Колокола“ Герценъ исправилъ свою ошибку и напечаталъ извѣстіе объ увольненіи Беринга и отдачѣ по повел. государя подъ судъ полицейскихъ, оскорбившихъ студентовъ.

оберъ-прокуроры Святѣйшаго Синода. Теперь попалъ въ полицiймейстеры.

„Кстати, я надѣюсь, что ты „Зальцмана“ помѣстишь въ „Колоколѣ“, а не въ „Полярной Звѣздѣ“. Въ „Колоколѣ“ оно будетъ въ тысячу разъ дѣйствительнѣе. Кстати еще, вотъ тебѣ анекдотъ, который, однако, ты *не разглашай.*—Актеровъ въ Москвѣ вздумали прижать, отнять у нихъ ихъ собственныя деньги; они рѣшились отправить отъ себя депутатомъ старика Щепкина искать правды у Гедеонова (молока отъ козла). Тотъ, разумѣется, и слышать не хочетъ; „тогда,—говоритъ Щепкинъ: — остается пожаловаться „Колоколу“. — Гедеоновъ вспыхнулъ и кончилъ тѣмъ, что деньги возвратилъ актерамъ. Вотъ, братъ, какiя штуки выкидываетъ твой „Колоколъ“ [1]).

„Мнѣ очень весело, что моя статейка вамъ обоимъ понравилась; а писалъ я ее mit schwerem Herzen. Дальнѣйше рекомендую себя Вашей снисходительности.

„Боткинъ, съ которымъ я вижусь каждый день, совершенно симпатизируетъ твоей дѣятельности и велитъ тебѣ сказать, что, по его мнѣнiю, ты и твои изданiя составляютъ эпоху въ жизни Россiи.

„Очень мнѣ прiятно было услышать о томъ, что здоровье Огарева послѣ такой жуткой операцiи совсѣмъ поправилось; я ему на дняхъ напишу. Мой пузырь все меня безпокоитъ; посмотрю,—не подѣйствуютъ-ли на него твои каламбуры.

„Ты пишешь, что рекомендуешь Иванову [2]) книгу, а какую именно,—осталось у тебя въ чернильницѣ.

„Ну, прощай, будь здоровъ и присылай sous bande все, что у тебя готово. А контерфей [3]) мой продается совершенно безъ моего вѣдома, Богъ знаетъ кѣмъ и какой. Я самъ еще не дошелъ до того, чтобы думать, что мое лицо можетъ быть интересно au gros du public.

Твой Тургеневъ“.

Герцена задѣло сравненiе „Колокола“ съ „Шариварн“, и онъ въ № 8 „Колокола“ отвѣтилъ Тургеневу.

---

[1]) Сообщенiемъ Герцена о Щепкинѣ Герценъ воспользовался позднѣе, въ замѣчательномъ, полномъ автобiографическихъ подробностей, некрологѣ Щепкина (см. выше).

[2]) А. А. Ивановъ, извѣстный художникъ, жившiй тогда въ Римѣ.

[3]) Портретъ.

„На дняхъ,—писалъ Герценъ:—мы получили письмо, строго критикующее „Колоколъ“.

„Письмо это проникнуто такимъ теплымъ чувствомъ любви къ дѣлу и желаніемъ добра отъ нашихъ изданій, что намъ остается искренно поблагодарить анонимнаго (!!) критика и воспользоваться тѣми изъ его совѣтовъ, съ которыми согласна наша совѣсть.

„Намъ очень жаль, что въ письмѣ именно сказано, чтобы мы его не печатали, намъ хотѣлось-бы сообщить его нашимъ читателямъ“.

Вслѣдъ затѣмъ Герценъ дѣлаетъ, согласно вышеприведенному письму Тургенева, нѣкоторыя дополненія къ напечатаннымъ въ „Колоколѣ“ извѣстіямъ о дѣлѣ Беринга и потомъ переходитъ къ затронутой Тургеневымъ темѣ объ излишней „игривости“ „Колокола“.

„Что касается до смѣшного,—пишетъ Герценъ:—мы не совсѣмъ согласны съ нашимъ критикомъ. Смѣхъ—одно изъ самыхъ сильныхъ орудій противъ всего, что отжило и еще держится, Богъ знаетъ на чемъ, важной развалиной, мѣшая расти свѣжей жизни и пугая слабыхъ.

„Смѣхъ вовсе дѣло не шуточное, и имъ мы не поступимся. Въ древнемъ мірѣ хохотали на Олимпѣ и хохотали на землѣ, слушая Аристофана и его комедіи, хохотали до самаго Лукіана. Съ IV столѣтія человѣчество перестало смѣяться,—оно все плакало, и тяжелыя цѣпи пали на умъ середь стенаній и угрызеній совѣсти. Какъ только лихорадка изувѣрства стала проходить, люди стали опять смѣяться. Написать исторію смѣха было бы чрезвычайно интересно. Во фрунтѣ, передъ начальникомъ департамента, передъ частнымъ приставомъ, передъ нѣмцемъ управляющимъ — никто не смѣется. Крѣпостные слуги лишены права улыбки въ присутствіи помѣщиковъ. Одни равные смѣются между собою.

„Если низшимъ позволить смѣяться при высшихъ, или если они не могутъ удержаться отъ смѣха, тогда прощай чинопочитаніе. Заставить улыбнуться надъ богомъ Аписомъ, значитъ разстричь его изъ священнаго сана въ простые быки. Снимите мундиръ съ гусара, сажу съ трубочиста и они не будутъ страшны ни для малыхъ, ни для большихъ. Смѣхъ нивелируетъ,—а этого-то и не хотятъ люди, боящіеся повиснуть на своемъ собственномъ удѣльномъ вѣсѣ. Ари-

стократы всегда такъ думали, и жена графскаго дворецкаго Фигаро, жалуясь въ La mère coupable на горькіе слѣды 1789 года, говоритъ, что теперь всѣ сдѣлались *какъ всѣ*, comme tout le monde.

„Въ русскомъ характерѣ вообще есть азіатская склонность къ вычурному подобострастію, съ одной стороны, и къ надменному чванству, съ другой. Объясните иностранцу (и въ особенности не нѣмцу), что простой смертный носитъ *рубашку,* а баринъ—*сорочку,* что одинъ—*спитъ,* а другой—*почиваетъ,* одинъ — *пьетъ* чай, а другой — *изволитъ его кушать;* все это пришло изъ Золотой Орды и изъ томпаковой Германіи.

„И отчего это мы такъ обидчивы, когда дѣло идетъ о шуткѣ, и такъ выносливы, когда насъ бранятъ сверху? Это ужъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ спрашивалъ Бѣлинскій...“

VI.

Тургеневъ, весной 1859 г., былъ опять за-границей и, вѣроятно, видѣлся съ Герценомъ, такъ какъ намъ извѣстно лишь одно письмо Тургенева къ Герцену за весь 1859 г., датированное: „Парижъ, 16 сентября“, наканунѣ его новаго отъѣзда въ Россію.

„Милый другъ Александръ Ивановичъ!—писалъ Тургеневъ.—Я уѣзжаю завтра въ Россію и,—прибавишь ты:—„только теперь вздумалъ написать ко мнѣ“. Дѣйствительно, я немножко поздно хватился, но дѣлать нечего. Собственно, пишу я къ тебѣ, чтобъ узнать, правда ли, что тебя посѣтилъ Чернышевскій, и въ чемъ состояла цѣль его посѣщенія, и какъ онъ тебѣ понравился? Напиши объ этомъ подробно не мнѣ,—меня письмо твое не застанетъ, при томъ же я все узнаю въ Петербургѣ, а Колбасину и Шеншину, которые очень интересуются этимъ. Ты знаешь адресъ Колбасина: Asnières près Paris, 4, Boulevard de la Comète (Lehotville Asnières). Ты ихъ очень этимъ обяжешь. Недѣли черезъ двѣ явится къ тебѣ человѣкъ, котораго ты, навѣрно, хорошо примешь,—декабристъ Вегелинъ, который желаетъ съ тобой познакомиться. Онъ привезетъ тебѣ отъ меня двѣ важныя рукописи, которыя были мнѣ доставлены для „Полярной

Звѣзды“ во время моего пребыванія въ Виши [1]). Я познакомился съ другимъ декабристомъ Волконскимъ, очень милымъ и хорошимъ старикомъ, который тоже тебя любитъ и цѣнитъ. Видѣлъ ты молодого Ростовцева?

„Будь здоровъ. Кланяюсь Огареву, его женѣ и всѣмъ твоимъ. Жму тебѣ крѣпко руку.

Твой Ив. Тургеневъ.

„P. S. Ты можешь для вѣрности написать о Чернышевскомъ иносказательно. Колбасинъ—малый не промахъ, онъ пойметъ“.

Въ сентябрѣ Тургеневъ уѣхалъ въ Россію, гдѣ пробылъ до весны 1860 г.; возвратился онъ за-границу вмѣстѣ съ Анненковымъ, который хотѣлъ ѣхать въ Лондонъ навѣстить Герцена. Самъ Тургеневъ тоже собирался въ Лондонъ, о чемъ и извѣщалъ своего друга въ письмѣ, датированномъ: „Парижъ, 21 мая 1860 г.“.

„Любезный другъ,—писалъ Тургеневъ.—Соображаясь съ твоимъ письмомъ и другими обстоятельствами, я выѣду отсюда 28-го, т. е. черезъ недѣлю, и явлюсь въ твою греческую улицу. Анненковъ долженъ быть теперь у тебя. Напишите мнѣ оба словечко. Получилъ я также № „Колокола“, гдѣ ты такъ „splendidly“ обо мнѣ отзываешься. Мнѣ было совѣстно, и не могъ я этому повѣрить, но мнѣ было пріятно. Мнѣ много нужно съ тобой поговорить и т. д. Заранѣе обнимаю тебя и Огарева. До свиданія.

Твой Ив. Тургеневъ“.

„Блистательный“ (splendidly) отзывъ Герцена о Тургеневѣ находится въ замѣткѣ Герцена объ украинскихъ разсказахъ Марко-Вовчка, переведенныхъ Тургеневымъ, много хлопотавшимъ въ это время объ устройствѣ дѣлъ г-жи Н. А. Маркович (Марко-Вовчка). „Разсказы эти [2])—пишетъ Герценъ:—остановили насъ именемъ переводчика. Прочитавши, мы поняли, почему величайшій современный русскій художникъ—И. Тургеневъ перевелъ ихъ“ [3]).

---

[1]) Лѣтомъ 1859 г.

[2]) „Колоколъ“ № 71, отъ 15 мая 1860 г.

[3]) О сочувственномъ отношеніи Тургенева къ малорусской литературѣ вообще, см. статью В. П. Батуринскаго: „Нѣкоторыя черты изъ жизни Тургенева“, Историч. Вѣст. 1899 г., книга 3-я.

Но Тургеневу не удалось пріѣхать въ Лондонъ въ концѣ мая, какъ онъ разсчитывалъ, а изъ письма Герцена онъ узналъ, что и П. В. Анненковъ вмѣсто Лондона отправился въ Соденъ. Тургеневъ писалъ по этому поводу Герцену (письмо датировано: „Парижъ, 3 іюня 1860 г.“):

„Не сердись на меня, милѣйшій Александръ Ивановичъ, за то, что я поступилъ такъ-же, какъ „Hahnenkopf“ [1]): собирался все къ тебѣ и уѣхалъ въ Соденъ, близъ Франкфурта. Дѣло въ томъ, что я не могъ пробыть въ Лондонѣ болѣе 3-хъ дней, а это не стоило хлопотъ и проч.; а главное, я буду на островѣ Уайтѣ вмѣстѣ съ Ганенкопфомъ въ самыхъ первыхъ числахъ августа и пробуду тамъ недѣли три, слѣдовательно, я насмотрюсь на тебя и наговорюсь съ тобой, ибо и ты тамъ будешь. Впрочемъ, я тебѣ еще напишу изъ Содена, а это письмо передастъ тебѣ Николай Михайловичъ Жемчужниковъ, котораго прошу тебя принять à bras ouverts; я знаю навѣрно, что ты его полюбишь отъ души. Онъ доставитъ тебѣ двѣ важныя бумаги, которыя прошу тебя напечатать и за *несомнѣнность* которыхъ ручаюсь тебѣ своимъ словомъ.

„Итакъ, будь здоровъ и веселъ. Обнимаю тебя и говорю: до свиданія въ августѣ. Кланяюсь Огареву, женѣ его и всѣмъ твоимъ. Крѣпко жму тебѣ руку и остаюсь.

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ“.

На слѣдующій день (4 іюня 1860 г.) Тургеневъ послалъ Герцену новое письмо съ извиненіями по поводу неудавшагося свиданія.

„Ты,—писалъ Тургеневъ:—должно быть, ругалъ, ругалъ меня, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, да ужъ и пересталъ ругать, а разгадка моего молчанія слѣдующая: я нѣсколько дней тому назадъ далъ одному моему хорошему пріятелю, Жемчужникову, письмо къ тебѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми документами, которые просили доставить тебѣ. Онъ хотѣлъ тогда-же уѣхать и до сихъ поръ еще находится въ Парижѣ. Въ четвергъ онъ, однако, ѣдетъ. Но для избѣжанія дальнѣйшихъ недоразумѣній скажу тебѣ, что я, въ подражаніе Ганенкопфу, раздумалъ ѣхать теперь на три

[1]) П. В. Анненковъ; „Hahnenkopf“—называла его квартирная хозяйка нѣмка.

дня въ Лондонъ, когда я съ перваго августа пробуду три недѣли на островѣ Уайтѣ и вѣроятно (т. е. навѣрное), тебя увижу. А теперь я отправляюсь въ Соденъ, возлѣ Франкфурта, гдѣ пробуду шесть недѣль и буду пить воды. Я оттуда напишу тебѣ и пришлю аккуратный адресъ. А теперь прошу на меня не сердиться, обнимаю тебя и кланяюсь всѣмъ твоимъ и остаюсь

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ".

Черезъ недѣлю послѣ этого письма Тургеневъ былъ уже въ Соденѣ, откуда онъ прислалъ къ Герцену (10 іюня 1860 г.) слѣдующее, брызжущее юморомъ письмо:

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ!

„Сегодня ограничиваюсь извѣстіемъ, что я благополучно прибылъ въ Соденъ, мѣстечко близъ Франкфурта на Майнѣ, въ великомъ герцогствѣ Нассаускомъ, что я остановился въ Hôtel de l'Europe, что дождикъ льетъ съ утра, что одинъ докторъ совѣтуетъ мнѣ пить источникъ № 18-й, а другой 16-й; что здѣсь, къ счастью, русскихъ мало, за то есть одинъ такой генералъ, что на двадцать пять шаговъ отъ него несетъ пощечиной, харчевымъ хлѣбомъ, корридоромъ измайловскихъ казармъ въ ночное время и Станиславомъ на шеѣ; что я здѣсь останусь четыре недѣли, а потомъ поскачу на Уайтъ въ твои объятія (кстати, принялъ уже ты въ оныя Боткина, и явился къ тебѣ Николай Жемчужниковъ?); что музыканты, дававшіе мнѣ обычную привѣтственную серенаду, начали съ „Боже, Царя храни", что съ истиннымъ увлеченіемъ прочелъ рѣчь ганноверскаго короля при закладкѣ памятника своему богоспасенному родителю. Тому самому королю, который произвелъ г-на Барриса въ графы за то, что онъ сказалъ всей Германіи, что она—дура. Прочти, ради Бога, эту рѣчь. Она проникнута необыкновеннымъ собственнымъ дстоинствомъ.

„Пока довольно. Напиши мнѣ два слова, я тебѣ отвѣчу двѣсти,—и будь здоровъ и веселъ.

„Кланяюсь Огареву и всѣмъ твоимъ.

Твой Ив. Тургеневъ.

„P. S. Ганенкопфъ въ Италіи, но къ августу и онъ прилетитъ зефиромъ на Уайтъ—вотъ такъ: (рисунокъ)".

Помимо вышеприведеннаго, намъ извѣстно еще одно письмо Тургенева изъ Содена (отъ 2 іюля 1860 г.). Тургеневъ тогда подготовлялъ полное собраніе своихъ сочиненій, и письмо къ Герцену почти исключительно занято этимъ сюжетомъ.

„Милый Александръ Ивановичъ, — писалъ Тургеневъ: — ты можешь меня крайне обязать, и я знаю, что ты это сдѣлаешь. У тебя, вѣроятно, есть „Поѣздка въ Полѣсье“ и „Ася“ — двѣ мои повѣсти: одна помѣщена въ „Библіотекѣ для Чтенія“, другая—въ „Современникѣ“ („Ася“ явилась въ 1 № „Современника“ за 1858 г., „Поѣздка“—въ 1858 же году въ „Библіотекѣ“). Мнѣ эти повѣсти крайне нужны. Я продалъ полное изданіе своихъ сочиненій и взялся все пересмотрѣть, а срокъ уже приходитъ. Попроси Огарева поискать эти двѣ штуки и самъ поищи, и *тотчасъ же* пришли мнѣ ихъ сюда по новому моему адресу (я съѣхалъ изъ Hôtel de l'Europe, гдѣ меня грабили), а именно: bei August Weber (Soden, bei Frankfurt am Main). Этимъ ты меня крайне обяжешь. Я разсчитывалъ было найти эти вещи въ Парижѣ, но не нашелъ ихъ. Пожалуйста, исполни мою просьбу немедля или напиши, что не можешь.

„Мнѣ здѣсь очень хорошо и, кажется, на мое здоровье воды хорошо дѣйствуютъ. Одно скверно: все дожди. Пріобрѣлъ покупкой 72-й № „Колокола“—очень хорошъ.

„Жму тебѣ крѣпко руку.

„До свиданія въ началѣ августа.

Твой Ив. Тургеневъ“.

VII.

Въ августѣ 1860 г. на островѣ Уайтѣ собрался довольно многочисленный русскій кружокъ, членами котораго въ то время оказались: И. С. Тургеневъ, П. В. Анненковъ, А. И. Герценъ, Н. П. Огаревъ, гр. А. К. Толстой (поэтъ), В. П. Боткинъ, братья графы Ростовцевы (сыновья графа В. Ростовцева) и др. Нѣсколько недѣль прошло въ оживленныхъ разговорахъ и спорахъ. Среди членовъ кружка возникла мысль основать „Общество для распространенія грамотности

и первоначальнаго обученія". Тургеневъ написалъ программу общества. Программа эта обсуждалась на собраніяхъ кружка и послѣ многихъ преній была принята. Предполагалось разослать составленный „проектъ" различнымъ вліятельнымъ лицамъ и представителямъ интеллигенціи. Тургеневъ вскорѣ дѣятельно занялся разсылкой „проекта", но онъ не получилъ практическаго примѣненія, такъ какъ вскорѣ послѣдовало закрытіе воскресныхъ школъ и вообще, начали чувствоваться „вѣянія", при которыхъ „проектъ" не могъ встрѣтить сочувствія въ правительственныхъ сферахъ [1]).

Герценъ, впрочемъ, уѣхалъ съ Уайта прежде, чѣмъ „проектъ" былъ окончательно выработанъ. Все время его пребыванія на островѣ Уайтѣ у него шли оживленные споры съ Тургеневымъ, который неодобрительно относился къ славянофильской окраскѣ воззрѣній Герцена на русскій народъ. Друзья надѣялись увидаться еще въ Лондонѣ передъ отъѣздомъ Тургенева во Францію, но этой надеждѣ не удалось осуществиться, какъ видно изъ нижеслѣдующаго письма (отъ 6 сентября 1860 г., Куртавенель).

„Милый Александръ Ивановичъ,—писалъ Тургеневъ:—ты, вѣроятно, удивился, узнавъ отъ M-me N. N., что я проскочилъ черезъ Лондонъ, не видавъ тебя, но я, во-первыхъ, не зналъ до той минуты, что ты въ Лондонѣ, а во-вторыхъ, у меня не было рѣшительно ни одной минуты свободной, такъ что я и Огарева не видалъ. Теперь я въ деревнѣ у г-жи Віардо и хожу на охоту, насколько позволяютъ непрерывные дожди, а черезъ нѣсколько дней я отправляюсь въ Парижъ—искать квартиру. Если ты не перемѣнилъ своего намѣренія насчетъ англійской гувернантки, то я съ удовольствіемъ примусь тебѣ отыскивать таковую, съ помощью моей знакомой, содержательницы пансіона въ Парижѣ: Rue Lafitte, Hôtel Byron. Я надѣюсь, что ты получилъ черезъ Огарева нашъ проектъ: напиши мнѣ свое мнѣніе о немъ со всей искренностью [2]): я дорожу твоимъ мнѣніемъ въ этомъ дѣлѣ (да и вообще) больше, чѣмъ сотнями другихъ.

---

[1]) Анненковъ. „Шесть лѣтъ переписки". „Вѣстникъ Европы", апрѣль 1885.

[2]) Тургеневъ имѣетъ въ виду „Проектъ Общества для распространенія грамотности и первоначальнаго обученія".

Я надѣюсь, что въ Парижѣ увижу послѣдніе №№ „Колокола“. А дѣло крестьянскаго освобожденія пошло скорой рысью назадъ!

„Жду твоего отвѣта и дружески жму твою руку, если она вмѣстѣ съ твоимъ тѣломъ не замерзла въ твоемъ орлиномъ гнѣздѣ. Впрочемъ, тебѣ пріятенъ не только сѣверный вѣтеръ,—сѣверный ураганъ.

„Кланяюсь твоимъ дѣтямъ, которыхъ уже не смѣю цѣловать.

Твой Ив. Тургеневъ“.

Цѣлый рядъ писемъ, помѣщаемыхъ ниже, посвященъ отношеніямъ Тургенева къ г-жѣ Н. М., въ судьбѣ которой Тургеневъ принималъ самое горячее участіе, равно какъ и въ судьбѣ семьи умершаго въ Парижѣ Ш. Письма эти лучше всего показываютъ глубокую отзывчивость Тургенева ко всякому чужому горю и являются новымъ свидѣтельствомъ необычайной доброты и мягкости великаго писателя. Первое изъ приводимыхъ ниже писемъ датировано: „Куртавенель, 27 сентября 1860 г.“

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, я, какъ только получилъ твое письмо, переданное мнѣ Delavo'-іемъ, немедленно вручилъ его Н. М—внѣ, которая также немедленно хотѣла отвѣтить тебѣ. Мнѣ съ ней было хлопотъ немало: надо было ее вывести на свѣтъ Божій изъ омута фальшивыхъ отношеній, долговъ и т. д., въ которомъ она вертѣлась. Мужъ ея незлой и честный даже человѣкъ, но хуже всякаго злодѣя своимъ мелкимъ, раздражительнымъ, самолюбивымъ и невыносимо тяжелымъ эгоизмомъ. Прожиганіемъ денегъ (при совершенномъ отсутствіи не только комфорта, но даже платья) онъ напоминаетъ мнѣ Бакунина (ничѣмъ другимъ, разумѣется, ибо при этомъ онъ ограниченъ до нищеты). Я рѣшился, чтобы зло пресѣчь, помѣстить Н. М. въ пансіонъ, гдѣ она за 175 фр. въ мѣсяцъ имѣетъ все готовое, отправить супруга въ Петербургъ, гдѣ его ждетъ мѣсто, приготовленное Ковалевскимъ, привести въ извѣстность всѣ долги и тѣмъ самымъ пріостановить ихъ, а отчаяннаго и скверно воспитаннаго, но умнаго мальчишку, сына Н. М., отдать въ institution для вышколенія. Но супругъ, жившій доселѣ деньгами и долгами жены, не иначе соглашается ѣхать изъ

Гейдельберга, какъ простившись съ нею и съ сыномъ *тамъ*: и вотъ, она туда поскакала на два дня, что ей будетъ стоить франковъ 300. По крайней мѣрѣ, она отвезетъ ему деньги на отъѣздъ и приведетъ долги его въ Гейдельбергѣ въ ясность, т. е. возьметъ на себя. (Онъ, главное, задолжалъ Гофману, бывшему московскому профессору).

„Поблагодари за меня Огарева за его дружеское письмо: совѣтъ его на счетъ нашихъ будущихъ школъ будетъ принятъ къ свѣдѣнію; что ты говоришь о нашемъ проектѣ?

„Я нанялъ себѣ квартиру на 8 мѣсяцевъ въ Парижѣ: Rue Rivoli, 210, и переѣзжаю туда черезъ недѣлю. Жду твоего отвѣта насчетъ англичанки.

„Надѣюсь, что ты со всѣми твоими здоровъ и веселъ, хотя погода продолжаетъ быть мерзостной. Крѣпко жму тебѣ руку и кланяюсь твоимъ.

Твой Ив. Тургеневъ".

„Пишется письмо,—шутливо начинаетъ Тургеневъ [1]):— отъ Ивана Тургенева къ Александру Герцену, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты:

„1) До сихъ поръ не узналъ еще имени автора берлинской книги, но, узнавши, сообщу [2]). Кто Вагнеръ,—не знаю. А въ „Библіотекѣ для чтенія" есть статья о Саванароллѣ, подписанная М. Эссенъ. Этотъ Эссенъ былъ сосланъ на Кавказъ за протестъ, присланный имъ изъ Тамбова противъ гнусной рѣчи, произнесенной профессоромъ съ фамиліей вродѣ „Антрополохскій" и одобренной Казанскимъ университетомъ.

„2) Спасибо за обѣщанные втеченіе 10 лѣтъ 50 франковъ. Я съ этой исторіей имѣлъ много самыхъ непріятныхъ хлопотъ. Мы надѣемся набрать франковъ 300; съ этимъ ребенокъ не умретъ съ голоду.

„3) Фотографію Бакунина мнѣ показалъ N. N., и я могу получить (и получу) нѣсколько оттисковъ отъ Захарьина. А твоей фотографіи я не получалъ и даже не думаю, чтобъ сынъ твой былъ у меня; по крайней мѣрѣ, онъ не оставилъ никакихъ слѣдовъ своего визита.

---

[1]) Письмо это датировано: „Парижъ, 13 октября, 1860 г."

[2]) Вѣроятно, книга Елагина: „Искандеръ-Герценъ", появившаяся въ 1860 году, въ Берлинѣ.

„(14 октября).—На этомъ пунктѣ письма засталъ меня твой выговоръ. Согласенъ, что заслужилъ его, хотя не въ томъ смыслѣ, какъ ты полагаешь. Грѣшенъ я всякими грѣхами, но страсти къ сплетнямъ особенно сильной въ себѣ не чувствую. Вотъ, какъ все случилось. Ты знаешь, что я нахожусь въ отношеніи къ Н. М. въ положеніи дяди или дядьки и говорю съ ней очень откровенно. Я совершенно убѣжденъ, что между нею и П (ассекомъ) нѣтъ рѣшительно ничего, и это убѣжденіе основывается именно на тѣхъ психологическихъ данныхъ, о которыхъ ты упоминаешь; но les apparences—дѣйствительно противъ нея. А потому я и сталъ ей доказывать, что брать на себя невыгоды извѣстнаго положенія, не получая его выгодъ, значитъ дѣлать глупость; и въ подтвержденіе того, что это говорится не одними вздорными людьми, привелъ твой авторитетъ, такъ какъ я знаю, что она тебя уважаетъ и любитъ. Я не счелъ нужнымъ оговориться и потребовать отъ нея тайны, я позабылъ взять въ соображеніе ея наивность и добродушіе. Бѣды, впрочемъ, во всемъ этомъ никакой нѣтъ; она точно такъ-же благодарна тебѣ, какъ и мнѣ за дружеское предостереженіе; а потому укроти свой гнѣвъ. Письмо твое я ей доставилъ, а живетъ она: Rue Clichy, № 19, chez M-me Rorion. У ней на-дняхъ сынъ чуть не умеръ отъ крупа, и она очень перепугалась.

„Ты пишешь, что дочь твоя сюда ѣдетъ. Но съ кѣмъ и гдѣ она остановилась, не упоминаешь. Нечего тебѣ говорить, что дочь моя и гувернантка моя (которая оказывается прекрасной женщиной), и я, мы готовы носить ее на рукахъ и всячески о ней заботиться. Но для этого надобно знать, гдѣ она будетъ жить.

„Ну, прощай, пока, строгій, но справедливый человѣкъ. Крѣпко жму тебѣ руку и остаюсь

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

„P. S. На-дняхъ обѣдалъ съ Долгорукимъ. Здѣсь также любезнѣйшій Ешевскій и Чичеринъ. И. Т.“.

Какъ мы уже сказали выше, помимо г-жи Н. М., не мало хлопотъ доставила Тургеневу смерть его знакомаго, г. Ш., оставившаго послѣ себя женщину, съ которой онъ жилъ, и ребенка безъ всякихъ средствъ. Тургеневъ писалъ по этому поводу Герцену (изъ Парижа, отъ 24 октября 1860 г.):

„Любезный другъ,

„Не знаю, дошло ли до тебя извѣстіе, что Ш. три дня тому назадъ умеръ отъ удара. Этого слѣдовало ожидать, но горестно то, что онъ оставилъ послѣ себя женщину и ребенка, которыхъ ничѣмъ не обезпечилъ, а вдова его (довольно противная барыня,—между нами) кричитъ, пищитъ, плачетъ, клянется въ любви къ законному мужу, но не вѣритъ или притворяется, что не вѣритъ, что сынъ—его, и что онъ могъ имѣть какую-нибудь серьезную связь, когда еще за три дня до своей смерти онъ, прибавляетъ она, „клялся у моихъ ногъ и восклицалъ: о, Викторина!" Должно замѣтить, что эта самая „Викторина" уѣзжала прочь отъ него за любовникомъ въ Одессу. Я взялся хлопотать о бѣдномъ ребенкѣ, такъ какъ всѣ деньги теперь въ рукахъ у вдовы, и до сихъ поръ успѣваю мало. Не говорилъ ли онъ тебѣ что-нибудь о своихъ отношеніяхъ? Въ такомъ случаѣ напиши только *мнѣ*, не кому другому, чтобы не вышло сплетней. Дѣло это весьма щекотливое. Ты знаешь мой адресъ: Rue de Rivoli, 210.

„Спасибо за присылку „Колокола". Хорошо ты всѣхъ отдѣлалъ, но еще! еще! Какъ сказано въ одной поэмѣ:

„Ещѣ разить, ещ*ѣ*, ещ*ѣ*...
„Погибъ, погибъ сей мужъ въ плащѣ!

„Мужья въ плащѣ у насъ живучи и разить „ещ*ѣ*" и „ещ*ѣ*" необходимо.

„Неужели ты еще долго проживешь въ Бурнемаусѣ? Если бъ я имѣлъ честь быть тобою, я бы рискнулъ на каламбуръ о бурномъ Эмаусѣ, при чемъ сравнилъ бы тебя съ апостоломъ и т. д., но у меня ничего изъ этого не выйдетъ.

„Получилъ ли ты мое письмо, адресованное въ тотъ же Bournemauth? Извѣсти, когда ты переѣзжаешь и куда.

„П. В. [1]) тебѣ кланяется изъ Петербурга. Я получилъ отъ него интереснѣйшее письмо. Хаотическое состояніе нашего отечества умилительно.

„Я принялся за работу, но она идетъ безобразно туго.

---

[1]) П. В. Анненковъ.

„Прощай пока. Крѣпко жму тебѣ руку и кланяюсь всѣмъ твоимъ.

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

„P. S. Я понялъ конецъ „Желчевиковъ“ и сугубо тебѣ благодаренъ. Пора этого безстыднаго мазурика на лобное мѣсто. И за насъ, лишнихъ, заступился. Спасибо“.

VIII.

Postscriptum вышеприведеннаго письма относится къ статьѣ Герцена „Лишніе люди и желчевики“, помѣщенной въ № 83 „Колокола“ (отъ 15 октября 1860 г.), и требуетъ нѣкоторыхъ объясненій.

Мы уже привели выше переписку Герцена съ Некрасовымъ и указали на существовавшія между ними непріязненныя отношенія, которыя со стороны Герцена мотивировались якобы небрежнымъ отношеніемъ Некрасова къ денежнымъ вопросамъ и участіемъ его въ некрасивомъ дѣлѣ вымогательства денегъ у Н. П. Огарева при посредствѣ его первой жены. Къ началу 1860 года начали портиться и отношенія Тургенева къ Некрасову, вскорѣ перешедшія въ открытую вражду. Первыя наступательныя дѣйствія были произведены „Современникомъ“, редакція котораго сообщила публикѣ, что въ виду „разности взглядовъ и убѣжденій“ Тургеневъ „уволенъ“ изъ числа сотрудниковъ „Современника“. Это была фактическая неправда. У Тургенева было письмо отъ Некрасова съ самыми блестящими предложеніями. Тургеневъ по этому поводу писалъ Достоевскому: „Я отвѣтилъ ему (Некрасову), что сотрудникомъ „Современника“ болѣе не буду, ну, и выходитъ, что надо сказать публикѣ, что меня прогнали“. Помимо этого, въ „Свисткѣ“ появились намеки на отношенія Тургенева къ m-me Віардо, которые еще болѣе подлили масла въ огонь. Между Тургеневымъ и Некрасовымъ произошелъ полный разрывъ.

Герценъ, въ свою очередь, отрицательно относился не только къ самому Некрасову, но и къ нѣкоторымъ крайностямъ литературныхъ мнѣній „Современника“. Особенное недовольство его вызывалъ „Свистокъ“, которому онъ даже по-

святилъ особую статью, озаглавленную „Very dangerous“ (очень опасно), изъ которой мы сдѣлаемъ нѣкоторыя выдержки [1]). Статья эта тѣмъ болѣе характерна, что она относится еще къ 1859 г., когда отношенія не были такъ обострены.

„Въ послѣднее время,—писалъ Герценъ:—въ нашемъ журнализмѣ стало повѣвать какой-то тлетворной струей, какимъ-то *развратомъ* мысли.

„*Чистымъ* литераторамъ, людямъ звуковъ и формъ, надоѣло гражданское направленіе нашей литературы, ихъ стало оскорблять, что такъ много пишутъ о взяткахъ и гласности и такъ мало „Обломовыхъ“ и антологическихъ стихотвореній. Если бъ только единственный „Обломовъ“ не былъ такъ непроходимо скученъ, то еще это мнѣніе можно бы было имъ отпустить. Люди не виноваты, когда не имѣютъ сочувствія къ жизни, которая возлѣ нихъ ломится, рвется впередъ и, сознавая свое страшное положеніе, начинаетъ, положимъ, нескладно, говорить объ немъ, но все-таки говоритъ. Мы видѣли въ Германіи всякихъ Жанъ-Полей, которые въ виду революцій и реакцій исходили млѣніемъ, составляли лексиконы или сочиняли фантастическія повѣсти.

„Но вотъ, шагъ *дальше*.

„Журналы, сдѣлавшіе себѣ пьедесталъ изъ благородныхъ негодованій и чуть не ремесло изъ мрачныхъ сочувствій къ страждущимъ,—катаются со смѣху надъ *обличительной* литературой, надъ неудачными опытами *гласности*. И это не то, чтобы случайно, но при большомъ театрѣ ставятъ особые балаганчики для освистыванія первыхъ опытовъ свободнаго слова литературы, у которой еще не заросли волосы на полголовѣ, такъ она недавно сидѣла въ острогѣ.

„Смѣхъ есть вещь судорожная, и на первую минуту человѣкъ смѣется всему смѣшному, но бываетъ вторая минута, въ которую онъ краснѣетъ и презираетъ и свой смѣхъ, и того, кто его вызвалъ. Всего генія Гейне чуть хватило, чтобъ покрыть двѣ-три отвратительныя шутки надъ умершимъ Берне, надъ Платеномъ и надъ одной живой дамой. На время публика отшарахнулась отъ него, и онъ помирился съ нею только своимъ необычайнымъ талантомъ.

---

[1]) „Колоколъ“, № 44, отъ 1 іюня 1859 г.

„... Мы сами очень хорошо видѣли промахи и ошибки обличительной литературы, неловкость первой гласности, но что же тутъ удивительнаго, что люди, которыхъ всю жизнь грабили прежніе квартальные, судьи и пр., слишкомъ много говорятъ объ этомъ теперь? Они еще больше молчали объ этомъ!

„Давно-ли у насъ вкусъ такъ избаловался, утончился? Мы безропотно выносили десять лѣтъ болтовню о всѣхъ петербургскихъ камеліяхъ и аспазіяхъ [1]), которыя, во-первыхъ, во всемъ мірѣ похожи другъ на друга, какъ родныя сестры, а во-вторыхъ, имѣютъ то общее свойство съ котлетами, что ими можно иногда наслаждаться, но говорить о нихъ совершенно нечего.

„Могутъ сказать: да зачѣмъ же обличительные литераторы дурно разсказываютъ, зачѣмъ ихъ повѣсти похожи на канцелярское „дѣло?“ Но это можетъ относиться къ лицамъ, а не къ направленію. Вѣдь тотъ, кто дурно и скучно передаетъ о слезахъ крестьянина, неистовствѣ помѣщика и воровствѣ полиціи, тотъ, будьте увѣрены, еще хуже разскажетъ, какъ златокудрая дѣва, зачерпнувшая воды въ бассейнѣ, облилась, а черноокій юноша, видя быстротекущую влагу, жалѣлъ, что она не течетъ по его сердцу.

„Въ „обличительной литературѣ“ были превосходныя вещи. Вы воображаете, что всѣ разсказы Щедрина и нѣкоторые другіе такъ и можно теперь огуломъ бросить съ Обломовымъ на шеѣ въ воду? Слишкомъ роскошничаете, господа!

„Вамъ оттого не жаль этихъ статей, что міръ, о которомъ онѣ пишутъ, чуждъ вамъ; онъ васъ интересовалъ только потому, что объ немъ раньше запрещали писать. Столичныя растенія, вы вытянулись между Грязной и Мойкой, за городской чертой для васъ начинаются чужіе края. Суровая картина какого-нибудь „Перевоза“, съ телѣгами въ грязи, съ раззоренными мужиками, смотрящими съ отчаяніемъ на паромъ и ждущими день и другой, и третій,—васъ не можетъ столько занять, какъ длинная Одиссея какой-нибудь полузаглохшей, леденящейся натуры, которая тянется, со-

---

[1]) Намекъ на „Письма Чернокнижникова“, печатавшіяся въ 50-хъ гг. въ „Современникѣ“.

ловѣетъ, разсыпается въ однѣ безсмысленныя подробности. Вы готовы сидѣть за микроскопомъ и разбирать этотъ гной, это возбуждаетъ вамъ нервы [1]). Мы, совсѣмъ напротивъ, безъ зѣвоты и отвращенія не можемъ слѣдить за физіологическими описаніями какихъ-то невскихъ мокрицъ, пережившихъ тотъ героическій періодъ свой, въ которомъ ихъ предки—чего нѣтъ!—были Онѣгины и Печорины!

„И сверхъ того, Онѣгины и Печорины были совершенно истинны, выражая дѣйствительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни. Печальный рокъ лишняго, потерявшагося человѣка только потому, что онъ развился въ *человѣка*, являлся тогда не только въ поэмахъ и романахъ, но на улицахъ и въ гостинныхъ, въ деревняхъ и городахъ. Наши литературные фланкеры послѣдняго набора шпыняютъ теперь надъ этими праздными людьми, не умѣвшими найтись въ той средѣ, въ которой жили...

„... Но время Онѣгиныхъ и Печориныхъ прошло. Теперь въ Россіи нѣтъ *лишнихъ* людей, теперь, напротивъ, къ этимъ огромнымъ запашкамъ рукъ не достаетъ. Кто теперь не найдетъ дѣла, тому пенять не на кого, тотъ въ самомъ дѣлѣ *пустой* человѣкъ, свищъ или лѣнтяй. И оттого, очень естественно, Онѣгины и Печорины дѣлаются Обломовыми.

„Общественное мнѣніе, баловавшее Онѣгиныхъ и Печориныхъ, потому что чуяло въ нихъ *свои страданія*, отвернется отъ Обломовыхъ.

„Это сущій вздоръ, что у насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія, какъ говорилъ недавно одинъ ученый публицистъ, доказывая, что у насъ гласность не нужна, потому что нѣтъ общественнаго мнѣнія, а общественнаго мнѣнія нѣтъ потому, что нѣтъ буржуазіи.

„У насъ общественное мнѣніе показало и свой тактъ, и свои симпатіи, и свою неумолимую строгость даже во время общественнаго молчанія. Откуда этотъ шумъ о Чаадаевскомъ письмѣ, отчего этотъ фуроръ отъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, отъ разсказовъ „Охотника“, отъ статей Бѣлинскаго, отъ лекцій Грановскаго? И съ другой стороны, какъ оно зло опрокидывалось на свои идолы за гражданскія измѣны или шаткости. Гоголь умеръ отъ его приговора; самъ Пуш-

[1]) Намекъ на статью Добролюбова объ „Обломовѣ“.

кинъ испыталъ, что значитъ взять невѣрный аккордъ. Литераторы наши скорѣе прощали дифирамбы, чѣмъ публика; у нихъ совѣсть притупилась отъ изощренія эстетическаго нёба!

„Примѣръ Сенковскаго еще поразительнѣе. Что онъ взялъ со всѣмъ своимъ остроуміемъ, семитическими языками, семью литературами, бойкой памятью, рѣзкимъ изложеніемъ? Сначала—ракеты, искры, трескъ, бенгальскій огонь, свистки, шумъ, веселый тонъ, развязный смѣхъ привлекали всѣхъ къ его журналу, но... посмотрѣли, посмотрѣли, похохотали и разошлись мало-по-малу по домамъ. Сенковскій былъ забытъ, какъ бываетъ забытъ на Ѳоминой недѣлѣ какой-нибудь покрытый блестками акробатъ, занимавшій на святой отъ мала до велика весь городъ, въ балаганѣ котораго не было мѣста, у дверей котораго была давка...

„Чего ему недоставало? А вотъ того, что было въ такомъ избыткѣ у Бѣлинскаго, у Грановскаго,—того вѣчно тревожащаго демона любви и негодованія, которыя видны въ слезахъ и смѣхѣ. Ему недоставало такого убѣжденія, которое было бы *дѣломъ* его жизни, *картой,* на которую *все* поставлено,—страстью, болью. Въ словахъ, идущихъ отъ такого убѣжденія, остается доля магнетическаго демонизма, подъ вліяніемъ котораго работалъ говорящій, оттого рѣчи его безпокоятъ, тревожатъ, будятъ, становятся силой, мощью и двигаютъ иногда цѣлыми поколѣніями...

„Но мы далеки отъ того, чтобы и Сенковскаго осуждать безусловно: онъ оправдывается той свинцовой эпохой, въ которой онъ жилъ. Онъ могъ сдѣлаться холоднымъ скептикомъ, равнодушнымъ blasé, смѣющимся добру и злу и ничему не вѣрующимъ точно такъ, какъ другіе выбрили себѣ темя, сдѣлались іезуитскими попами и повѣрили всему на свѣтѣ... [1]). Это все было бѣгство, да и какъ же было тогда не бѣжать?

„Что же похожаго на то время, когда балагурничалъ Сенковскій подъ именемъ Брамбеуса, съ нашимъ временемъ? Тогда *нельзя* было ничего дѣлать... Теперь все вездѣ зоветъ живого человѣка, все въ починѣ, въ возникновеніи, и если ничего не сдѣлается, въ этомъ никто не виноватъ,—виной

[1]) Намекъ на моск. проф. Печорина и кн. Гагарина, поступившихъ въ орденъ іезуитовъ.

будетъ ваша слабость, пеняйте на себя, на ложное направленіе и имѣйте самоотверженіе сознать себя выморочнымъ поколѣніемъ, переходнымъ, тѣмъ самымъ, которое воспѣлъ Лермонтовъ съ такой страшной истиной!..

„Вотъ потому-то въ такое время пустое балагурство скучно, неумѣстно; но оно дѣлается отвратительно и гадко, когда привѣшиваютъ свои ослиные бубенчики къ рабочей лошади, которая, въ поту и выбиваясь изъ силъ, вытаскиваетъ — можетъ, иной разъ оступясь — нашу телѣгу изъ грязи.

„Не лучше-ли во сто разъ, господа, вмѣсто освистываній неловкихъ опытовъ, вывести на торную дорогу,—самимъ на дѣлѣ помочь и показать, какъ надо пользоваться гласностью?

„Мало ли на что вамъ есть точить желчь? Истощая свой смѣхъ на обличительную литературу, милыя паяцы наши забываютъ, что по этой скользкой дорогѣ можно *„досвистаться“* до Булгарина и Греча...

„Можетъ быть, они объ этомъ и не думали,—пусть подумаютъ теперь“.

Теперь, спустя 40 лѣтъ послѣ напечатанія Герценомъ этой статьи, ея несправедливость и, пожалуй, по тогдашнему времени неумѣстность выступаютъ особенно ярко. Герценъ, очевидно, потерялъ живую связь съ тогдашней передовой русской литературой и ставилъ слишкомъ высоко 40-е годы. Вслѣдствіе отсутствія непосредственнаго наблюденія надъ русской дѣйствительностью онъ судилъ „Свистокъ“ черезчуръ академически. „Свистокъ“ нападалъ не исключительно на неловкости обличительной литературы, а на нелѣпое упоеніе „гласностью“, имѣвшей довольно своебразныя формы. Обличенія въ родѣ: „Въ городѣ NN городничій NN избилъ обывателя NN“, испещрявшія тогдашнія газеты, безъ собственныхъ именъ и прямыхъ указаній на лица, были въ сущности игрой въ гласность и притомъ игрой вредной, убаюкивающей сознаніе и заставляющей людей думать, будто они дѣлаютъ настоящее дѣло въ то время, какъ они въ дѣйствительности занимались кукольной комедіей. Вопросъ о „лишнихъ людяхъ“ еще сложнѣе. Герценъ съ понятіемъ о „лишнихъ людяхъ“ соединялъ представленіе о своемъ поколѣніи, о блестящей плеадѣ 40-хъ годовъ, Бѣлинскомъ,

Грановскомъ, Станкевичѣ и др.; критики „Современника“ выдѣляли „плеаду“ и, признавая за ней крупное значеніе, относились къ „лишнимъ людямъ“ вообще съ нескрываемой враждебностью, видя въ нихъ „бѣлоручекъ“ и „баричей“, неспособныхъ на энергичную работу. Герценъ въ такомъ отношеніи къ „лишнимъ людямъ“ видѣлъ чуть не личное оскорбленіе. Несомнѣнно, что Герценъ просмотрѣлъ фактъ появленія въ литературѣ „разночинца“, запросы и требованія котораго, если не отличались глубиной и широтой „гегельянскаго“ теченія 40-хъ годовъ, зато отличались большой прямолинейностью и демократичностью.

Мы привели въ VI главѣ письмо Тургенева, въ которомъ онъ справляется у Герцена о визитѣ къ нему Чернышевскаго. О свиданіи Чернышевскаго съ Герценомъ въ 1859 г. сохранился любопытный разсказъ Благосвѣтлова, сообщенный московскимъ литераторомъ Павловымъ. Оба писателя вынесли изъ этого свиданія чувства взаимнаго уваженія, но не воспылали особенной симпатіей другъ къ другу.

„— Удивительно умный человѣкъ,—сказалъ Герценъ о Чернышевскомъ: — и тѣмъ болѣе при такомъ умѣ поразительно его самомнѣніе. Вѣдь, онъ увѣренъ, что „Современникъ“ представляетъ изъ себя пупъ Россіи. Насъ грѣшныхъ они совсѣмъ похоронили. Ну, только кажется, ужъ очень они торопятся съ нашей отходкой,—мы еще поживемъ!

„— Какой умница! Какой умница!—восклицалъ въ свою очередь Чернышевскій.—И какъ отсталъ... Вѣдь, онъ до сихъ поръ думаетъ, что продолжаетъ остроумничать въ московскихъ салонахъ и препирается съ Хомяковымъ. А время теперь идетъ съ страшной быстротой: одинъ мѣсяцъ стоитъ прежнихъ десяти лѣтъ! Присмотришься,—у него все еще въ нутрѣ московскій баринъ сидитъ!“ [1]).

Свиданіе Герцена съ Чернышевскимъ [2]) закрѣплено и на страницахъ „Колокола“ въ статьѣ „Лишніе люди и желчевики“. Статья эта любопытна еще и потому, что въ концѣ ея находится прямое и мало замаскированное нападеніе на

[1]) См. „Изъ пережитаго“ Павлова, стр. 36—37.

[2]) По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, Герценъ видался и съ Добролюбовымъ и былъ съ нимъ въ перепискѣ, во время пребыванія Добролюбова въ Италіи. О свиданіи Герцена съ Чернышевскимъ см. также въ статьѣ Стасова о Н. Н. Ге („Книжки Недѣли“, 1897).

Некрасова, за которое его и благодаритъ Тургеневъ въ postscriptum'ѣ письма, приведеннаго нами въ концѣ предыдущей главы („Пора этого безстыднаго мазурика на лобное мѣсто. И за насъ, лишнихъ, заступился. Спасибо!").

Статья „Лишніе люди и желчевики" является въ сущности продолженіемъ приведенной нами выше статьи Герцена „Very dangerous". Начало ея посвящено довольно обширной и чрезвычайно любопытной родословной „лишнихъ людей", которую мы, къ сожалѣнію, не можемъ привести. Далѣе Герценъ говоритъ, что „лишнихъ людей" смѣнили „желчевики".

„Старость, — говоритъ Герценъ, характеризуя „желчевиковъ": — коснулась ихъ прежде гражданскаго совершеннолѣтія. Это не *лишніе*, не праздные люди, это люди *озлобленные*, больные душой и тѣломъ, люди зачахнувшіе отъ вынесенныхъ оскорбленій, глядящіе исподлобья и которые не могутъ отдѣлаться отъ желчи и отравы, набранной ими больше чѣмъ за пять лѣтъ тому назадъ. Они представляютъ явный шагъ впередъ, но все же болѣзненный шагъ; это уже не тяжелая хроническая летаргія, а острое страданіе, за которымъ слѣдуетъ выздоровленіе или похороны.

„Лишніе люди сошли со сцены, за ними сойдутъ и *желчевики*, наиболѣе сердящіеся на лишнихъ людей. Они даже сойдутъ очень скоро, они слишкомъ угрюмы, слишкомъ дѣйствуютъ на нервы, чтобы долго держаться. Жизнь, несмотря на 13-ть вѣковъ христіанскихъ сокрушеній, очень языческимъ образомъ предана эпикуреизму, и à la longue не можетъ выносить наводящія уныніе лица невскихъ Даніиловъ, мрачно упрекающихъ людей, — зачѣмъ они обѣдаютъ безъ скрежета зубовъ и, восхищаясь картиной или музыкой, забываютъ о всѣхъ несчастіяхъ міра сего.

„... Добрѣйшіе по сердцу и благороднѣйшіе по направленію, желчные люди наши *тономъ* своимъ [1]) могутъ довести ангела до драки и святого до проклятія. Къ тому же они съ такимъ апломбомъ преувеличиваютъ все на свѣтѣ—и не

---

[1]) Приведемъ, кстати, отзывъ Кавелина о Чернышевскомъ (въ письмѣ къ Герцену отъ 6 августа 1862). „Чернышевскаго,—писалъ Кавелинъ:— я очень, очень люблю, но такого брульона, безтактнаго и самонадѣяннаго человѣка я никогда еще не видалъ".

для шутки, а для огорченія,—что, просто, терпѣнія нѣтъ. На всякое „бутылками и пребольшими“, у нихъ готово: „нѣтъ-съ, бочками сороковыми!“

Далѣе Герценъ излагаетъ свой недавній разговоръ съ однимъ „желчевикомъ“. Изъ вышесказаннаго видно, что онъ имѣлъ въ виду Чернышевскаго и свои споры съ нимъ.

„—Что вы заступаетесь за этихъ лѣнтяевъ—(говорилъ намъ недавно одинъ желчевикъ, sehr ausgezeichnet in seinem Fache),—дармоѣдовъ, трутней, бѣлоручекъ, тунеядцевъ a la Онѣгинъ?.. Извольте видѣть, они образовались иначе, имъ міръ, ихъ окружающій, слишкомъ грязенъ, и не довольно натертъ воскомъ, замараютъ руки, замараютъ ноги. То-ли дѣло стонать о несчастномъ положеніи и притомъ спокойно ѣсть да пить!

„Мы, было, ввернули слово въ защиту, но Даніилъ и слушать не хотѣлъ. Напротивъ, онъ напалъ на насъ за нашу защиту и, пожимая плечами, говорилъ, что онъ смотритъ на насъ, какъ на хорошій остовъ мамонта, какъ на интересную ископаемую кость, принадлежащую міру иного солнца и другихъ деревьевъ.

„— Позвольте же мнѣ хоть на этомъ основаніи защитить нашихъ сопластниковъ. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что эти люди по доброй волѣ ничего не дѣлали или дѣлали вздоръ?

„— Безъ всякаго сомнѣнія; они были романтики и аристократы: они ненавидили работу, они себя считали бы униженными, взявшись за топоръ или за шило. Да и того, правда, они не умѣли!

„— Въ такомъ случаѣ я буду называть имена: наприм., Чаадаевъ,—онъ не умѣлъ взяться за шило, но умѣлъ написать статью, которая потрясла всю Россію и провела черту въ нашемъ разумѣніи о себѣ. Статья эта была началомъ его литературнаго поприща. Что вышло, вы знаете. Нѣмецъ Вигель обидѣлся за Россію, протестантъ и будущій католикъ Бенкендорфъ обидѣлся за православіе, и Чаадаева объявили сумасшедшимъ и взяли съ него подписку не писать. Надеждина, напечатавшаго статью въ „Телескопѣ“, сослали въ Усть-Сысольскъ, ректора, старика Болдырева, отставили. Чаадаевъ сдѣлался празднымъ человѣкомъ. Иванъ Кирѣевскій, положимъ, не умѣлъ сапогъ шить, но умѣлъ издавать

журналъ; издалъ двѣ книжки,—запретили журналъ; онъ помѣстилъ статью въ „Денницѣ“, цензора Глинку посадили на гауптвахту. Кирѣевскій сдѣлался лишнимъ человѣкомъ. Николая Полевого, конечно, нельзя обвинить въ лѣни; человѣкъ онъ былъ изворотливый, а все-таки крылья „Телеграфа“ подвязали и, признаюсь въ моей слабости, когда я читалъ, какъ Полевой говорилъ Панаеву о томъ, что онъ—женатый человѣкъ, обремененный семьей, боится квартальнаго, я не смѣялся, а чуть не плакалъ.

„— А Бѣлинскій умѣлъ писать, и Грановскій умѣлъ читать лекціи; они не сложили рукъ!

„— Если являлись люди съ такой энергіей, что могли писать или читать лекціи, несмотря на вышеуказанныя обстоятельства, то не ясно-ли, что множество людей съ меньшими силами были парализованы и глубоко страдали отъ этого.

„— Зачѣмъ же они въ самомъ дѣлѣ не пошли въ сапожники, въ дровосѣки,—все лучше бы!

„— Затѣмъ, вѣроятно, что у нихъ было настолько денегъ, чтобы не нуждаться въ такой скучной работѣ; я не слыхалъ, чтобы кто-нибудь изъ удовольствія принялся шить сапоги. Одинъ Людовикъ XVI былъ королемъ по ремеслу и слесаремъ по страсти.

„— Ископаемый другъ мой, я вижу, что и вы еще на работу смотрите какъ-то сверху внизъ.

„— Какъ на вовсе не веселую необходимость.

„— Почему-же бы имъ не дѣлить общей необходимости?

„— Безъ сомнѣнія. Но, во-первыхъ, родились они не въ Сѣверной Америкѣ, а въ Россіи и, по несчастію, не такъ были воспитаны.

„— Зачѣмъ не такъ воспитаны?

„— Затѣмъ, что родились не въ податной Россіи, а въ шляхетской. Можетъ быть, это въ самомъ дѣлѣ предосудительно, но, находясь тогда въ неопытномъ положеніи, они по малолѣтству за свои поступки отвѣчать не могутъ. А уже разъ сдѣлавъ эту ошибку въ выборѣ родителей, они должны были подвергнуться и тогдашнему воспитанію. Да кстати, на какомъ это правѣ вы требуете отъ людей, чтобы они дѣлали то или другое. Это какая-то новая принудительная организація работъ, что-то въ родѣ соціализма,

переложеннаго на нравы министерства государственныхъ имуществъ.

„— Я не заставляю никого работать; я констатирую фактъ. Это были праздные, пустые аристократы, жившіе покойно и хорошо, и не вижу причины, почему мнѣ сочувствовать имъ.

„— Заслуживаютъ-ли они симпатіи, или нѣтъ, это пусть себѣ рѣшаетъ каждый, какъ хочетъ. Всяческое человѣческое страданіе, особенно фаталистическое, возбуждаетъ наше сочувствіе... Откажитесь отъ этой точки зрѣнія, и тогда прощай не только Ѳермопилы, но и Софоклъ съ Шекспиромъ, да кстати и вся длинная, безконечная эпопея, которая безпрестанно оканчивается сумасбродными трагедіями и безпрестанно идетъ далѣе, подъ названіемъ Исторіи.

„Даніилъ нашъ, какъ и слѣдуетъ, въ спорѣ не сдавался. Мнѣ стало все это надоѣдать, и я, пользуясь моимъ палеонтологическимъ значеніемъ, сказалъ ему:

„— Воля ваша, а вѣдь это дѣло пустое—гнать людей или умершихъ, или приготовляющихся къ смерти, и гнать въ такомъ обществѣ, гдѣ почти всѣ живые хуже ихъ. Знаете-ли что? Если васъ особенно прельщаетъ censura morum и суровая должность моралиста вамъ такъ нравится, возьмите что-нибудь оригинальное. Я вамъ, пожалуй, укажу типы, вреднѣе не только мертвыхъ, но и живыхъ лишнихъ людей.

„— Какіе-же типы?

„— Ну, да хотя-бы литературнаго Ruffiano [1]).

„— Не понимаю.

„— Въ бѣдной и обиженной цензурой литературѣ нашей, до послѣдняго времени, было множество всякихъ чудаковъ, но большей частью это были люди чистые, люди честные. Аферисты, плуты, дѣлатели фальшивыхъ векселей и истинныхъ доносовъ, если и попадались, то они шныряли гдѣ-то по подваламъ и никогда не лѣзли на видныя мѣста, точно лондонскіе тараканы, держащіеся въ кухнѣ и не являющіеся въ салонѣ. Такимъ образомъ, сохранилась у насъ наивная вѣра въ поэта и писателя. Мы не привыкли къ тому, что можно лгать духомъ и торговать талантомъ такъ, какъ продажныя женщины лгутъ тѣломъ и продаютъ красоту; мы не привыкли къ барышникамъ, отдающимъ въ

[1]) Грабитель, мошенникъ.

ростъ свои слезы о народномъ страданіи, ни къ промышленникамъ, дѣлающимъ изъ сочувствія къ пролетарію доходную статью. И въ этомъ довѣріи, давно не существующемъ на Западѣ, бездна хорошаго, и намъ всѣмъ слѣдуетъ поддерживать его. Повѣрьте, что гонитель неправды, сзывающій позоръ и проклятіе на современный срамъ и запустѣніе и въ то-же время запирающій въ свою шкатулку деньги, явно наворованныя у друзей своихъ, при теперешнемъ броженіи всѣхъ понятій, при нашей распущенности и удобовпечатлительности—вреднѣе и заразительнѣе всѣхъ праздныхъ и лишнихъ людей, желчныхъ и слезливыхъ!

„Не знаю, согласился ли мой Даніилъ...“

Тяжелое впечатлѣніе производитъ эта вылазка противъ Некрасова на страницахъ пользовавшагося тогда громадной популярностью „Колокола“. Если раздраженіе Тургенева можно до извѣстной степени объяснить свѣженанесенными ему оскорбленіями [1]), то для Герцена не существуетъ и этого оправданія. Не ограничившись непринятіемъ Некрасова, посѣтившаго его въ Лондонѣ [2]), Герценъ счелъ нужнымъ перенести личные счеты съ Некрасовымъ въ литературу, чѣмъ ставилъ Некрасова въ безвыходное положеніе. Несомнѣнно, что въ литературныхъ русскихъ кружкахъ немедленно угадали, на кого указываетъ Герценъ, и враги Некрасова съ радостью подхватили это обвиненіе, тѣмъ болѣе что изложено оно было въ очень авторитетной формѣ, хотя и не подкрѣплялось никакими доказательствами. Некрасовъ не могъ отвѣчать Герцену, во 1-хъ, по цензурнымъ условіямъ того времени, во 2-хъ, потому, что онъ не былъ названъ по имени, и ему, отвѣчая, пришлось бы росписаться въ полученіи оскорбленія и, въ 3-хъ, потому, что было бы странно защищаться въ литературѣ, по поводу совершенно частнаго дѣла, отъ обвиненій „въ воровствѣ“.

Удивительнѣе всего то, что и Герценъ и Тургеневъ, обвиняя Некрасова, снисходительно относились къ тому, что нѣкоторыя ихъ друзья, преспокойно владѣли крестьянами и своимъ состояніемъ всецѣло были обязаны крѣпостному труду.

---

[1]) Некрасовъ утверждалъ впослѣдствіи, что оскорбительные для Тургенева куплеты въ „Свисткѣ“ были напечаты безъ его вѣдома, во время отсутствія Некрасова изъ Петербурга.

[2]) Подробности объ этой тяжелой сценѣ разсказаны д-ромъ Бѣлоголовымъ со словъ Герцена („Воспоминанія“, изд. 3-е стр. 547—548).

Да и милліонное состояніе самого Герцена имѣло своимъ источникомъ тотъ-же трудъ. Но они не могли простить пролетарію Некрасову его „практичности". За личными ссорами и дрязгами они не видали крупной общественной работы, которую выполнялъ Некрасовъ, и ради которой можно было простить его недостатки, выросшіе на почвѣ суровой нужды, такой нужды, о которой Герценъ и понятія не имѣлъ [1]).

Тоже личное чувство сквозитъ въ отзывахъ Герцена о личности и произведеніяхъ Гончарова. Герценъ не признаетъ за Гончаровымъ даже таланта и впослѣдствіи въ особенный упрекъ ставитъ ему то обстоятельство, что онъ занималъ должность цензора. Но такую же должность занимали С. Аксаковъ и Тютчевъ, между тѣмъ, Герценъ отзывается о нихъ довольно благосклонно, не укоряя ихъ цензорской должностью.

Мы сочли необходимымъ подробно остановиться на этомъ эпизодѣ, потому что обвиненія Некрасова изъ литературныхъ круговъ перешли въ публику и сдѣлали не мало зла. Первоисточникъ этихъ обвиненій, включительно до обвиненія въ „дѣланіи оброчной статьи изъ сочувствія къ пролетарію" (это особенно часто подчеркивалось консервативной печатью!) находится, какъ видятъ читатели, въ „Колоколѣ". О несправедливости его мы не будемъ распространяться; вопросъ объ искренности Некрасова въ его произведеніяхъ прекрасно выясненъ въ воспоминаніяхъ о Некрасовѣ Н. К. Михайловскаго.

IX.

Нѣсколько помѣщаемыхъ ниже писемъ Тургенева заняты всѣ исторіей съ г-жей Ш. Упоминаемое въ первомъ изъ этихъ писемъ „Посланіе къ Сербамъ" было напечатано въ № 84 „Колокола" (отъ 1 ноября 1860 г.). Герценъ предлагалъ сербамъ и черногорцамъ воспользоваться „Колоко-

[1]) Напечатанная недавно переписка Бѣлинскаго съ женой устраняетъ тяжелое обвиненіе Некрасова въ удаленіи Бѣлинскаго незадолго до смерти отъ матеріальнаго участія въ „Современникѣ". Переписка эта показываетъ, въ какое положеніе попалъ бы Некрасовъ съ неокрѣпшимъ изданіемъ на рукахъ, если бы ему пришлось вести дѣло совмѣстно съ вдовой Бѣлинскаго.

ломъ“ для того, чтобы „перекликнуться“ съ Россіей. „Колоколъ“,—писалъ Герценъ:—слишкомъ слабъ, чтобы служить мостомъ для легіоновъ; но онъ можетъ служить доской, брошенной черезъ оврагъ, на которой могутъ встрѣтиться два брата, потолковать о своихъ дѣлахъ и пожать другъ другу руки.

„Любезный сердцу и очамъ (самая сильная дружба не позволяетъ мнѣ, однако, прибавить слѣдующій стихъ: „какъ вешній цвѣтъ, едва развитый“) Александръ Ивановичъ!“— писалъ Тургеневъ Герцену изъ Парижа, отъ 4 ноября 1860 года.

„Получилъ я, твою записку съ приложеніями. Адресъ г-жи Ш.: Passage Sandrie, 5. Едва-ли ты въ чемъ-нибудь успѣешь: она безумствуетъ, бранится, лжетъ, плачетъ, падаетъ въ обморокъ,—словомъ, ломается. Она, „изъ уваженія къ памяти Александра“, который въ чемъ-то ей клялся передъ смертью, не хочетъ признать ребенка за его сына и дала матери только 2.000 фр., какъ милостыню. Мы хотимъ помѣшать этому ребенку умереть съ голоду и собираемся назначить ему пенсію: не хочешь-ли ты дать хоть сто франковъ въ годъ?

„Переводъ твоего „Посланія къ Сербамъ“ написанъ французскимъ языкомъ нѣсколько avanturé, а впрочемъ, для сербовъ сойдетъ.

„Я могу тебѣ поручиться, что Н. М. вовсе не Цирцея и не думаетъ соблазнять юнаго П. Влюбленъ ли онъ въ нее, это я не знаю, но она никакъ не заслуживаетъ быть предметомъ материнскаго отчаянія и т. д., и т. д. Повидимому, Гейдельбергъ отличается сочиненіемъ сплетней: про меня тамъ говорятъ, что я держу у себя насильно крѣпостную любовницу, и что г-жа Бичеръ-Стоу (!) меня въ этомъ публично упрекала, а я ее выругалъ. Тоже eine shöne Legende.

„Спасибо за „Колоколъ“. Впредь прошу не забывать.

„Крѣпко жму тебѣ руку и остаюсь

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ“.

Огаревъ, между прочимъ, утѣшалъ Тургенева, по поводу его хлопотъ съ г-жей Ш., тѣмъ, что она можетъ дать хорошій матеріалъ для его литературныхъ работъ. Но и доброта

Тургенева начала истощаться. Онъ писалъ Герцену по этому поводу (изъ Парижа, отъ 20 ноября 1860 г.):

„Милѣйшій Александръ Ивановичъ!

„Хотя Огаревъ (которому я дружески кланяюсь) и говоритъ, что мнѣ слѣдуетъ радоваться Ш-ской исторіи, однако, она начинаетъ сильно надоѣдать мнѣ. Ты ее знаешь, а потому не стану поднимать ее снова; ограничусь немногими афоризмами.

1) Прежде всего у г-жи Ш., *по ея собственному счету,* и по бумагамъ, мнѣ ею предъявленнымъ, болѣе 150,000 франковъ капитала (считая тутъ и ея 100 душъ).

2) Г-жа Ш. полтора года не видалась съ мужемъ, уѣхавъ въ Одессу за любовникомъ, который ее прогналъ; тогда она вернулась къ мужу, который ее снова принялъ.

3) Что ребенокъ—сынъ Ш., не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: Колбасинъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ соблазнялъ его мать; меня Ш. водилъ къ ней, когда она была беременна; онъ съ Козодоевымъ ходилъ записывать ребенка въ mairie; онъ до конца своей жизни былъ очень нѣженъ съ нею (т. е. съ своей любовницей, а не съ mairie) и умеръ, держа на рукахъ сына, который, сверхъ того, на него похожъ какъ двѣ капли воды.

4) Гидропсъ, о которомъ и мнѣ было говорено, не помѣшалъ моему дѣдушкѣ прижить 18 человѣкъ дѣтей, о чемъ, впрочемъ, я также докладывалъ г-жѣ Ш.

5) Я убѣжденъ, что Ш. лгалъ вообще, и женѣ въ особенности: это ничего не доказываетъ, какъ ничего не доказываетъ и то, что онъ никакихъ не оставилъ распоряженій и т. п. Русская натура-съ!

6) Наконецъ, у г-жи Ш. больше ничего не просятъ, оставляя ее при ея убѣжденіи; но она требуетъ, чтобъ не давали милостыню ребенку, и на дняхъ присылала мнѣ beau frère'а своего любовника, который грозилъ мнѣ „трибуналомъ“, если я не брошу ребенка.

„Изъ всего этого я заключаю, что совершенно безкорыстныхъ человѣка въ настоящую минуту въ Европѣ только два: Гарибальди и я. Замѣть, что я вовсе не былъ близокъ съ Ш., который бранилъ меня аристократомъ, и что любовница его пребезобразная.

„А что сцены между г-жей Ш. и мною были исполнены всяческаго комизма,—несомнѣнно; и я, дѣйствительно, намѣренъ воспользоваться когда-нибудь этимъ матеріаломъ.

„За симъ, рѣшай, Верховный Судья! И сдѣлай одолженіе, распорядись такъ, чтобъ я могъ забыть всю эту чепуху.

Drei Ritter [1])—очень хороши; есть нѣсколько удачнѣйшихъ загвоздокъ, но вообще статья мнѣ показалась напряженной. Можетъ быть, я былъ подъ вліяніемъ Ш.

„Жду M-me M. [2]) съ Ольгой [3]) и дружески жму тебѣ руки.

Твой Ив. Тургеневъ".

На томъ же листѣ имѣется небольшое письмо Тургенева къ Огареву.

„Любезный Николай Платоновичъ!—писалъ Тургеневъ.— NN я отыщу и постараюсь быть ему полезнымъ; въ случаѣ надобности сведу его съ M-r Віардо̀, а ее съ М. А. Марковичъ, которая, кажется, теперь серьезно принялась за работу.

„Если можно, по прочтеніи, перешлите мнѣ „Гайку" Кохановской [4]), о которой я много слышалъ. Я ее возвращу.

„Дружески Вамъ жму руку.

Преданный Вамъ И. Т".

Несмотря на хлопоты съ г-жей Ш. [5]), отнимавшіе столько времени и столь комически изображенные Тургеневымъ въ предыдущихъ письмахъ, Тургеневъ не переставалъ заботиться о доставленіи для „Колокола" новыхъ матеріаловъ. Такъ, по поводу заданнаго въ „Колоколѣ" вопроса, правда-ли, что съ матросами жестоко обращаются?—Тургеневъ навелъ справки и выслалъ Герцену № „Морского Сборника", въ

---

[1]) „Drei Ritter"—статья Герцена въ № 85 „Колокола", отъ 15 ноября 1860 г.

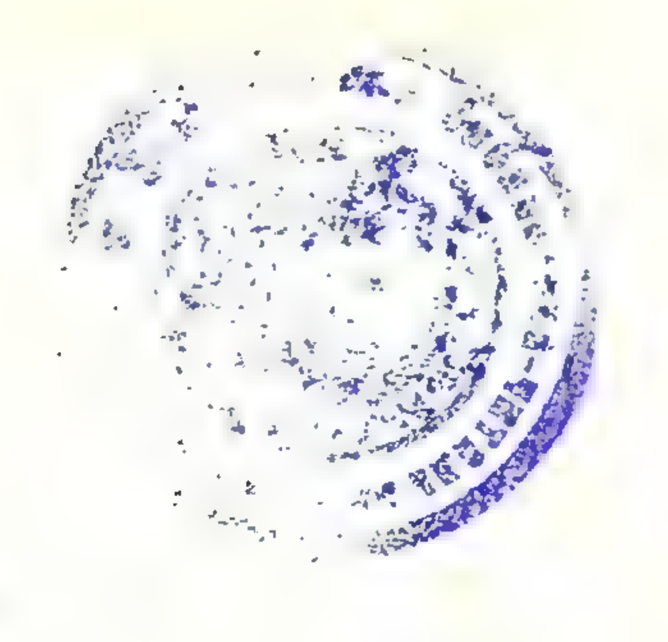
[2]) M-me Мейзенбугъ, гувернантка дочерей Герцена.

[3]) Дочь Герцена.

[4]) Объ отношеніи Тургенева къ литературной дѣятельности Кохановской см. „Переписка И. С. Аксакова съ Кохановской". Русск. Обозр. 1897 года.

[5]) Этой же исторіи съ г-жей Ш. и незаконнымъ сыномъ Ш-на посвящены письма Тургенева къ Колбасину отъ 12 ноября 1860 и 29 марта 1861 (Пис. Т., стр. 82, 88).

Н. П. ОГАРЕВЪ.

Т-ВО ГОЛИКЕ И ВИЛЬБОРГЪ.

которомъ было напечатано разслѣдованіе о взрывѣ на кораблѣ „Пластунъ“, надѣлавшемъ въ свое время много шума. Письмо датировано: „Парижъ. 1 января, 1861 г“.

„Съ новымъ Годомъ!

„Посылаю тебѣ, дражайшій amico, письмецо Головнина [1]) къ князю Н. И. Трубецкому по поводу твоего вопроса въ „Колоколѣ“ и посылаю также sous bande отрывокъ изъ „Морского Сборника“, въ которомъ находится подробное и, сколько я могъ судить, откровенное слѣдствіе о гибели „Пластуна“. Также просятъ тебя очень не писать ничего дурного въ твоемъ журналѣ о великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ, потому что, между прочимъ, онъ, говорятъ, ратоборствуетъ, какъ левъ, въ дѣлѣ эмансипаціи противъ дворянской партіи. Просятъ тебя также, по прочтеніи отрывка „Морского Сборника“, непремѣнно и немедленно возвратить его мнѣ.

„Твоя Ольга [2]) процвѣтаетъ, и у ней квартира очень хороша.

„Больше пока писать нечего. Жду статью объ Оуэнѣ [3]). Кланяюсь всѣмъ твоимъ и обнимаю тебя.

„P. S. Прочти „Стрекаловскаго барона“ и „Гаваньскихъ чиновниковъ“ въ „Библіотекѣ для Чтенія“.

„Кажется, незачѣмъ напоминать тебѣ, что *эдакого рода* наши отношенія должны храниться въ тайнѣ“ [4]).

---

[1]) А. В. Головнинъ (послѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія) въ 1843—45 гг. служилъ вмѣстѣ съ Тургеневымъ въ министерствѣ внутр. дѣлъ и сохранилъ дружескія отношенія съ нимъ. Отъ него Тургеневъ, а черезъ Тургенева и Герценъ, нерѣдко узнавали о различныхъ интересныхъ событіяхъ, происходившихъ въ высшихъ сферахъ, такъ какъ въ 60-хъ годахъ А. В. Головнинъ близко стоялъ къ велик. кн. Константину Николаевичу. Герценъ воспользовался доставленнымъ ему письмомъ Головнина и «Морскимъ Сборникомъ» для замѣтки въ № 90 „Колокола“.

[2]) Дочь Герцена.

[3]) Статья Герцена „Робертъ Оуэнъ“ (посвященная Кавелину) была напечатана въ VI кн. „Полярной Звѣзды“ 1861 г.

[4]) Тургеневъ имѣлъ въ виду сохраненіе тайны о передачѣ свѣдѣній въ „Колоколъ“ отъ такихъ лицъ, какъ Головнинъ, кн. Орловъ и многіе другіе, для которыхъ Тургеневъ служилъ „благонадежнымъ“ посредникомъ между ними и Герценомъ.

Въ декабрѣ 1860 г. скончался Константинъ Аксаковъ, смерть котораго очень больно отозвалась на Герценѣ, такъ какъ изъ всего кружка московскихъ славянофиловъ онъ съ найбольшей любовью и уваженіемъ относился къ К. С. Аксакову. Герценъ немедленно сообщилъ объ этой печальной новости Тургеневу, и читатели найдутъ въ помѣщаемыхъ ниже письмахъ Тургенева нѣсколько сочувственныхъ отзывовъ о покойномъ.

Первое извѣстіе о плохомъ состояніи здоровья К. С. Аксакова Герценъ получилъ отъ его брата, Ивана Сергѣевича, съ которымъ состоялъ въ это время въ очень дружеской перепискѣ.

„Вы, конечно, помните, любезный Александръ Ивановичъ,— писалъ И. С. Аксаковъ Герцену (25 сентября 1860 г., изъ Лейпцига):—моего брата Константина? Вы помните, какой это былъ атлетъ тѣлосложеніемъ, какой здоровякъ, какая грудь, какой голосъ... Теперь онъ здѣсь, за-границей, больной, почти чахоточный. Я говорю: почти, потому что надѣюсь, что его грудная болѣзнь не разовьется въ чахотку. Послѣ смерти отца онъ страшно постарѣлъ и опустился физически; а нынѣшней весной простудилъ легкія такъ, что долженъ былъ три мѣсяца лечиться, и теперь ѣдетъ въ Швейцарію, въ Веве, ѣсть виноградъ. Я ѣду вмѣстѣ съ нимъ. Вы писали мнѣ, что поручили книгопродавцу Трюбнеру отослать къ Вагнеру, въ Лейпцигъ, рукописи, мною къ вамъ посланныя, именно, *рукописи брата*, его замѣчанія на доклады административнаго и хозяйственнаго отдѣленій редакціонной комиссіи, онѣ нужны брату.

„Прощайте, дорогой Александръ Ивановичъ. Обнимаю васъ и Огарева.

Весь вашъ

Ив. Аксаковъ“.

Вскорѣ послѣ этого письма К. С. Аксаковъ скончался [1]).

Герценъ посвятилъ ему (въ № 90 „Колокола“) очень сочувственный некрологъ.

„Вслѣдъ за сильнымъ бойцомъ славянизма въ Россіи, за А. С. Хомяковымъ,—писалъ Герценъ:—угасъ одинъ изъ

---

[1]) 6 декабря 1860 г. на остр. Занте. О немъ см. Костомаровъ „Объ истор. труд. К. А.“ (Русс. Слово, 1861 г.); Венгеровъ „Словарь“.

сподвижниковъ его, одинъ изъ ближайшихъ друзей его:— Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ скончался въ прошломъ мѣсяцѣ.

„Рано умеръ Хомяковъ, еще раньше Аксаковъ; больно людямъ, любившимъ ихъ, знать, что нѣтъ больше этихъ дѣятелей благородныхъ, неутомимыхъ, что нѣтъ этихъ *противниковъ*, которые были ближе намъ многихъ *своихъ*.

„Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ—*сдѣлали свое дѣло:* долго-ли, коротко-ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать себѣ съ полнымъ сознаніемъ, что они сдѣлали то, что хотѣли сдѣлать,—они остановили увлеченное общественное мнѣніе и заставили призадуматься всѣхъ серьезныхъ людей. Съ нихъ начинается *переломъ русской мысли.* И когда *мы* это говоримъ, кажется, насъ нельзя заподозрить въ пристрастіи. Да, мы были противниками ихъ, но очень странными. У насъ была *одна* любовь, но не *одинаковая.*

„У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное безотчетное, физіологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество,—чувство безграничной, охватывающей все существованіе, любви къ русскому народу, къ русскому быту, къ русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ, смотрѣли въ разные стороны, въ то время, какъ *сердце билось одно.*

„Они всю любовь, всю нѣжность перенесли на угнетенную мать. У насъ, воспитанныхъ внѣ дома, эта связь ослабла. Мы были на рукахъ французской гувернантки, поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка, и то мы сами догадались по сходству въ чертахъ, да потому, что ея пѣсни были намъ роднѣе водевилей; мы сильно полюбили ее, но жизнь ея была слишкомъ тѣсна. Въ ея комнаткѣ было намъ душно; ея плачъ объ утраченномъ счастьѣ раздиралъ наше сердце. Мы знали, что у нея нѣтъ свѣтлыхъ воспоминаній, мы знали и другое, что ея счастье впереди, что подъ ея сердцемъ бьется зародышъ,—это нашъ меньшій братъ, которому мы безъ чечевицы уступимъ старшинство. А пока—

Mutter, Mutter lass mich gehen
Schweifen auf die wilden Höhen!

„Такова была наша семейная разладица лѣтъ 15 тому назадъ...

„Разъ только Н. Языковъ „стегнулъ“ оскорбительно Чаадаева, Грановскаго и меня. Константинъ Аксаковъ не вынесъ этого, онъ отвѣчалъ поэту своей партіи рѣзкими стихами въ нашу защиту. Аксаковъ такъ и остался вѣчнымъ восторженнымъ и безпредѣльно благороднымъ юношей, онъ увлекался, былъ увлекаемъ, но всегда былъ чистъ сердцемъ. Въ 1844 году, когда наши споры дошли до того, что ни славяне, ни мы не хотѣли больше встрѣчаться, я какъ-то шелъ по улицѣ, К. Аксаковъ ѣхалъ въ саняхъ. Я дружески поклонился ему. Онъ, было, проѣхалъ, но вдругъ, остановилъ кучера, вышелъ изъ саней и подошелъ ко мнѣ.

„Мнѣ было слишкомъ больно,—сказалъ онъ:—проѣхать мимо васъ и не проститься съ вами. Вы понимаете, что послѣ всего, что было между вашими друзьями и моими, я не буду къ вамъ ѣздить; жаль, жаль, но дѣлать нечего! Я хотѣлъ пожать вамъ руку и проститься.

„Онъ быстро пошелъ къ санямъ, но вдругъ, воротился; я стоялъ на томъ же мѣстѣ, мнѣ было грустно; онъ бросился ко мнѣ, обнялъ меня и крѣпко поцѣловалъ. У него были слезы на глазахъ. Какъ я любилъ его въ эту минуту ссоры!

„Много воды утекло съ тѣхъ поръ; и мы встрѣтили *горнаго* духа, остановившаго нашъ бѣгъ, и они вмѣсто міра мощей натолкнулись на живые русскіе вопросы. Считаться намъ странно, патентовъ на пониманіе нѣтъ; время, исторія, опытъ сблизили насъ, не потому, что бы они перетянули насъ къ себѣ или мы ихъ, а потому, что и они, и мы ближе къ истинному воззрѣнію теперь, чѣмъ были тогда, когда безпощадно терзали другъ друга въ журнальныхъ статьяхъ, хоть и тогда я не помню, чтобы мы сомнѣвались въ ихъ горячей любви къ Россіи или они въ нашей.

„На этой вѣрѣ другъ въ друга, на этой общей любви имѣемъ право и мы поклониться ихъ гробамъ и бросить нашу горсть земли на ихъ покойниковъ, съ святымъ желаніемъ, чтобъ на могилахъ ихъ, на могилахъ нашихъ—разцвѣла сильно и широко молодая Русь!“ [1]).

Глубоко-сочувственная статья Герцена о К. С. Аксаковѣ тронула И. С. Аксакова, и онъ впослѣдствіи [2]) писалъ о ней Герцену:

---

[1]) См. Барсуковъ. „Жизнь Погодина“, т. V стр. 467.

[2]) Отъ 7-го іюня 1861 г.

„Вы на мое письмо отвѣчали такой статьей въ „Колоколѣ“, за которую я васъ еще крѣпче полюбилъ, и которая безконечно лучше всего, что было сказано и написано о братѣ и Хомяковѣ у насъ, въ Россіи, друзьями“.

Къ сожалѣнію, дружелюбныя отношенія Герцена съ И. С. Аксаковымъ продолжались недолго.

Вопросъ объ отношеніяхъ Герцена къ славянофиламъ очень сложенъ, и Герцена вовсе нельзя столь прямолинейно причислять къ славянофиламъ, какъ это сдѣлалъ Страховъ, потому что славянофильство переходило различныя стадіи, начиная отъ ярко-демократическаго направленія 40-хъ годовъ и кончая явнымъ консерватизмомъ Погодина, Кохановской [1]), а отчасти и самого И. С. Аксакова въ 80-хъ годахъ. Мы надѣемся коснуться отношеній Герцена къ славянофиламъ въ особой статьѣ (на основаніи неизданныхъ писемъ И. С. Аксакова и Самарина къ Герцену), пока-же ограничимся тѣмъ, что приведемъ письмо Герцена къ Ю. Ѳ. Самарину, написанное вь 1845 г. [2]) и подводящее итоги впечатлѣній, вынесенныхъ Герценомъ отъ сношеній съ славянофилами. Письмо это является драгоцѣннымъ документомъ изъ исторіи литературно-общественнаго развитія Россіи 40-хъ годовъ.

„Итакъ,—писалъ Герценъ Самарину:—наконецъ, отъ васъ письмо и при томъ большое, любезнѣйшій Юрій Ѳедоровичъ,—благодарю васъ,—но не скрою, что впечатлѣніе всего письма было грустное.

„Encore une étoile qui file et disparait“.

„Прощайте. Идите инымъ путемъ; мы не встрѣтимся, какъ попутчики,—это вѣрно. Возражать я вамъ не стану, потому что это лишнее; одинъ Хомяковъ споритъ для спору; для него жизненнѣйшіе вопросы только предметы для разговора; для меня не такъ. Замѣчу одно: на чемъ вы основываетесь, отталкивая отъ себя отрицаніе, что въ немъ нѣтъ любви? Любовь—съ обѣихъ сторонъ (я исключаю закраины эгоистическія и скверныя съ той и другой стороны). Да, любовь сильная, плачущая, жертвующая. Мнѣ жаль и больно, что именно *вы* пишете такъ; въ васъ я видѣлъ организацію далеко сильнѣйшую, нежели во всѣхъ „славянофилахъ“,

[1]) См. переписку Кохановской съ Аксаковымъ въ „Русс. Обозр.“ 1897 г.

[2]) Отъ 27 февраля 1845 (Москва).

исключая, можетъ быть, Петра Васильевича[1]) (я возвращусь еще къ нему); отдаленіе такого человѣка, какъ вы, больно, потому что нельзя мимо васъ пройти. Вотъ вамъ мой комплиментъ. Вы вызываете меня на борьбу. Это-то и дурно, что вы хотите бороться *съ другимъ мнѣніемъ,* а не съ другимъ *фактомъ.* Мнѣнія, прямо противуположныя формальнымъ выраженіемъ, могутъ быть слиты высшимъ единствомъ нравственности и любви, тождествомъ цѣли,—стремленіемъ къ благу. Итакъ, не ждите отъ меня возраженій; что я могу сказать вамъ? Повторить коротко все, что высказано и поэтами, и мыслителями, и историками нашего времени, поднять вопросъ о чиноположеніи и чиноснятіи, о преданіи и надеждѣ, о правахъ прошедшаго и будущаго? Вы все это знаете, вы обо всемъ этомъ думали, читали; ну, что же я прибавлю? Обращаясь къ личной сторонѣ вопроса, я скажу только, что вся эта противуположность не даетъ права намъ на неуваженіе другъ друга. Дайте вашу руку,—мы можемъ узнать общечеловѣческое и хорошее другъ въ другѣ, а потому не отвернемся другъ отъ друга. Мы не видимся болѣе съ Аксаковымъ, но я съ теплой любовью вспоминаю объ немъ, хотя не могу не сказать, что его односторонность, вѣчное повтореніе одного и того-же свидѣтельствуетъ о недостаткѣ объема его мысли. Теперь позвольте (основываясь на томъ же правѣ искренней рѣчи, о которомъ вы пишете) вамъ сказать нѣсколько словъ о „славянской партіи". Съ каждымъ днемъ грузится она въ односторонность, жалкую, ненавидящую и готовую преслѣдовать. Наконецъ, ея дѣйствія увидѣла публика, и общественный голосъ осудилъ ее. Я говорю объ эпизодѣ съ диссертаціей Грановскаго. Рядъ гнусныхъ продѣлокъ предшествовалъ диспуту, наконецъ, на диспутѣ явился Бодянскій—и дерзко, неделикатно, съ оскорбленіями и колкостями. Его проводили шиканьемъ, а равно и Шевырева (который низокъ, какъ Давыдовъ, онъ это доказалъ). Грановскаго проводили страшными браво. Теперь благородный Шевыревъ разсказываетъ, что все это было подготовлено. Всѣ „славяне" (исключая П. В. Кирѣевскаго и К. С. Аксакова) наперерывъ стараются очернить студентовъ, представить это дѣло уголовнымъ. Шевыревъ жаловался Строгонову у Васильчиковыхъ на балу. Судите сами.

[1]) П. В. Кирѣевскій, братъ Ивана В. Кирѣевскаго.

„Исторія съ диссертаціей Грановскаго, стихи Языкова [1]) (плодъ *вліянія Хомякова*) заставляютъ меня окончательно пожертвовать всѣми личными сношеніями. Жаль мнѣ Ивана Васильевича [2]), но tu l'a voulu, G. Dandin,—у него по средамъ теперь и Глинка, и М. Дмитріевъ. Раздраженное самолюбіе, сознаніе своего безсилія, шиканье— все это вмѣстѣ окончательно сорвало личину съ хваленой славянской любви. *Никогда никто изъ насъ* не прибѣгалъ къ *такимъ* средствамъ и не говорилъ *такихъ* вещей, какія я слышалъ въ послѣднее время. Я потому пишу вамъ объ этомъ, что вашъ братецъ сказалъ мнѣ, что оказія вѣрная, хочу пользоваться ею, чтобы предупредить слухи, которые могутъ дойти.

„Петръ Васильевичъ (Кирѣевскій) далеко благороднѣе; это трагическое лицо; онъ сочеталъ неразрывно жизнь свою съ былымъ, онъ видитъ все, о чемъ я писалъ вамъ, и это былое, возрожденное въ немъ, бичуется не только обстоятельствами, но даже людьми, дѣлящими его воззрѣнія.

„А еслибъ вы видѣли благородную кротость, самоотверженіе Грановскаго (да, въ этомъ высокое самоотверженіе: публично умѣть съ кротостью снести наглую дерзость, кабацкій тонъ!), вы согласились бы, что любовь совмѣстима и не съ однимъ вашимъ воззрѣніемъ.

„Можетъ быть, они интригами и вздуютъ изъ этого дѣло, можетъ быть, Грановскій долженъ будетъ оставить университетъ. Я не завидую имъ въ этой побѣдѣ! Почтенный Вигель ѣздитъ вездѣ и читаетъ до сихъ поръ блестящіе стихи [3]). У „Москвитянина“ 400 съ чѣмъ-то подписчиковъ. Вотъ вамъ все, что дѣлается въ Москвѣ, да при томъ, честное слово, что я не старался представить хуже, чернѣе“...

Характерно въ этомъ письмѣ, что Герценъ выдѣляетъ Кирѣевскихъ, Константина Аксакова и самого Самарина изъ остальной группы славянофиловъ, наиболѣе яркимъ представителемъ которыхъ являлся Хомяковъ, вызывавшій своей страстной нетерпимостью и неразборчивостью въ сред-

---

[1]) Стихотвореніе Языкова „Не наши“, въ которомъ язвительно изображались Герценъ, Чаадаевъ и другіе члены кружка московскихъ западниковъ (Подробнѣе см. въ трудѣ Барсукова о Погодинѣ).

[2]) И. В. Кирѣевскій (род. 1806, ум. 1856) — одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ кружка московскихъ славянофиловъ.

[3]) Языкова „Не наши“.

ствахъ, презрѣніе и ярость въ своихъ противникахъ. Образчикомъ этого отношенія къ Хомякову можетъ служить письмо Бѣлинскаго къ Герцену (отъ 4 іюля, 1846, изъ Одессы):

„Въ Харьковѣ,—пишетъ Бѣлинскій:—я прочелъ „Московскій Сборникъ"; луплю и наяриваю объ немъ. Статья Самарина умна и зла, даже дѣльна, несмотря на то, что авторъ отправляется отъ неблагопристойнаго принципа кротости и смиренія и, подлецъ, зацѣпливаетъ меня въ лицѣ „Отечественныхъ Записокъ". Какъ умно и зло казнитъ онъ аристократическія замашки Соллогуба! Это убѣдило меня, что можно быть умнымъ, даровитымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, будучи славянофиломъ. Зато Хомяковъ—я жъ его, ракалію! Дамъ я ему зацѣплять меня, узнаетъ онъ мои кулаки! Ну, ужъ статья! Вотъ безталанный-то! Потѣшусь, чувствую, что потѣшусь!".

Не только „неистовый Виссаріонъ" былъ настроенъ столь отрицательно къ Хомякову, но даже благодушный Мельгуновъ, стоявшій близко къ славянофиламъ, писалъ Герцену о Хомяковѣ съ довольно язвительной ироніей:

„Хомяковъ, какъ ты знаешь, мастеръ лить пули и даже выдумалъ ружье, которое хватало втрое далѣе ружья Минье. Оказалось, что и ружье—пуля!"

Г. Скабичевскій въ его „Исторіи новѣйшей русской литературы", говоритъ, что у насъ несправедливо на славянофиловъ „привыкли смотрѣть, какъ на реакціонеровъ, смѣшивая ихъ въ одну категорію съ квасными патріотами 30-хъ годовъ, въ родѣ Шевырева и Погодина" [1]), и указываетъ на „демократизмъ" славянофиловъ. Далѣе онъ, впрочемъ, признаетъ, что „реакція 50-хъ годовъ не замедлила подвергнуть славянофильство своему растлѣвающему вліянію" [1]).

Но дѣло въ томъ, что многіе славянофилы, какъ читатели могли видѣть изъ вышеприведеннаго письма, уже въ то время сознательно смѣшивались съ Шевыревымъ, Погодинымъ и tutti quanti тогдашней реакціи. Та-же исторія продолжалась и въ дальнѣйшемъ періодѣ. Въ изданіяхъ И. Аксакова сотрудничали: Погодинъ, Кояловичъ, Страховъ, Юзефовичъ, А. Муравьевъ и проч.

---

[1]) Стр. 27.
[2]) Стр. 42.

Особенно важно, когда говорится о славянофилахъ, точное обозначеніе періода и отдѣленіе *идеалистовъ*-славянофиловъ, въ родѣ К. Аксакова и Кирѣевскихъ, во многомъ близкихъ къ Герцену, отъ славянофиловъ-государственниковъ, въ родѣ И. Аксакова, рѣзко расходившагося съ Герценомъ по многимъ основнымъ вопросамъ въ эпоху 60-хъ годовъ, въ особенности послѣ польскаго возстанія [1]).

Тургенева также поразило извѣстіе о смерти К. Аксакова, и онъ писалъ по этому поводу Герцену (письмо датировано: „Парижъ, 9 января 1861 г.“):

„Милый А. И.

„Пожалуйста, напиши мнѣ немедленно, откуда дошла до тебя вѣсть о смерти К. Аксакова и достовѣрна-ли она? Ни въ журналахъ, ни въ полученныхъ мною изъ Россіи письмахъ ни слова объ этомъ нѣтъ. Все еще не хочу вѣрить смерти этого человѣка.

„Раскольниковъ“ я уже давно пріобрѣлъ и прочелъ. Это удивительно интересно. Хорошъ тамъ является Тургеневъ, Ѳедоръ Михайловичъ. Это былъ величайшій... и грабитель. Помнится, мы къ нему отъ этого не ѣздили, даромъ, что онъ былъ намъ родственникъ. А вѣдь и *мои* родные не были изъ числа самыхъ безпорочныхъ [2]).

„Бени былъ, [3]) доставилъ портретъ, очень понравился и исчезъ. Надо его отыскать.

„Ольга обѣдала у насъ въ воскресенье съ другими дѣтьми. Я представлялъ медвѣдя и ходилъ на четвереинькахъ. Это dans mes moyens, но жениться! О, жестокая насмѣшка!

„Съ „Современникомъ“ и Некрасовымъ я прекратилъ всякія сношенія, что, между прочимъ, явствуетъ изъ ругательствъ

[1]) О нѣкоторыхъ перипетіяхъ борьбы съ славянофилами см. превосходную статью проф. Н. А. Лиииичепко: „Бѣлинскій въ борьбѣ славянофиловъ съ западниками“, въ сборникѣ „Подъ знаменемъ науки“. Москва. 1902.

[2]) Тургеневъ имѣетъ въ виду II выпускъ лондонскаго „Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ“, въ которомъ упоминается, что послѣ смерти дѣйств. стат. сов. Тургенева, въ его бумагахъ была найдена „программа репрессій противъ раскольниковъ въ виду ихъ антигосударственной дѣятельности“.

[3]) Бени (Беньковскій), послужившій прототипомъ Райнера въ романѣ Лѣскова „Некуда“. О немъ см. дальше.

à mon adresse почти въ каждой книжкѣ. Я велѣлъ сказать, чтобъ они не помѣщали моего имени въ числѣ сотрудниковъ, а они взяли да помѣстили его въ самомъ концѣ, въ числѣ прохвостовъ. Что тутъ дѣлать? Не возобновлять-же Катковскую исторію въ газетахъ [1]).

„Статью Огарева я еще не успѣлъ прочесть; напишу тебѣ свое мнѣніе непремѣнно, а ты мнѣ отвѣчай, пожалуйста, на счетъ Аксакова.

„Будь здоровъ. Кланяюсь всѣмъ твоимъ.

Ив. Тургеневъ“.

Но прежде, чѣмъ Герценъ успѣлъ отвѣтить на вопросъ Тургенева объ К. Аксаковѣ, Тургеневъ получилъ тотъ № „Колокола“, въ которомъ помѣщенъ былъ некрологъ Герцена о К. С. Аксаковѣ.

Тургеневъ, избранный тогда въ члены-корреспонденты академіи, писалъ Герцену (письмо датировано: „Парижъ. 12 февраля 1861 г.“):

„Я давно не писалъ къ тебѣ, милый Александръ Ивановичъ, а между тѣмъ кое-что набралось сказать тебѣ.

„Firstly, я долженъ довести до твоего свѣдѣнія, что твои статьи въ „Колоколѣ“ о смерти К. С. Аксакова и „Объ Академіи“ [2]) прелесть, особенно первая, про которую я знаю, что она произвела глубокое впечатлѣніе въ Москвѣ и Россіи Какимъ образомъ я попалъ въ Академію, для меня тайна, тѣмъ болѣе, что тамъ засѣдаютъ все какіе-то штатскіе генералы съ кутейническими именами.

---

[1]) „Катковской исторіей“ Тургеневъ называетъ недоразумѣніе по поводу того, что Катковъ счелъ повѣсть, напечатанную въ „Современникѣ“ („Фаустъ“), повѣстью, обѣщанною Тургеневымъ для „Русскаго Вѣстника“ (Подробнѣе см. „Письма Тургенева“, стр. 40—42).

[2]) Подъ статьей „Объ Академіи“ Тургеневъ подразумѣваетъ передовую статью февральскаго № „Колокола“ за 1861 годъ, въ которой Герценъ, между прочимъ, проводитъ параллель между Московскимъ университетомъ и тогдашней Академіей Наукъ, при чемъ параллель эта оказывается не въ пользу Академіи. Говоря о прошломъ Московскаго университета, Герценъ замѣчаетъ: „Въ Москвѣ возникла, развилась, расщепилась и возмужала современная русская мысль, качаясь въ своей колыбели между протестомъ Чаадаева и воззрѣніями славянофиловъ. И если впослѣдствіи „исполнительная“ часть литературы, ея прилавокъ, перешелъ въ Петербургъ, то ея тема, мысль, задача, то ея люди—изъ Москвы. Лермонтовъ, Бѣлинскій, *Тургеневъ*, Кавелинъ, все это—наши товарищи,—студенты Московскаго Университета“.

„Боткинъ [1]) третьяго дня сюда пріѣхалъ и, представь, почти слѣпой! Я боюсь, не та-ли самая болѣзнь у него, какая была у д'Убри, а именно, размягченіе мозга. Онъ очень ослабѣлъ; сегодня везу его къ Ройе.

„О свадьбѣ П. В. Анненкова ты, вѣроятно, уже „извѣстенъ сталъ“, примѣръ намъ съ тобой, братъ! Онъ беретъ дѣвушку лѣтъ 28, не очень красивую, но добрую и умную.

„Работа моя [2]) подвигается очень не спѣшно; я все это время возился то съ собственнымъ бронхитомъ, то съ бронхитомъ (и очень сильнымъ) моего пріятеля Віардо. Слѣпцовъ [3]) былъ у меня и сообщилъ свѣдѣнія о твоемъ житьѣ-бытьѣ. Упомпновеніе тобою моего имени въ обществѣ Бѣлинскаго и др. я принялъ въ родѣ Анны съ короною на шеѣ и чувствовалъ на душѣ играніе тщеславія.

„А между прочимъ... „кухарка моя входитъ“ и подаетъ твою записку о Трубецкомъ и т. д. Сегодня-же соберутся подробнѣйшія свѣдѣнія и завтра будутъ къ тебѣ препровождены.

„Кажется, ты еще не убѣдился, что „Будущность“ [4]) плоха?

„Обнимаю тебя и кланяюсь всѣмъ твоимъ.—До завтра.

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ“.

На слѣдующій день Тургеневъ послалъ Герцену отвѣтъ на его запросы о различныхъ лицахъ и о петербургскихъ тогдашнихъ событіяхъ.

„Милый Александръ Ивановичъ,—писалъ онъ.—

„Вотъ свѣдѣнія, которыя я могъ собрать:

„Князь Н. П. Трубецкой, бывшій адъютантъ герцога мекленбургскаго (мужа дочери вел. кн. Елены Павловны), по всѣмъ признакамъ человѣкъ хорошій и благородный. Кн. Долгоруковъ отзывается о немъ очень хорошо: онъ лично его не знаетъ, но знаетъ семейство, гдѣ онъ воспитывался и т. д. О Дубровинѣ никто ничего не знаетъ. Впрочемъ, здѣсь есть человѣкъ (полковникъ генеральнаго штаба, ко-

---

[1]) В. П. Боткинъ, авторъ „Писемъ объ Испаніи“.

[2]) Тургеневъ въ это время оканчивалъ романъ „Отцы и дѣти“.

[3]) Вас. Алек. Слѣпцовъ, писатель.

[4]) „Будущность“—журналъ, издававшійся въ Парижѣ въ 1861 г. кн. П. Долгоруковымъ.

тораго ты называешь), отъ котораго я могу собрать свѣдѣнія какъ о Дубровинѣ, такъ и объ арестахъ офицеровъ въ С.-Петербургѣ, которые, повидимому, остались тайной, если они точно происходили. Я его увижу и дамъ тебѣ знать результатъ нашихъ разговоровъ. Слѣпцовъ мнѣ ничего не говорилъ о дьяконѣ (?).

„Кажется, я писалъ тебѣ о пріѣздѣ Боткина сюда. Онъ, бѣдный, очень плохъ; мозгъ и зрѣніе поражены. Мы хотимъ помѣстить его въ тотъ пансіонъ, гдѣ находится М. А. Маркович: она такая добрая и будетъ ходить за нимъ. М. Л. также пріѣхалъ въ Парижъ, но я его еще не видалъ.

„Отъ Анненкова получаю *радужныя* письма: я счастливъ его счастьемъ. Имѣю также сообщить тебѣ *самымъ достовѣрнымъ образомъ*, что указъ объ эмансипаціи выйдетъ *скоро;* никакимъ другимъ слухамъ не вѣрь. Главные противники указа,—кто бы ты думалъ? (не говорю о Гагаринѣ,—это само собой разумѣется)—Муравьевъ, *Княжевичъ* и кн. *А. М. Горчаковъ!!*

„Дядя мнѣ пишетъ, что жесточайшіе морозы съ мятелями причиняютъ много бѣдъ: всѣ сообщенія прекращены, скотъ умираетъ и т. д.

„P. S. Скоро тебѣ опять напишу; а пока будь здоровъ, обнимаю тебя и кланяюсь твоимъ

Твой Ив. Тургеневъ“ [1]).

Герценъ, между прочимъ, спрашивалъ Тургенева,—почему онъ сидитъ за-границей, почему не ѣдетъ въ Россію, гдѣ теперь такъ интересно, гдѣ рѣшается вопросъ величайшей важности—объ освобожденіи крестьянъ?

Тургеневъ съ горечью отвѣчалъ ему на это (письмо датировано: „Парижъ, 9 марта 1861“).

„Прежде всего долженъ тебѣ сказать, что ты ужасный человѣкъ. Охота-же тебѣ поворачивать ножъ въ ранѣ! Что же мнѣ дѣлать, коли у меня дочь, которую я долженъ выдавать замужъ, и потому по-неволѣ сижу въ Парижѣ? Всѣ мои помыслы, весь я въ Россіи.

„Буду сообщать тебѣ всѣ новости неоффиціальныя, но вѣрныя. Пока ничего нѣтъ: въ Варшавѣ хотятъ попробовать мѣры кротости но попробуй поляки завести рѣчь о консти-

[1]) Письмо датировано: „Февраль 13, 1861 г.“

туціи, и увидятъ они, что произойдетъ! Изъ Петербурга попрежнему обѣщаніе (кажется, несомнѣнное) объявить свободу 6/18 марта. Но обрѣзаніе надѣла едва-ли понравится крестьянамъ, особенно въ хлѣбопашныхъ губерніяхъ. Хорошо то, что глупѣйшаго *переходнаго* времени не будетъ.

„Присылай „Колоколъ“ Делавойю [1]). Онъ все помѣститъ, что слѣдуетъ и гдѣ слѣдуетъ. Но вообрази, вѣдь, онъ не Генрихъ, а Гипполитъ. Я самъ недавно узналъ этотъ потрясающій фактъ. Вотъ, отчего у Расина сказано:

„Pourqui sous Hyppolite

„Des héros de la Grèce assemblait'on l'élite?

„Отвратительное зрѣлище представляетъ здѣсь старая парламентская партія: всѣ они—вольтеріанецъ Тьеръ, протестантъ Гизо, ламартинистъ Ламартинъ охаютъ и ахаютъ о папѣ, о неаполитанскомъ королѣ и т. д. Они думаютъ этимъ произвести реакцію противъ дѣльнаго правительства, а оно только руки себѣ потираетъ. Если это будетъ такъ продолжаться, то кончится тѣмъ, что Наполеонъ будетъ главою либераловъ во Франціи!! Уменъ онъ, уменъ, да ужъ и счастливъ, нечего сказать.

„Г-нъ Лохвицкій [2])—одинъ изъ самыхъ грязныхъ великороссійскихъ циниковъ.

„Желиховскаго [3]) я очень хорошо знаю и способствовалъ его свадьбѣ, которая должна совершиться на дняхъ. Какое-то свадебное повѣтріе въ воздухѣ. Ему теперь не до Варшавы и т. д.

„Прощай, будь здоровъ; поклонись всѣмъ твоимъ и N N, если онъ еще въ Лондонѣ.

„Rue de Rivoli, 210.

Твой Ив. Тургеневъ“.

X.

Слѣдующее письмо Тургенева безъ даты, но очевидно, написанное въ мартѣ 1861 г., заключаетъ въ себѣ любо-

---

[1]) H. Delveau—французскій литераторъ, переводчикъ „Былого и Думъ“.

[2]) Лохвицкій—профессоръ Одесскаго Ришельевскаго лицея, впослѣдствіи адвокатъ.

[3]) Желиховскій—польскій поэтъ, другъ Шевченко, былъ въ ссылкѣ въ Оренбургѣ.

пытныя свѣдѣнія о томъ, какъ русская колонія въ Парижѣ встрѣтила манифестъ объ освобожденіи крестьянъ.

„Милый Александръ Ивановичъ,

„Посылаю тебѣ копію съ письма Анненкова, писаннаго на другой день великаго дня. Оно, ты увидишь, любопытно. До сихъ поръ телеграммы (печатныя и частныя) единогласно говорятъ о совершенной тишинѣ, съ которой принятъ манифестъ во всей Россіи. Что-то будетъ дальше? Самъ манифестъ явнымъ образомъ написанъ былъ по-французски и переведенъ на неуклюжій русскій языкъ какимъ-нибудь нѣмцемъ. Вотъ фразы въ родѣ: „благодѣятельно устроять“... „добрыя патріархальныя условія“, которыхъ ни одинъ русскій мужикъ не пойметъ. Но самое дѣло онъ раскуситъ, и дѣло это устроено, по мѣрѣ возможности, порядочно.

„Мы здѣсь третьяго для отпѣли молебенъ въ церкви и попъ произнесъ намъ краткую, но умную и трогательную рѣчь, отъ которой я прослезился, а Николай Ивановичъ Тургеневъ чуть не рыдалъ. Тутъ-же былъ и старый кн. Волконскій (декабристъ). Много народа передъ этимъ ушло изъ церкви.

„За „Полярную Звѣзду“ спасибо; я ее читаю съ удовольствіемъ. Твои отрывки, по обыкновенію, прелестны, записки Бестужева очень интересны, письма Лунина я уже зналъ, стихотворенія Березина показались мнѣ au dessous de leur réputation; объ Оуэнѣ я еще не успѣлъ прочесть. Но кто это тебя мистифицировалъ, давъ переводъ извѣстнѣйшей проповѣди отца Бриденъ (Bridaine) при Людовикѣ XIV за современное произведеніе какого-то Нестора и т. д., и какъ ты это попался?

„Скажи два слова о „Колоколѣ“ о смерти *Шевченко*. Бѣднякъ уморилъ себя неумѣреннымъ употребленіемъ водки. Незадолго передъ смертью съ нимъ случилось замѣчательное происшествіе: одинъ исправникъ (Черниговской губ.) арестовалъ его и отправилъ, какъ колодника, въ губернскій городъ за то, что Шевченко *отказался написать его портретъ масляными красками во весь ростъ. Это фактъ.*

„Я ѣду черезъ мѣсяцъ въ Россію, въ деревню и по дорогѣ заѣду къ тебѣ въ Лондонъ на день.

„Прощай, обнимаю тебя и кланяюсь всѣмъ твоимъ. Благодарю Крузе за его письмо; я ему буду отвѣчать.

Твой Ив. Тургеневъ.

„P. S. А у здѣшнихъ русскихъ [1]) вытянулись рожи, но они уже смирились; а еще „Times“ толкуетъ о „haughty and factions noblesse“ Г...—эта „noblesse“, и слава Богу“.

Исполняя просьбу Тургенева, Герценъ, который высоко ставилъ Шевченко, называя его „едва-ли не единственнымъ народнымъ поэтомъ“, посвятилъ ему прочувствованный некрологъ.

Что-же касается сообщенія Тургенева объ эпизодѣ, приключившемся съ Шевченко, то въ данномъ случаѣ онъ спуталъ мѣстности. Эпизодъ произошелъ не въ Черниговской, а въ Кіевской губерніи.

Тургеневъ съ большой симпатіей относился къ Шевченко и вообще, къ тогдашнему малорусскому литературному движенію. Объ этомъ свидѣтельствуютъ его переводы разсказовъ Марко-Вовчка, его глубоко интересныя воспоминанія о Шевченко [2]) и нѣкоторыя указанія, встрѣчающіяся въ его письмахъ. Такъ, въ письмѣ къ Н. Макарову [3]) онъ писалъ, между прочимъ: „Поклонитесь Шевченко и Бѣлозерскому [4]). Каково читалъ Шевченко на публичномъ чтеніи—и какой произвелъ эффектъ? Когда выйдетъ „Основа“, вышлите мнѣ ее, пожалуйста“. Не задолго до смерти Шевченко [5]) Тургеневъ справляется у того-же Макарова: „Что подѣлываетъ Шевченко?“ Еще болѣе любопытное указаніе на отношеніе Тургенева къ украинской литературѣ имѣется въ письмѣ его къ покойному

[1]) Тургеневъ имѣетъ въ виду тогдашнюю дворянскую русскую колонію въ Парижѣ, недовольную освобожденіемъ крестьянъ.

[2]) „Воспоминанія И. С. Тургенева о Шевченко“ напечатаны при пражскомъ (1876) изданія „Кобзаря“ Шевченко. Изданіе это въ небольшомъ количествѣ проникло въ Россію, такъ какъ сочиненія Ш. находились тогда подъ запретомъ, и воспоминанія Тургенева о Ш. извѣстны лишь записнымъ библіофиламъ. Положительно непонятно: *почему* они до сихъ поръ не включены въ полныя собранія соч. Тургенева, въ отдѣлъ его „литературно-житейскихъ“ воспоминаній.

[3]) См. „Письма“ Тургенева, стр. 82.

[4]) В. И. Бѣлозерскій, другъ Шевченко, малорусскій писатель, редакторъ малор. журнала „Основа“.

[5]) Письма Тург., стр. 87.

профессору М. П. Драгоманову. Драгомановъ послалъ Тургеневу изданныя имъ въ Кіевѣ „Повѣсти“ галицкаго писателя Федьковича [1]). „Повѣстямъ“ этимъ предшествуетъ довольно обширный очеркъ (на малорусскомъ языкѣ) изъ исторіи галицко-украинской литературы, причемъ Драгомановъ указываетъ на существованіе въ Галиціи двухъ теченій: „народно-украинскаго“ и „московофильскаго“. Сторонники перваго теченія употребляютъ въ своихъ произведеніяхъ народный языкъ, сторонники второго—искалѣченный великорусскій. Тургеневъ писалъ по этому поводу Драгоманову [2]):

„Милостивый Государь!

„Я получилъ въ одинъ день и Ваше письмо и повѣсти г. Федьковича. Искренно благодарю Васъ за столь лестный знакъ вниманія. Я успѣлъ—и безъ большого затрудненія—прочесть Ваше предисловіе, и могу сказать, что раздѣляю вполнѣ Вашъ образъ мыслей, въ чемъ я, впрочемъ, не сомнѣвался, зная Ваши прежніе труды и Ваше направленіе. Какъ только я прочту повѣсти Федьковича, я позволю себѣ выразить Вамъ, съ полной откровенностью, мое мнѣніе. Заранѣе чувствую, что тутъ только и бьется ключъ живой воды, а все остальное—либо призракъ, либо трупъ“.

Если Герценъ называлъ Шевченко „едва-ли не единственнымъ народнымъ поэтомъ“, то Шевченко, въ свою очередь, благоговѣлъ передъ Герценомъ. На это имѣются любопытныя указанія въ его „Дневникѣ“ [3]). Такъ, Шевченко заноситъ въ свой дневникъ, что его знакомый Варенцовъ привезъ въ Нижній Новгородъ (гдѣ тогда былъ Шевченко, возвращавшійся изъ ссылки) „портретъ нашего извѣстнаго эмигранта Герцена. Портретъ нарисованъ карандашемъ и, вѣроятно, похожъ, потому что отличается отъ обычныхъ рисунковъ этого рода. Но, если бы онъ даже и не походилъ, я все-таки перерисую его въ свой дневникъ, почитая имя

---

[1]) Нѣкоторыя повѣсти Федьковича недавно переведены на русскій языкъ Златовратскимъ.

[2]) Письмо датировано: „Парижъ, 50, Rue de Douai. Вторникъ 21/9 марта 1876 г.“

[3]) Дневникъ Шевченко былъ частями напечатанъ въ „Основѣ“ 1861—62 гг. и цѣликомъ, безъ пропусковъ въ Львовѣ въ 1895 г. См. „Кобзарь“ Т. Шевченка. Т. III, стр. 150—151.

этого святого человѣка". (Далѣе въ дневникѣ слѣдуетъ портретъ Герцена). Въ 1858 г. онъ снова заноситъ въ свой дневникъ: „Встрѣтилъ своего стараго знакомаго Шумахера [1]). Онъ только что возвратился изъ за-границы и привезъ четыре №-ра „Колокола". Я впервые увидалъ эту газету и благоговѣйно поцѣловалъ ее" [2]).

Нижеслѣдующее письмо Тургенева, безъ даты, но, очевидно, относящееся къ началу марта 1861 г., все занято подробностями объ освобожденіи крестьянъ.

„Милый другъ Александръ Ивановичъ!

„Вчера получены здѣсь письма отъ разныхъ оффиціальныхъ лицъ (Головнина и др.) объ окончаніи крестьянскаго вопроса. *Главныя основанія* редакціонной комиссіи приняты; переходное время будетъ продолжаться два года (а не *девять* и не *шесть*), надѣлъ остается весь съ правомъ выкупа. Плантаторы въ Петербургѣ и здѣсь въ ярости неизъяснимой: здѣсь они кричатъ, что проектъ нелиберальный, сбивчивый и т. д. Мнѣ обѣщали доставить сегодня одинъ уже *отпечатанный* экземпляръ *положенія*, который прислали изъ Петербурга. Спишу главные пункты и пошлю тебѣ. Манифестъ (написанный Филаретомъ) выйдетъ въ то воскресеніе, т. е. черезъ 8 дней. Государю приходилось по инымъ пунктамъ быть въ меньшинствѣ 9-ти человѣкъ противъ 37. Самыми либеральными людьми въ этомъ дѣлѣ оказались: великій князь Константинъ Николаевичъ, Блудовъ, Ланской, Болтинъ и Чевкинъ. Выбивается медаль со словомъ: „благодарю" и вензелемъ государя, которая будетъ роздана отъ имени государя всѣмъ членамъ комиссіи, комитетамъ и т. д. Воображаю, какъ иные ее примутъ.

„Плантаторы потому такъ взбѣленились, что въ послѣднее время распространялись слухи о принятіи гагаринскаго проекта, т. е. ¼ надѣла и т. д. Впрочемъ, говорятъ, и въ печатномъ экземплярѣ это находится въ примѣчаніи, comme une chose facultative. Непонятно, но такими словами мнѣ это передалъ одинъ придурковатый плантаторъ, читавшій напечатанный манифестъ.

[1]) П. В. Шумахеръ, пріятель Тургенева, который напечаталъ въ Берлинѣ сборникъ его стихотвореній, преимущественно нецензурнаго характера. О немъ см. „Письма Тургенева", стр. 324.

[2]) „Кобзарь", т. III (Львовъ, 1895) стр. 168.

„Дожили мы до этихъ дней, а все не вѣрится, и лихорадка колотитъ, и досада душитъ, что не на мѣстѣ.

„Впрочемъ, если я не увижу перваго момента, я всетаки буду свидѣтелемъ *первыхъ примѣненій*: я въ концѣ апрѣля въ Россіи.

„Обнимаю тебя и всѣхъ твоихъ.

„Гдѣ-же „Полярная Звѣзда?“

Твой Тургеневъ“.

Весной 1861 г. Тургеневъ уѣхалъ въ Россію и 9 мая былъ уже въ Спасскомъ, куда онъ поспѣшилъ „для окончательнаго устройства своихъ дѣлъ“ съ крестьянами [1]). Какъ онъ „устроилъ“ эти дѣла, лучше всего видно изъ его письма къ г. Венгерову [2]): „Когда матушка скончалась въ 1850 г.,—пишетъ Тургеневъ:—я немедленно отпустилъ дворовыхъ на волю, пожелавшихъ крестьянъ перевелъ на оброкъ, всячески содѣйствовалъ успѣху общаго освобожденія, при выкупѣ вездѣ уступилъ пятую часть—и въ главномъ имѣніи не взялъ ничего за усадебную землю, что составляло крупную сумму“.

Въ концѣ сентября Тургеневъ уже опять былъ въ Парижѣ и вскорѣ по пріѣздѣ написалъ Герцену (письмо датировано: „Парижъ, 210, rue de Rivoli, 7 октября 1861 г.“).

„Милый другъ, Александръ Ивановичъ!

„Я десять дней тому назадъ сюда пріѣхалъ, но все былъ въ деревнѣ и только недавно поселился окончательно въ старой своей квартирѣ. Всею душею жажду тебя видѣть, да и нужно обо многомъ весьма важномъ переговорить съ тобой и многое тебѣ сообщить. (Между прочимъ, у меня есть къ тебѣ большое письмо отъ Бени). Долгоруковъ мнѣ сказалъ, что ты до четверга еще въ Торкеѣ; пишу тебѣ туда съ просьбой отвѣчать тотчасъ; когда ты пріѣдешь въ Лондонъ, или ужъ не пожалуешь ли ты въ Парижъ, такъ и онъ теперь „d'Altdorf les chemins sont ouverts“, это бы крайне меня обрадовало и *арранжировало*, говоря по-руски. Повторяю, намъ *необходимо* видѣться

---

[1]) См. „Письма Тургенева, стр. 88.

[2]) Ibid., стр. 233.

„Кланяюсь дружески всѣмъ твоимъ, Огаревымъ и жму тебѣ изо всѣхъ силъ руку.

„Отвѣчай поскорѣе и обстоятельно.

Твой Ив. Тургеневъ“.

XI.

Въ концѣ 1861 года въ Лондонъ пріѣхалъ бѣжавшій изъ Сибири извѣстный агитаторъ М. А. Бакунинъ. Герценъ посвятилъ его пріѣзду спеціальную статью, заканчивавшуюся слѣдующимъ образомъ:

„Подъ предлогомъ торговаго дѣла Бакунинъ пробрался на Амуръ, сѣлъ на американскій клиперъ и приплылъ въ Японію.

„Изъ Японіи онъ приплылъ въ С. Франциско и перебрался черезъ Панамскій перешеекъ въ Сѣверные Штаты. Изъ Нью-Іорка онъ 26 декабря приплылъ въ Ливерпуль и 27 былъ встрѣченъ нами въ Лондонѣ.

„Но чтобы ничего не доставало, человѣкъ этотъ, выходя послѣ 14 лѣтъ страданій, утомленный путемъ вокругъ свѣта, не только былъ встрѣченъ старыми друзьями, но и обвиненіями одной радикальной *нѣмецкой* газеты, напоминавшей, что онъ ein verdächtiger Character [1]).

„А впрочемъ, пожалуй, нѣмцы и правы! Бакунинъ и мы — *агенты русскаго народа,* мы работаемъ для него, ему принадлежатъ наши силы, наша вѣра, и никакому народу, развѣ его“. . .

Бакунинъ явился въ Лондонъ безъ всякихъ средствъ, и Герцену, который уже поддерживалъ Огарева и его семью, пришлось поддерживать и Бакунина. Герценъ обратился къ Тургеневу, просилъ его, не сможетъ ли онъ, съ своей стороны, поддержать Бакунина и похлопотать, чтобы такую же поддержку оказалъ Сазоновъ.

Тургеневъ не былъ для Бакунина чужимъ человѣкомъ.

---

[1]) Кружокъ нѣмецкихъ эмигрантовъ въ Лондонѣ, группировавшійся вокругъ Маркса, неоднократно называлъ Бакунина и Герцена „агентами русскаго правительства“.

Они встрѣчались въ кружкѣ Бѣлинскаго, вмѣстѣ слушали лекціи въ Берлинѣ. [1]).

Дружба Тургенева съ Бакунинымъ выдержала серьезное испытаніе, когда Бакунинъ находился уже въ Шлиссельбургской крѣпости, причемъ Тургеневъ выказалъ не малое гражданское мужество, а именно, онъ „осмѣлился просить облегченія участи Бакунина и снабжалъ его книгами, несмотря на то, что самъ былъ на дурномъ счету у императора Николая I“ [2]).

Прибавимъ кстати, что даже впослѣдствіи, поссорившись съ Бакунинымъ, Тургеневъ „помогалъ ему, когда тотъ хворалъ и нуждался, дѣлая это безъ его вѣдома, да и вообще, мало кто зналъ объ этомъ“ [3]).

Бакунинъ послужилъ, какъ извѣстно, Тургеневу для созданія типа Рудина. Помимо указаній на это нѣмецкаго писателя Шмидта [4]), недавно напечатано письмо С. Т. Аксакова къ Тургеневу, устанавливающее этотъ фактъ [5]).

„Рудинъ, — писалъ С. Т. Аксаковъ:—похожъ очень на общаго нашего знакомаго, хотя, какъ сходство, онъ не очень удовлетворителенъ. Кой-гдѣ встрѣчаются неуясненности, характеръ Рудина не широко развитъ; но тѣмъ, не менѣе, повѣсть имѣетъ большое достоинство, и такое лицо, какъ Рудинъ, замѣчательно и глубоко. Лѣтъ десять тому назадъ, вы бы изобразили Рудина совершеннымъ *героемъ*. Нужна была зрѣлость созерцанія для того, чтобы видѣть пошлость рядомъ съ необыкновенностью, дрянность рядомъ съ достоинствомъ, какъ въ Рудинѣ. Вывести Рудина было очень трудно, и вы эту трудность побѣдили, хотя и можно койчего еще бы прибавить. *А замѣчательное лицо—нашъ знакомый!*“

Тургеневъ съ своей обычной добротой откликнулся на призывъ Герцена помочь Бакунину, какъ читатели убѣдятся изъ приводимаго ниже письма Тургенева (датированнаго: „25 января 1862 г.“):

---

[1]) См. выше, стр. 18—19.

[2]) См. „Рус. Ст.“ 1884. Май.

[3]) Ibid., стр. 396.

[4]) См. „Иностранная критика о Тургеневѣ“, стр. 24.

[5]) „Русское Обозрѣніе“ 1894, декаб., стр. 587.

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ!

„Братъ Бакунина тебѣ, вѣроятно, сообщалъ, что онъ нашелъ меня больнымъ; и я до сихъ поръ поправиться не могу и не рѣшаюсь выходить на улицу. Это опять отложило время моей поѣздки въ Лондонъ, которая рѣшительно начинаетъ принимать какой-то миѳическій оттѣнокъ,—но я не теряю надежды.

„О твоемъ сынѣ уже пошелъ запросъ къ Головнину [1]), черезъ князя Орлова [2]). По словамъ сего послѣдняго, онъ не предвидитъ препятствій къ исполненію его желанія [3]).

„Доставленіе постоянной суммы М(ихаилу) А(лександровичу) [4]) затруднительнѣе. С(азоновъ) давно уѣхалъ въ Египетъ, да и, сколько мнѣ извѣстно, это чванливое животное, которое не дастъ гроша, если нельзя протрубить о немъ во всеуслышаніе. Боткинъ будетъ давать по временамъ небольшія суммы, но едва-ли согласится на что-нибудь постоянное. Впрочемъ, я еще съ нимъ потолкую. Объ остальныхъ здѣшнихъ русскихъ и говорить нечего. Надо посмотрѣть, что можно сдѣлать въ самой Россіи. Что касается до меня, то я съ величайшей готовностью беру на себя обязанность давать Бакунину ежегодную сумму 1500 франковъ впредь на неопредѣленное время и первые 500 франковъ (считая съ 1-го января) отправляю на твое имя тотчасъ. Такимъ образомъ, $1/4$ часть желаемой суммы уже обезпечена; надо постараться и объ остальной.

„Дошли до меня слухи объ оваціяхъ, дѣлаемыхъ твоему сыну русской молодежью въ Гейдельбергѣ и въ Карлсруэ. C'est un singe des temps!

„Первыя извѣстія о Головнинѣ довольно хороши; что будетъ дальше? Читалъ ты статью: „La Russie sous Alexandre II“ въ Revue des deux mondes? [5]).

---

[1]) А. В. Головнинъ былъ тогда назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, вмѣсто адмирала Путятина.

[2]) Тогдашній русскій посолъ въ Парижѣ.

[3]) Сынъ А. И. Герцена, А. А. Герценъ хлопоталъ тогда о разрѣшеніи ему возвратиться въ Россію, откуда онъ былъ вывезенъ ребенкомъ.

[4]) Бакунину.

[5]) Во 2-й январьской книжкѣ „Revue des deux mondes“ за 1862 г. была помѣщена статья Шарля де Мазада „La Russie sous le règne d'Alexandre II“.

„Кланяйся всѣмъ лондонскимъ друзьямъ, а я жму тебѣ руку и говорю—до свиданія,—что бы тамъ ни было.

Ив. Тургеневъ“.

„Rue de Rivoli, 210.“

Пріѣздъ Бакунина, его участіе въ польскомъ возстаніи и отношеніе „Колокола“ къ польскому вопросу представляютъ настолько важный историко-литературный эпизодъ, что мы должны остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе, тѣмъ болѣе, что вскорѣ, подъ вліяніемъ Бакунина, всецѣло овладѣвшаго слабохарактернымъ Огаревымъ, отношенія между Герценомъ и Тургеневымъ начинаютъ портиться, хотя Тургеневъ, отзываясь не особенно уважительно объ Огаревѣ и Бакунинѣ, продолжаетъ съ большой любовью относиться къ самому Герцену. Въ русской литературѣ сдѣлалось избитымъ мѣстомъ выраженіе, что „Колоколъ“ потерялъ свое вліяніе вслѣдствіе его отношенія къ польскому вопросу, но каково было это отношеніе, въ чемъ заключалась ошибка Герцена, подъ чьимъ вліяніемъ произошла перемѣна въ направленіи „Колокола“, остается до сихъ поръ неизслѣдованнымъ. О Бакунинѣ и его вредномъ вліяніи на „Колоколъ“ Тургеневъ, какъ увидятъ читатели далѣе, неоднократно говоритъ въ своихъ письмахъ къ Герцену, поэтому мы и считаемъ необходимымъ остановиться на этомъ эпизодѣ, пользуясь преимущественно любопытными воспоминаніями г-жи Огаревой-Тучковой, напечатанными въ „Русской Старинѣ“ за 1894 г., и замѣчательными воспоминаніями о Бакунинѣ самого Герцена, написанными съ большой теплотой и, тѣмъ не менѣе, безпристрастно указывающими на слабыя стороны въ характерѣ агитатора.

Кузина Герцена, Т. Пассекъ въ своихъ воспоминаніяхъ [1]) слѣдующимъ образомъ характеризуетъ Бакунина и его вліяніе на Герцена:

„Личность Бакунина,—говоритъ Пассекъ:—была странна и замѣчательна: умный, начитанный, обладающій даромъ слова, проникнутый нѣмецкой философіей, онъ иногда былъ малодушенъ, какъ ребенокъ, которому хочется какого-нибудь дѣла: если печатать,—то прокламаціи; если дѣйство-

[1]) Т. Пассекъ. „Изъ дальнихъ лѣтъ“. т. III.

вать, то все вездѣ поставить вверхъ дномъ, ничего не щадить, никогда не задаваться мыслью, что изъ этого можетъ выйти,—идти на проломъ. Бакунинъ часто вредно вліялъ на Герцена, обыкновенно черезъ Огарева. Онъ настаивалъ на своей программѣ, а эта программа скоро запугала всѣхъ и прямо противорѣчила тому, что раньше говорилось въ „Колоколѣ“.

Герценъ не сразу сдался и сначала упорно боролся съ Бакунинымъ, какъ можно заключить изъ разсказа г-жи Тучковой-Огаревой [1]).

„Еще до освобожденія крестьянъ,—говоритъ она:—пріѣзжали въ Лондонъ три члена ржонда. Они пріѣзжали затѣмъ, чтобы заручиться помощью Герцена. Увидавъ ихъ, Бакунинъ началъ было говорить о тысячахъ, которыхъ Герценъ и онъ могутъ направить, куда хотятъ. Но, слушая Бакунина, они вопросительно смотрѣли на Герцена, и тотъ сказалъ откровенно, что не располагаетъ никакой матеріальной силой въ Россіи, но что онъ имѣетъ вліяніе на нѣкоторое меньшинство своимъ словомъ и искренностью. Сначала Герценъ убѣждалъ этихъ господъ оставить всѣ замыслы возстанія, говоря, что не будетъ пользы: Россія-де сильна, Польшѣ съ ней не тягаться. Россія идетъ путемъ постепеннаго прогресса, пользуйтесь тѣмъ, что она выработаетъ. Ваше возстаніе ни къ чему не приведетъ, только замедлитъ или даже повернетъ вспять ходъ развитія Россіи, а стало быть, и вашего. Передайте ржонду мои слова. Въ чемъ же можетъ состоять сближеніе между нами?—продолжалъ Герценъ.—Жалѣя Польшу, мы не можемъ сочувствовать ея аристократическому направленію: освободите крестьянъ съ землею, и у насъ будетъ почва для сближенія. Но посланные ржонда молчали или уклончиво говорили, что освобожденіе крестьянъ еще не подготовлено въ Польшѣ. Тогда Герценъ возразилъ, что въ такомъ случаѣ не только русскіе не будутъ имъ сочувствовать, но что и польскіе крестьяне поймутъ, что имъ не за что подвергаться опасности, и примкнутъ, въ концѣ концовъ, къ русскому правительству, что позже и произошло въ дѣйствительности. Такъ посланники и уѣхали обратно, не получивъ отъ Герцена никакихъ обѣщаній“.

---

[1]) „Рус. Старина“, 1894, кн. XI.

Изъ приведеннаго отрывка читатели видятъ, какъ ясно и трезво смотрѣлъ на готовившееся польское возстаніе Герценъ. Что-же заставило его примкнуть къ нему? Отвѣтомъ на это служатъ воспоминанія Герцена о Бакунинѣ и той роли, какую Бакунинъ сыгралъ въ этомъ дѣлѣ.

„Въ концѣ ноября,—говоритъ Герценъ:—мы получили отъ Бакунина слѣдующее письмо:

„*15 Октября 1861 г., С.-Франциско.* Друзья, мнѣ удалось бѣжать изъ Сибири и послѣ долгаго странствованія по Амуру, по берегамъ Татарскаго пролива и черезъ Японію, сегодня прибылъ я въ С.-Франциско.

„Друзья, всѣмъ существомъ стремлюсь я къ вамъ и, лишь только пріѣду, примусь за дѣло, буду у васъ служить по *польско-славянскому* вопросу, который былъ моей idée съ 1846 г. и моей *практической спеціальностью* въ 48 и 49 гг.

„Разрушеніе, полное разрушеніе Австрійской имперіи будетъ моимъ послѣднимъ словомъ; не говорю—дѣломъ, это было бы слишкомъ честолюбиво; для служенія ему я готовъ идти въ барабанщики, или даже въ прохвосты, и, если мнѣ удастся хоть на волосъ подвинуть его впередъ, я буду доволенъ“.

„О намѣреніи Бакунина уѣхать изъ Сибири мы знали нѣсколько мѣсяцевъ прежде. Къ новому году явилась и собственная пышная фигура Бакунина въ нашихъ объятіяхъ.

„Въ нашу работу, въ нашъ замкнутый двойной союзъ, взошелъ *новый* элементъ, и то, пожалуй, элементъ старый, воскресшая тѣнь сороковыхъ годовъ и всего больше 1848 г. Бакунинъ былъ тотъ-же, онъ состарѣлся только тѣломъ, духъ его былъ молодъ и восторженъ, какъ въ Москвѣ во время всенощныхъ споровъ съ Хомяковымъ; онъ былъ такъ же преданъ одной идеѣ, такъ же способенъ увлекаться, видѣть во всемъ исполненіе своихъ желаній и идеаловъ, и еще больше готовъ на всякій опытъ, на всякую жертву, чувствуя, что жизни впереди остается не такъ много и что, слѣдственно, надобно торопиться и не пропускать ни одного случая. Онъ тяготился долгимъ изученіемъ, взвѣшиваніемъ pro и contra и рвался, довѣрчивый и отвлеченный, какъ прежде, къ дѣлу. Фантазіи и идеалы, съ которыми его заперли въ Кенигштейнѣ въ 1849 г., онъ сберегъ и привезъ ихъ

черезъ Японію и Калифорнію въ 1861 г. во всей цѣлости. Даже языкъ его напоминалъ лучшія статьи „Reforme“ и „Vraie Rêpublique“ [1]), рѣзкія рѣчи de la Constituante и клуба Бланки. Тогдашній духъ партій, ихъ исключительность, ихъ симпатіи и антипатіи къ лицамъ, пуще всего ихъ вѣра въ близость второго пришествія революціи, все было на лицо.

„Тюрьма и ссылка необыкновенно сохраняютъ сильныхъ людей, если не тотчасъ ихъ губятъ: они выходятъ изъ нея, какъ изъ обморока, продолжая то, на чемъ лишились сознанія.

„Европейская реакція не существовала для Бакунина, не существовали и тяжелые годы отъ 1848 до 1858; они ему были извѣстны вкратцѣ, издалека, слегка. Онъ ихъ *прочелъ* въ Сибири такъ, какъ читалъ въ Кайдановѣ о Пуническихъ войнахъ и о паденіи Римской имперіи. Какъ человѣкъ, возвратившійся послѣ мора, онъ слышалъ о тѣхъ, которые умерли, и вздохнулъ объ нихъ обо всѣхъ; но онъ не сидѣлъ у изголовья умирающихъ, не надѣялся на ихъ спасеніе, не шелъ за ихъ гробомъ. Совсѣмъ напротивъ, событія 1848 г. были возлѣ, близки къ сердцу, подробные и живые разговоры съ Коссидьеромъ, рѣчи славянъ на Пражскомъ съѣздѣ, споръ съ Араго или Руге,—все это было для Бакунина *вчера*, звенѣло въ ушахъ, мелькало передъ глазами.

„Впрочемъ, оно и не мудрено.

„Первые дни послѣ февральской революціи были лучшими днями жизни Бакунина. Возвратившись изъ Бельгіи, куда его вытурилъ Гизо за его рѣчь на польской годовщинѣ 29 ноября 1847 года, онъ съ головой нырнулъ во вся тяжкія революціоннаго моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ монтаньяровъ, ночевалъ у нихъ, ѣлъ съ ними и проповѣдывалъ, все проповѣдывалъ коммунизмъ et l'égalitè du salaire, нивеллированіе во имя равенства, освобожденіе всѣхъ славянъ, уничтоженіе всѣхъ австрій, революцію en permanence, войну до избіенія послѣдняго врага. Префектъ съ баррикадъ, дѣлавшій „порядокъ изъ безпорядка“, Коссидьеръ, не зналъ, какъ выжить дорогого проповѣдника, и придумалъ съ Флокономъ отправить его въ самомъ дѣлѣ къ славянамъ съ братской акколадой и увѣренностью, что онъ тамъ себѣ сломитъ шею и мѣшать не будетъ.

---

[1]) Радикальные французскіе журналы конца 40-хъ годовъ.

„Когда я пріѣхалъ въ Парижъ изъ Рима въ началѣ мая 1848 года, Бакунинъ въ это время уже витійствовалъ въ Богеміи, окруженный старовѣрскими монахами, чехами, кроатами, демократами, и витійствовалъ до тѣхъ поръ, пока князь Виндишгретцъ, не положилъ пушками предѣла краснорѣчію (и не воспользовался хорошимъ случаемъ, чтобы при сей вѣрной оказіи не подстрѣлить невзначай своей жены). Исчезнувъ изъ Праги [1]), Бакунинъ является военнымъ начальникомъ Дрездена; бывшій артиллерійскій офицеръ учитъ военному дѣлу поднявшихъ оружіе профессоровъ, музыкантовъ и фармацевтовъ; совѣтуетъ имъ Мадонну Рафаэля и картины Мурильо поставить на городскія стѣны и ими защищаться отъ пруссаковъ, которые zu klassisch gebildet, чтобъ осмѣлиться стрѣлять по Рафаэлю“.

„Послѣ взятія Дрездена начался длинный мартирологъ. Напомню здѣсь главныя черты. Бакунинъ былъ приговоренъ къ эшафоту. Король Саксонскій замѣнилъ топоръ вѣчной тюрьмой, потомъ, безъ всякаго основанія, передалъ Бакунина въ Австрію. Австрійская полиція думала отъ него узнать что-нибудь о славянскихъ замыслахъ. Бакунина посадили въ Грачинъ и, ничего не добившись, отослали въ Ольмюцъ...

„Въ Россіи Бакунинъ былъ посаженъ въ крѣпость. Въ 1854 г. Бакунина перевели въ Шлиссельбургъ, а въ 1857 г. онъ былъ сосланъ въ Восточную Сибирь [2]).

„Въ Иркутскѣ, говоритъ Герценъ: — Бакунинъ очутился на волѣ послѣ девятилѣтняго заключенія. Начальникомъ края былъ тамъ, на его счастье, оригинальный человѣкъ, демократъ и татаринъ, либералъ и деспотъ, родственникъ Михаила Бакунина и Михаила Муравьева, самъ Муравьевъ, тогда еще не Амурскій. Онъ далъ Бакунину вздохнуть, возможность человѣчески жить, читать журналы и газеты, и самъ мечталъ съ нимъ о будущихъ переворотахъ и войнахъ. Въ благодарность Муравьеву, Бакунинъ въ головѣ назна-

---

[1]) О Пражскомъ сеймѣ см. статью Ровинскаго „Чехи въ 1848 и 1849 гг.“ („Вѣст. Евр.“ 1870, № 1—2).

[2]) Объ этомъ періодѣ жизни Бакунина см. «Воспоминанія г-жи Тучковой-Огаревой» («Рус. Стар.» 1894, XI, 20) и записки графа Фицтума—фонъ-Экштадта, помѣщенныя въ извлеченіи въ «Рус. Ст.» 1887 г. (V, 394).

чалъ его главнокомандующимъ будущей земской арміей, назначаемой имъ въ свою очередь на уничтоженіе Австріи и учрежденіе славянскаго союзничества.

„Бѣгство Бакунина замѣчательно пространствомъ; это самое длинное бѣгство въ географическомъ смыслѣ. Пробравшись на Амуръ подъ предлогомъ торговыхъ дѣлъ, онъ уговорилъ какого-то американскаго шкипера взять его съ собой къ Японскому берегу. Въ Гоко-Дади другой американскій капитанъ взялся его довезти до Санъ-Франциско. Бакунинъ отправился къ нему на корабль и засталъ моряка, сильно хлопотавшаго объ обѣдѣ; онъ ждалъ какого-то почетнаго гостя и пригласилъ Бакунина. Бакунинъ принялъ приглашеніе и только, когда гость пріѣхалъ, узналъ, что это—генеральный русскій консулъ.

„Скрываться было поздно, смѣшно: онъ прямо вступилъ съ нимъ въ разговоръ, сказалъ, что выпросился сдѣлать прогулку. Небольшая русская эскадра, помнится, адмирала Попова, стояла въ морѣ и собиралась плыть къ Николаеву.

„— Вы не съ нашими-ли возвращаетесь? спросилъ Бакунина консулъ.

„— Я только что пріѣхалъ, отвѣчалъ Бакунинъ:—и хочу еще посмотрѣть край.

„Вмѣстѣ покушавши, они разошлись en bons amis. Черезъ день онъ проплылъ на американскомъ пароходѣ мимо русской эскадры: кромѣ океана, опасности больше не было.

„Какъ только Бакунинъ оглядѣлся и учредился въ Лондонѣ, т. е. перезнакомился со всѣми поляками и русскими, которые были на лицо, онъ принялся за дѣло. Къ страсти проповѣдыванія, агитаціи, пожалуй, демагогіи, къ безпрерывнымъ усиліямъ учреждать, устраивать комплоты, переговоры, заводить сношенія и придавать имъ огромное значеніе, у Бакунина прибавляется готовность первому идти на исполненіе, готовность погибнуть, отвага принять всѣ послѣдствія.

„Бакунинъ имѣлъ много недостатковъ. Но недостатки его были мелки, а сильныя качества крупны.

„Говорятъ, будто И. Тургеневъ въ „Рудинѣ“ хотѣлъ нарисовать портретъ Бакунина. Но Рудинъ едва напоминаетъ нѣкоторыя черты Бакунина. Тургеневъ, увлекаясь библейской привычкой, создалъ Рудина по своему образу и подобію. Рудинъ

Тургенева—наслушавшійся философскаго жаргона, молодой Бакунинъ.

„Въ Лондонѣ онъ говорилъ въ 1862 году противъ насъ почти то, что говорилъ въ 1847 году противъ Бѣлинскаго. Бакунинъ находилъ насъ *умѣренными*, неумѣющими пользоваться тогдашнимъ положеніемъ, недостаточно любящими рѣшительныя средства. Онъ, впрочемъ, не унывалъ и вѣрилъ, что въ скоромъ времени поставитъ насъ на путь истинный. Въ ожиданіи нашего обращенія, Бакунинъ сгруппировалъ около себя цѣлый кругъ славянъ. Тутъ были чехи, отъ литератора Фрича до музыканта, называвшагося Напёрсткомъ; сербы, которые просто величались по батюшкѣ: Іоановичъ, Даниловичъ, Петровичъ; были валахи, состоявшіе въ должности славянъ, съ своимъ вѣчнымъ *еско* на концѣ; наконецъ, былъ болгаринъ, лѣкарь въ турецкой арміи, и поляки всѣхъ епархій: Бонапартовской, Мѣрославской, Чарторыжской; демократы безъ соціальныхъ идей, но съ офицерскимъ оттѣнкомъ; соціалисты, католики, анархисты, аристократы и просто солдаты, хотѣвшіе гдѣ-нибудь подраться, въ сѣверной или южной Америкѣ.

„Отдохнулъ съ ними Бакунинъ за девятилѣтнее молчаніе и одиночество. Онъ спорилъ, проповѣдывалъ, распоряжался, кричалъ, рѣшалъ, направлялъ, организовалъ и ободрялъ цѣлый день, цѣлую ночь, цѣлыя сутки. Въ короткія минуты, остававшіяся у него свободными, онъ бросался за свой письменный столъ, расчищалъ небольшое мѣсто отъ табачной золы и принимался писать пять, десять, пятнадцать писемъ: въ Семипалатинскъ и Арадъ, въ Бѣлградъ и Царьградъ, въ Бессарабію, Молдавію и Бѣлую Криницу. Середь письма онъ бросалъ перо и приводилъ въ порядокъ какого-нибудь отсталаго далмата и, не кончивши своей рѣчи, схватывалъ перо и продолжалъ писать; это, впрочемъ, для него было облегчено тѣмъ, что онъ писалъ и говорилъ объ одномъ и томъ-же. Дѣятельность его, праздность, аппетитъ и все остальное, какъ гигантскій ростъ и вѣчный потъ, все было не по человѣческимъ размѣрамъ, какъ и онъ самъ; а самъ онъ—исполинъ съ львиной головой, со всклокоченной гривой.

„Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ былъ рѣшительно тотъ-же кочующій студентъ съ Маросейки, тотъ-же бездомный Bohe-

mien съ Rue de Bourgogne, безъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, пренебрегая деньгами, бросая ихъ, когда есть, занимая ихъ безъ разбора на право и на-лѣво, когда ихъ нѣтъ, съ той простотой, съ которой дѣти берутъ у родителей, безъ заботы объ уплатѣ, съ той простотой, съ которой онъ самъ отдаетъ всякому послѣднія деньги, отдѣливъ отъ нихъ, что слѣдуетъ, на сигареты и чай. Его этотъ образъ жизни не тѣснилъ; онъ родился быть бродягой, бездомникомъ. Въ немъ было что-то дѣтское, беззлобное и простое, и это придавало ему необычайную прелесть и влекло къ нему слабыхъ и сильныхъ, отталкивая однихъ чопорныхъ мѣщанъ. Его личность, его эксцентрическое появленіе вездѣ: въ кругу московской молодежи, въ аудиторіи берлинскаго университета, между коммунистами Вейтлинга и монтаньярами Коссидьера, его рѣчи въ Прагѣ, его начальствованіе въ Дрезденѣ, процессъ, тюрьма, приговоръ къ смерти, истязанія въ Австріи, выдача его въ Россію,—дѣлаютъ изъ него одну изъ тѣхъ индувидуальностей, мимо которыхъ не проходитъ ни современный міръ, ни исторія.

„Въ этомъ человѣкѣ лежалъ зародышъ дѣятельности, на которую не было запроса. Бакунинъ носилъ въ себѣ возможность сдѣлаться агитаторомъ, трибуномъ, проповѣдникомъ, главой партіи, секты, ересіархомъ, бойцомъ. Поставьте его, куда хотите, только въ *крайній край:* анабаптистомъ, якобинцемъ, товарищемъ Анахарсиса Клотца, другомъ Гракха Бабёфа.

„Уѣхавъ въ 1840 году изъ Россіи, онъ въ нее не возвращался до тѣхъ поръ, пока пикетъ австрійскихъ драгунъ не сдалъ его русскому жандармскому офицеру въ 1849 году.

„Когда въ спорѣ, Бакунинъ, увлекаясь, съ громомъ и трескомъ обрушивалъ на голову противника облаву брани, которой бы никому не простили, Бакунину прощали, и я первый. Мартьяновъ [1]), бывало, говаривалъ:

---

[1]) Мартьяновъ,—эмигрантъ, вольноотпущенный крестьянинъ графа Гурьева, жилъ нѣкоторое время въ Лондонѣ, гдѣ онъ напечаталъ брошюру „Народъ и Государство". Въ 1863 г. Мартьяновъ возвратился въ Россію, былъ подвергнутъ суду и рѣшеніемъ Сената осужденъ на 5 лѣтъ каторжныхъ работъ и затѣмъ на пожизненное поселеніе въ Сибири, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ.

„— Это, Александръ Ивановичъ, большая Лиза, какъ-же на нее сердиться: дитя!

„Какъ онъ дошелъ до женитьбы, я могу объяснить только сибирской скукой [1]). Онъ свято сохранилъ всѣ привычки и обычаи *родины,* т. е. студентской жизни въ Москвѣ: груды табаку лежали на столѣ въ родѣ приготовленнаго фуража, зола сигаръ надъ бумагами съ недопитыми стаканами чая; съ утра дымъ столбомъ ходилъ по комнатѣ отъ цѣлаго хора курильщиковъ, куривших точно взапуски, торопясь, задыхаясь, затягиваясь, словомъ, такъ, какъ курятъ одни русскіе и славяне. Много разъ наслаждался я удивленіемъ, сопровождавшимся нѣкоторымъ ужасомъ, и замѣшательствомъ хозяйской горничной Грассъ, когда она глубокой ночью приносила горячую воду и пятую сахарницу сахара въ эту готовальню славянскаго освобожденія.

„Долго послѣ отъѣзда Бакунина изъ Лондона, въ № 10 Paddington Green разсказывали объ его житьѣ-бытьѣ, нисповергнувшемъ всѣ упроченныя англійскими мѣщанами понятія и религіозно принятые имъ размѣры и формы. Замѣтьте при этомъ, что горничная и хозяйка безъ ума любили Бакунина".

Затѣмъ Герценъ даетъ нѣсколько сценокъ изъ жизни Бакунина въ Лондонѣ.

„Вчера,—говоритъ Бакунину одинъ изъ его друзей:—пріѣхалъ N N изъ Россіи; прекраснѣйшій человѣкъ, бывшій офицеръ.

„— Я слышалъ объ немъ, его очень хвалили.

„— Можно его привести?

„— Непремѣнно, да что привести,—гдѣ онъ? Сейчасъ.

„— Онъ, кажется, нѣсколько конституціоналистъ.

„— Можетъ быть, но...

„— Но я знаю, рыцарски отважный благородный человѣкъ.

„— И вѣрный?

---

[1]) Бакунинъ женился въ Томскѣ, въ 1859 г. на дочери поляка ссыльнаго, Ксаверія Васильевича Квятковскаго, Антонинѣ Васильевнѣ. Свою жену Бакунинъ въ одномъ изъ писемъ къ Герцену характеризуетъ такъ: „Она—полька, но не католичка, поэтому свободна также и отъ политическаго фанатизма, она—славянская патріотка". (Письмо изъ Иркутска, отъ 8 декабря 1860 г.).

„— Его очень уважаютъ.

„— Идемъ!

„— Куда-же? Вѣдь, онъ хотѣлъ къ вамъ прійти, мы такъ сговорились, я его приведу.

„Бакунинъ бросается писать; пишетъ, перемариваетъ кой-что, переписываетъ и печатаетъ пакетъ, адресуемый въ Яссы; въ безпокойствѣ ожиданія начинаетъ ходить по комнатѣ ступней, отъ которой и весь домъ № 10 Paddington Green ходитъ ходенемъ съ нимъ вмѣстѣ.

„Является офицеръ скромно и тихо. Бакунинъ le mes à l'aise, говоритъ какъ товарищъ, какъ молодой человѣкъ, увлекаетъ, журитъ за конституціонализмъ и вдругъ, спрашиваетъ:

„— Вы, навѣрно, не откажетесь сдѣлать что-нибудь для общаго дѣла?

„— Безъ сомнѣнія.

„— Васъ здѣсь ничего не удерживаетъ?

„— Ничего; я только что пріѣхалъ: я...

„— Можете вы ѣхать завтра, послѣ-завтра, съ этимъ письмомъ въ Яссы?

„Этого не случалось съ офицеромъ ни въ дѣйствующей арміи во время войны, ни въ генеральномъ штабѣ; однако, привыкнувшій къ военному послушанію, онъ, помолчавши, говоритъ не совсѣмъ своимъ голосомъ:

„— О, да!

„— Я такъ и зналъ. Вотъ письмо совсѣмъ готовое.

„— Да я хоть сейчасъ, только... (офицеръ конфузится)... я никакъ не разсчитывалъ на эту поѣздку...

„—Что? Денегъ нѣтъ? Ну, такъ и говорите. Это ничего не значитъ. Я возьму для васъ у Герцена; вы ему потомъ отдадите. Что тутъ, всего-на-всего какіе-нибудь двадцать фунтовъ стерлинговъ. Я сейчасъ напишу ему. Въ Яссахъ вы деньги найдете. Оттуда проберетесь на Кавказъ. Тамъ намъ особенно нуженъ вѣрный человѣкъ.

„Пораженный, удивленный офицеръ, какъ равно и его спутникъ, уходятъ. Маленькая дѣвочка, бывшая у Бакунина на большихъ дипломатическихъ посылкахъ, летитъ ко мнѣ по дождю и слякоти съ запиской. Я для нея нарочно завелъ шоколадныя конфекты, чтобъ чѣмъ-нибудь утѣшить ее въ климатѣ и отечествѣ, а потому даю ей большую горсть и

прибавляю: „скажите высокому джентльмену, что я лично съ нимъ переговорю“.—Дѣйствительно, переписка оказывается излишней. Къ обѣду, т. е. черезъ часъ, является Бакунинъ.

„— Зачѣмъ двадцать фунтовъ для N N?

„— Не для него, а для *дѣла.* А что, братъ, N N прекраснѣйшій человѣкъ.

„— Я его знаю нѣсколько лѣтъ. Онъ бывалъ прежде въ Лондонѣ.

„— Это такой случай, пропустить его грѣшно; я его посылаю въ Яссы. Да потомъ онъ осмотритъ Кавказъ.

„—Въ Яссы? И оттуда на Кавказъ?

„— Ты пойдешь сейчасъ острить. Каламбурами ничего не докажешь!

„— Да вѣдь тебѣ ничего не нужно въ Яссахъ?

„— Ты почемъ знаешь?

„— Я знаю потому, во-первыхъ, что никому ничего не нужно въ Яссахъ; а во-вторыхъ, еслибъ нужно было, ты недѣлю бы постоянно мнѣ говорилъ объ этомъ. Тебѣ просто попался человѣкъ молодой, застѣнчивый, хотящій доказать свою преданность; ты и придумалъ послать его въ Яссы. Онъ хочетъ видѣть выставку, а ты ему покажешь Молдовалахію. Ну, скажи-ка, зачѣмъ?

„— Какой любопытный. Ты въ эти дѣла со мной не входишь, какое же ты имѣешь право спрашивать?

„— Это правда, я даже думаю, что этотъ секретъ ты скроешь ото всѣхъ. Ну, а только денегъ давать на гонцовъ въ Яссы и Бухарестъ я нисколько не намѣренъ.

„— Вѣдь, онъ отдастъ, у него деньги будутъ.

„— Такъ пусть умнѣе употребитъ ихъ. Полно, полно. Письмо пошлешь съ какимъ-нибудь Петреско-Манонъ-Леско, а теперь пойдемъ ѣсть.

„И Бакунинъ, самъ смѣясь и качая головой, которая его все-таки перетягивала, внимательно и усердно принимался за трудъ обѣда, послѣ котораго всякій разъ говорилъ: „Теперь настала счастливая минута“,—и закуривалъ папиросу.

„Онъ принималъ всѣхъ, всегда, во всякое время. Часто онъ еще, какъ Онѣгинъ, спалъ или ворочался на постели, которая хрустѣла, а ужъ два-три славянина въ его комнатѣ

съ отчаянной торопливостью курили; онъ тяжело вставалъ, обливался водой и въ ту же минуту принимался ихъ поучать; никогда не скучалъ онъ, не тяготился ими; онъ могъ, не уставая, говорить со свѣжей головой съ самымъ умнымъ и самымъ глупымъ человѣкомъ.

„Отъ этой неразборчивости выходили иногда пресмѣшныя вещи.

„Бакунинъ вставалъ поздно; нельзя было иначе и сдѣлать, употребляя ночь на бесѣду и чай.

„Разъ, часу въ одиннадцатомъ, слышитъ онъ, кто-то копошится въ его комнатѣ. Постель его стояла въ большомъ альковѣ, задернутомъ занавѣсью.

„— Кто тамъ? кричитъ Бакунинъ, просыпаясь.

„— Русскій.

„— Ваша фамилія?

„— Такой-то.

„— Очень радъ.

„— Что вы это такъ поздно встаете, а еще демократъ!

„... Молчаніе... Слышенъ плескъ воды... каскады...

„— Михаилъ Александровичъ!

„— Что?

„— Я васъ хотѣлъ спросить, вы вѣнчались въ церкви?

„— Да.

„— Нехорошо сдѣлали. Что за образецъ непослѣдовательности! Вотъ, и Т(ургеневъ) свою дочь прочитъ замужъ. Вы, старики, должны насъ учить примѣромъ.

„— Что вы за вздоръ несете!

„— Да вы, скажите, по любви женились?

„— Вамъ что за дѣло?

„— У насъ былъ слухъ, что вы женились оттого, что невѣста ваша богата.

„(Бакунинъ ничего не взялъ за невѣстой).

„— Что вы это, допрашивать меня пришли? Ступайте къ чорту!

„— Ну, вотъ, вы и разсердились, а я, право, отъ чистой души... Прощайте. А я все-таки зайду.

„— Хорошо, хорошо. Только будьте умнѣе.

„Осенью 1862 г. явился на нѣсколько дней въ Лондонъ Потебня.

„Бакунинъ помолодѣлъ, онъ былъ въ своемъ элементѣ.

„Здѣсь я останавливаюсь на грустномъ вопросѣ. Какимъ образомъ, откуда взялась во мнѣ эта уступчивость съ ропотомъ, эта слабость съ мятежомъ и протестомъ? Съ одной стороны, достовѣрность, что поступать надо такъ; съ другой,— готовность поступать совсѣмъ иначе. Эта шаткость, эта неспѣтость, dieses Zoegernde, надѣлали въ моей жизни бездну вреда и не оставили даже слабой утѣхи въ сознаніи ошибки, невольной, несознанной: я дѣлалъ промахи à contre coeur; вся отрицательная сторона была у меня передъ глазами.

„Сколькими несчастіями было бы меньше въ моей жизни, сколькими ударами, еслибъ я имѣлъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ силу слушаться самого себя. Меня упрекали въ увлекающемся характерѣ; я увлекался, но это не составляетъ главнаго. Отдаваясь по удобовпечатлительности, я тотчасъ останавливался; мысль, рефлексія и наблюдательность всегда почти брали верхъ въ теоріи, но не на практикѣ. Тутъ и лежитъ вся трудность задачи, почему я давалъ себя вести nolens-volens...

„Причиной быстрой сговорчивости былъ *ложный стыдъ*, а иногда и лучшія *побужденія любви, дружбы, снисхожденія*; но почему же это все побѣждало логику?

„Послѣ похоронъ Ворцеля [1]), 5 февраля 1857 г., когда всѣ провожавшіе разбрелись по домамъ, и я, воротившись въ свою комнату, сѣлъ грустно за свой письменный столъ, мнѣ пришелъ въ голову печальный вопросъ: не опустили ли мы въ землю вмѣстѣ съ Ворцелемъ, не схоронили ли съ нимъ всѣ наши отношенія съ польской эмиграціей?

„Кроткая личность старика Ворцеля, являвшаяся примиряющимъ началомъ при безпрерывно возникавшихъ недоразумѣніяхъ, исчезла, а *недоразумѣнія остались*. Частно, лично, мы могли любить того-другого изъ поляковъ, быть съ ними близкими; но вообще, одинаковаго пониманія между нами было мало, и оттого отношенія наши были натянутыми, добросовѣстно *неоткровенными;* мы дѣлали другъ другу уступки, т. е. ослабляя сами себя, уменьшали другъ въ другѣ чуть ли не лучшія силы. Договориться до одинаковаго пониманія было невозможно. Мы шли съ разныхъ то-

---

[1]) Графъ Станиславъ Ворцель, эмигрантъ по возстанію 1830 года, близкій другъ Мацципи и Герцена, который посвятилъ ему очень теплый некрологъ въ „Полярной Звѣздѣ“ 1858 г.

чекъ. Идеалъ поляковъ былъ *за ними,* они шли къ своему прошедшему и только оттуда могли продолжать свой путь. У нихъ была бездна *мощей,* а у насъ—пустыя колыбели. Они ищутъ воскресенія мертвыхъ...

„Формы нашего мышленія, упованія—не тѣ; весь геній нашъ, весь складъ не имѣетъ ничего сходнаго. Наше соединеніе съ ними казалось имъ то mésalliance'омъ, то разсудочнымъ бракомъ. Съ нашей стороны было больше искренности, но не больше глубины: мы сознавали свою косвенную вину, мы любили ихъ отвагу. Что они могли въ насъ любить? Что уважать? Они *переламывали себя,* сближаясь съ нами; они дѣлали для нѣсколькихъ русскихъ почетное исключеніе.

„Во время Николаевскаго царствованія мы болѣе сочувствовали другъ другу, чѣмъ знали другъ друга. Но когда окно немного пріотворилось, мы догадались, что насъ привели по разнымъ дорогамъ, и что мы разойдемся по разнымъ. Послѣ Крымской кампаніи *мы* радостно вздохнули, а ихъ наша радость *оскорбила:* новый воздухъ въ Россіи имъ напомнилъ ихъ утраты, а не надежды. У насъ новое время началось съ заносчивыхъ требованій, мы рвались впередъ, готовые все ломать, а у нихъ—съ панихидъ и упокойныхъ молитвъ".

Далѣе Герценъ разсказываетъ о томъ, какъ подъ вліяніемъ первыхъ извѣстій о польскомъ возстаніи имъ былъ написанъ рядъ статей по польскому вопросу, глубоко тронувшихъ поляковъ.

„Старикъ Адамъ Чарторыжскій,—говоритъ Герценъ:—съ смертнаго одра прислалъ мнѣ съ сыномъ теплое слово; въ Парижѣ депутація поляковъ поднесла мнѣ адресъ, подписанный четырьмя-стами польскихъ эмигрантовъ, къ которому присылались подписи отовсюду,—даже отъ польскихъ выходцевъ, жившихъ въ Алжирѣ и въ Америкѣ. Казалось, во многомъ мы были близки, но шагъ *глубже,*—и *рознь, рѣзкая рознь* бросалась въ глаза.

„ ...Разъ у меня сидѣли: Ксаверій Браницкій, Хоецкій и еще кто-то изъ поляковъ; всѣ они были проѣздомъ въ Лондонѣ и заѣхали пожать мнѣ руку за статьи. Зашла рѣчь о покушеніи на жизнь великаго князя Константина Николаевича.

„— Выстрѣлъ этотъ,—сказалъ я: — страшно повредитъ вамъ. Можетъ быть, вамъ бы и уступили *кое-что*; теперь-же ничего не уступятъ.

„— *Да мы только этого и хотимъ!*—замѣтилъ съ жаромъ Ш. Е.—Для насъ нѣтъ хуже несчастья, какъ уступки... Мы хотимъ *разрыва*, открытой борьбы!

„— Желаю отъ души, чтобы вы не раскаялись.

„Ш. Е. иронически улыбнулся, и никто не прибавилъ ни слова. Это было лѣтомъ 1861 г., а черезъ полтора года говорилъ то же Падлевскій, отправляясь черезъ Петербургъ въ Польшу.

„Кости были брошены!

„Бакунинъ не слишкомъ останавливался на взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, смотрѣлъ на одну дальнюю цѣль и принялъ второй мѣсяцъ беременности за девятый. Онъ увлекалъ не доводами, а желаніемъ.

„Какъ-то, въ концѣ сентября, пришелъ ко мнѣ Бакунинъ, особенно озабоченный и нѣсколько торжественный.

„— Варшавскій центральный комитетъ,—сказалъ онъ:— прислалъ двухъ членовъ, чтобы переговорить съ нами. Одного изъ нихъ ты знаешь: это—Падлевскій; другой— Г(иллеръ?). Сегодня вечеромъ я ихъ приведу къ вамъ, а завтра соберемся у меня. *Надобно окончательно опредѣлить наши отношенія.*

„Тогда набиралось мое „Письмо русскимъ офицерамъ въ Польшѣ“.

„— Моя программа готова; я имъ прочту мое письмо.

„— Я согласенъ съ твоимъ письмомъ, ты это знаешь; но не знаю, все-ли понравится имъ; во всякомъ случаѣ, я думаю, что этого имъ будетъ *мало.*

„Вечеромъ Бакунинъ пришелъ съ тремя гостями вмѣсто двухъ. Я прочелъ мое письмо. Во время разговора и чтенія Бакунинъ сидѣлъ встревоженный, какъ бываетъ съ родственниками на экзаменѣ или съ адвокатами, трепещущими, чтобы ихъ кліентъ не проврался и не испортилъ всей *игры защиты,* хорошо налаженной, если не по всей правдѣ, то къ успѣшному концу.

„Я видѣлъ по лицамъ, что Бакунинъ угадалъ, и что чтеніе не то, чтобъ особенно понравилось.

„На другой день утромъ Бакунинъ уже сидѣлъ у меня.

Онъ былъ недоволенъ мной, находилъ, что я слишкомъ холоденъ, какъ будто не довѣряю.

„— Чего же ты больше хочешь? Поляки никогда не дѣлали такихъ уступокъ. Они выражаются другими словами, принятыми у нихъ, какъ катехизисъ; нельзя же имъ, подымая національное знамя, на первомъ шагу оскорбить раздражительное народное чувство.

„— Мнѣ все кажется, что имъ до крестьянской земли въ сущности *мало дѣла, а до провинцій слишкомъ много.*

„— Любезный другъ, у тебя въ рукахъ будетъ документъ, поправленный тобой, подписанный при всѣхъ насъ, чего же тебѣ еще.

„— Есть таки кое-что.

„— Какъ для тебя труденъ каждый шагъ! Ты вовсе не практическій человѣкъ.

„— Это уже прежде тебя говорили.

„Бакунинъ махнулъ рукой и пошелъ въ комнату къ Огареву. Я печально смотрѣлъ ему вслѣдъ, видѣлъ, что онъ запилъ свой революціонный запой и что съ нимъ не столкуешь теперь. Онъ шагалъ семимильными сапогами черезъ горы и моря, черезъ годы и поколѣнія, онъ торопился сгладить *какъ-нибудь* затрудненія, затушевать противорѣчія, не выполнить овраги, а — бросить черезъ нихъ чортовъ мостъ.

„— Ты точно дипломатъ на Вѣнскомъ конгрессѣ,—повторялъ мнѣ съ досадой Бакунинъ, когда мы потомъ толковали у него съ представителями ржонда:—придираешься къ словамъ и выраженіямъ. Это не журнальныя статьи, не литература.

„—Съ моей стороны,—замѣтилъ Г(иллеръ):—я *изъ за словъ* спорить не стану; мѣняйте, какъ хотите, лишь бы главный смыслъ остался тотъ-же.

„— Браво, Г.!—радостно воскликнулъ Бакунинъ.

„*Ну, этотъ*, —подумалъ я: — *пріѣхалъ подкованный и полѣтнему, и на шипы, онъ ничего не* уступитъ на дѣлѣ и оттого такъ легко уступаетъ все на словахъ.

„Г(иллеръ) и его товарищи были убѣждены, что мы представляли заграничное средоточіе цѣлой организаціи, зависящей отъ насъ, которая по нашему приказу примкнетъ къ нимъ или нѣтъ. Для нихъ, дѣйствительно, дѣло было

не въ словахъ и не въ теоретическомъ согласіи; свое profession de foi они всегда могли оттѣнить толкованіями такъ, что его яркіе цвѣта пропали бы, полиняли и измѣнились.

„Я сказалъ имъ это,—продолжаетъ Герценъ:—говоря имъ о несвоевременности ихъ возстанія. Падлевскій слишкомъ хорошо зналъ Петербургъ, чтобы удивиться моимъ словамъ, но Г(иллеръ) призадумался.

„— Вы думали, — сказалъ я ему улыбаясь: — что мы сильнѣе?

„— Да, любезный другъ, однако же,—началъ Бакунинъ, ходившій въ волненіи по комнатѣ...

„— Что же, развѣ *есть*? спросилъ я его и остановился.

„— Ну, это какъ ты хочешь назвать; конечно, если взять внѣшнюю сторону, это совсѣмъ не въ русскомъ характерѣ. Да видишь...

„Бакунинъ собирался въ Стокгольмъ. Мелькомъ явился Потебня и исчезъ вслѣдъ за Бакунинымъ. Въ то-же время, какъ Потебня, пріѣхалъ черезъ Варшаву изъ Петербурга уполномоченный [1]) отъ тайнаго общества „Земля и Воля“. Онъ съ негодованіемъ разсказывалъ, какъ поляки, пригласившіе его въ Варшаву, ничего не сдѣлали. Онъ былъ первый русскій, видѣвшій начало возстанія. Онъ разсказывалъ объ убійствѣ солдатъ, о раненомъ офицерѣ, который былъ членомъ общества. Солдаты думали, что это предательство, и начали съ ожесточеніемъ бить поляковъ. Падлевскій, главный начальникъ въ Ковно, рвалъ волосы, но боялся явно выступить противъ своихъ.

„Уполномоченный „Земли и Воли“ былъ полонъ важности своей миссіи и пригласилъ насъ сдѣлаться *агентами* общества. Я отклонилъ это, къ крайнему удивленію не только Бакунина, но и Огарева. Я сказалъ, что мнѣ не нравится это битое, французское названіе. Уполномоченный трактовалъ насъ такъ, какъ комиссары конвента 1793 года трактовали генераловъ въ дальнихъ арміяхъ. Мнѣ и это не понравилось.

„— А много васъ?—спросилъ я.

„— Это трудно сказать: нѣсколько сотъ человѣкъ въ Петербургѣ и *тысячи три* въ провинціяхъ.

„— Ты вѣришь?—спросилъ я потомъ Огарева.

---

[1]) Мих. Илларіон. Михайловъ (поэтъ).

„Онъ промолчалъ.

„— Ты вѣришь?—спросилъ я Бакунина.

„— Конечно, *онъ* прибавилъ: ну, *нѣтъ теперь столько, такъ будетъ потомъ*!—и онъ расхохотался.

„— Это другое дѣло.

„За нѣсколько дней до отъѣзда Бакунина пришелъ Мартьяновъ блѣднѣе обыкновеннаго, печальнѣе обыкновеннаго; онъ сѣлъ въ углу и молчалъ. Онъ страдалъ по Россіи и носился съ мыслью о возвращеніи домой. Шелъ споръ о возстаніи. Мартьяновъ слушалъ молча, потомъ всталъ, собрался идти и вдругъ, остановившись передо мной, мрачно сказалъ мнѣ:

„— Вы не сердитесь на меня, Александръ Ивановичъ,— такъ ли, иначе-ли, а „Колоколъ"-то вы порѣшили. Что вамъ за дѣло мѣшаться въ польскія дѣла? Поляки, можетъ, и правы, но ихъ дѣло шляхетное, не ваше. Не пожалѣли вы насъ, Богъ съ вами, Александръ Ивановичъ. Попомните, что я говорилъ. Я-то самъ не увижу, я ворочусь домой. Здѣсь мнѣ нечего дѣлать...

„— Ни вы не поѣдете въ Россію, ни „Колоколъ" не погибъ,—отвѣтилъ я ему.

„Онъ молча ушелъ, оставляя меня подъ тяжелымъ гнетомъ пророчества и какого-то темнаго сознанія, что что-то *ошибочное* сдѣлано...

„Къ концу 1863 года расходъ „Колокола" съ 2500—2000 экземпляровъ сошелъ на 500 и ни разу не поднимался выше 1000 экземпляровъ".

Вышеприведенный отрывокъ наглядно рисуетъ, какую громадную, непоправимую ошибку сдѣлалъ Бакунинъ, увлекши за собой Герцена и Огарева [1]). И поляки, и вся масса

---

[1]) Характерно для Бакунина, что еще въ 1860 г. (отъ 8 декабря, изъ Иркутска) онъ писалъ Герцену: „Дѣятельность моя въ Сибири ограничилась пропагандою между поляками,—пропагандою, впрочемъ, довольно успѣшной: мнѣ удалось убѣдить лучшихъ и сильнѣйшихъ изъ нихъ въ невозможности для поляковъ оторвать свою жизнь отъ русской жизни, а потому и въ необходимости *примиренія съ Россіей*". Какъ читатели видѣли, несмотря на это, Бакунинъ всецѣло примкнулъ къ польскому возстанію. Это тѣмъ болѣе кажется удивительнымъ, что онъ очень ярко характеризовалъ узость и нетерпимость польскаго патріотизма въ одномъ изъ своихъ писемъ (отъ 7 ноября 1860, изъ Иркутска). „Должно вамъ сказать,—пишетъ Бакунинъ Герцену и Огареву:—что именно въ нерчин-

русскихъ поняли присоединеніе Бакунина и „Колокола“ къ возстанію, имѣвшему цѣлью не автономію *этнографической Польши,* а возстановленіе *исторической Польши* въ границахъ 1772 г. (т. е. со включеніемъ областей, населенныхъ вовсе не поляками), какъ признаніе русскими радикалами этой странной претензіи, и это было главной причиной паденія популярности какъ „Колокола“, такъ и самаго Герцена. Одинъ изъ современниковъ польскаго возстанія, жив-

---

скихъ заводахъ, несмотря на то, что туда было сослано наиболѣе умныхъ, талантливыхъ, замѣчательныхъ и по характеру, и по сердцу поляковъ, а можетъ быть, именно и потому,—польско-католическій фанатизмъ дошелъ до своего крайняго развитія. Основателемъ нерчинскаго польскаго круга былъ полякъ Эренбергъ. Онъ придалъ всему направленію вмѣстѣ съ нимъ и потомъ сосланныхъ соотечественниковъ тотъ замѣчательно-экзальтированный, мистически-патріотическій характеръ, который въ началѣ своемъ былъ гораздо шире и богаче содержаніемъ, впослѣдствіи же сократился и стѣснился въ безвыходно-узкій, польскій, фанатическій патріотизмъ. Какъ старовѣры или евреи, которые убѣждены, что они не оттого гибнутъ, что они остаются евреями, а оттого, что они еще слишкомъ мало евреи, такъ и они увѣряли себя, что не католицизмъ и не польская исключительность, а недостатокъ католичества и національной исключительности погубили ихъ... Поляки, итальянцы, венгерцы, всѣ угнетенные славянскіе народы очень естественно и съ полнымъ правомъ выставляютъ впередъ принципъ національности,—и, можетъ быть, по той же самой причинѣ мы, русскіе, такъ мало и хлопочемъ о своей національности и такъ охотно забываемъ ее въ высшихъ вопросахъ. Тѣмъ не менѣе, это право есть вмѣстѣ и болѣзнь, *вредная и опасная болѣзнь.* Заговорите съ полякомъ о Göthe, онъ сейчасъ скажетъ вамъ: „а у насъ-то каковъ поэтъ Мицкевичъ!“—о Гегелѣ,—они запоютъ вамъ о великомъ польскомъ философѣ Трентковскомъ, о великомъ философѣ экономистѣ Четховскомъ; ихъ губитъ болѣзненное народное тщеславіе. Вмѣсто того, чтобы идти впередъ, они *смотрятъ назадъ,* гдѣ, кромѣ смерти, ничего не найдутъ; вмѣсто того, чтобы возобновить свою національную жизнь въ общеніи съ міровой жизнью, они отдѣляются отъ нея, какъ жиды, и хвастаются какимъ-то мессіаническимъ призваніемъ. Это жидовство ихъ погубитъ, если мы, славяне, и прежде всего мы, русскіе, не вырвемъ ихъ изъ болѣзненнаго самосозерцанія. Хотятъ они или не хотятъ, мы должны для нашего обоюднаго спасенія *помириться, побратоваться*“.

Но всѣ эти тонкія критическія замѣчанія, обличающія крупную наблюдательность, всѣ эти программы Бакунина разсѣялись въ прахъ въ вихрѣ польскаго возстанія, куда онъ былъ втянутъ не сочувствіемъ къ идеямъ возстанія, а самымъ фактомъ возстанія, отвѣчавшаго его революціоннымъ инстинктамъ, которые управляли имъ, часто вопреки его собственнымъ выводамъ и наблюденіямъ.

шій въ Кіевѣ, разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ Малороссіи возстаніе польское, пока оно сосредоточивалось около Варшавы, въ чисто польской области, пользовалось сочувствіемъ образованнаго общества. Но сочувствіе это оборвалось сразу, какъ только польскіе инсургенты появились около Кіева и въ Могилевской губерніи. Результатомъ такого расширенія поля возстанія было проявленіе въ непольскихъ слояхъ ихъ населенія реакціи полякамъ, которая приняла центростремительное направленіе въ пользу единства Россіи. Какъ отозвалось польское возстаніе на дѣлѣ „великихъ реформъ", извѣстно всѣмъ, изучавшимъ исторію 60-хъ годовъ.

Пагубное вліяніе Бакунина отразилось не только въ дѣлѣ польскаго вопроса, но и въ другихъ отношеніяхъ. Теорія Щапова о расколѣ, какъ политическомъ протестѣ народа, нашла сочувствіе у Огарева, который началъ издавать при „Колоколѣ" спеціальный журналъ для вовлеченія раскольниковъ въ революціонное движеніе, носившій названіе „Общее Вѣче". Огареву содѣйствовалъ въ этомъ отношеніи эмигрантъ Кельсіевъ, увлекавшійся идеей о возможности раскольничьей революціи. Огареву и Кельсіеву, религіозныя убѣжденія которыхъ не имѣли ничего общаго съ расколомъ, приходилось для „практическихъ цѣлей" и въ журналѣ, и въ личныхъ сношеніяхъ съ раскольниками надѣвать на себя личину раскольниковъ. Пріѣздъ Бакунина подлилъ масла въ огонь. Бакунинъ, руководясь принципомъ „цѣль оправдываетъ средства", вполнѣ сочувствовалъ и поддерживалъ тактику Огарева. Въ воспоминаніяхъ старообрядческаго епископа Пафнутія Коломенскаго, бывшаго въ Лондонѣ съ цѣлью установленія сношеній съ кружкомъ „Колокола", имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія о роли Бакунина въ этомъ дѣлѣ [1].

„Пафнутій,—говорится въ воспоминаніяхъ: — разсказалъ на пріемѣ у Герцена, какъ старообрядческій инокъ Алимпій (Милорадовъ) отличался на Пражскомъ славянскомъ сеймѣ (1848) и на улицахъ города Праги во время происходившаго тамъ возстанія противъ австрійцевъ. Это извѣстіе было

[1]) Разсказы Пафнутія вошли, какъ матеріалы, въ статью „Расколъ, какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій" („Русскій Вѣстникъ" 1866—1867 гг.).

совершенной новостью для Герцена. Не дальше, какъ на слѣдующій день послѣ свиданія Пафнутія съ Герценомъ, Кельсіевъ вбѣжалъ въ комнату Пафнутія и сообщилъ новость, что въ Лондонъ пріѣхалъ Бакунинъ, что его спрашивали, между прочимъ, объ Алимпіи, что разсказъ Пафнутія онъ подтвердилъ вполнѣ и очень радъ повидаться съ знакомымъ своего пражскаго сподвижника. Вечеромъ 5 января, въ Крещенскій сочельникъ, Пафнутій сидѣлъ одиноко въ своей квартирѣ. Вдругъ, онъ слышитъ, что кто-то, распѣвая густымъ басомъ: „Во Іорданѣ крещающуся Тебѣ, Господи",—тяжелыми шагами поднимается по лѣстницѣ; дверь распахнулась, и какой-то незнакомецъ, сопровождаемый Кельсіевымъ, съ хохотомъ вошелъ въ комнату и сталъ привѣтствовать изумленнаго Пафнутія. Это былъ самъ Бакунинъ. Его наружность, грубая безцеремонность и это распѣваніе священной пѣсни, которымъ онъ какъ-будто хотѣлъ скрасить свой первый визитъ къ старообрядцу, но въ которомъ слышалось невольно самое наглое кощунство, все это произвело на Пафнутія крайне непріятное впечатлѣніе. Кельсіевъ также чувствовалъ себя неловко. Но дѣло мало-помалу уладилось, и знакомство съ новою знаменитостью изъ Герценовскаго кружка завязалось. Вскорѣ потомъ Бакунинъ составилъ для „Колокола" статью о своихъ похожденіяхъ, въ которой упоминалъ и о подвигахъ отца Алимпія. Статью прежде напечатанія показали Пафнутію. Оберегая интересы старообрядчества, онъ просилъ, чтобы не писали объ этихъ подвигахъ, и особенно, чтобъ не было упоминаемо самое имя Алимпія, особы, очень не маловажной въ исторіи Бѣлокриницкой іерархіи. Само собою разумѣется, что его просьба была уважена, и въ статьѣ ограничились только подстрочнымъ примѣчаніемъ, что на Пражскомъ сеймѣ съ Бакунинымъ никого изъ русскихъ не было, кромѣ одного старообрядческаго инока. При другомъ свиданіи, также въ присутствіи Кельсіева, Бакунинъ читалъ Пафнутію письма, которыя п иготовилъ къ своимъ старымъ друзьямъ, въ томъ числѣ и къ Алимпію; онъ извѣщалъ ихъ о своемъ освобожденіи и приглашалъ снова приниматься за старое дѣло. „Отецъ Алимпій,—такъ писалъ онъ къ этому послѣднему:—помнишь ли Прагу? Что же ты дремлешь? Пора за дѣло!"

„Кельсіевъ съ тревожнымъ любопытствомъ слѣдилъ, какъ дѣйствовало это чтеніе на Пафнутія, и вообще, не мало смущался болтливостью и неумѣстною откровенностью Бакунина, который непринужденно витійствовалъ о такихъ вещахъ, относительно которыхъ, очевидно, ему хотѣлось оставить Пафнутія въ невѣдѣніи, такъ какъ Кельсіевъ понималъ, что не слѣдуетъ посвящать Пафнутія во всѣ таинства политическихъ и особенно религіозныхъ ученій, принятыхъ въ обществѣ Герцена, что, по крайней мѣрѣ, нужно знакомить съ ними постепенно и соблюдать осторожность. Самъ Герценъ не могъ не признать справедливости этихъ замѣчаній и до того простеръ внимательность къ старообрядческимъ убѣжденіямъ своего гостя, что у него даже не курили въ присутствіи Пафнутія, пока, наконецъ, этотъ последній самъ не попросилъ оставить такую щепетильность.

„Когда Пафнутій, понявъ, наконецъ, зачѣмъ Герценъ и его гости выходили въ сосѣднюю комнату, попросилъ ихъ, не стѣсняясь, курить при немъ, то Бакунинъ, къ крайнему неудовольствію Кельсіева, захохотавши, воскликнулъ: „Ну, значитъ, благословилъ!“ Пафнутій не преминулъ сдѣлать Бакунину строгое замѣчаніе за кощунство въ его словахъ; онъ замѣтилъ, что иное дѣло терпѣть непозволительный обычай, а иное дѣло благословлять, что если бы онъ имѣлъ право раздавать благословенія, то никогда не далъ бы его на куреніе табаку, хотя и смотритъ на этотъ обычай снисходительно, такъ какъ не находитъ въ немъ ереси“.

Чѣмъ же окончились эти недостойныя заискиванія предъ невѣжественнымъ раскольникомъ? Пафнутій пріѣзжалъ въ Лондонъ съ довольно широкими планами устройства въ Англіи старообрядческой епископіи, монастыря и школы, при помощи русскихъ эмигрантовъ, группировавшихся возлѣ „Колокола“. Но личное столкновеніе съ ними произвело на него такое впечатлѣніе, что онъ впослѣдствіи, когда Кельсіевъ тайкомъ пріѣхалъ въ Москву, уклонился даже отъ свиданія съ нимъ. Въ довершеніе скандала, старообрядческій бѣлокриницкій епископъ Кириллъ издалъ архипастырское посланіе, въ которомъ совѣтовалъ своимъ единовѣрцамъ „показати всякое благоразуміе и благонамѣреніе предъ Царемъ и отъ врагъ Его удалитися и бѣгати, яко отъ мя-

тежныхъ крамольниковъ поляковъ, *тако наипаче отъ злокозненныхъ безбожниковъ, гнѣздящихся въ Лондонѣ*"... [1]).

Дальше читатели изъ писемъ Тургенева увидятъ, какъ „Колоколъ" подъ вліяніемъ Бакунина и Огарева все больше и больше терялъ живую связь съ Россіей и изъ органа, отражавшаго общественныя нужды, превращался въ личный эмигрантскій органъ, въ каѳедру, съ которой проповѣдывались теоріи, не имѣвшія живого приложенія къ тогдашней русской дѣятельности [2]).

Какъ относился Тургеневъ къ польскому возстанію? Въ своемъ письмѣ къ П. В. Анненкову онъ говоритъ:

„Извѣстія изъ Польши горестно отразились и здѣсь,— опять кровь, опять ужасы... Когда же все это прекратится, когда войдемъ мы, наконецъ, въ нормальныя и правильныя отношенія къ ней? Нельзя не желать скорѣйшаго подавленія безумнаго возстанія, столько же для Россіи, сколько для самой Польши" [3]).

Какъ извѣстно, подавленіе возстанія сопровождалось аграрными мѣрами Н. А. Милютина, вызвавшими нареканія и въ европейской, и въ польской печати. Тургеневъ относился съ большой симпатіей къ Н. А. Милютину и находился въ перепискѣ съ нимъ. Остзейскій товарищъ Тургенева по Берлинскому университету разсказываетъ [4]), что Милютинъ сообщилъ Тургеневу свой планъ политическихъ и аграрныхъ реформъ передъ отъѣздомъ въ Польшу. Въ 1882 г., когда этотъ остзейскій товарищъ выразилъ Тургеневу свое неудовольствіе за „возвеличеніе" Милютина въ статьяхъ Леруа-Болье („L'Empire de Tsars"), Тургеневъ [5]) написалъ ему: „Хотя дѣятельность Милютина въ Польшѣ требуетъ многихъ оговорокъ (впрочемъ, онъ самъ называлъ ее

---

[1]) См. „Партія Герцена и старообрядцы" („Русскій Вѣстникъ", 1867, мартъ, 401).

[2]) Подробнѣе о дальнѣйшей дѣятельности и судьбѣ Бакунина, см. воспоминанія Л. Мечникова о немъ („Истор. Вѣстникъ", 1897); воспом. Н. Ге („Сѣверн. Вѣстн.", 1894); статьи Н. Берга о польск. экспедиціи и участіи въ ней Бакунина („Ист. Вѣстн.", 1881, № 1), а также: „Берегъ", 1880, № 67: „Газета Гатцука", 1876, № 84 и въ статьѣ Булгакова „Теорія и практика новѣйшаго соціализма" („Ист. Вѣстн.", 1884, № 10).

[3]) См. „Вѣстн. Евр.", 1887, янв., 12.

[4]) См. „Рус. Ст.", 1884, январь, 17.

[5]) См. „Рус. Ст.", 1884, май, 397—398.

Тамерлановымъ дѣломъ и видѣлъ въ ней печальную необходимость), тѣмъ не менѣе я никогда не забуду огромныхъ услугъ, оказанныхъ имъ Россіи въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, и далекій отъ того, чтобы видѣть въ Милютинѣ, какъ вы выражаетесь, „злого генія", я привѣтствую въ лицѣ его одного изъ нашихъ великихъ и рѣдкихъ государственныхъ людей" [1]).

Любопытно, что самъ Герценъ посвятилъ Милютину одну изъ лучшихъ своихъ статей позднѣйшаго періода: „Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ". Статья эта, въ которой Каразинъ сравнивается съ маркизомъ Позой, имѣетъ слѣдующее характерное посвященіе:

„Вамъ, Н(иколай) А(лексѣевичъ), послѣднему нашему маркизѣ Позѣ, отъ всей души посвящаю этотъ очеркъ".

Но пока гроза польскаго возстанія только надвигалась, и отношенія Тургенева къ Бакунину оставались еще дружескими. Онъ продолжалъ заботиться о доставленіи ему средствъ, какъ увидятъ читатели изъ приводимаго ниже письма (датированнаго: „11 февраля 1862 г.").

„Милый Александръ Ивановичъ,—писалъ Тургеневъ:— отвѣчаю тебѣ съ быстротою молніи и тоже по пунктамъ:

„1) „Колоколъ" нисколько не запрещенъ и продавался еще вчера вечеромъ *повсюду*.

„2) Не имѣй никакого дѣла съ „Будущностью" [2]),—и Трюбнеру [3]) не совѣтую. Этотъ журналъ не окупался и не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха. *Семувѣръ*, какъ пишутъ ci-devant помѣщики подъ своими ci-devant приказами.

„3) Не имѣю никакого понятія о Садовскомъ (?), но ты поступишь благоразумно, если не прикоснешься болѣе ни единымъ пальцемъ до всего этого дѣла. Долгоруковъ (между нами) нравственно погибъ и едва ли не по-дѣломъ; ты сдѣлалъ все, что могъ въ „Колоколѣ"; надо было его поддержать въ силу принципа, а теперь предоставь его своей

---

[1]) О дѣятельности Н. А. Милютина см. книгу Леруа-Болье „L'homme d'état russe". Paris, 1884; некрологъ его, написанный Кавелинымъ, „Вѣст. Евр.", 1872, № 3; біографич. очеркъ, составленный его сыномъ, „Рус. Ст.", 1880, № 2.

[2]) Журналъ, издававшійся въ Парижѣ, редакторомъ котораго былъ одно время кн. П. Долгоруковъ.

[3]) Лондонскій книгопродавецъ, издатель соч. Герцена.

судьбѣ. Онъ будетъ къ тебѣ лѣзть въ самую глотку, но ты отхаркаешься. Нечего говорить, что Воронцовыхъ тебѣ не изъ чего поддерживать; превратись въ Юпитера, до котораго всѣ эти дрязги не должны доходить [1]).

„4) Въ Россіи, точно, кутерьма, но прошу тебя убѣдительно, не трогай пока Головнина. За исключеніемъ двухъ-трехъ вынужденныхъ и то весьма легкихъ уступокъ, все, что онъ дѣлаетъ,—хорошо. (Вспомни его разрѣшеніе Кавелину и др. читать публичныя лекціи и т. д., и т. д.). Я получаю очень хорошія извѣстія о немъ. Не безпокойся; если онъ свихнется, мы тебѣ его „представимъ", какъ говорятъ мужики, приводя виноватыхъ для сѣченія въ волость.

„5) Et tu Brute! Ты, ты меня упрекаешь, что я отдаю свою работу въ „Русскій Вѣстникъ"? Но изъ чего же я разсорился съ „Современникомъ", воплощеннымъ въ образѣ Некрасова? Въ программахъ своихъ они утверждаютъ, что они мнѣ отказали, яко отсталому; mais tu n'est pas dupé, надѣюсь, этого маневра, и очень хорошо знаешь, что я бросилъ Некрасова, какъ безчестнаго человѣка. Куда жъ мнѣ было дѣться съ своей работой? Въ „Библіотеку" пойти? Да и, конецъ концовъ, „Русскій Вѣстникъ" не такая ужъ дрянь, хотя многое въ немъ мнѣ противно до тошноты [2]).

„6) Я бы тебя вызвалъ на дуэль, если бы ты заподозрилъ меня въ дружбѣ съ Ч—ринымъ; но даже въ отношеніи къ москвичамъ ты не правъ. Многіе изъ нихъ имъ гнушаются. Въ Петербургѣ онъ былъ бы невозможенъ... вотъ послѣ этого и брани Петербургъ!

„7) Дромадеръ Бакунинъ былъ здѣсь, мямлилъ, скрипѣлъ и уѣхалъ, оставивъ мнѣ адресъ какихъ-то Lafare frères, которымъ надобно заплатить задолженныхъ Мишелемъ 1000 франковъ.

„Я открылъ подписку, но къ моимъ 500 франкамъ при-

---

[1]) Тургеневъ, очевидно, имѣетъ въ виду дѣло Долгорукова съ кн. С. Воронцовымъ, разбиравшееся 1-й разъ въ Парижѣ и 2-й разъ въ Брюсселѣ. Воронцовъ обвинялъ Долгорукаго въ клеветѣ, по поводу изданнаго имъ „Родословія русскихъ дворянскихъ родовъ". (Подробнѣе см. журналъ „Мин. Юстиціи", 1862, № 5, а также Любавскаго, „Русскіе уголовн. процессы". 1866 г.).

[2]) Въ мартовской книжкѣ „Русск. Вѣстн." долженъ былъ появиться романъ Тургенева „Отцы и дѣти".

бавилось пока 200. Надѣюсь, однако, собрать всѣ. Бакунинъ пишетъ мнѣ о 1000 руб. сереб. Я готовъ ихъ выдать ему до моего отъѣзда отсюда, но тогда они будутъ зачислены въ счетъ трехлѣтняго пансіона (не вполнѣ трехлѣтняго, я обѣщалъ 1500 фр. въ годъ ему, а 1000 р. сереб. съ 500 фр. составитъ меньше этой суммы). Отговори его, пожалуйста, теперь же выписывать свою жену. Это было бы безуміе; пусть онъ осмотрится сперва. Надобно соображаться съ средствами, а они едва ли будутъ велики. Боткинъ долго ничего не дастъ и т. д.

„Ну, прощай, милый другъ, или таки до свиданья.

Твой Ив Тургеневъ.

„Вторникъ, 11, февраля, 62.
„Парижъ, Rue de Rivoli 210".

XII.

Насколько для Герцена крупнымъ событіемъ, отразившимся на его дальнѣйшей дѣятельности, было польское возстаніе и пріѣздъ въ Лондонъ Бакунина, настолько-же крупнымъ событіемъ въ жизни Тургенева было появленіе на страницахъ „Русскаго Вѣстника" романа „Отцы и дѣти".

Однимъ изъ первыхъ отзывовъ о новомъ романѣ, который Тургеневу пришлось выслушать, былъ отзывъ Герцена, нашедшаго, что на романѣ отразилось „сердитое" отношеніе Тургенева къ Базарову. Въ письмѣ (датированномъ: „Парижъ, Rue de Rivoli, 210, 28 апрѣля 1862 г.") къ Герцену Тургеневъ старался оправдаться отъ этого обвиненія:

„Милый Александръ Ивановичъ, — писалъ онъ: — немедленно отвѣчаю на твое письмо не для того, чтобы защищаться, а чтобы благодарить тебя и въ то-же время заявить, что при сочиненіи Базарова я не только не сердился на него, но чувствовалъ „влеченіе, родъ недуга", — такъ что Катковъ на первыхъ порахъ ужаснулся и увидалъ въ немъ *апоѳеозу* „Современника", и вслѣдствіе этого уговорилъ меня выбросить немало смягчающихъ чертъ, въ чемъ я раскаиваюсь. Еще бы онъ не подавилъ собой „человѣка съ душистыми усами" и другихъ! Это—торжество демократизма надъ аристократіей. Положа руку на сердце, я не чувствую себя виноватымъ передъ Базаровымъ и не могъ придать ему не-

нужной сладости. Если его не полюбятъ, какъ онъ есть, со всѣмъ его безобразіемъ, значитъ, я виноватъ и не съумѣлъ сладить съ избраннымъ мною типомъ. Штука была бы не важная представить его идеаломъ; а сдѣлать его волкомъ и все таки оправдать его, это было трудно; и въ этомъ я, вѣроятно, не успѣлъ; но я хочу только отклонить нареканіе въ раздраженіи противъ него. Мнѣ, напротивъ, сдается, что противное раздраженію чувство свѣтится во всемъ, въ его смерти и т. д. Но basta cosi... Увидѣвшись, поговоримъ болѣе.

„Въ мистицизмъ я не ударяюсь и не ударюсь;—въ отношеніи къ Богу я придерживаюсь мнѣнія Фауста:

„Wer darf ihn nennen
„Und wer bekenen:
„Ich glaube ihn!
„Wir empfinden
„Und sich unterwinden
„Zu sagen:
„Ich glaub'ihn nicht!

„Впрочемъ, это чувство во мнѣ никогда не было тайной для тебя.

„Если ты распекъ Каткова за его статью въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, то я рукоплещу тебѣ и съ наслажденіемъ прочту статью въ „Колоколѣ“.

„N N—истинно отличный малый, и я его искренно полюбилъ. Онъ напоминаетъ мнѣ братьевъ Колбасиныхъ.

„Приложенный къ твоему письму конвертъ съ надписью: „Графинѣ Саліасъ“, вручится ей не черезъ нѣсколько дней въ Москвѣ, — а завтра-же въ Парижѣ, ибо она здѣсь: пріѣхала недавно и живетъ:

„Avenue Marboeu, 3 bis.

„До свиданія. Что бы ты ни думалъ объ моей неаккуратности, скорѣе земной шаръ лопнетъ, чѣмъ я уѣду, не повидавшись съ тобой. Будь здоровъ.

Твой Иванъ Тургеневъ.“

Извѣстно, какую бурю вызвало появленіе „Отцовъ и дѣтей“. Особенную смуту въ литературѣ произвело то обстоятельство, что одинъ изъ даровитѣйшихъ представителей „молодого поколѣнія“, Писаревъ, такъ сказать, обѣими ру-

ками подписался подъ изображенiемъ Базарова. Литературные дѣятели, группировавшiеся возлѣ „Современника“, напротивъ, увидали въ новомъ романѣ Тургенева пасквиль на прогрессивное движенiе въ Россiи. Нѣкоторые эпигоны шестидесятыхъ годовъ до сихъ поръ настаиваютъ на томъ, что „Отцы и дѣти“—романъ реакцiонный, что онъ является, такъ сказать, родоначальникомъ реакцiонной беллетристики, всѣхъ „Маревъ“, „Некуда“ и т. д. Между тѣмъ, вспоминая дѣятельность Писарева, Зайцева, Соколова, направленiе „Русскаго Слова“, и позднѣе Благосвѣтловскаго „Дѣла“, будущему историку русской литературы, свободному отъ партiйныхъ счетовъ, придется признать, что Тургеневымъ вѣрно было отмѣчено нарождавшееся явленiе, создавшее цѣлую литературную школу, пользовавшуюся крупнымъ влiянiемъ среди молодежи. Правда, люди Базаровскаго типа не внушали искренней симпатiи Тургеневу и его сверстникамъ, людямъ 40-хъ годовъ, но не должно забывать, что они не внушали симпатiй и такому прогрессисту, какъ Салтыковъ. Посмотрите, съ какой рѣзкостью относится онъ къ группѣ „Русскаго Слова“.

„Всего болѣе,—писалъ Салтыковъ [1]):—содѣйствуютъ заблужденiю публики нѣкоторые вислоухiе и юродствующiе, которые съ ухарской развязностью прикомандировываютъ себя къ дѣлу, дѣлаемому молодымъ поколѣнiемъ, и, схвативъ одни наружные признаки этого дѣла, совершенно искренно исповѣдуютъ, что въ нихъ-то и вся сила. Эти люди считаютъ себя какими-то сугубыми представителями молодого поколѣнiя, забывая, что *дрянь* есть явленiе общее всѣмъ вѣкамъ и странамъ и что совершенно несправедливо и даже непозволительно навязывать ее исключительно современному русскому молодому поколѣнiю“...

„...Вислоухiе никогда не прельщали меня; я всегда былъ того мнѣнiя, что они однимъ своимъ участiемъ дѣлаютъ неузнаваемымъ всякое дѣло, до котораго прикасаются... Въ прошломъ году, какъ и нынче, я съ сожалѣнiемъ смотрѣлъ на людей, которые въ словѣ „нигилизмъ“ обрѣли для себя какую то тихую пристань, въ которой можно отдыхать свободно... Я находилъ, что эти невинныя существа отнюдь

[1]) „Современникъ“, 1863, № 3.

не должны считаться представителями какого бы то ни было поколѣнія, но что они изображаютъ собой тотъ паразитскій изъ угла въ уголъ шатающійся элементъ, отъ котораго, по несчастію, не можетъ быть свободно никакое, даже самое лучшее дѣло“...

„... Въ позапрошломъ году пущено было въ ходъ слово „нигилизмъ“, слово не имѣющее смысла и всего менѣе характеризующее стремленія молодого поколѣнія, въ которомъ можно различать всякаго рода „измы“, но отнюдь не „нигилизмъ“. Между тѣмъ, слово пошло въ ходъ и получило право гражданственности, *совсѣмъ не потому, что его пустилъ въ ходъ г. Тургеневъ* (это то бы еще не большая бѣда), а именно благодаря тѣмъ вислоухимъ, которые ухватились за него, словно утопающіе за соломенку, стали драпироваться въ него, какъ въ нѣкую златотканную мантію, и изъ безсмыслицы сдѣлали себѣ знамя... Это ужъ такая несчастная страсть—красоваться глупостями, бесѣдовать о глупостяхъ и лѣзть на стѣну по поводу глупостей, и главный источникъ этой страсти заключается, конечно, въ скудномъ запасѣ умственныхъ способностей.

„...Нѣтъ мысли, которой наши вислоухіе не обезславили бы, нѣтъ дѣла, котораго они не засидѣли бы. „Я демократъ“,— говоритъ вамъ вислоухій и доказываетъ это тѣмъ, что ходитъ въ поддевкѣ и сморкается безъ помощи платка. „Я—нигилистъ и не имѣю никакахъ предразсудковъ“,—говоритъ вамъ другой вислоухій, и доказываетъ это тѣмъ, что во всякое время дня готовъ выбѣжать голый на улицу. И напрасно вы будете увѣрять его, что въ первомъ случаѣ онъ совсѣмъ не демократъ, а только нечистоплотный человѣкъ, и что во второмъ случаѣ онъ тоже не болѣе, какъ бойкій человѣкъ, безъ надобности подвергающій себя заключенію въ частномъ домѣ,—не повѣритъ онъ ни за что и васъ же обругаетъ аристократомъ и отсталымъ человѣкомъ“.

Согласитесь, что подобная характеристика „мыслящихъ реалистовъ“, группировавшихся вокругъ „Русскаго Слова“ и представлявшихъ крупное теченіе литературной и общественной жизни того времени, далеко оставляетъ за собой изображеніе „нигилиста“, сдѣланное Тургеневымъ въ лицѣ Базарова. Базарову можно не симпатизировать, но ему нельзя отказать въ уваженіи, а вѣдь „мыслящіе реалисты“ База-

ровскаго типа прямо именуются Салтыковымъ „дрянью“ и помѣхой дѣлу прогресса. Теперь, по истеченіи долгаго періода времени, приходится признать, что Тургеневымъ съ удивительной прозорливостью въ лицѣ Базарова были схвачены многія характерныя черты тогдашняго молодого поколѣнія. Вся борьба 60-хъ годовъ съ „эстетикой“ суммируется въ словахъ Базарова: „Природа—не храмъ, а лабораторія и человѣкъ въ ней работникъ“. Указываютъ, какъ на крупный недостатокъ романа Тургенева на общественный индифферентизмъ Базарова („Я и возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть, и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... да и на что мнѣ его спасибо? Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня будетъ лопухъ расти; ну а дальше?“) [1] Но, говоря о движеніи 60-хъ годовъ, не должно забывать о двухъ параллельныхъ теченіяхъ: старшаго поколѣнія, группировавшагося вокругъ „Современника“ и занятаго, главнымъ образомъ, вопросами общественныхъ реформъ, и младшаго поколѣнія „мыслящихъ реалистовъ“, группировавшихся вокругъ „Русскаго Слова“, стремившихся на „разумныхъ“ началахъ устроить собственную жизнь счастливо. Направленіе „Современника“ было въ сущности продолженіемъ дѣятельности 40-хъ годовъ (Бѣлинскаго, Милютина), направленіе „Русскаго Слова“ имѣло въ основѣ своей безусловный индивидуализмъ и было отрицаніемъ, во имя личной свободы, всякихъ стѣсненій, налагаемыхъ на человѣка обществомъ, семьей, религіей. Нигилизмъ былъ страстной реакціей противъ *нравственнаго* деспотизма, угнетающаго личность въ ея частной, интимной жизни (отсюда такое горячее отношеніе къ такъ назыв., „женскому вопросу“). Тургеневъ въ лицѣ Базарова едва-ли имѣлъ въ виду дѣятелей „Современника“ съ ихъ широкими общественными идеалами, а скорѣе—нарождавшееся новое теченіе. То обстоятельство, что „мыслящіе реалисты“ увидѣли въ Базаровѣ „знамя“, лучше всего доказываетъ, что Тургеневъ былъ правъ: Базаровъ являлся представителемъ извѣстной части тогдашней молодежи.

Другое дѣло,—было ли это изображеніе молодого поколѣнія въ такой „безпристрастной“ формѣ *своевременнымъ*.

---

[1]) Слова Базарова.

Несомнѣнно, что типомъ Базарова воспользовалась реакціонная печать и обрушила на него всю ту злобу, какая накопилась противъ „мальчишекъ".

На эту сторону вопроса обратилъ вниманіе Салтыковъ въ своей замѣчательной статьѣ, посвященной выясненію общественнаго значенія романа Тургенева:

„Слово „нигилисты",—писалъ Салтыковъ: — пущено въ ходъ И. С. Тургеневымъ и не обозначаетъ собственно ничего. Въ романѣ г. Тургенева, какъ и во всякомъ благоустроенномъ обществѣ, дѣйствуютъ отцы и дѣти. Если есть отцы, то, слѣдовательно, должны быть и дѣти,—это бы, пожалуй, не новость; новость заключается въ томъ, что дѣти не въ отца вышли, и вслѣдствіе этого происходятъ между ними безпрестанные репримянды.

„Отцы—народъ чувствительный и вѣруютъ во все. Они вѣруютъ и въ красоту, и въ истину, и въ справедливость, но больше прохаживаются по части красоты. Они проливаютъ слезы, читая Шиллерову „Resignation", они играютъ на віолончели, а отчасти и на гитарѣ, но не остаются нечувствительными и къ четвертакамъ... Когда-то они были друзьями Бѣлинскаго и поклонниками Грановскаго, но, по смерти своихъ руководителей, остались, какъ овцы безъ пастыря. Очарованія ихъ приняли характеръ безпорядочный, почти растрепанный: съ одной стороны, — Laura am Clavier, съ другой,— тысяча рублей содержанія, даровая квартира и нѣсколько пудовъ сальныхъ свѣчей,—вотъ двѣ мучительныя альтернативы, между которыми проходитъ ихъ жизнь. Тѣмъ не менѣе надо отдать имъ справедливость: Лаура съ каждымъ днемъ все дальше и дальше отодвигается на задній планъ, и все ближе и ближе подвигается тысяча рублей содержанія. Способность очаровываться осталась та-же, но предметъ ея измѣнился, и измѣнился потому, что нѣтъ въ живыхъ ни Бѣлинскаго, ни Грановскаго. Будь они живы, они, конечно, сказали бы „отцамъ": цыцъ! и тогда, кто можетъ отгадать, чѣмъ увлекались бы въ настоящую минуту эти юные старцы?

„Въ противоположность отцамъ, дѣти представляютъ собой собраніе невѣрующихъ".

Перечисливъ „зловредныя" качества „дѣтей", Салтыковъ спрашиваетъ: „Какъ назвать совокупность этихъ зловред-

ныхъ качествъ? Какъ назвать людей, совокупившихъ въ себѣ эти качества? Я знаю, госпожа Коробочка назвала бы ихъ фармазонами, полковникъ Скалозубъ назвалъ бы ихъ вольтерьянцами; но И. С. Тургеневъ не захотѣлъ быть подражателемъ и назвалъ нигилистами. . .

„Какъ бы то ни было, но „благонамѣренные“ накинулись, на слово „нигилистъ“ съ ожесточеніемъ; точь въ точь, какъ благонамѣренные прежнихъ временъ накидывались на слова: „фармазонъ“ и „вольтерьянецъ“. Слово „нигилистъ“ вывело ихъ изъ величайшаго затрудненія. Были понятія, были явленія, которыя они до тѣхъ поръ затруднялись какъ назвать, теперь этихъ затрудненій не существуетъ: все это нигилисты. Были люди, физіономіи которыхъ имъ не нравились, которыхъ рѣчи производили въ нихъ нервное раздраженіе, но они не могли дать себѣ отчета, почему именно эти люди, эти рѣчи производятъ на нихъ именно такое дѣйствіе; теперь все это сдѣлалось ясно; да потому просто, что эти люди нигилисты! Такимъ образомъ, нигилистъ, не обозначая собственно ничего, прикрываетъ, собой всякую обвинительную чепуху, какая взбредетъ въ голову благонамѣренному, и если бы Иванъ Никифоровичъ Довгочхунъ зналъ, что существуетъ на свѣтѣ такое слово, то онъ, навѣрное, назвалъ бы Ивана Ивановича Перерепенко не „дурнемъ съ писаною торбою“, а нигилистомъ. Человѣкъ, который ходитъ по улицѣ безъ перчатокъ, — нигилистъ, и человѣкъ, который заявитъ сомнѣніе насчетъ либерализма Василія Александровича Кокорева,—тоже нигилистъ. Онъ нигилистъ! Онъ не вѣритъ ни во что святое! вопятъ благонамѣренные, и само собой разумѣется, что Василію Александровичу это нравится. Однимъ словомъ, нигилистъ есть человѣкъ, безпрерывно испускающій изъ себя какой то тонкій ядъ, отъ котораго мгновенно дурѣютъ слабыя головы мальчишекъ!“

Салтыковъ перечисляетъ тѣ обвиненія, которыя реакціонная пресса тогдашняго времени щедро сыпала на голову „нигилистовъ“.

„Нигилисты,—писалъ Салтыковъ:—обязаны выносить на себѣ всѣ грѣхи міра сего. Тявкнетъ ли на улицѣ шавка,— благонамѣренные кричатъ: это нигилисты подучили ее; пойдетъ ли безъ времени дождь, благонамѣренные кричатъ:

это нигилисты заговариваютъ стихіи! Этого мало: лѣтомъ 1862 г. по случаю частыхъ пожаровъ въ Петербургѣ ходили слухи о поджогахъ,—благонамѣренные воспользовались этимъ, чтобы обвинить нигилистовъ; образовалась какая то неслыханная потаенная литература,— благонамѣренные возопили: это они! это нигилисты! Злорадство дошло до такой степени безобразія и нелѣпости, что благонамѣренные готовы были, чтобы у нихъ поснимали головы, лишь бы имѣть право сказать: это они! это нигилисты!

„*Вотъ, какую страшную услугу оказалъ Тургеневъ!*"

Позднѣе (въ 1876 г.) и самъ Тургеневъ въ письмѣ къ Салтыкову признавалъ справедливость упрековъ Салтыкова въ *несвоевременности* появленія „Отцовъ и дѣтей".

„Скажите по совѣсти,—писалъ Тургеневъ [1]):—развѣ кому-нибудь можетъ быть обидно сравненіе его съ Базаровымъ? Не сами ли вы замѣчаете, что это самая симпатичная изъ всѣхъ моихъ фигуръ? „Тонкій нѣкій запахъ" присочиненъ чатателями; но я готовъ сознаться, что я не имѣлъ права давать нашей реакціонной сволочи возможность ухватиться за кличку, за имя; писатель во мнѣ долженъ былъ принести эту жертву гражданину,—и потому я признаю справедливыми и отчужденіе отъ меня молодежи, и всяческія нареканія... Возникшій вопросъ былъ поважнѣе художественной правды,—и я это долженъ былъ знать напередъ".

XIII.

Какъ относился къ типу Базарова Герценъ? Находилъ ли онъ въ немъ „злостную каррикатуру" на молодое поколѣніе, или же признавалъ правдивость выведеннаго Тургеневымъ типа? Отвѣтъ на эти вопросы можно найти въ двухъ сохранившихся письмахъ Герцена къ Огареву. Письма относятся къ 1869 г. и любопытны уже потому, что они суммируютъ наблюденія Герцена надъ русской молодежью за довольно продолжительный періодъ 50—60-хъ годовъ. Прибавимъ, что предъ Герценомъ прошла длинная фаланга представителей русской молодежи, побывавшей заграницей, начиная съ М. Л. Михайлова и Благосвѣтлова и кончая Серно-Соловьевичемъ, Соколовымъ и Зайцевымъ. Мнѣніе

[1]) Тургеневъ. „Письма" (1884) стр. 278.

Герцена о Базаровѣ поэтому представляетъ крупный историко-литературный интересъ.

„Вмѣсто письма,—писалъ Герценъ Огареву:—посылаю тебѣ любезный другъ диссертацію, да еще не оконченную. Послѣ нашего разговора, я перечиталъ статью Писарева о Базаровѣ, котораго совсѣмъ забылъ, и очень радъ этому, т. е. не тому, что забылъ, а тому, что перечиталъ. Статья эта подтверждаетъ мою точку зрѣнія. Въ своей односторонности, она вѣрнѣе и замѣчательнѣе, чѣмъ объ ней думали ея противники.

„Вѣрно-ли понялъ Писаревъ Тургеневскаго Базарова, до этого мнѣ дѣла нѣтъ. Важно то, что онъ въ Базаровѣ *узналъ себя* и *своихъ* и добавилъ, чего не доставало въ книгѣ. Чѣмъ Писаревъ меньше держался колодокъ, въ которыя разгнѣванный родитель (Тургеневъ) старался вколотить упрямаго сына, тѣмъ свободнѣе перенесъ на него свой идеалъ.

„Базаровъ—не личный идеалъ Писарева, а тотъ идеалъ, который *до* Тургеневскаго Базарова и *послѣ него* носился въ молодомъ поколѣнія и воплощался не только въ разныхъ героевъ повѣстей и рамановъ, *но въ живыя лица*, старавшіяся принять въ основу дѣйствій и словъ своихъ Базаровщину. То, что Писаревъ говорилъ, я *слышалъ и видѣлъ десятки разъ*; онъ простодушно разболталъ задушевную мысль цѣлаго круга и, собравъ въ одномъ фокусѣ разсѣянные лучи, освѣтилъ ими нормальнаго (Тургеневскаго) Базарова.

„Базаровъ для Тургенева больше, чѣмъ посторонній, для Писарева *больше, чѣмъ свой*; для изученія, конечно, надобно взять тотъ взглядъ, который въ Базаровѣ видитъ свой desideratum.

„Противники Писарева испугались его неосторожности; отрекаясь отъ Тургеневскаго Базарова, какъ отъ шаржа, они отмахивались еще больше отъ его преображеннаго двойника; имъ было непріятно, что Писаревъ опростоволосился, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ его невѣрно понялъ“.

Затѣмъ Герценъ подробно излагаетъ взглядъ Писарева на Базарова и останавливается на генеологіи Базарова, сдѣланной Писаревымъ:

„Онѣгины и Печорины родили Рудиныхъ и Бельтовыхъ; Рудины-Бельтовы—Базарова... У Печорина была воля безъ

знанія, у Рудиныхъ—знаніе безъ воли, у Базаровыхъ—*и знаніе, и воля*. Мысль и дѣло сливаются въ одно твердое цѣлое,—говоритъ Писаревъ.

„Тутъ все есть, — пишетъ Герценъ Огареву по поводу этой характеристики:—и характеристика, и классификація,—все коротко и ясно, сумма подведена, счетъ поданъ, и съ той точки зрѣнія, съ которой авторъ взялъ вопросъ, совершенно вѣрно.

„Но *мы* этого счета не принимаемъ и протестуемъ противъ него изъ нашихъ преждевременныхъ и не наступившихъ могилъ.

„Странныя судьбы *отцовъ* и *дѣтей*! Что Тургеневъ вывелъ Базарова не для того, чтобъ погладить по головкѣ,—это ясно, что онъ хотѣлъ что-то сдѣлать въ пользу отцовъ,—и это ясно. Но въ соприкосновеніи съ такими жалкими и ничтожными отцами, какъ Кирсановы, крутой Базаровъ *увлекъ* Тургенева, и, вмѣсто того, чтобъ посѣчь сына, онъ выпоролъ отцовъ.

„Оттого то и вышло, что часть молодого поколѣнія узнала себя въ Базаровѣ. Но *мы* вовсе не узнаемъ себя въ Кирсановыхъ такъ, какъ не узнавали себя въ Маниловыхъ, ни въ Собакевичахъ, несмотря на то, что Маниловы и Собакевичи существовали сплошь да рядомъ во время нашей молодости, да и теперь существуютъ.

„Мало-ли какія стада нравственныхъ недоносковъ живутъ въ одно и то-же время въ разныхъ слояхъ общества, въ разныхъ направленіяхъ его; безъ сомнѣнія, они представляютъ больше или меньше общіе типы, но не представляютъ самой рѣзкой и характеристичной стороны своего поколѣнія, стороны, наиболѣе выражающей его интенсивность. Писаревскій Базаровъ, въ одностороннемъ смыслѣ, до нѣкоторой степени предѣльный типъ того, что Тургеневъ назвалъ сыновьями, въ то время какъ Кирсановы самые стертые и пошлые представители отцовъ.

„Тургеневъ былъ больше художникъ въ своемъ романѣ, чѣмъ думаютъ, и оттого сбился съ дороги, и по моему очень хорошо сдѣлалъ:—шелъ въ комнату, попалъ въ другую, зато въ лучшую“.

Герценъ дальше сожалѣетъ, что Тургеневъ не послалъ своего Базарова въ Лондонъ.

„Базаровъ въ Лондонѣ,—говоритъ Герценъ:—увидѣлъ бы, что это только издали казалось, что мы размахиваемъ руками, а что на самомъ дѣлѣ мы ими работали. Можетъ, онъ смѣнилъ бы гнѣвъ на милость и пересталъ бы относиться къ намъ „съ укоромъ и насмѣшкой".

Дальше Герценъ съ горечью касается той темы, которая была затронута имъ въ разговорѣ съ Чернышевскимъ, приведенномъ нами въ одной изъ предыдущихъ главъ. Онъ находилъ, что молодое поколѣніе слишкомъ ужъ пренебрежительно относится къ работѣ „отцовъ".

„Я признаюсь,—писалъ Герценъ:—откровенно, мнѣ лично это метанье камнями въ своихъ предшественниковъ—противно. Хотѣлось бы спасти молодое поколѣніе отъ исторической неблагодарности и даже отъ исторической ошибки. Пора отцамъ-Сатурнамъ не закусывать своими дѣтьми, но пора и дѣтямъ не брать примѣра съ тѣхъ камчадаловъ, которые убиваютъ своихъ стариковъ.

„Неужели за одной природой остается право, что ея фазы и ступени развитія, отклоненія и уклоненія, даже avortements, изучаются, принимаются, обдумываются sine ira et studio, а какъ дѣло дойдетъ до исторіи,—тотчасъ въ сторону методъ физіологическій и на мѣсто его уголовная палата и управа благочинія?

„Онѣгины и Печорины прошли.

„Рудины и Бельтовы проходятъ.

„Базаровы пройдутъ... и даже очень скоро. Это слишкомъ натянутый, школьный, взвинченный типъ, чтобъ ему долго удержаться.

„Всѣ возникшія типы пройдутъ, и всѣ съ той неутрачиваемостью однажды возбужденныхъ силъ, которую мы научились узнавать въ физическомъ мірѣ, останутся и взойдутъ, видоизмѣняясь, въ будущее движеніе Россіи и въ будущее устройство ея".

Герценъ указываетъ, что въ русской литературѣ далеко не полно отразились общественные типы 20—40 годовъ.

„Брать *Онѣгина*,—говоритъ онъ:—за *положительный* типъ умственной жизни двадцатыхъ годовъ, за интегралъ всѣхъ стремленій и дѣятельностей проснувшагося слоя совершенно ошибочно, хотя онъ и представляетъ одну изъ сторонъ тогдашней жизни".

Въ доказательство справедливости своего мнѣнія Герценъ указываетъ на то обстоятельство, что въ литературѣ „по независящимъ обстоятельствамъ“ былъ пропущенъ типъ *декабриста,* типъ не менѣе характерный для 20 годовъ прошлаго столѣтія, чѣмъ типъ Онѣгина.

„Если въ литературѣ,—говоритъ Герценъ:—сколько нибудь отразился слабо, но съ родственными чертами, типъ декабриста,—это въ *Чацкомъ.*

„Чацкій, если бы пережилъ первое поколѣніе, шедшее за 14 декабря,—черезъ него протянулъ бы горячую руку *намъ.* Съ нами Чацкій возвращался на *свою* почву. Эти rimes croisées черезъ поколѣнія не рѣдкость даже въ зоологіи. И я глубоко убѣжденъ, что мы съ *дѣтьми* Базарова встрѣтимся симпатично, и они съ нами—„безъ озлобленія и насмѣшки“.

Далѣе Герценъ бросаетъ нѣсколько озлобленныхъ словъ по адресу тогдашней литературной молодежи, группировавшейся вокругъ „Русскаго Слова“ и „Современника“.

„Чацкій,—говоритъ онъ:—не могъ бы жить, сложа руки, ни въ капризной брюзгливости, ни въ надменномъ *самообоготвореніи;* онъ не былъ настолько старъ, чтобъ находить удовольствіе въ ворчливомъ будированіи, и не былъ такъ молодъ, чтобъ наслаждаться отроческими самоудовлетвореніями. Въ этомъ характерѣ безпокойнаго фермента, бродящихъ дрожжей, вся сущность его.

„Но именно эта то сторона и не нравится Базарову, она то его и озлобляетъ въ его гордомъ стоицизмѣ. „Молчите, дескать, въ своемъ углу, коли силы нѣтъ что-либо дѣлать, а то и безъ вашего хныканья тошно,—говоритъ онъ:—побиты, ну, и сидите побитые... что вамъ ѣсть что ли нечего, что плачете: это все *барскія затѣи*“.

Герценъ возмущается такимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ людямъ его поколѣнія, находитъ, что „это сильно сбивается на Аракчеевщину“, и спрашиваетъ: на какомъ основаніи можно было бы отнять право на горькую жалобу у Лермонтова, на его упреки своему поколѣнію, отъ которыхъ многіе вздрогнули? Чѣмъ бы улучшилось положеніе, если бы и эти голоса были подавлены?

„— Да зачѣмъ они? Что проку?—спроситъ Базаровъ.

„—А зачѣмъ камень издаетъ звукъ, когда его бьютъ молотомъ?

„— Онъ не можетъ иначе.

„— А почему эти господа думаютъ, что люди могутъ страдать цѣлыя поколѣнія безъ слова жалобы, негодованія, проклятія, протеста? Если не для другихъ нужна жалоба, то для самихъ жалующихся. Высказанная скорбь утоляетъ боль. Ihm, — говоритъ Гете: — gab ein Gott zu sagen, was er leidet.

„— А *намъ* что за дѣло?

„— Можетъ, вамъ и нѣтъ, такъ другимъ, можетъ, *есть*; но нельзя терять изъ виду, что каждое поколѣніе живетъ тоже и *для себя*. Съ точки зрѣнія исторіи оно переходъ, но въ отношеніи къ себѣ оно цѣль и не можетъ, не должно безропотно выносить на него падающія невзгоды—особенно, не имѣя даже того утѣшенія, которое имѣлъ Израиль, ожидавшій Мессію, и вовсе не зная, что отъ сѣмени Онѣгиныхъ и Рудиныхъ родится *Базаровъ*.

„Въ сущности, нашихъ юношей приводитъ въ ярость то, что въ нашемъ поколѣніи выражалась *наша* потребность дѣятельности, *нашъ* протестъ противъ существующаго *иначе*, чѣмъ у *нихъ*, и что мотивъ того и другого не всегда и не вполнѣ зависѣлъ отъ голода и холода.

„Нѣтъ ли въ этомъ пристрастіи къ однообразію того-же раздражительнаго духа, который сдѣлалъ у насъ изъ канцелярской формы сущность дѣла и изъ военныхъ эволюцій шагистику? Изъ этой стороны русскаго характера развилась статская и военная Аракчеевщина. Всякое личное, индивидуальное проявленіе, отступленіе считалось непокорствомъ и возбуждало преслѣдованія и безпрерывныя придирки. Базаровъ не оставляетъ никого въ покоѣ, всѣхъ задираетъ свысока. Каждое слово его—выговоръ высшаго низшему. Это не имѣетъ будущности".

Далѣе, во второмъ сохранившемся письмѣ къ Огареву, Герценъ даетъ любопытное генеологическое изслѣдованіе, ставя свое поколѣніе срединнымъ между декабристами и Базаровымъ.

„Декабристы,—говоритъ Герценъ:—наши отцы, Базаровы—наши *блудныя дѣти*.

„Что наше поколѣніе завѣщало новому?—спрашиваетъ Герценъ.

„*Нигилизмъ*.

„Вспомнимъ, какъ было дѣло.

„Около сороковыхъ годовъ жизнь изъ подъ туго придавленныхъ клапановъ стала сильнѣе прорываться. По всей Россіи прошла едва уловимая перемѣна, та перемѣна, по которой врачъ замѣчаетъ прежде отчета и пониманія, что въ болѣзни есть *поворотъ къ лучшему*, что силы очень слабы, но будто поднялись,—другой *тонъ*. Гдѣ-то внутри, въ нравственно-микроскопическомъ мірѣ, повѣялъ иной воздухъ, болѣе раздражительный, но и болѣе здоровый. Наружно все было мертво, подо льдомъ, но что-то пробудилось въ сознаніи, въ совѣсти,—какое-то чувство неловкости, неудовольствія. Ужасъ притупился, людямъ надоѣло въ полумракѣ темнаго царства.

„Приложить къ этому времени во всей ихъ рѣзкости рубрики Писарева трудно. („У Печориныхъ есть воля безъ знанія, у Рудиныхъ—знаніе безъ воли“). Въ жизни все состоитъ изъ переливовъ, колебаній, перекрещиваній, захватываній и перехватываній, а не изъ отломленныхъ кусковъ.

„Гдѣ окончились люди безъ знанія съ волей, и начались люди съ знаніемъ и безъ воли?

„Природа рѣшительно ускользаетъ отъ взводнаго ранжира, даже отъ ранжира по возрастамъ. Лермонтовъ лѣтами былъ товарищемъ Бѣлинскаго, онъ былъ вмѣстѣ съ нами въ университетѣ, а умеръ въ безвыходной безнадежности печоринскаго направленія, противъ котораго возставали уже и славянофилы, и мы.

„Кстати, я назвалъ славянофиловъ. Куда дѣть Хомякова и его „братчиковъ“? Что у нихъ было, воля безъ знанія, или знаніе безъ воли? А мѣсто они заняли не шуточное въ новомъ развитіи Россіи, они свою мысль далеко вдавили въ современный потокъ.

„Или въ какой рекрутскій пріемъ и по какой мѣркѣ мы сдадимъ Гоголя? Знанія у него не было, была-ли воля,—не знаю, сомнѣваюсь, а геній былъ, и его вліяніе колоссально.

„Тайныхъ обществъ тогда (въ 40-хъ годахъ) не было, но *тайное соглашеніе* понимающихъ было велико. Круги, составленные изъ людей, болѣе или менѣе испытавшихъ на себѣ гоненія, смотрѣли чутко за своимъ составомъ. Всякое другое дѣйствіе, кромѣ слова, и то маскированнаго,

было невозможно, зато слово пріобрѣло мощь, и не только печатное, но еще болѣе живое слово, меньше уловимое.

„Двѣ баттареи выдвинулись скоро. Періодическая литература дѣлается пропагандой, во главѣ ея становится, въ полномъ разгарѣ молодыхъ силъ,—Бѣлинскій. Университетскія кафедры превращаются въ налои, лекціи—въ проповѣди очеловѣченья, личность Грановскаго, окруженнаго молодыми доцентами, выдается больше и больше.

„Вдругъ, взрывъ смѣха. Страннаго смѣха, страшнаго смѣха, смѣха судорожнаго, въ которомъ былъ и стыдъ, и угрызеніе совѣсти, и, пожалуй, не смѣхъ до слезъ, а слезы до смѣха. Нелѣпый, уродливый, узкій міръ „Мертвыхъ душъ" не вынесъ, осѣлъ и сталъ отодвигаться. А проповѣдь шла сильнѣй... все одна проповѣдь,—и смѣхъ, и плачъ, и книга, и рѣчь, и Гегель [1]), и исторія—все звало людей къ сознанію своего положенія, къ ужасу передъ крѣпостнымъ правомъ и передъ собственнымъ безправіемъ, все указывало на науку и образованіе, на очищеніе мысли отъ всего традиціоннаго хлама, на свободу совѣсти и разума.

„Къ этому времени принадлежатъ первыя зарницы *нигилизма*,—зарницы той свободы отъ всѣхъ готовыхъ понятій, отъ всѣхъ унаслѣдованныхъ обструкцій и заваловъ, которые мѣшаютъ западному уму идти впередъ со своимъ историческимъ ядромъ на ногахъ...

„Тихая работа сороковыхъ годовъ разомъ оборвалась. Черныя времена наступили послѣ 1848 года. Передъ началомъ гоненій умеръ Бѣлинскій. Грановскій завидовалъ ему и стремился оставить отечество.

„Темная семилѣтняя ночь пала на Россію, и въ ней-то сложился, развивался и окрѣпъ въ русскомъ умѣ тотъ складъ мыслей, тотъ пріемъ мышленія, который назвали *нигилизмомъ*.

„Нигилизмъ — это логика безъ структуры, это—наука безъ догматовъ, это безусловная покорность опыту и безропотное принятіе всѣхъ послѣдствій, какія бы они ни были,

---

[1]) Діалектика Гегеля—страшный таранъ: она, несмотря на свое двуличіе, на прусско-протестантскую кокарду, улетучивала все существующее и распускала все, мѣшавшее, разуму. Къ тому-же это было время Фейербаха, der kritischen Kritik.

(Прим. Герцена).

если они вытекають изъ наблюденія, требуются разумомъ. Нигилизмъ не превращаетъ *ничего*, а раскрываетъ, что *ничего*, принимаемое за *что-нибудь*,—оптическій обманъ, и что всякая истина, какъ бы она ни перечила фантастическимъ представленіямъ,—здоровѣе ихъ и во всякомъ случаѣ обязательна.

„Когда Бѣлинскій, долго слушая объясненія кого-то изъ друзей о томъ, что *духъ* приходитъ къ самосознанію въ человѣкѣ, съ негодованіемъ отвѣчалъ: „Такъ это я не для себя сознаю, а для духа! Что-же я ему за дуракъ достался, лучше не буду вовсе думать; что мнѣ за забота до его сознанія...“ Онъ былъ *нигилистъ*.

„Когда Бакунинъ уличалъ берлинскихъ профессоровъ въ робости отрицанія и парижскихъ революціонеровъ 1848 года въ консерватизмѣ,—онъ былъ вполнѣ *нигилистъ*. Вообще, всѣ эти межеванья и ревнивыя отталкиванья ни къ чему не ведутъ, кромѣ насильственнаго антагонизма.

„Когда Петрашевцы „хотѣли ниспровергнуть всѣ божескіе и человѣческіе законы и разрушить основы общества,“—они были *нигилистами*.

„Нигилизмъ съ тѣхъ поръ расширился, яснѣе сознaлъ себя, даже сталъ доктриной, принялъ въ себя многое изъ науки и вызвалъ дѣятелей съ огромными силами, съ огромными талантами... все это неоспоримо.

„Но новыхъ началъ, принциповъ онъ не внесъ.

„Или—гдѣ-же они?“

Можно согласиться или не соглашаться съ родословной нигилизма, проводимой Герценомъ въ вышеприведенномъ письмѣ его къ Огареву, это вопросъ особый. Для насъ важно, какъ мы сказали выше, утвержденіе Герцена, что Тургеневъ совершенно вѣрно схватилъ зарождавшійся типъ. Правда, онъ не чувствовалъ къ нему особенной симпатіи, но этой симпатіи не было, какъ мы указали выше, и у Салтыкова, да не было ея и у самаго Герцена. Герценъ совершенно вѣрно указалъ на то, что нигилизмъ въ сущности не былъ доктриной, а лишь методомъ мышленія, но дѣло въ томъ, это этотъ методъ при отсутствіи широкаго знанія приводилъ къ голословному отрицанію и построенію такихъ доктринъ, которыя имѣли своимъ основаніемъ не факты дѣйствительности, изученные и провѣренные, а горячечныя фантасмагоріи. Тургеневъ, какъ мѣтко замѣтилъ Герценъ, создалъ *нормальный типъ*

нигилиста, отъ котораго, конечно, могли быть самыя многочисленныя и разнообразныя уклоненія въ худшую или въ лучшую сторону, но основа типа оставалась совершенно той-же. Возьмите для повѣрки „Что дѣлать", „Знаменія времени", многочисленные романы Бажина, Михайлова, замѣчательный романъ Кущевскаго „Николай Негоревъ", романъ Омулевскаго („Свѣтловъ") и др., съ одной стороны, Авенаріуса, Лѣскова, Клюшникова и т. д., съ другой,—и вы увидите въ громадномъ большинствѣ варіаціи Базаровскаго типа; разница будетъ лишь въ освѣщеніи: одни авторы будутъ идеализировать Базарова, другіе будутъ стараться втоптать его въ грязь. Безпристрастнымъ, *историческимъ* изображеніемъ нигилиста шестидесятыхъ годовъ остается романъ Тургенева, и право, надо бы перестать повторять старыя глупости на ту тему, что Базаровъ „клевета на молодое поколѣніе"; въ особенности непріятно встрѣчать подобныя партійныя утвержденія въ такихъ популярныхъ книгахъ, расчитанныхъ на широкій кругъ читателей, какъ „Исторія новѣйшей русской литературы" г. Скабичевскаго.

Приведемъ, кстати, еще одно очень вѣское свидѣтельство въ пользу того, что Базаровъ не былъ каррикатурой. Свидѣтельство это идетъ отъ такого компетентнаго наблюдателя, какъ извѣстный анархистъ Крапоткинъ, принимавшій дѣятельное участіе въ движеніи 60-хъ годовъ и наблюдавшій типы нигилистовъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности. Нечего и говорить, что его симпатіи лежатъ на сторонѣ нигилистовъ, а не ихъ противниковъ; тѣмъ характернѣе его слова. Въ вышедшихъ недавно воспоминаніяхъ князя Крапоткина приведенъ любопытный разговоръ его съ Тургеневымъ, именно, по поводу Базарова [1]).

„Однажды, — говорилъ Крапоткинъ: — когда мы вмѣстѣ возвращались изъ ателье Антокольскаго, Тургеневъ спросилъ меня,—что я думаю о Базаровѣ?

„Я откровенно отвѣтилъ ему:

„— Базаровъ—*удивительно вѣрное* изображеніе нигилиста, но читатель чувствуетъ, что вы относитесь къ нему не съ такой любовью, какъ къ другимъ вашимъ героямъ.

„— Напротивъ, я очень, очень люблю его,—воскликнулъ

---

[1]) Fürst P. Krapotkin. Memoiren. II. Band. S. 256—257.

съ живостью Тургеневъ.—Я когда-нибудь покажу вамъ мой дневникъ, и вы увидите, сколько слезъ я пролилъ, заканчивая романъ смертью Базарова".

Намъ кажется, что свидѣтельства двухъ такихъ компетентныхъ въ этомъ случаѣ наблюдателей, какъ Герценъ и Крапоткинъ, болѣе чѣмъ достаточно.

XIV.

Фраза въ письмѣ Тургенева, приведенномъ нами выше, относящаяся къ Каткову [1]), требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

„Если ты распекъ Каткова за его статью въ „Русскомъ Вѣстникѣ", то я рукоплещу тебѣ и съ наслажденіемъ прочту статью твою въ „Колоколѣ", — писалъ Тургеневъ Герцену.

Въ мартовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника", т. е. одновременно съ напечатаніемъ романа Тургенева „Отцы и дѣти", помѣщена была статья Каткова, озаглавленная: „Къ какой мы принадлежимъ партіи?", въ которой Катковъ третируетъ свысока всѣ „партіи", существовавшія тогда въ Россіи, иронически перечисляя ихъ: „консерваторы, умѣренные либералы, прогрессисты, конституціоналисты (даже не выговоришь этого ужаснаго термина!) и демократы, и демагоги, и соціалисты, и коммунисты!" По мнѣнію Каткова, „истинный прогрессъ состоитъ не въ упраздненіи началъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись нормальное развитіе общества, какъ монархическое начало, аристократическій элементъ, централизація", а въ томъ, „чтобъ дать каждому началу соотвѣтственное положеніе и силу, отвести его въ общіе предѣлы". Насколько, впрочемъ, Катковъ былъ далекъ тогда отъ реакціонныхъ тенденцій, глашатаемъ которыхъ онъ вскорѣ явился, можно судить по другой его статьѣ, помѣщенной въ той-же книжкѣ „Русскаго Вѣстника" и носящей заглавіе: „По поводу одного ироническаго слова". Въ этой статьѣ Катковъ, полемизируя съ газетой „Наше Время", такъ опредѣляетъ задачи „истиннаго консерватизма". „Интересъ *свободы*,—говоритъ Катковъ:—составляетъ душу консерватизма";—далѣе Катковъ находитъ нужнымъ, чтобы „государство русское стало

[1]) Отъ 28 апр. 1862 г.

великой *земской* силой и приняло въ свои нѣдра начало свободы, чтобы оно заинтересовало собой нравственныя силы и личную энергію, чтобы оно возложило свои задачи не на опричниковъ, но главнымъ образомъ на земскія силы".

„Этотъ путь, — говоритъ дальше Катковъ: — указываетъ намъ исторія, на этотъ путь, слава Богу, мы и выходимъ теперь, выходимъ тѣмъ смѣлѣе и надежнѣе, что только этимъ путемъ мы можемъ оживить нашу заглохшую связь съ прошедшимъ, возстановить цѣльность народной жизни и вызвать творческія силы въ ея дремлющихъ нѣдрахъ".

Эта игра въ „прогрессивный консерватизмъ", это сидѣнье между двумя стульями, а главное—доктринерски поучительный тонъ, отношеніе свысока ко всѣмъ, конечно, не могло понравиться Герцену, и онъ коснулся этого вопроса въ статьѣ: „Сенаторамъ и тайнымъ совѣтникамъ журнализма", въ которой указалъ на неприличіе тона Каткова по отношенію ко многимъ жгучимъ вопросамъ современности. Главнымъ пунктомъ, на который напалъ Герценъ, была фраза Каткова: „Мы никогда не искали чести принадлежать къ какой-нибудь изъ нашихъ партій; не только къ этимъ *шутовскимъ* партіямъ, но и къ партіямъ серьезнымъ, если бы онѣ когда-нибудь образовались у насъ, мы не могли бы примкнуть". Фраза эта въ устахъ Каткова, тогда еще не успѣвшаго прославиться, а бывшаго всего лишь рядовымъ талантливымъ журналистомъ, указывала на то колоссальное честолюбіе, которое гнѣздилось въ скромномъ на видъ отставномъ профессорѣ.

Статья Герцена не могла, конечно, придтись по вкусу раздражительному и самолюбивому Каткову, и онъ отвѣтилъ въ 20 № „Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника" (1862). Отвѣтъ этотъ отличается преднамѣренной грубостью, какъ могутъ убѣдиться читатели [1]).

[1]) Интересующихся вопросомъ о полемикѣ Каткова съ Герценомъ отсылаемъ къ статьямъ: Н. Павлова „Полемика Каткова съ Герценомъ", Рус. Обозр. 1895 кн. V; И. Фуделя „Одна изъ нашихъ слабостей", Рус. Обозр. 1895, кн. 6, Н. Павлова „Вынужденное объясненіе", Рус. Обозр. 1895, кн. 8; „Еще о Катковѣ" Рус. Обозр., 1895, окт., „Отвѣтъ К. Цвѣткова"; полемика Н. Павлова съ Цвѣтковымъ, Рус. Обозр. 1895. См. также №№ 118, 123 и 125 газеты „Русское Слово" 1895, см. также Истор. Вѣстн. 1883, № 12; №№ 143, 203, 212, 213, 232 газеты „Сѣверная Пчела" 1862 и №№ 196, 169, 184, 248 газеты „Наше Время" 1862 г. и № 11 — 1863 г. (статьи Павлова „Герценъ и Огаревъ").

„Неужели суждено,—писалъ Катковъ:—еще продлиться этому анархическому состоянію общественнаго мнѣнія, этому положенію вещей, въ которомъ раздраженныя и разлаженныя общественныя силы сталкиваются между собою, парализируя себя взаимно и предоставляя агитировать *кому вздумается,* какому-нибудь *свободному артисту,* который уже серьезно воображаетъ себя представителемъ русскаго народа, рѣшителемъ его судебъ, распорядителемъ его владѣній и дѣйствительно вербуетъ себѣ приверженцевъ во всѣхъ углахъ русскаго царства и самъ, сидя въ безопасности *за спиною лондонскаго полисмена,* для своего развлеченія высылаетъ ихъ на разные подвиги, которые кончаются казематами или Сибирью?.. Кто этому острослову, *„выболтавшемуся вонъ“* изъ всякаго смысла, кто даетъ ему силу и этотъ призракъ власти?“

Въ отвѣтъ на эти обвиненія Герценъ спрашивалъ издателей „Русскаго Вѣстника“:

„Мы обращаемся прямо къ совѣсти издателей „Современной Лѣтописи“ и спрашиваемъ ихъ: *Кого-же это, когда,* при какомъ случаѣ погубилъ нашъ совѣтъ, кого свелъ въ казематы и Сибирь?

„Вы толкуете, что мы сидимъ *безопасно въ Лондонѣ за спиною полисмена.* Почему-же полисмена? Почему-же не за спиной свободной англійской конституціи? Отчего это, когда вы писали вашу статью, васъ все безпокоили полицейскіе образы и тѣни?

„Вамъ не нравится то, что мы печатаемъ заграницей,—отчего же вы сами не печатаете? если мы ошибались,—отчего вы не возражали намъ? если мы сбивались съ пути,—отчего вы не указывали его?.. Намъ кажется, что свободная рѣчь, какъ свѣжій воздухъ чахоточному, слишкомъ рѣзка для васъ. То ли дѣло съ сурдинкой, съ *важнымъ* невысказываемымъ, съ намекомъ на какую-то глубь премудрости... „Отворите мнѣ темницу, отнимите мнѣ цензуру и посмотрите, что за гималайская манна словъ посыплется на васъ“... А ну, какъ вы въ самомъ дѣлѣ, господа, накличете свободу книгопечатанія... вѣдь вамъ грозитъ тогда бѣда!“ [1]).

Теперь, когда съ каждымъ днемъ опубликовываются но-

---

[1]) „Полемика Каткова съ Герценомъ“, „Р. Обоз.“, 1895, V.

вые и новые матеріалы для исторіи той эпохи, всякому изучающему ее становится яснымъ, насколько были неосновательны обвиненія Герцена Катковымъ „въ злостномъ подстрекательствѣ".

Недавно напечатано любопытное письмо Герцена [1]), относящееся къ 60-мъ годамъ и написанное одному молодому литератору. Редакторъ журнала, гдѣ это письмо напечатано, отмѣчаетъ его умѣренный тонъ и благоразуміе. Такъ, между прочимъ, Герценъ совѣтуетъ своему корреспонденту не рвать связей съ родиной.

„Если вы не прервали себѣ путь оффиціально,—то воздержитесь. Жизнь эмигранта и въ особенности русскаго—*ужасна*... Какъ можно теперь оставлять Россію, когда всѣ мы рвемся туда, когда тамъ всякая сила нужна"...

Не менѣе характерно свидѣтельство д-ра Бѣлоголоваго, которому Герценъ сказалъ:

„Эмиграція для русскаго человѣка—вещь ужасная; говорю по собственному опыту: это—не жизнь и не смерть, это нѣчто худшее, чѣмъ послѣдняя,—какое-то глупое, безпочвенное прозябаніе. Пусть лучше вашъ пріятель (хотѣвшій эмигрировать) осмотрится... Мнѣ не разъ приходилось раздумывать на эту тему, и вѣрьте, не вѣрьте, но если бы мнѣ теперь предложили на выборъ мою теперешнюю скитальческую жизнь или сибирскую каторгу, то, мнѣ кажется, я бы безъ колебаній выбралъ послѣднюю. Я не знаю на свѣтѣ положенія болѣе жалкаго, болѣе безцѣльнаго, какъ положеніе русскаго эмигранта" [2]).

Вышеприведенные отрывки хорошо показываютъ, какъ бережно относился Герценъ къ молодежи, и насколько неосновательны упреки его въ „подстрекательствѣ".

Борьба между Герценомъ и Катковымъ принимала все болѣе острый характеръ, причемъ Катковъ не стѣснялся въ выборѣ выраженій. Въ той-же „Современной Лѣтописи", говоря о лондонскихъ изгнанникахъ, онъ сказалъ между прочимъ: „*наши заграничные refugiés (мы хорошо знаемъ, что это за люди)*"...

Герценъ, задѣтый за живое этимъ способомъ полемики,

---

[1]) „Два письма Герцена", „Ежемѣс. Сочиненія", 1901, № 6.

[2]) Бѣлоголовый. „Воспоминанія", стр. 541.

этими неопредѣленными намеками, спрашивалъ Каткова и Леонтьева:

„Какіе-же мы люди, г. Катковъ?

„Какіе-же мы люди, г. Леонтьевъ?

„Вы, вѣдь, *хорошо* знаете, какіе мы люди?..

„Да, г.г. ученые редакторы, мы, поднявши голову, смотримъ въ ваши ученые глаза: кто кого пересмотритъ?

„Можетъ, вы слыхали, какъ въ 1849 г., въ народномъ собраніи въ Парижѣ Прудонъ, задѣтый такимъ же образомъ Тьеромъ, сказалъ ему спокойно, стоя на трибунѣ, превратившейся въ ту минуту въ страшный судъ: „говорите о финансахъ, но не говорите о нравственности,—я могу принять это за личность и тогда я не вызовъ на дуэль вамъ пошлю, а предложу вамъ другой бой; здѣсь, съ этой трибуны я разскажу всю мою жизнь, фактъ за фактомъ, каждый можетъ мнѣ напомнить, если я что-нибудь пропущу или забуду. *И потомъ пусть разскажетъ мнѣ противникъ свою жизнь* [1])“.

На эту статью Катковъ отвѣтилъ статьей: „Замѣтка для издателя „Колокола“. Эта статья положила начало извѣстности Каткова въ высшихъ сферахъ, гдѣ на него начали смотрѣть, какъ на журналиста, способнаго противустоять теченіямъ времени. Эта статья является поворотнымъ пунктомъ въ карьерѣ Каткова: отъ умѣреннаго либерализма, отъ защиты англійскихъ порядковъ, онъ переходитъ въ реакціонный лагерь. О характерѣ статьи можно судить по ея заключенію, въ которомъ Катковъ даетъ отвѣтъ на вопросъ, поставленный ему Герценомъ: „Какіе-же мы люди?“

„Честными ихъ,—говоритъ Катковъ:—назвать ни въ какомъ случаѣ нельзя; а отъ безчестья имъ одна отговорка: помѣшательство“.

Въ такомъ-же безцеремонномъ тонѣ написана и вся статья. Статья эта вызвала горячее негодованіе, между прочимъ, среди славянофиловъ, и И. С. Аксаковъ сказалъ о ней:

„Это непростительная статья! Самъ-же Катковъ сознается, что сила Герцена, главнымъ образомъ, въ безсиліи и мертвенности всей нашей общественной среды. Этимъ все сказано. Сказавъ это, нечего было и останавливаться на рево-

[1]) „Полемика Каткова съ Герценомъ“, „Русское Обозрѣніе“, 1895, № 5.

люціонныхъ подвигахъ, распространяться о вожделѣніяхъ „сдѣлаться генераломъ отъ революція“ и проч. Но слѣдовало и даже было обязательно остановиться на нашихъ всероссійскихъ безобразіяхъ, безъ которыхъ и тѣ революціонные замыслы, по его-же словамъ, не значили бы ничего ровно. А у него о первомъ цѣлые потоки словъ, а о второмъ—ни полслова. На описаніе революціонныхъ подвиговъ истратилъ много благороднаго негодованія авторъ „замѣтки“; а о томъ, что они возможны, благодаря лишь безсилію и мертвенности нашего общества,—онъ упомянулъ лишь слегка. А о самомъ главномъ: откуда-жъ эта мертвенность и почему у насъ маразмъ,—даже и не пикнулъ. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Если бы у насъ вправду была дана возможность говорить о Герценѣ, я бы первый не пощадилъ его. Но я, въ одной и той-же статьѣ, гдѣ одними строками бранилъ бы Герцена, рядомъ-же другими строками осуждалъ бы еще и весь невозможный порядокъ, который произвелъ у насъ *герценизмъ*: я громилъ бы и весь нашъ status quo. Ведя борьбу съ Герценомъ, честный русскій писатель долженъ одной и той-же рукой наносить ударъ за ударомъ: одинъ Герцену, а другой этому нестерпимому status quo. Если-же объ одномъ можно у насъ говорить, а о другомъ—нельзя, благороднѣе молчать“ [1]).

Положеніе Тургенева, продолжавшаго и послѣ этой полемики помѣщать свои беллетристическія произведенія въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, было очень неловкимъ, и мы встрѣтимъ въ его дальнѣйшихъ письмахъ къ Герцену неоднократныя оправданія въ этомъ.

Въ маѣ 1861 г. Тургеневъ побывалъ въ Лондонѣ и повидался съ Герценомъ, Огаревымъ и тѣмъ кружкомъ, который группировался вокругъ нихъ, и во главѣ котораго стоялъ М. А. Бакунинъ. Рѣзкость и нетерпимость Бакунина, а отчасти и Н. П. Огарева, находившагося всецѣло подъ его вліяніемъ, вызвали очень непріятное чувство въ Тургеневѣ, о чемъ можно судить изъ письма его къ Анненкову [2]).

„Хотѣлъ бы я вамъ разсказать, — писалъ Тургеневъ:— кое-что о моей лондонской поѣздкѣ, но лучше отложить все это до близкаго свиданія. Одно скажу, что—охъ, какая без-

[1]) Ibidem, стр. 309—310.

[2]) См. „Вѣстникъ Европы“, 1887, январь.

жалостная мельница-жизнь!—Такъ людей и превращаетъ въ муку?—спросите вы?—Нѣтъ, просто—въ соръ“...

Слова эти, какъ видно изъ дальнѣйшей переписки Тургенева съ Герценомъ, могутъ относиться лишь къ Огареву и Бакунину, ибо, несмотря на крупныя теоретическія разногласія съ Герценомъ, Тургеневъ продолжалъ относиться къ нему съ большой любовью и уваженіемъ.

Сущности этихъ разногласій Герценъ уже касался въ своей статьѣ „Еще варіація на старую тему“, написанной въ 1857 г. Теперь, послѣ продолжительныхъ споровъ съ Тургеневымъ во время его пребыванія въ Лондонѣ, Герценъ рѣшился еще разъ коснуться этой „старой темы“ въ рядѣ статей, озаглавленныхъ „Концы и Начала“, трактовавшихъ о разложеніи Запада и обновленіи стараго міра новыми началами, которыя долженствовала внести народная Россія. Тургеневъ сначала намѣревался отвѣчать Герцену на страницахъ его изданія, но потомъ почему-то отказался отъ этого плана и ограничился возраженіями въ письмахъ [1]).

„Милый Александръ Ивановичъ,—писалъ Тургеневъ.

„Во-первыхъ, спасибо за скорый отвѣтъ, а во-вторыхъ,—говоря поэтическимъ языкомъ,—легкія пени на тебя за то, что ты могъ подумать, что твои двѣ статьи („Концы и Начала“) могли меня разсердить. Я ихъ только теперь прочелъ (и, принимаясь за чтеніе, даже не подозрѣвалъ, что онѣ ко мнѣ обращены,—потомъ скоро догадался) и нашелъ въ нихъ всего тебя, съ твоимъ поэтическимъ умомъ, особеннымъ умѣньемъ глядѣть быстро и глубоко затаенной усталостью благородной души и т. д.,—но это еще не значитъ, что я съ тобой вполнѣ согласенъ; ты, мнѣ кажется, вопросъ не такъ поставилъ. Я рѣшился тебѣ отвѣчать въ вашемъ же журналѣ, хотя это не совсѣмъ легко — во всяческомъ смыслѣ этого слова, а ты, пожалуйста, сохрани мое имя въ тайнѣ и даже, если можно, отведи другимъ глаза. Я надѣюсь черезъ недѣлю послать тебѣ отвѣтъ, — онъ уже начатъ.

„Объ остальномъ пока говорить я не буду:—некогда. Я только что переѣхалъ на квартиру и не усѣлся, какъ слѣ-

---

[1]) Подробнѣе о «Концахъ и Началахъ“ см. выше „Воспоминанія А. И. Герцена объ А. А. Ивановѣ и М. С. Щепкинѣ“.

дуетъ. Спасибо за „Колоколъ“ и за обѣщаніе впредь. Второе твое письмо къ „Молодой Россіи“ — лучше перваго: тебѣ болѣе, чѣмъ кому-нибудь, слѣдуетъ вразумить ихъ.

„Но какъ это вы напечатали предложеніе издателямъ „Современника“, „Русскаго Слова“ и „Дня“ издаваться на вашъ счетъ въ Лондонѣ?! Вѣдь это все равно, что кирпичемъ ихъ по головѣ, да и вѣроятно-ли, что *Некрасовъ,* гр. Кушелевъ или даже Аксаковъ (или его продолжатель Елагинъ) захотятъ сжечь свои корабли? Это было очень необдуманно съ вашей стороны: Некрасовъ, пожалуй, увидитъ въ этомъ желаніе отомстить ему.

„А каковъ Гарибальди? Съ невольнымъ трепетомъ слѣдишь за каждымъ движеніемъ этого *послѣдняго* изъ героевъ. Неужели Брутъ, который не только въ исторіи, но даже и у Шекспира гибнетъ,—восторжествуетъ? Не вѣрится,—а душа замираетъ.

„Но ты мнѣ ничего не пишешь о Бакунинѣ? До слѣдующаго письма.

„Жму тебѣ руку и остаюсь преданный тебѣ

И. Тургеневъ“.

XV.

Начало 60-хъ годовъ чревато было всякими начинаніями. Однимъ изъ проявленій этихъ начинаній были многочисленные „адресы“. Нѣкоторые изъ этихъ адресовъ были поданы, нѣкоторые такъ и остались въ проектѣ. Герценъ и Огаревъ также принимали участіе въ этой адресной агитаціи и думали привлечь къ участію въ адресѣ и И. С. Тургенева. Сохранился какъ проектъ самаго адреса, такъ равно и письмо Тургенева къ неизвѣстному лицу, въ которомъ Тургеневъ подвергаетъ безпощадной критикѣ сообщенный ему проектъ [1]).

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ проектировавшемуся Гер-

---

[1]) О тогдашней адресной агитаціи см. „Современникъ“ 1862, № 2; книгу А. Я... „Московскія письма“, 1863 г.; статью графа Д. Н. Толстого въ „Рус. Архивѣ“ 1885, т. 2; „Сочиненія И. С. Аксакова“, т. 3; статью Оболенскаго въ „Истор. Вѣстн.“ 1893, №№ 11—12; „Times“ отъ 27 февраля 1862; Любавскій „Русскіе уголов. процессы“ СПБ. 1866—67 (дѣло подольскихъ дворянъ).

ценомъ и Огаревымъ адресу, необходимо сказать нѣсколько пояснительныхъ словъ, безъ которыхъ будетъ непонятно, какимъ образомъ Герценъ могъ принять участіе въ такомъ предпріятіи. Какъ читатель увидитъ дальше изъ приводимыхъ нами отрывковъ адреса, Герценъ и Огаревъ разсчитывали, главнымъ образомъ, на *дворянскую* среду, среди которой было много недовольныхъ освобожденіемъ крестьянъ. Недовольные эти требовали „компенсаціи" въ формѣ „увѣнчанія зданія". Этимъ объясняется и чрезвычайно фальшивый тонъ всего адреса. Конечно, тогдашніе олигархи не успѣли еще вполнѣ обнаружиться, хотя ими была уже основана знаменитая „Вѣсть" [1]), въ которой позже открыто были высказаны ихъ стремленія. Очевидно, въ данномъ случаѣ Герценъ и Огаревъ руководились принципомъ „цѣль оправдываетъ средства" и соединялись съ людьми, съ которыми въ сущности у нихъ не было ничего общаго.

Необходимость „компенсаціи", мотивировалась въ проектѣ адреса слѣдующимъ образомъ:

„Вслѣдствіе запутанности „Положенія" о крестьянахъ, дворянство остается безъ вознагражденія за утраченное, безъ пособій для работы и, смѣло скажемъ, безъ пособій для пропитанія, исключая дворянъ-чиновниковъ, получающихъ казенное жалованье и награды, которые падаютъ на народъ тяжелымъ налогомъ. Правительство, вмѣсто пособія дворянству, поспѣшило отнять у него помощь обычнаго казеннаго кредита и черезъ это лишило дворянство послѣдняго довѣрія со стороны народа, потому что никто не идетъ работать по найму къ помѣщикамъ, которые не въ состояніи заплатить за работу. Барщина стала невозможною. Помѣщичьи земли остаются необработанными.

„Между тѣмъ, „Положеніе" дало возможность урѣзать крестьянскую землю. Крестьянинъ не увѣренъ, что онъ завтра сохранитъ землю, которую обрабатываетъ сегодня. Толки объ уставныхъ грамотахъ, въ которыхъ онъ—не безъ основанія—боится быть обманутымъ и своею подписью отказаться отъ собственныхъ выгодъ и лучшей будущности,—

---

[1]) „Вѣсть" издавалась съ 1862 по 1869 г. Въ ней принимали участіе, главнымъ образомъ, представители крупнаго поземельнаго дворянства: Вл. Д. Скарятинъ, Н. Безобразовъ, гр. Орловъ-Давыдовъ, Ал. Пл. Платоновъ и др.

отнимаютъ у него время и охоту для обработки собственныхъ полей. Выкупъ, обременительный и невозможный по способу, принятому „Положеніемъ", подвигается относительно цѣлаго населенія въ размѣрахъ булавочныхъ головокъ и не успокаиваетъ народа. Его положеніе становится невыносимо; онъ видитъ по-прежнему и даже больше, чѣмъ прежде, въ каждомъ помѣщикѣ своего врага и въ распоряженіяхъ правительства—хитрыя козни чиновниковъ. Мировые посредники не въ состояніи помочь дѣлу подъ вліяніемъ сбивчивыхъ предписаній министерства, они бѣгутъ отъ должностей, оставляютъ мѣста, на которыхъ не могутъ принести пользы, и народъ, и безъ того взволнованный, попадаетъ подъ власть посредниковъ недобросовѣстныхъ и окончательно озлобляется противу всего, что не принадлежитъ къ народу по платью, по обычаю, по сословнымъ преимуществамъ.

„Такимъ образомъ, земля русская остается невоздѣланной (!!). Покупатели безъ денегъ; купцы не могутъ сбывать своихъ товаровъ и, слѣдовательно, неохотно покупаютъ ихъ у производителей. Фабрики останавливаются, города разоряются (sic!). Все дорого, денегъ нѣтъ, и, между тѣмъ, кредитные билеты постоянно падаютъ въ цѣнѣ. Довѣріе къ государственной состоятельности колеблется, частнаго кредита не существуетъ. Государственные займы лягутъ новыми налогами на страну, которая перестаетъ производить, и нисколько не помогутъ возстановленію денежнаго курса, потому что звонкой монеты въ непроизводящей странѣ держать нельзя.

„Государственные крестьяне безмолвно ждутъ себѣ новой участи, съ увѣренностью, что правительство, состоящее изъ чиновниковъ, исказитъ благія намѣренія царя; общее экономическое разстройство не только не позволитъ имъ приступить къ выкупу своихъ даровыхъ земель, какъ предполагало министерство,—къ выкупу, равно обременительному и несправедливому,—но окончательно вызоветъ ихъ ненависть къ управляющему ими чиновничеству. Всеобщее разореніе подвигается быстрыми шагами. Всеобщая нужда подвергаетъ опасности самый престолъ".

Тургеневъ, которому былъ доставленъ для разсмотрѣнія и подписанія этотъ адресъ, находился въ это время въ Баденъ-Баденѣ. Сохранилось, какъ я уже сказалъ, его письмо

къ неизвѣстному лицу, въ которомъ онъ подвергаетъ проектъ адреса суровой критикѣ.

„Посылаю вамъ, по обѣщанію,—писалъ Тургеневъ:—переданный мнѣ адресъ. Вы увидите, что я не сдѣлалъ никакихъ измѣненій: по зрѣлому соображенію я нашелъ, что мнѣ предстояло почти весь адресъ передѣлать, на что я, разумѣется, не имѣлъ никакого права. Я уже излагалъ вамъ, въ чемъ я не схожусь съ Н(иколаемъ) П(латоновичемъ) [1],—считаю нужнымъ повторить вамъ мои слова и прошу васъ доставить это письмо въ Лондонъ.

„a) Адресъ, по-моему, наполненъ фактическими невѣрностями во всемъ, что касается введенія уставныхъ грамотъ (см., между прочимъ, нынѣшнюю „Сѣверную Почту"), выкупа, состоянія крестьянъ и помѣщиковъ. Это—родъ обвинительнаго акта противъ Положенія,—*а съ Положенія* начинается новая эра Россіи. Правительство это *знаетъ*, а потому вся первая половина адреса покажется ему—и по справедливости—*неосновательною*.

„b) Редакція адреса составлена явно съ цѣлью пріобрѣсти нѣсколько сотенъ или тысячъ подписей отъ *крѣпостниковъ*, которые, обрадовавшись случаю высказать свою вражду къ эмансипаціи и Положенію,—зажмурятъ глаза на послѣдствія Земскаго Собора. Но, во-первыхъ, это недобросовѣстно,—и не нашей партіи заключать какія бы то ни было коалиціи. Мы держимся только принципами и яснымъ и честнымъ высказываніемъ ихъ. Такая дипломатія никуда не годится.

„c) Если этотъ адресъ дойдетъ до крестьянъ,—а это несомнѣнно,—то они по справедливости увидятъ въ немъ новое нападеніе дворянства на освобожденіе. Въ одной фразѣ даже выражается какъ бы сожалѣніе о *невозможности барщины*! Другія фразы, вродѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: „Русская земля остается невоздѣланной,—крестьянинъ не имѣетъ ни времени, ни охоты обрабатывать собственныя поля",—поразятъ крестьянина своей явной неправдой,—а мысль о Земскомъ Соборѣ не утѣшитъ его ни на волосъ, если даже не испугаетъ его.

„Вообще, весь адресъ какъ бы написанъ заднимъ числомъ: онъ отсталъ на цѣлый годъ и едва ли найдетъ гдѣ-нибудь

---

[1]) Огаревымъ.

дѣйствительный отголосокъ, кромѣ партіи крѣпостниковъ: а этимъ, я полагаю, сами составители адреса не останутся довольными.

„Я долженъ вамъ признаться, что я самъ ношусь съ мыслью адреса и полагаю составить его въ Парижѣ. Нечего и говорить, что я сообщу мой проектъ въ Лондонъ. . . . .

„Оканчивая это письмо, повторяю одно: не должно забывать, что какія бы ни были послѣдствія отъ „Положенія“ для *дворянъ, крестьянинъ* разбогатѣлъ и, какъ они выражаются, *раздобрѣлъ* отъ него, и знаетъ, что онъ этимъ царю обязанъ... Безумно было бы не принимать этихъ фактовъ въ соображеніе и вслѣдъ за М. Безобразовымъ [1]) и другими лепетать обвиненія, которыя показываютъ или недобросовѣстность, или незнаніе.

„Надѣюсь увидѣть васъ на-дняхъ въ Гейдельбергѣ. Откровенно вамъ скажу, что былъ очень радъ нашему знакомству, и надѣюсь, что оно продолжится.

„Дружески жму вамъ руку.

Ив. Тургеневъ“.

Вопроса объ этомъ неудавшемся адресѣ Тургеневъ касается также въ нѣсколькихъ приводимыхъ ниже письмахъ его къ Герцену, который сильно осерчалъ на Тургенева и даже упрекалъ его въ „гражданской трусости“.

Въ письмѣ изъ Баденъ-Бадена [2]) Тургеневъ писалъ Герцену, извиняясь за промедленіе отвѣтомъ на предложеніе Герцена принять дѣятельное участіе въ проектировавшемся „адресѣ“:

„Милый Александръ Ивановичъ!

„Я оттого долго не отвѣчалъ, что все собирался *большое* письмо написать, но пріѣздъ N [3]) далъ мнѣ толчекъ,—и я пишу тебѣ,—не зная, какъ выйдетъ: коротко или длинно.

„Прежде всего скажу тебѣ, что самъ N мнѣ понравился такъ, какъ давно молодой человѣкъ мнѣ не нравился: это благородное и дѣльное существо. Насчетъ адреса я уже подробно отвѣчалъ ему, и ты, вѣроятно, получилъ мой

---

[1]) М. Безобразовъ—ярый противникъ освобожденія крестьянъ. Его записку „О желаніяхъ русскаго дворянства“ съ личными отмѣтками императора Александра II см. въ „Рус. Арх.“ 1888, т. IV.

[2]) Отъ 8 октября 1862 г. (Amalienstrasse, 337).

[3]) Лицо, которому было адресовано предыдущее письмо Тургенева.

отвѣтъ. Я просилъ его переслать его тебѣ немедля. Что-же касается до моего отвѣта на письма, помѣщенныя въ „Колоколѣ“ [1]), то уже нѣсколько страницъ было набросано—я тебѣ покажу ихъ,—но такъ какъ всѣмъ извѣстно, что ты пишешь мнѣ,—я пріостановлюсь, тѣмъ болѣе что подъ рукою получилъ *оффиціозное* предостереженіе не печататься въ „Колоколѣ“. Потеря въ сущности небольшая для публики, хотя для меня оно было бы важно. Главное мое возраженіе состояло въ томъ, что ты въ отношеніи собственно ко мнѣ не такъ поставилъ вопросъ: не изъ эпикуреизма, не отъ усталости и лѣни я удалился, какъ говоритъ Гоголь, „подъ сѣнь струй“ европейскихъ принциповъ и учрежденій. Мнѣ было бы 25 лѣтъ, я бы не поступилъ иначе, не столько для собственной пользы, сколько для пользы народа. Роль *образованнаго* класса въ Россіи быть передавателемъ цивилизаціи народу съ тѣмъ, чтобы онъ самъ уже рѣшилъ, что ему отвергать или принимать. Это въ сущности скромная роль, хотя въ ней подвизались Петръ Великій и Ломоносовъ. Эта роль, по-моему, еще не кончена. Вы-же господа, напротивъ, нѣмецкимъ процессомъ мышленія (какъ славянофилы), абстрагируя изъ едва понятной и понятой субстанціи народа тѣ принципы, на которыхъ вы предполагаете, что онъ построитъ свою жизнь, кружитесь въ туманѣ и, что всего важнѣе, въ сущности, отрекаетесь отъ революціи, потому что народъ, предъ которымъ вы преклоняетесь, консерваторъ par excellence и даже носитъ въ себѣ зародыши такой буржуазіи въ дубленомъ тулупѣ, теплой и грязной избѣ, съ вѣчно набитымъ до изжоги брюхомъ и отвращеніе ко всякой гражданской отвѣтственности и самодѣятельности, что далеко оставитъ за собою всѣ мѣтко-вѣрныя черты, которыми ты изобразилъ западную буржуазію въ своихъ письмахъ. Далеко нечего ходить, — посмотри на нашихъ купцовъ. Я недаромъ употребилъ слово „абстрагировать“. *Земство*, о которомъ вы мнѣ въ Лондонѣ протрубили уши, это пресловутое *земство* оказалось на дѣлѣ такой-же кабинетной, высиженной штучкой, какъ „родовой бытъ“ Кавелина и т. д. Въ теченіе лѣта я потрудился надъ Щаповымъ (истинно потрудился!), и ничто не измѣнитъ теперь моего убѣжденія. *Земство*—либо зна-

[1]) „Концы и Начала“ Герцена.

читъ то-же самое, что значитъ любое односильное западное слово,—либо ничего не значитъ и въ Щаповскомъ смыслѣ непонятно ровно ста мужикамъ изо ста [1].

„Приходится вамъ пріискивать другую троицу, чѣмъ найденная вами: „земство, артель и община“, или сознаться, что тотъ особый строй, который придается государственнымъ и общественнымъ формамъ усиліями русскаго народа, еще не настолько выяснился, чтобы мы, люди рефлексіи, подвели его подъ категоріи. А не то предстоитъ опасность то низвергаться передъ народомъ, то коверкать его, то называть его убѣжденія святыми и высокими, то клеймить ихъ несчастными и безумными, какъ это сдѣлалъ, чуть не на одной страницѣ, Бакунинъ въ своей послѣдней брошюрѣ.

„ Кстати о немъ: на стр. 21 онъ говоритъ: „Въ 1863 г. быть въ Россіи страшной бѣдѣ, если не рѣшатъ созвать всенародную земскую думу“. Если онъ хочетъ, я ему предлагаю какое угодно пари: я утверждаю, что ничего не созовутъ, и 1863 годъ пройдетъ *преувеличенно тихо*. Es geht? Я увѣренъ, что и тутъ мое предсказаніе сбудется, какъ и сдѣланное мною, помнишь, весною въ Лондонѣ на счетъ уставныхъ грамотъ. Я ошибся только въ томъ, что думалъ, что къ концу года половина ихъ будетъ представлена, а онѣ теперь уже почтѣ всѣ представлены. Эхъ, старый другъ, повѣрь: единственная точка опоры для живой пропаганды—то меньшинство образованнаго класса въ Россіи, которое Бакунинъ называетъ и гнилыми, и оторванными отъ почвы, и измѣнниками. Во всякомъ случаѣ, у *тебя* другой публики нѣтъ. Ну, а теперь довольно. Dixi et animam meam levavi. А я все-таки люблю тебя отъ души и крѣпко жму тебѣ руку.

Твой Ив. Тургеневъ.

„P. S. На счетъ адреса скажу одно: мнѣ достаточно того факта, что къ нему могутъ приложить руки М. Безобразовъ и Паскевичъ, чтобы не прикладывать моей“ [2]).

Къ тому-же эпизоду съ адресомъ относится и нижеслѣдующее письмо Тургенева изъ Гейдельберга [3]):

---

[1]) Объ увлеченіи Огарева и Герцена теоріями Щапова см. гл. XIV. наст. статьи.

[2]) Кн. Паскевичъ (сынъ фельдмаршала)—противникъ надѣленія крестьянъ землей.

[3]) Отъ 16 октября 1862 г.

„Любезный другъ Александръ Ивановичъ!

„Такъ какъ N сообщилъ тебѣ подробный перечень всего того, что происходило между нами по поводу извѣстнаго тебѣ адреса, то я не считаю нужнымъ повторять то, что ты уже знаешь. Ограничусь нѣсколькими словами для объясненія или, лучше сказать, для точнѣйшаго опредѣленія причинъ, лежащихъ въ основаніи моего воззрѣнія.

„Во-первыхъ, я полагаю, что взять „Положеніе" исходной точкой отрицательнаго или революціоннаго противодѣйствія— и непрактично, и несвоевременно, и несправедливо. Такъ ли, сякъ ли, вслѣдствіе ли усталости, отсутствія ли строгой логики, свойственной всякому народу, желанія ли примириться на маломъ — если это малое все-таки до нѣкоторой степени выгодно,—но *„Земля приняла Положеніе"*; скажу болѣе: она въ весьма скоромъ времени сольетъ свое понятіе о свободѣ съ понятіемъ о „Положеніи" и будетъ видѣть въ его врагахъ своихъ враговъ, чему между прочимъ, служитъ доказательствомъ новое явленіе перехода крестьянъ *вмѣсто оброка* на выкупъ. Нападать при *такихъ* обстоятельствахъ на „Положеніе", какъ на источникъ всей совершающейся неурядицы, и изъ этого выводить необходимость Земскаго Собора, это значитъ... окончательно разорвать связь съ народомъ.

„2) Тебѣ извѣстно новое рѣшеніе правительства на счетъ губернскихъ сеймовъ. Не знаю, какой тутъ проектъ восторжествуетъ: Милютинскій, отличающійся относительной широтой и свободой своихъ началъ, или изуродованный и іезуитскій Валуева[1]). Если, какъ слѣдуетъ предполагать, будетъ принятъ второй,—то вотъ тутъ дѣятельная и живая и практическая исходная точка для протестующаго адреса, такого адреса, который предназначенъ поднять и расшевелить общественное мнѣніе. Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, теперь необходимо обождать: a) *какъ* именно разрѣшится вопросъ о „Положеніи", — это же должно разрѣшиться очень скоро, и b) какое значеніе будутъ имѣть постановленія правительства о децентрализаціи и усиленіи провинціальной самостоятельности. Такой адресъ, представленный именно теперь, кромѣ вреда, принести ничего не можетъ, особенно адресъ въ родѣ вашего; сверхъ того, я увѣренъ, что и под-

[1]) Принятъ былъ, какъ извѣстно, Валуевскій проектъ.

писей именно теперь вы наберете очень немного, — а произведете выстрѣлъ хуже, чѣмъ на воздухъ, — себѣ въ лобъ.

„Вотъ, милый Александръ Ивановичъ, мое откровенное— unumvunden — мнѣніе. Ты, я надѣюсь, настолько меня знаешь, что не припишешь этого мнѣнія ничему другому, кромѣ самаго искренняго убѣжденія. Я не трусъ, я не люблю, вилять ни передъ собой, ни передъ другими, а тебя я слишкомъ уважаю и люблю, чтобы не сказать тебѣ всей истины. Согласишься ли ты со мной, или нѣтъ,—я не знаю; но я увѣренъ, что это нисколько не измѣнитъ нашихъ отношеній.

„Дружески жму тебѣ руку и остаюсь

Преданный тебѣ

Иванъ Тургеневъ“.

XVI.

Въ поясненіе предъидущаго письма Тургенева, мы должны коснуться тѣхъ мѣстъ „Концовъ и Началъ“, которыя непосредственно имѣютъ въ виду Тургенева и какъ личность, и какъ типичнаго представителя русскихъ „западниковъ“. Герценъ, вполнѣ разочаровавшись въ Западѣ, отъ Россіи, — „народной, земской Россіи“, ждалъ обновляющей *весенней* бури, Тургенева же онъ сравниваетъ съ усталымъ путникомъ, который хочетъ отдохнуть среди „остановившейся“ европейской цивилизаціи.

„Итакъ, любезный другъ — писалъ Герценъ: — ты рѣшительно дальше не ѣдешь, тебѣ хочется отдохнуть въ тучной осенней жатвѣ, въ тѣнистыхъ паркахъ, лѣниво колеблющихъ свои листья, послѣ долгаго знойнаго лѣта. Тебя не страшитъ, что дни уменьшаются, вершины горъ бѣлѣютъ и дуетъ иногда струя воздуха, зловѣщая и холодная; ты больше боишься нашей *весенней* распутицы, грязи по колѣно, дикаго разлива рѣкъ, голой земли, выступающей изъ-подъ снѣга, да и вообще, нашего упованья на будущій урожай, отъ котораго мы отдѣлены бурями и градомъ, ливнями, засухами и всѣмъ тяжелымъ трудомъ, котораго мы еще не сдѣлали. Что же, съ Богомъ, разстанемся, какъ добрые попутчики, въ любви и совѣтѣ.

„...Тебѣ остается небольшая упряжка, ты пріѣхалъ:— вотъ свѣтлый домъ, свѣтлая рѣка и садъ, и досугъ, и книги въ руки. А я—какъ старая почтовая кляча, затянувшаяся въ гоньбѣ, изъ хомута въ хомутъ, пока грохнусь гдѣ-нибудь между двумя станціями.

„Будь увѣренъ, что я вполнѣ понимаю и твой страхъ, смѣшанный съ отвращеніемъ передъ неустройствомъ ненаѣзженной жизни, и твою привязанность къ выработавшимся формамъ гражданственности и притомъ къ такимъ, которыя *могутъ быть* лучше, но которыхъ *нѣтъ лучше.*

„...У насъ, при непочатой природѣ, люди и учрежденія, образованіе и варварство, прошедшее, умершее вѣка тому назадъ, и будущее, которое черезъ вѣка народится,—все въ броженіи и разложеніи, валится и строится, вездѣ пыль столбомъ, стропила и вѣхи. Дѣйствительно, если къ нашимъ дѣвственнымъ путямъ сообщенія прибавить мужественные пути наживы чиновниковъ, къ нашей глинистой грязи грязь помѣщичьей жизни и „жандармскій авангардъ цивилизаціи“ изъ нѣмцевъ, съ стихійной мощью и стихійной неразвитостью,—то, сказать откровенно, надо имѣть *зазнобу* или *сильное помѣшательство,* чтобы по доброй волѣ ринуться въ этотъ водоворотъ, искупающій все неустройство свое *пророчествующими радугами и великими образами,* постоянно вырѣзывающимися изъ-за тумана.

„...Вопросъ между нами даже не о томъ, имѣетъ ли право человѣкъ удалиться въ спокойную среду, отойти въ сторону, какъ древній философъ передъ безуміемъ назарейскимъ, передъ наплывомъ варваровъ. Объ этомъ не можетъ быть спору. Мнѣ хочется только уяснить себѣ, въ самомъ ли дѣлѣ вѣковыя обители, упроченныя и обросшія западнымъ мохомъ, такъ покойны и удобны, а главное, такъ *прочны,* какъ были, и, съ другой стороны, нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ какихъ-нибудь чаръ въ нашихъ сновидѣніяхъ подъ снѣжную вьюгу, подъ троечные бубенчики, и нѣтъ ли основанія этимъ чарамъ?

„Было время, когда ты защищалъ *идеи* западнаго міра, и дѣлалъ хорошо; жаль только, что это было совершенно не нужно. Идеи Запада, т. е. наука, составляли давнымъ-давно всѣми признанный маіоратъ человѣчества. Наука совершенно свободна отъ меридіана, отъ экватора.

„Теперь ты хочешь права маіората перенести и на самыя

А. И. ГЕРЦЕНЪ.

(Съ фотографіи Левицкаго).

формы западной жизни и находишь, что исторически выработанный быть европейскихъ бель-этажей одинъ соотвѣтствуетъ эстетическимъ потребностямъ развитія человѣка, что *онъ только* и даетъ необходимыя условія умственной и художественной жизни, что искусство на Западѣ родилось, выросло, ему принадлежитъ, и что, наконецъ, другого искусства нѣтъ совсѣмъ“.

Далѣе Герценъ указываетъ на отсутствіе въ современномъ европейскомъ искусствѣ *новыхъ началъ* и объясняетъ это вліяніемъ буржуазіи [1]).

Это разочарованіе въ будущности Запада было результатомъ непосредственнаго наблюденія Герценомъ явленій европейской жизни. Раньше своей поѣздки въ Европу Герценъ далеко не раздѣлялъ всѣхъ надеждъ славянофиловъ, какъ можно судить по слѣдующей выпискѣ изъ его дневника:

„Главная ошибка славянофиловъ состоитъ въ томъ, что вѣря (*и не безъ основанія*) въ огромное будущее славянъ, какъ того племени, которое имѣетъ призваніе своею непосредственностью соотвѣтствовать высшему логически историческому вопросу, выработанному Европой, они хотятъ и въ *самомъ младенчествѣ* его видѣть что-то высшее европейскаго развитія, какъ будто возможность будущаго значитъ превосходство и надъ дѣйствительностью, уже развитою и осуществившей свое призваніе“.

Очутившись въ 1848—1849 гг. наблюдателемъ, а отчасти и участникомъ европейскаго освободительнаго движенія, Герценъ горько разочаровался въ немъ. Вѣра въ то, что Европа дастъ новое рѣшеніе соціальнымъ вопросамъ, угасла въ немъ. Личная жизнь его сложилась очень несчастливо, и Герценъ, какъ натура, въ высшей степени дѣятельная, началъ лихорадочно искать выхода. Выходомъ послужили славянофильскія теоріи въ нѣсколько „дополненномъ и исправленномъ изданіи“. Вѣра въ Европу смѣнилась горячей вѣрой въ Россію, т. е. собственно въ то, что Россія явитъ міру новыя соціальныя формы. Но Герценъ, отметая „плевелы“ европейской цивилизаціи, тщательно собиралъ чистыя зерна европейской науки, стоялъ за свободу личности, остался горя-

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. выше, „Воспоминанія А. И. Герцена объ А. А. Ивановѣ и М. С. Щепкинѣ“.

чимъ противникомъ всякаго насилія и *этимъ* отличался отъ славянофиловъ, которые сражались съ европейской наукой и вскорѣ перешли ту черту, которая въ 40-хъ годахъ отдѣляла ихъ отъ реакціонеровъ.

Стараясь уяснить Тургеневу свою мысль, Герценъ (въ V письмѣ „Концовъ и Началъ") указываетъ ему на *нравственный самумъ*, дующій надъ Европой и изсушающій ее, и дѣлаетъ слѣдующую антитезу Россіи и Европы.

„Въ нашемъ отношеніи къ европейцамъ, при всемъ несходствѣ, которое я очень хорошо знаю, есть сходныя черты съ отношеніемъ германцевъ къ римлянамъ. Несмотря на нашу наружность, мы все-же *варвары*. Наша цивилизація—накожна, развратъ грубъ, изъ подъ пудры колетъ щетина, изъ-подъ бѣлилъ пробивается загаръ. У насъ бездна лукавства дикихъ и уклончивости рабовъ. Мы готовы дать плюху безъ разбора и повалиться въ ноги безъ вины, но — *но я упорно повторяю*—мы отстали въ разъѣдающей, наслѣдственно зараженной тонкости западнаго растлѣнія.

„У насъ умственное развитіе служитъ (по крайней мѣрѣ служило до сихъ поръ) чистилищемъ и порукой. Исключенія чрезвычайно рѣдки. Образованіе у насъ кладетъ предѣлъ, за который много гнуснаго не ходитъ. На этомъ основаніи во все время не могло составиться ни тайной полиціи, ни полицейской литературы, въ родѣ французскихъ.

„На Западѣ это не такъ. И вотъ почему русскіе мечтатели, вырвавшись на волю, отдаются въ руки всякому человѣку, касающемуся съ сочувствіемъ святынь ихъ, понимающему ихъ заповѣдныя мысли,—забывая, что для него эти святыни давно перешли въ обычную фразу, въ форму, что большей частью онъ ихъ повторяетъ, пожалуй, и добросовѣстно, но въ томъ родѣ, въ которомъ патеръ, думая вовсе о другомъ, благословляетъ встрѣчнаго. Мы забываемъ, сколько другихъ стихій напутано въ сложной, усталой, болѣзненно пробившейся душѣ западнаго человѣка; сколько онъ уже источенъ, изношенъ завистью, нуждой, тщеславіемъ, самолюбіемъ, и въ какой страшный эпикуреизмъ высшаго, болѣзненно-нервнаго порядка перегнулись перенесенныя имъ униженія, нищета и горячешный бой соревнованія.

„... Кабацкая оргія нашего разврата имѣетъ характеръ какого-то неустоявшагося, неуравновѣсившагося броженія и

бѣснованій. Это—горячка опьяненія, захватившая цѣлое сословіе, сорвавшееся съ пути, безъ серьезнаго плана и цѣли,—но она не имѣетъ еще той, въ глубь уходящей, той, изъ глуби подымающейся, тонкой, нервной, *умной*, роковой безнравственности, которыми разлагаются, страдаютъ, умираютъ образованные слои западной жизни".

Тургеневу, какъ читатели увидятъ изъ нижеприводимаго письма, антитеза эта показалась вовсе не убѣдительной. Онъ писалъ ему (отъ 4 ноября 1862 г. Rue de Rivoli, 246) слѣдующее:

„Милый Александръ Ивановичъ!

„Твое краткое письмецо меня пространно порадовало,—сказалъ бы авторъ „Мизераблей",—и я желаю тебѣ сообщить, что я прибылъ сюда на-дняхъ и поселился на своей старой квартирѣ. Я не думалъ, что ты сердишься на меня не за мое несогласіе на адресъ, но за то, что я, хотя на нѣкоторое время, помѣшалъ другимъ подписаться подъ нимъ. Не могу также согласиться съ тѣмъ, что ты говоришь о моихъ колебаніяхъ, смятеніяхъ и объясненіяхъ: мнѣ помнится, я весьма рѣшительно и безъ всякихъ „консидерановъ" изъявилъ мое неодобреніе сообщеннаго мнѣ продукта. Я могъ ошибиться, но я очень ясно зналъ, какого я былъ мнѣнія. Я вполнѣ согласенъ съ тобой, что я—не политическая натура; но, коли ужъ на то пошло, признаюсь лучше быть неполитикомъ въ моемъ родѣ, чѣмъ политикомъ въ родѣ Огарева или Бакунина.

„Что касается до твоего письма въ „Колоколѣ", оно, какъ всѣ прежнія, умно, тонко, красиво,—но безъ вывода и примѣненія. Мнѣ начинаетъ сдаваться, что въ столь часто повторяемой антитезѣ Запада, прекраснаго снаружи и безобразнаго внутри, и Востока, безобразнаго снаружи и прекраснаго внутри,—лежитъ фальшь, которая потому еще держится даже въ замѣчательныхъ умахъ, что она, во-первыхъ, несложна и удобопонятна, а во-вторыхъ, а l'aire d'être très ingenieuse et neuve. Но уже на ней мнѣ видѣлись бѣлыя нитки и истертые локти, и все твое краснорѣчіе не спасетъ ея отъ зіяющей могилы, гдѣ она будетъ лежать en très bonne compagnie вмѣстѣ съ философіей Гегеля и Шеллинга, французской республикой, родовымъ бытомъ славянъ и—дерзну

прибавить—статьями великаго соціалиста, Николая Платоновича [1]).

„Тотъ *Самумъ*, о которомъ ты говоришь, дуетъ не на одинъ Западъ; онъ разливается и у насъ, но ты, въ теченіе почти четверти столѣтія (16 лѣтъ) отсутствуя изъ Россіи, пересоздалъ ее въ своей головѣ. Горе, которое ты чувствуешь при мысли о ней, горько;—но, повѣрь, оно въ сущности еще горше, чѣмъ ты предполагаешь, и я на этотъ счетъ больше мизантропъ, чѣмъ ты. Шопенгауэра, братъ, надо читать поприлежнѣе, Шопенгауэра.

„Однако, довольно. Все-таки жду твоего будущаго письма съ нетерпѣніемъ и дружески жму тебѣ руку.

Твой Ив. Тургеневъ.

„P. S. Ханыкова [2]) еще нѣтъ въ Парижѣ,—я ему сообщу, что ты мнѣ написалъ. Боткинъ здѣсь и благоговѣйно служитъ слабому желудку, глазамъ, носу, ляшкамъ и т. д.“

Несмотря на имѣющійся въ вышеприведенномъ письмѣ рѣзкій отзывъ о политической дѣятельности Бакунина, Тургеневъ къ нему лично продолжалъ относиться съ большой добротой и всячески хлопоталъ объ устройствѣ его матеріальнаго положенія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующее письмо его къ Бакунину (изъ Паража, отъ 28 октября 1862 г. Rue de Rivoli, 210), случайно сохранившееся въ бумагахъ А. И. Герцена:

„Любезный другъ,

„Я вчера сюда пріѣхалъ, вчера получилъ твое письмо и сегодня пишу тебѣ два слова для того, чтобы увѣрить тебя, что я *немедленно приступлю* къ исполненію того, что ты желаешь на счетъ твоей жены и N., и, по мѣрѣ возможности, буду стараться тебя успокоить наконецъ. Въ этомъ, какъ и во всемъ другомъ, ты можешь твердо надѣяться на мою старинную пріязнь, не зависящую, слава Богу, ни отъ какихъ политическихъ воззрѣній.

„Скажи Герцену, что я жду отъ него отвѣта и присылки послѣдняго № „Колокола“. Если онъ сердится на меня за

---

[1]) Огарева.

[2]) Ханыковъ, другъ Тургенева, извѣстный ученый путешественникъ.

мои письма къ нему объ адресѣ, то все-же не до такой степени, чтобы не писать. Я вчера въ постели прочелъ его разсказъ въ „Полярной Звѣздѣ“ о процессѣ Бартелеми и Бернара [2]) и раза два такъ принимался хохотать, что разбудилъ дочь, спавшую въ сосѣдней комнатѣ. Это—прелесть и отличная вещь.

„Прощай, жму тебѣ руку. Можетъ быть, скоро увидимся.

Твой Ив. Тургеневъ“.

Тургеневъ, близко наблюдавшій русскую дѣйствительность, не могъ такъ идеализировать русскаго мужика, какъ Герценъ. Въ то время, какъ Герценъ виталъ въ области голыхъ логическихъ построеній, подкрѣпляемыхъ наблюденіями нѣмецкаго барона Гакстгаузена и англійскаго помѣщика Каррея, предъ глазами Тургенева носилась непригляднaя русская дѣйствительность. Контрастъ былъ черезчуръ великъ, и поэтому немудрено, что въ его отвѣтѣ Герцену слышится раздраженіе человѣка, видящаго, что его близкій другъ увлекается несбыточными фантазіями.

„Экая пошла у меня съ тобой корреспонденція, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ!“ писалъ—Тургеневъ Герцену [2]).

„Можетъ быть, она тебѣ не по вкусу, да такой на меня стихъ нашелъ. Нынѣшнее письмо вызвано твоимъ послѣднимъ письмомъ ко мнѣ въ „Колоколѣ“.—Оно замѣчательно, хотя написано нѣсколько не то что вычурно, а мудрено для многихъ читателей, которые не поймутъ ни зарожденія отъ „Пана“, ни „допуническое“,—но это мелочи.

„Ты съ необыкновенной тонкостью и чуткостью произносишь діагнозу современнаго человѣчества, но почему же это непремѣнно *западное* человѣчество, а не „bipedes“ вообще? Ты точно медикъ, который, разобравъ всѣ признаки хронической болѣзни, объявляетъ, что вся бѣда происходитъ отъ того, что паціентъ—французъ. Врагъ мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняешься передъ русскимъ тулупомъ и въ немъ ты видишь великую благодать и новизну, и ориги-

---

[1]) Процессѣ, возбужденномъ наполеоновскимъ правительствомъ въ Англіи противъ тогдашнихъ французскихъ эмигрантовъ.

[2]) Отъ 8 ноября 1862 (Rue de Rivoli, 210).

нальность будущихъ общественныхъ формъ,—das Absolute, однимъ словомъ, то самое Absolute, надъ которымъ ты такъ смѣешься въ философіи. Всѣ твои идолы разбиты, а безъ идола жить нельзя,—такъ давай воздвигать алтарь этому невѣдомому богу, благо о немъ почти ничего не извѣстно,—и опять можно молиться и вѣрить, и ждать.—Богъ этотъ дѣлаетъ совсѣмъ не то, что вы отъ него ждете, — это, по вашему, временно, случайно, насильно привито ему внѣшнею властью; богъ вашъ любитъ до обожанія то, что вы ненавидите, и ненавидитъ то, что вы любите,—богъ принимаетъ именно то, что вы за него отвергаете, вы отворачиваете глаза, затыкаете уши и съ экстазомъ, свойственнымъ всѣмъ скептикамъ, которымъ скептицизмъ надоѣлъ, съ этимъ специфическимъ, ультра-фанатическимъ экстазомъ твердите о „весенней свѣжести“, о „благодатныхъ буряхъ“ и т. д.—Исторія, филологія, статистика—вамъ все нипочемъ; нипочемъ вамъ факты, хотя бы, напримѣръ, тотъ несомнѣнный фактъ, что мы, русскіе, принадлежимъ и по языку, и по породѣ къ европейской семьѣ „genus Europaeum“ и, слѣдовательно, по самымъ неизмѣннымъ законамъ физіологіи должны идти по той-же дорогѣ. Я не слыхалъ еще объ *уткѣ*, которая, принадлежа къ породѣ *утокъ*, дышала бы жабрами, какъ рыба. А, между тѣмъ, въ силу вашей душевной боли, вашей усталости, вашей жажды положить свѣжую крупинку снѣга на изсохшій языкъ, вы бьете по всему, что каждому европейцу, а потому и намъ, должно быть дорого: и, наливъ молодыя головы вашей еще не перебродившей соціально-славянофильской брагой, пускаете ихъ хмѣльными и отуманенными въ міръ, гдѣ имъ предстоитъ споткнуться на первомъ шагу. Что вы все это дѣлаете добросовѣстно, честно, горестно, съ горячимъ искреннимъ самоотверженіемъ,—въ этомъ я не сомнѣваюсь,—и ты увѣренъ, что я не сомнѣваюсь... Но, отъ этого не легче. Одно изъ двухъ либо служи европейскимъ идеаламъ попрежнему, — либо если ужъ дошелъ до убѣжденія въ ихъ несостоятельности, имѣй духъ и смѣлость посмотрѣть чорту *въ оба* глаза, скажи: „guilty“ (виновенъ)—въ лицо *всему европейскому человѣчеству*,—и не дѣлай явныхъ или подразумѣваемыхъ исключеній въ пользу ново-долженствующаго придти Рассейскаго Мессіи, въ котораго, въ сущности ты лично такъ-же мало вѣ-

ришь, какъ и въ европейскаго. Ты скажешь: это страшно,— и популярность можно потерять, и возможность продолжать дѣйствовать, какъ ты теперь дѣйствуешь. Согласенъ, но, съ одной стороны, и такъ дѣйствовать, какъ ты теперь дѣйствуешь,—безплодно, а съ другой стороны, я въ тебѣ, на зло тебѣ, предполагаю достаточно силы духа, чтобы не убояться никакихъ послѣдствій отъ высказыванія того, что ты считаешь истиной. Мы еще подождемъ, а теперь довольно.

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ.

„P. S. А твой другъ и фаворитъ Панинъ? [1])
„Кто ада и небесъ (своимъ ростомъ) досягалъ,—упалъ!
„И Чевкинъ [2]) туда-же“.

XVII.

Личное раздраженіе Герцена на Тургенева, сквозящее въ „Концахъ и началахъ“, вылилось также въ цѣломъ рядѣ писемъ. Герценъ, между прочимъ, горячо защищалъ Огарева и проповѣдуемыя имъ соціальныя теоріи, причемъ находилъ, что ироническое отношеніе Тургенева къ этимъ теоріямъ ни на чемъ не основано и является чистымъ капризомъ, чѣмъ-то въ родѣ безотчетной антипатіи „брюхатой женщины“. Герценъ называлъ Тургенева истиннымъ нигилистомъ, такъ какъ у него якобы не было руководящей, центральной теоріи, дающей объясненіе историческимъ явленіямъ.

Тургеневъ отвѣтилъ на эти рекриминаціи своего раздраженнаго друга слѣдующимъ, довольно добродушнымъ письмомъ [2]):

„Любезный Александръ Ивановичъ!

„Мнѣ очень жаль, что ты перемѣнилъ свое намѣреніе и не послалъ мнѣ своего *злого* письма: злое письмо все-таки лучше раздраженнаго. Но я не могу вдаваться ни въ какія рекриминаціи и все-таки радъ, что ты хоть какъ-нибудь отвѣчалъ. Признаюсь, я ожидалъ возраженій на мои возраженія, но

---

[1]) Панинъ В. Н. (1801—1874)—предсѣдатель редакціонной коммиссіи, противникъ освобожденія крестьянъ.

[2]) Чевкинъ К. В. (1802—75)—министръ путей сообщенія.

[3]) Отъ 25 ноября 1862 г. (Парижъ, Rue de Rivoli 210).

я вижу, что ты огорчился и оскорбился моими, сколько я помню, далеко не рѣзкими и не непочтительными намеками на Огарева—или, лучше сказать, на его теорію.—Виноватъ, соглашаюсь, что лучше было не говорить объ этомъ, и обѣщаюсь не задѣвать тебя ни единымъ словомъ съ этой, для тебя столь чувствительной стороны. Только могу тебя увѣрить, что въ моемъ нерасположеніи къ вышеупомянутой теоріи существуетъ нѣчто не столь неразумное, какъ антипатія „брюхатой женщины". Я бы могъ изложить тебѣ подробно причины, почему я такъ думаю,—но убѣдить тебя не надѣюсь, а огорчить тебя опять—боюсь. Итакъ,—пусть весь этотъ вопросъ останется между нами въ родѣ истукана въ Саисѣ подъ непроницаемымъ покровомъ.

„Не могу также принять твое обвиненіе въ нигилизмѣ. (Кстати, вотъ судьба: я же швырнулъ этотъ камень,—и меня же онъ бьетъ въ голову).—Я не нигилистъ, потому только что я, насколько хватаетъ моего пониманія, вижу трагическую сторону въ судьбахъ всей европейской семьи (включая, разумѣется, и Россію). Я все-таки *европеусъ* и люблю знамя, вѣрую въ знамя, подъ которое я сталъ въ молодости. Ты одной рукой рубишь его древко, а другою ловишь какое-то для насъ еще невидимое древко; это твое дѣло и, можетъ быть, ты правъ. Но ты менѣе правъ, когда приписываешь мнѣ какія-то побочныя цѣли (въ родѣ удовольствія кормить паразитовъ!) или небывалыя чувства, въ родѣ раздраженія противъ молодого поколѣнія... Къ чему это? Не похоже ли это на упреки, которые дѣлаютъ тебѣ въ томъ, что ты, молъ, говоришь и пишешь не изъ убѣжденія, а изъ тщеславія и т. д. Этого рода догадки и сплетни—скажу прямо—недостойны насъ съ тобою.

„Засимъ жму крѣпко тебѣ руку и желаю тебѣ здоровья и бодрости. Я очень радъ, что ты меня любишь, и увѣренъ, что, поразмысливъ хорошенько, ты увидишь, что негодовать на меня не за что.

Преданный тебѣ

Ив. Тургеневъ".

Несмотря на все добродушіе вышеприведеннаго письма, Герценъ былъ, очевидно, настроенъ далеко не миро-

любиво, и слѣдующее письмо [1]) Тургенева опять посвящено выясненію недоразумѣній.

„Любезный другъ,—писалъ Тургеневъ Герцену:—не помню какой-то мудрецъ сказалъ, что нѣтъ такихъ людей, которые умѣли бы освободиться отъ самыхъ очевидныхъ недоразумѣній. Неужели это изрѣченіе должно оправдаться надъ нами? Посуди самъ: я, напримѣръ, пишу тебѣ, обвинять меня въ любви къ паразитамъ также *нелѣпо*, какъ искать въ тщеславіи причину твоей дѣятельности; а ты съ негодованіемъ доказываешь, что ты работаешь не изъ тщеславія; я *называю* Шопенгауэра,—ты упрекаешь меня въ поклоненіи авторитету, я прошу тебя не сердиться на меня за одно слово объ Огаревѣ и отвѣчать мнѣ на мои вопросы,—ты иронически подозрѣваешь меня въ сожалѣніи о томъ, что я опровергъ тебя „до безмолвія“ и т. д. Пожалуйста, бросимъ этотъ тонъ: будемъ лучше спорить горячо, но по пріятельски, безо всякихъ ricanements и недомолвокъ: если я этимъ былъ грѣшенъ (sens le savoir), то прошу у тебя извиненій и basta cosi.

„Ты требуешь, чтобъ я изложилъ причины моего нерасположенія къ Огареву, какъ писателю. Я готовъ тебѣ повиноваться, но не могу не замѣтить, что на письмѣ это непремѣнно выйдетъ голословно. Ты самъ хорошо поймешь, что приводить и пересчитывать въ письмѣ доказательства—невозможно; прошу только тебя вѣрить, что онѣ существуютъ для меня, и что я не подверженъ никакой беременности ни физіологической, ни психологической. Итакъ, Огареву я не сочувствую, во 1-хъ, потому, что въ своихъ статьяхъ, письмахъ и разговорахъ онъ проповѣдуетъ старинныя соціалистическія теоріи общей собственности и т. д., съ которыми я не согласенъ. (Бакстъ въ Гейдельбергѣ, напримѣръ, объявилъ мнѣ, что „Николай Платоновичъ (Огаревъ) не потому опровергаетъ „Положеніе“, что оно несправедливо для крестьянъ, а потому, что оно освящаетъ принципъ *частной* собственности въ Россіи“); во 2-хъ, потому, что онъ въ вопросѣ освобожденія крестьянъ и тому подобныхъ—показалъ значительное непониманіе народной жизни и современныхъ ея потребностей, а также и настоящаго положенія дѣлъ; въ 3-хъ, на-

[1]) Отъ 3 декабря 1862 г. (Парижъ, Rue de Rivoli 210).

конецъ, потому, что даже тамъ, гдѣ онъ почти правъ (какъ, напр., въ статьѣ о судебныхъ реформахъ [1]), онъ излагаетъ свои взгляды языкомъ тяжелымъ, вялымъ и сбивчивымъ, обличающимъ отсутствіе таланта, что, впрочемъ, ты, вѣроятно, самъ, если не чувствуешь, то подозрѣваешь изъ несомнѣннаго факта постепеннаго паденія „Колокола" и охлажденія къ нему публики. Правда до политическихъ изгнанниковъ трудно доходитъ, обязанность друзей—доводить ее до нихъ. *„Колоколъ гораздо менѣе читается съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ сталъ царствовать Огаревъ"*.—Эта фраза стала въ Россіи тѣмъ, что въ Англіи называется a truism. „Колоколъ", напечатавшій безъ протеста половину манифеста Бакунина [2]) и соціалистическія статьи Огарева, — уже не прежній „Колоколъ". Вотъ пока все, что я могу тебѣ сказать.

„Съ большимъ удовольствіемъ увижу здѣсь твоихъ милыхъ дочекъ и сдѣлаю для нихъ все возможное.

„Жму тебѣ руку и остаюсь любящій тебя

Ив. Тургеневъ".

Сдержанный и полный достоинства тонъ письма Тургенева не остановилъ Герцена, и онъ снова обрушился на Тургенева, обвиняя его въ дружбѣ съ богатымъ помѣщикомъ и реакціонеромъ Фетомъ, ставя ему въ вину, что другой его близкій пріятель Анненковъ печатается въ „Русскомъ Вѣстникѣ", несмотря на то, что въ немъ появляются такія статьи, какъ „Новые подвиги нашихъ лондонскихъ агитаторовъ" и т. п. Обвиненія были несправедливы и на этотъ разъ даже мягкій, и добродушный Тургеневъ не выдержалъ и отвѣтилъ Герцену слѣдующимъ ироническимъ письмомъ [3]):

„Гнѣвенъ же ты, Александръ Ивановичъ, ужъ такъ гнѣвенъ, что и сказать нельзя! И въ концѣ письма поставилъ такое неразборчивое слово. Я рѣшилъ прочесть: за симъ *кланяюсь*, хотя по настоящему выходитъ: за симъ *плююсь*.

---

[1]) Статья Огарева: „Разборъ основныхъ положеній преобразованія судебной части въ Россіи" (Колок. № 150—2).

[2]) Статья Бакунина: „Русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ" (Колок. № 122—3).

[3]) Отъ 16 декабря 1862 (Парижъ, Rue de Rivoli 210).

„Едва осмѣливаюсь почтительнѣйше доложить, что статьи Огарева я дѣйствительно прочелъ самъ (этотъ фактъ нельзя забыть, какъ вообще всякую преодолѣнную трудность), что П. В. Анненковъ, конечно, великій преступникъ, но что онъ, отдавая свою невинную статью[1]) „Русскому Вѣстнику" въ *началѣ* года, не могъ съ достовѣрностью предвидѣть, что ее помѣстятъ въ *концѣ* года рядомъ съ виновной; что протестъ К(авелина) съ моею подписью ты можешь напечатать, когда и гдѣ угодно, и что, наконецъ, ты, вѣроятно, смѣшалъ А. А. Фета, у котораго вовсе *нѣтъ* деревни съ извѣстнымъ англійскимъ богачемъ, sir Feth'омъ, котораго, впрочемъ, никогда не существовало.

„А дочки твои прелестныя: особенно Тата[2]) такое славное, умное, здоровое и здравое существо! Моя дочь просто въ нее влюбилась втеченіе получасового ея посѣщенія. Всѣ наши просьбы не могли убѣдить M-lle М(ейзенбугъ) остаться въ Парижѣ день лишній, и намъ пришлось только пожелать имъ счастливаго пути.

„А за симъ препоручаю себя тебѣ не въ часы гнѣва, а въ часы кротости и подписуюсь Ив. Тург.....

„Что я! Совсѣмъ забылъ! По твоему опредѣленію я долженъ впредь подписываться слѣдующимъ манеромъ:

„Частица навоза золотушнаго гиппопотама, страдающаго холерой".

„Длинно немножко, но я не министръ и резолюцій не подмахиваю".

Несмотря на рѣзкій тонъ, который приняла переписка, старинная дружба все-таки на этотъ разъ преодолѣла, и друзья еще полтора года продолжали переписываться, пока не произошелъ эпизодъ, положившій на три года перерывъ ихъ письменнымъ и даже личнымъ сношеніямъ.

Періодъ 1857 — 1862 гг. былъ не только временемъ наибольшей популярности Герцена, но также и наибольшей, такъ сказать, его общедоступности. На свиданіе къ нему въ Лондонъ или на островъ Уайтъ ѣздили люди въ родѣ Каткова

---

[1]) Статья П. В. Анненкова: „О Мининѣ г. Островскаго и его критикахъ" („Рус. Вѣстн.", 1862 г., № 9).

[2]) Наталья Алекс. Герценъ.

и Чичерина, Боткина и Тургенева, братьевъ Ростовцевыхъ, Анненкова, Писемскаго, не говоря уже о представителяхъ болѣе радикальныхъ теченій, вродѣ Чернышевскаго и Добролюбова, а также о массѣ молодежи. Поѣздки такого рода были „модой", и до 1862 г. сходили съ рукъ благополучно, т. е. на нихъ смотрѣли сквозь пальцы. Рѣзкое положеніе, занятое Герценомъ въ польскомъ вопросѣ, пріѣздъ въ Лондонъ Бакунина, соціалистическая окраска, приданная Огаревымъ и Бакунинымъ „Колоколу", заставили правительство отнестись строже къ поклонникамъ Герцена. Уже въ маѣ 1862 г. графы Ростовцевы, занимавшіе блестящее положеніе при дворѣ, были исключены изъ службы безъ объясненія причинъ, и имъ дано было понять, что причиной столь суровой мѣры послужили ихъ поѣздки къ Герцену [1]). Даже такіе люди, какъ братья Рубинштейнъ, которые еще въ дѣтствѣ бывали въ домѣ Герцена въ Москвѣ и которые посѣщали его въ Лондонѣ безъ всякихъ политическихъ цѣлей, подвергались, при возвращеніи въ Россію, обыску на границѣ [2]). Немудрено, что въ это время было обращено вниманіе и на отношенія Тургенева къ Герцену, тѣмъ болѣе, что отношенія эти ни для кого не были тайной, да и самъ Тургеневъ не скрывалъ своихъ дружескихъ чувствъ къ Герцену. Въ № 134 „Колокола" было даже напечатано письмо Тургенева по поводу нѣкоторыхъ денежныхъ недоразумѣній, возникшихъ между нимъ и издателемъ его сочиненій Основскимъ [3]). Анненковъ въ началѣ 1863 г. сообщилъ Тургеневу „о циркулировавшемъ въ Петербургѣ слухѣ, что Тургеневу грозитъ привлеченіе къ отвѣтственности за сношенія съ лондонскими эмигрантами". Тургеневъ писалъ ему по этому поводу (отъ января 1863 г.) [4]).

„Очень меня удивило, любезнѣйшій Павелъ Васильевичъ, извѣстіе, сообщенное вашимъ письмомъ. Я убѣжденъ, что

---

[1]) С. Невѣденскій „Катковъ и его время", стр. 146—147. Тогда же былъ арестованъ за сношенія съ Герценомъ литераторъ В. П. Гаевскій (Истор. Вѣстн. 1888, № 4).

[2]) „Новое время", № 8477.

[3]) См. „Воспоминанія П. В. Анненкова", „Вѣстникъ Европы", 1885 г. Апрѣль; также Н. Викторова „Матеріалы для біографіи Тургенева", „Истор. Вѣстн.", 1897 г.

[4]) См. „Вѣстн. Евр.", 1887, Янв.

этотъ слухъ не имѣетъ основанія, потому что онъ слишкомъ нелѣпъ. Вызывать меня теперь (въ Сенатъ), послѣ „Отцовъ и дѣтей", послѣ бранчивыхъ статей молодого поколѣнія, именно теперь, когда я окончательно, чуть не публично разошелся съ лондонскими изгнанниками, т. е. *съ ихъ образомъ мыслей*,—это совершенно непонятный фактъ. Здѣсь мнѣ никто объ этомъ не говорилъ,—никто, начиная съ нашего теперешняго посланника Будберга, съ которымъ я познакомился въ новый годъ, и кончая прежнимъ посланникомъ,— Киселевымъ, у котораго я обѣдалъ на дняхъ. Разумѣется, если меня вызовутъ, я немедленно поѣду, смѣшно даже прибавлять, со спокойной совѣстью; одно мнѣ будетъ непріятно— зимняя поѣздка, которая при моемъ нездоровьи не представляетъ ничего отраднаго; да и дочь мнѣ здѣсь оставить не совсѣмъ весело... А все-таки я имѣю самонадѣянность думать, что мой образъ мыслей извѣстенъ и Государю, и правительственнымъ лицамъ у насъ... Неосмотрительнаго же или необдуманнаго поступка, какъ вы пишите, я за собой не знаю; вся моя жизнь, какъ на ладони, и скрывать мнѣ нечего".

Нѣсколько позднѣе (6 февраля 1863 г.) Тургеневъ [1]) извѣстилъ Анненкова о своемъ намѣреніи обратиться съ откровеннымъ письмомъ къ Государю Императору, въ которомъ онъ намѣревался изложить дѣло „съ совершеннымъ чистосердечіемъ".

„Задача эта будетъ нетрудная,—писалъ Тургеневъ Анненкову:—потому, что скрывать мнѣ нечего. Я не въ состояніи себѣ представить, въ чемъ собственно меня обвиняютъ. Не могу же я думать, что на меня сердятся за сношенія съ товарищами молодости, которые находятся въ изгнаніи, и съ которыми мы давно и окончательно разошлись въ политическихъ убѣжденіяхъ. Да и какой я политическій человѣкъ? Я—писатель, какъ я это представилъ самому Государю,—писатель независимый, но добросовѣстный и умѣренный; писатель,—и больше ничего. Правительству остается судить, насколько я полезенъ или вреденъ, но должно сознаться, что оно не милостиво поступаетъ со своимъ „тайнымъ привер-

---

1) Ibid.

женцемъ", какъ вы, помнится, меня называли. Впрочемъ, я совершенно спокоенъ и буду спокойно ждать отвѣта; не могу также не сообщить вамъ, что баронъ Будбергъ (нашъ посланникъ) выказалъ себя въ этомъ дѣлѣ къ самой лучшей стороны".

Вообще, этотъ эпизодъ принесъ массу непріятностей Тургеневу, какъ можно видѣть изъ его письма къ Герцену [1]):

„Любезный Александръ Ивановичъ!

„Это письмо будетъ вручено тебѣ однимъ моимъ очень хорошимъ пріятелемъ и прекраснымъ человѣкомъ, Рудольфомъ Ландау. Онъ долго путешествовалъ въ Японіи и занятъ теперь сочиненіемъ, въ которомъ опишетъ свои странствованія. Между прочимъ, онъ тебѣ въ прошломъ году прислалъ ректификацію разсказа объ убійствѣ одного (японца?) русскимъ офицеромъ: не знаю, получилъ ли ты ее и помѣстилъ ли въ „Колоколѣ"; во всякомъ случаѣ его словамъ можно вѣрить: онъ вполнѣ честный человѣкъ. Но рѣчь, собственно, идетъ не объ немъ, но о мнѣ. Начинаю съ того, что требую отъ тебя глубочайшей и ничѣмъ не нарушимой тайны. Можешь ли ты себѣ представить: меня, меня, твоего антагониста, *требуютъ* въ Россію. Каково?! Вѣдь это, наконецъ... юморъ! Я отвѣчалъ письмомъ Государю, въ которомъ прошу Его велѣть мнѣ выслать допросные пункты. Если они удовлетворятся моими отвѣтами, тѣмъ лучше;—если нѣтъ,—я не поѣду, и пусть лишаютъ меня чиновъ и т. д. Будбергъ, который въ этомъ дѣлѣ велъ себя какъ нельзя лучше, увѣряетъ, что это кончится ничѣмъ. (Онъ выразилъ сильное негодованіе, самъ написалъ Долгорукову [2]) и т. д.). Но, какъ бы то ни было, я уже принялъ свои мѣры: выписалъ сюда брата и т. д. Я тебѣ все это разсказываю, между прочимъ, для того, чтобы кстати спросить: получилъ ли ты въ прошломъ году осенью изъ Гейдельберга отъ N N большой листъ бумаги, исписанный мною, въ которомъ я изъяснялъ тебѣ,—почему я несогласенъ на адресъ? Если получилъ и не не сжегъ, отдай его Ландау. Я подозрѣваю, что всѣ мои

---

[1]) Датированно: „Парижъ, Rue de Rivoli 210, 12 февраля 1863 г."

[2]) Тогдашній шефъ жандармовъ.

поступки стали извѣстны, хотя въ нихъ не было ничего особеннаго. Н-ко всѣхъ и все выдаетъ,—а Бенни на волѣ![1]) Пожалуйста, чтобы это все осталось тайной, а то Долгоруковъ[2]) ударитъ въ набатъ, и это можетъ мнѣ очень повредить. Дай о себѣ знать что-нибудь. Крѣпко жму тебѣ руку и остаюсь

Любящій тебя Ив. Тургеневъ".

Вскорѣ послѣ этого письма Тургеневъ пишетъ брату (21 февраля 1863 г, изъ Парижа[3]):

„Я уже читалъ въ „Кельнской газетѣ", присланной тобою, корреспонденціею о томъ, что я поджигатель. (Это сказано было даже не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ и относилось къ пожару толкучаго рынка въ Духовъ день 1862 г.). Сегодня я посылаю протестацію противъ этого слуха, которому, впрочемъ, особой важности придавать не слѣдуетъ: мало-ли что врутъ газетчики! Этого избѣжать нельзя.

„Я вовсе не рѣшился не ѣхать въ Петербургъ, но прежде всего нужно дождаться отвѣта на мое письмо къ Императору. Пока я еще ничего оффиціальнаго не получилъ; а изъ Дрездена[4]) и изъ Петербурга[5]) я получилъ извѣстіе, что меня хотятъ судить передъ Сенатомъ за сообщеніе съ Герценомъ. Какъ только я узнаю что-нибудь положительное, извѣщу тебя тотчасъ".

Спустя четыре дня Тургеневъ опять писалъ брату (отъ 25 февраля 1863 г., по тому же поводу[6]):

---

[1]) Н-ко и Бенни принимали тогда участіе въ агитаціи. О Бенни см. въ романѣ Лѣскова „Некуда", его же статью: „Загадочный человѣкъ"; а также см. И. Аксакова, сочин. т. IX; Скабичевскій въ „Сѣв. Вѣст.", 1895 г. № 1; воспомин. Якоби въ „Недѣлѣ" 1869 г. №№ 21—23; „Спб. Вѣдомости" 1868 №№ 37 и 52; (Письмо Тургенева о Бенни) „Спб. Вѣдомости" 1871, № 256; кое-какія новыя свѣдѣнія о Бенни собраны въ послѣднихъ работахъ г. Волынскаго.

[2]) Кн. В. П. Долгоруковъ, эмигрантъ.

[3]) „Русск. Старина" 1885.

[4]) Въ Дрезденѣ тогда находился гр. А. К. Толстой, съ которымъ Тургеневъ былъ друженъ.

[5]) Отъ П. В. Анненкова.

[6]) „Русс. Стар." 1885.

„Дѣло приняло благопріятный оборотъ. Я получилъ вчера черезъ нашего посла (барона Будберга) извѣстіе, что государь соглашается на мою просьбу и что допросные пункты будутъ высланы сюда въ Парижъ. Посолъ далъ мнѣ прочесть письмо князя Долгорукаго, въ которомъ сообщается это рѣшеніе, и прибавилъ, что, по всей вѣроятности, дѣло окончится пустяками,—и вопросы будутъ высланы только для формы. Очевидно, что на это въ Петербургѣ бы не согласились, если бы дѣло имѣло какую-нибудь важность“.

Тѣмъ не менѣе, Тургеневъ принялъ мѣры къ переводу своего имущества заграницу и тогда же писалъ брату:

„Можно было бы уже теперь уничтожить данныя бумаги, но лучше подождать окончательнаго рѣшенія этой исторіи. Отъ нихъ остается мнѣ только воспоминаніе твоего братскаго поступка и искренняго расположенія моихъ друзей“.

Въ апрѣлѣ 1863 г. Тургеневъ извѣщалъ брата съ радостью:

„Долженъ тебѣ объявить (но это подъ секретомъ, ибо съ меня слово взяли), что допросные пункты пришли, наконецъ, и отвѣты мои уже отправлены обратно въ Петербургъ. Могу тебѣ сказать, что эти пункты—совершенные пустяки, и что теперь я на это дѣло смотрю, какъ на сданное въ архивъ: здѣшнія оффиціальныя лица (какъ-то, самъ посланникъ) того же мнѣнія“.

Но дѣло не окончилось на этомъ и нѣсколько затянулось, какъ увидятъ читатели впослѣдствіи.

XVIII.

Несмотря на опасность, грозившую Тургеневу за сношенія съ Герценомъ, Ивану Сергѣевичу вскорѣ пришлось прибѣгнуть къ помощи Герцена для опроверженія клеветнической корреспонденціи о Тургеневѣ, появившейся въ Аксаковскомъ „Днѣ“.

Въ № 22 „Дня“ (отъ 1-го іюня 1863 г.) напечатана была за подписью X. корреспонденція изъ Парижа, въ которой разсказывалось, какія небылицы о звѣрствѣ русскихъ войскъ

надъ поляками печатаются во французскихъ газетахъ, и прибавлялось, что, по прочтеніи одного изъ такихъ извѣстій, Тургеневъ вздумалъ было написать на нихъ каррикатурную пародію.

Герценъ, по этому поводу, напечаталъ замѣтку въ № 167 „Колокола“ (отъ 10 іюня 1863 г.).

Тургеневъ горячо поблагодарилъ Герцена и просилъ его напечатать категорическое опроверженіе нелѣпыхъ слуховъ [1]).

„Любезный Александръ Ивановичъ,—писалъ Тургеневъ Герцену:—сейчасъ прочелъ я № „Колокола“, гдѣ упоминается о „французской и англійской горчицѣ“ etc. Спасибо тебѣ, что ты не повѣрилъ этому пошлому анекдоту, но мнѣ кажется, что ты бы выразился еще опредѣлительнѣе, если бъ совершенно не повѣрилъ. Ни одного ни обиднаго, ни насмѣшливаго слова не вышло изъ моихъ устъ на счетъ поляковъ, хотя бы уже потому, что я еще не потерялъ всякаго пониманія „трагическаго“: теперь никому не до смѣха.

„Я прекратилъ переписку съ тобою по причинамъ, хорошо тебѣ извѣстнымъ, да и какая была охота мѣняться такими письмами, каковы были послѣднія. Наши мнѣнія слишкомъ расходятся: къ чему безплодно дразнить другъ друга? Я и теперь не предлагаю тебѣ возобновленія этой переписки, но былъ бы тебѣ обязанъ, если бы ты въ слѣдующемъ № „Колокола“ напечаталъ, что: „мы получили положительное удостовѣреніе, что слова, приписанныя г-ну И. Тургеневу,—чистая выдумка“.

„Я нынче же пишу И. С. Аксакову. Меня глубоко оскорбляетъ эта грязь, которой брызнули въ мою уединенную, почти подъ землей скрытую, жизнь.

„Желаю тебѣ спокойствія, насколько это возможно, и прошу именемъ нашего прошедшаго не считать меня способнымъ ни на какое дрянное дѣло или слово.

Ив. Тургеневъ.

P. S. Я живу въ Баденъ-Баденѣ, Schillerstrasse, 647, а сюда пріѣхалъ только на день, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ“.

---

[1]) Письмо датировано: Гейдельбергъ, 22 іюня, 1863 г.
Герценъ.

Дѣйствительно, въ № 29 „Дня“ (отъ 20 іюля) появилось письмо Тургенева, опровергающее анекдотъ объ его шуткахъ надъ поляками.

„Вы бы меня весьма обязали,—писалъ Тургеневъ Аксакову:—если бы напечатали въ ближайшемъ нумерѣ Вашего журнала, что въ этомъ анекдотѣ нѣтъ ни слова правды. Я вполнѣ раздѣляю Ваше воззрѣніе на польскій вопросъ [1]), но мнѣ противно думать, что въ такое печальное, трудное, грозное время я выставленъ передъ читателемъ кривлякой и шутомъ. Видно, какъ ни прячь свою жизнь, какъ упорно ни замыкайся въ самомъ себѣ, — отъ досужаго корреспондента не убережешься. Мнѣ это тѣмъ болѣе досадно, что это появилось въ „Днѣ“, журналѣ, который я уважаю и хотѣлъ бы видѣть чаще. Повторяю, вы сдѣлаете мнѣ истинное удовольствіе, если скажете объ этомъ нѣсколько словъ. Я убѣжденъ, что мы должны бороться съ поляками, но не должны ни оскорблять ихъ, ни смѣяться надъ ними“.

Аксаковъ, напечатавъ вышеприведенное письмо Тургенева, присоединилъ къ нему объясненіе, въ которомъ довольно неловко пытался затушевать непріятный эпизодъ.

„Охотно исполняемъ желаніе многоуважаемаго нами писателя,—говорилъ Аксаковъ въ этомъ объясненіи:—и извиняемся предъ нимъ и предъ публикой, что помѣстили такое невѣрное свѣдѣніе. Намъ это очень прискорбно потому, что оно такъ непріятно г. Тургеневу. Но, право, мы и теперь

---

[1]) Передъ польскимъ возстаніемъ Аксаковъ высказывалъ сочувствіе образованію самостоятельной Польши, которая оттянула бы къ себѣ все польское изъ русскихъ областей, очистила бы ихъ отъ польскаго наплыва и стала бы твердымъ оплотомъ противъ напора нѣмецкой стихіи. Но онъ горячо протестовалъ противъ притязаній поляковъ на Литву и Югозападный край; онъ основательно говорилъ, что такими стремленіями поляки страшно портятъ свое дѣло. (Аксаковъ. Пол. Собр. Сочин. т. I, стр. 16—21). Когда началось возстаніе, первымъ словомъ Аксакова было предположеніе о необходимости созванія, *по усмиреніи мятежа*, всенароднаго польскаго сейма, съ непремѣннымъ участіемъ крестьянства, чтобы сеймъ рѣшилъ: что дѣлать съ Польшей? Аксаковъ допускалъ тамъ продолжительную анархію, даже захватъ Польши Австріей и Пруссіей; лишь бы не было со стороны Россіи сдѣлано насилія надъ Польшей безъ уполномочія ея народа (Аксак. Пол. Собр. Сочин., т. I, стр. 32, С. Невѣденскій „Катковъ и его время“, стр. 207—208).

думаемъ, что отвѣчать на польскія баснословныя клеветы невозможно иначе, какъ смѣхомъ!“

Несмотря на это извиненіе Аксакова, Тургеневъ настолько счелъ себя оскорбленнымъ, что съ этихъ поръ прекратилъ переписку съ И. С. Аксаковымъ, и личныя ихъ отношенія прервались.

Герценъ, въ свою очередь, исполнилъ просьбу Тургенева, и въ № 168 „Колокола“ появилась соотвѣтственная замѣтка.

XIX.

Оказалось вскорѣ, что, несмотря на выраженную Тургеневымъ въ письмахъ къ брату увѣренность, что его дѣло о сношеніяхъ съ Герценомъ „сдано въ архивъ“, и что удовлетворятся его отвѣтами на вопросные пункты, присланные Тургеневу, согласно его просьбѣ къ императору чрезъ посредство русскаго посольства въ Парижѣ, — дѣло это не только не было „сдано въ архивъ“, но получило дальнѣйшее движеніе. Изъ письма Тургенева къ П. В. Анненкову (отъ 16-го сентября 1863 г.) видно, что онъ получилъ приглашеніе пріѣхать въ Петербургъ для допроса, „если состояніе здоровья или дѣлъ его позволяютъ“. [1]) Анненковъ былъ хорошо знакомъ съ сенаторомъ Карніолинымъ-Пинскимъ, предсѣдателемъ коммиссіи, которая должна была допрашивать Тургенева, и Иванъ Сергѣевичъ просилъ Анненкова похлопотать, чтобы его пріѣздъ въ Росссію былъ отсроченъ до ноября. Кромѣ Анненкова, за Тургенева хлопоталъ его пріятель Егоръ Петровичъ Ковалевскій (управляющій азіатскимъ департаментомъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ [2]).

„Я увѣренъ,—писалъ Тургеневъ Анненкову:—что замедленіе не можетъ имѣть вліянія на ходъ самого процесса, тѣмъ болѣе, что мнѣ не придется слова прибавить къ отвѣтамъ, весьма подробнымъ и полнымъ, которые я послалъ нынѣшней весной. Благодарите добраго Ковалевскаго за его радуш-

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1887, янв.

[2]) Переписку Тургенева съ Ковалевскимъ см. въ „Русск. Стар.“, т. XLII, стр. 399.

ное предложеніе и передайте мой поклонъ г. Карніолину-Пинскому, котораго я знавалъ въ молодые годы“ [1]).

Но и въ ноябрѣ Тургеневу не удалось пріѣхать въ Россію, и онъ снова пишетъ Анненкову (отъ 5 декабря н. с.):

„Прошу васъ: сходите къ г. Карніолину-Пинскому и доведите до его свѣдѣнія, отъ моего имени, что я весьма желалъ бы, чтобы сенатъ, назначившій мѣсяцъ ноябрь срокомъ моего возвращенія въ Россію, прибавилъ мнѣ всего двѣ недѣли. Я даю честное слово, что, если только буду живъ, къ 15-му (27) декабря явлюсь въ Петербургъ“. Спустя четыре дня (9 декабря) Тургеневъ опять пишетъ Анненкову, что онъ не можетъ вернуться въ Россію, ибо у него „сдѣлалась какая то гадость на правой ногѣ“. Вмѣстѣ съ письмомъ Тургеневъ посылалъ Карніолину-Пинскому черезъ Анненкова свидѣтельство доктора, скрѣпленное нашимъ посланникомъ; „пусть поступаютъ со мной по закону, безъ всякой снисходительности. Я не измѣняю своего твердаго намѣренія выѣхать въ Петербургъ... но сказать, когда это будетъ,—совершенно для меня невозможно [2]).

Анненковъ постарался успокоить волновавшагося Тургенева, и Иванъ Сергѣевичъ (отъ 1-го января 1864 г.) писалъ ему:

„Мнѣ было пріятно узнать, что на меня не взираютъ сурово въ С.-Петербургскомъ Сенатѣ, и путешествіе мое, которое, я надѣюсь, совершится скоро, представляется мнѣ въ болѣе розовомъ цвѣтѣ“.

Въ началѣ января 1864 года Тургеневъ былъ уже въ Петербургѣ. В. П. Боткинъ сообщалъ объ этомъ Фету (отъ 10 января 1864 г.):

„Тургеневъ теперь обязанъ подпиской не выѣзжать изъ Петербурга, дѣло уже началось. Но скоро ли оно окончится и какъ пойдетъ, теперь ничего нельзя сказать. Въ нѣкоторомъ родѣ онъ то же, что больной тифомъ,—ждетъ кризиса, а кризисъ еще не совершился; неизвѣстность въ этомъ родѣ дѣлъ тяжела“ [3]).

Самъ Тургеневъ извѣщалъ по поводу своего пріѣзда ста-

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1887, янв.

[2]) Ibid.

[3]) Фетъ. „Мои воспоминанія“ т. I, стр. 449—450.

риннаго своего пріятеля И. И. Маслова (отъ 9-го января 1864 г.):

„Любезнѣйшій другъ, Иванъ Ильичъ. Три дня тому назадъ я пріѣхалъ сюда по дѣлу, тебѣ, вѣроятно, извѣстному; вчера (8 января 1864 г.) являлся въ Сенатъ (кажется, все благополучно“ [1]).

Дѣйствительно, надежды Тургенева на этотъ разъ оправдались; по словамъ Анненкова [2]), „дѣло въ Сенатѣ весьма недолго задержало Тургенева, такъ что онъ могъ весною же снова возвратиться заграницу“.

Но, увы! „дѣло“ это, причинившее Тургеневу столько хлопотъ и огорченій, закончившись благополучно въ Сенатѣ, было подвергнуто „пересмотру“ въ „Колоколѣ“, причемъ Тургеневу былъ вынесенъ судьей, Герценомъ, несправедливо жестокій приговоръ.

№ 177 „Колокола“ (отъ 25 января 1864 г.) въ отдѣлѣ, носившемъ своеобразное названіе: „Сплетни, копоть, нагаръ и пр.“ была напечатана слѣдующая язвительная замѣтка:

Очевидно, что кто то изъ Парижскихъ друзей поспѣшилъ „насплетничать“ на Тургенева, а Герценъ, не спрося даже объясненія у Тургенева, напечаталъ замѣтку, обличавшую Тургенева въ позорной трусости и чуть ли не въ предательствѣ. Читатели по приведеннымъ выше письмамъ могутъ судить, насколько несправедливо было это обвиненіе. Тургеневъ во всемъ этомъ щекотливомъ эпизодѣ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, несмотря на то, что положеніе его и Герцена нельзя было и сравнивать. Герценъ былъ, такъ сказать, „внѣ закона“, а Тургеневу, если бы дѣло обернулось иначе, грозила бы конфискація имущества и вообще, довольно серьезное наказаніе. Достаточно припомнить, что однимъ изъ обвиненій, выставленныхъ противъ Чернышевскаго, были „сношенія“ съ Герценомъ. Читатели видѣли выше, что даже лицамъ съ крупными придворными связями, графамъ Ростовцевымъ, пришлось поплатиться серьезно за знакомство и сношенія съ Герценомъ.

Помимо всего этого замѣтка пріобрѣла особенную язвительность именно потому, что она была написана Герценомъ,

---

[1]) Письма Тургенева. 1884, стр. 115.

[2]) Вѣстн. Евр. 1887, январь.

стариннымъ другомъ Тургенева. Немудрено, что она вызвала негодующее и вмѣстѣ съ тѣмъ исполненное достоинства письмо Тургенева (датированное: «Парижъ. Rue de Rivoli 210, суббота 2 апрѣля (21 марта) 1864 года»):

„Я долгое время колебался,—писалъ Тургеневъ, вернувшись изъ Россіи:—писать ли тебѣ по поводу замѣтки въ „Колоколѣ“ о „сѣдой Магдалинѣ изъ мужчинъ, у которой отъ раскаянія выпали зубы и волосы“ и т. д. Признаюсь, эта замѣтка, явно относившаяся ко мнѣ, огорчила меня. Что Бакунинъ, занявшій у меня деньги и своей бабьей болтовней и легкомысліемъ поставившій меня въ непріятнѣйшее положеніе — (другихъ онъ погубилъ вовсе),—что Бакунинъ, говорю, распространялъ обо мнѣ самыя пошлыя и гадкія клеветы,—это въ порядкѣ вещей,—и я, зная его съ давнихъ поръ, другого отъ него не ожидалъ. Но я не полагалъ, что ты точно также пустишь грязью въ человѣка, котораго зналъ чуть не двадцать лѣтъ, потому только, что онъ разошелся съ тобой въ убѣжденіяхъ... Если бы я могъ показать тебѣ отвѣтъ, который я написалъ на присланные вопросы, ты бы, вѣроятно, убѣдился, что, ничего не скрывая, я не только не оскорбилъ никого изъ друзей своихъ, но и не думалъ отъ нихъ отрекаться: я бы почелъ это недостойнымъ самого себя. Признаюсь, не безъ нѣкоторой гордости вспоминаю я эти отвѣты, которые, несмотря на тонъ, въ которомъ они написаны, внушили уваженіе и довѣріе ко мнѣ моимъ судьямъ. Что же касается до письма къ Государю, которое ты представилъ въ столь гнусномъ видѣ, то вотъ оно:

„Ваше Императорское Величество,
Всемилостивѣйшій Государь!

„Уже два раза имѣлъ я счастье обращаться письменно къ Вашему Величеству [1]), и оба раза мои просьбы были приняты благосклонно; удостойте меня, Государь, и на этотъ разъ своего высокаго вниманія.

---

[1]) По дѣлу Огрызко и по собственному (Гоголевскому) дѣлу (Примѣчаніе Тургенева). — Анненковъ въ своей статьѣ (янв. 1887. „Вѣстн. Евр.“) ошибочно относитъ ходатайство Тургенева за Огрызко къ 1862 г. Газета Огрызко „Slowo“ была прекращена въ 1859 г., тогда же былъ арестованъ и Огрызко, объ освобожденіи котораго хлопоталъ Тургеневъ.

„Сегодня я получилъ черезъ здѣшнее посольство предписаніе немедленно вернуться въ Россію. Сознаюсь съ полной откровенностью, что не могу объяснить себѣ, чѣмъ я заслужилъ подобный знакъ недовѣрія. Образа мыслей своихъ я никогда не скрывалъ, дѣятельность моя извѣстна всѣмъ, предосудительнаго поступка я за собой не знаю. Я писатель, Ваше Величество, и больше ничего; вся моя жизнь выразилась въ моихъ произведеніяхъ, меня по нимъ судить должно. Смѣю думать, что всякій, кто только захочетъ обратить на нихъ вниманіе, отдастъ справедливость умѣренности моихъ убѣжденій, вполнѣ независимыхъ, но добросовѣстныхъ. Трудно понять, что въ то самое время, когда Вы, Государь, обезсмертили свое имя совершеніемъ великаго дѣла правосудія и человѣколюбія, трудно понять, говорю я, какъ можетъ быть подозрѣваемъ писатель, который въ своей скромной сферѣ старался, по мѣрѣ силъ, способствовать тѣмъ высокимъ предначертаніямъ? Состояніе моего здоровья и дѣла, не терпящія отлагательства, не позволяютъ мнѣ вернуться теперь въ Россію; а потому соблаговолите, Всемилостивѣйшій Государь, приказать выслать мнѣ запросные пункты; обѣщаюсь честнымъ словомъ отвѣчать на каждый изъ нихъ немедленно и съ полной откровенностью. Вѣрьте искренности моихъ словъ, Государь; къ вѣрноподданническимъ чувствамъ, которыя мой долгъ заставляетъ меня питать къ особѣ Вашего Величества, присоединяется личная благодарность“.

„Да, Государь, который не зналъ меня вовсе, все таки понялъ, что имѣетъ дѣло съ честнымъ человѣкомъ, и за это моя благодарность къ нему еще увеличилась; а старинные друзья, которые, кажется, могли хорошо меня знать, не усумнились приписать мнѣ подлости и разгласить это печатно. Еслибъ я имѣлъ дѣло съ прежнимъ Герценомъ, я бы не сталъ тебя просить не употреблять моего довѣрія во зло и тотчасъ же уничтожить это письмо; но ты самъ спуталъ мои понятія о тебѣ, и я прошу тебя не надѣлать мнѣ новыхъ непріятностей; довольно и старыхъ. Впрочемъ, самое это письмо доказываетъ, что мои чувства къ тебѣ не совсѣмъ исчезли: Бакунина я бы не удостоилъ полусловомъ.

Будь здоровъ.

Ив. Тургеневъ“.

Въ бумагахъ Герцена сохранилась черновая его отвѣта Тургеневу (датированная — ошибочно, вмѣсто 10 апрѣля— 10 марта 1864. Elmfieldhouse, Teddington, S. W).

„Я тоже долго думалъ,—писалъ Герценъ въ отвѣтъ Тургеневу: — отвѣчать мнѣ или нѣтъ на твое письмо. И отвѣчаю больше изъ піэтета къ прошедшему, чѣмъ изъ желанія сблизиться въ настоящемъ. Къ тому же личное объясненіе—устраняетъ много недоразумѣній.

„Въ твой послѣдній пріѣздъ—я видѣлъ, что мы разошлись (хотя въ самомъ дѣлѣ мы никогда особенно близки не были);—я отнесъ это долею къ раздраженію, имѣвшему источникомъ неудачный романъ,—и остался я въ прежнихъ отношеніяхъ. Ты прекратилъ переписку,—чтобъ это было изъ патріотизма, я не вѣрю, потому что у тебя никогда не было неистовыхъ политическихъ страстей. Испуганный вызовомъ въ Россію, ты вдругъ прислалъ мнѣ съ Ландау записку и въ ней по секрету сообщилъ новость, напечатанную въ „Nord'ѣ", и просилъ моего совѣта. Я тебѣ отвѣтилъ. Затѣмъ, пріѣхалъ въ Лондонъ Хотинскій. Я его уличилъ и написалъ—въ предупрежденіе парижскихъ друзей—къ тебѣ письмо. Письмо это я себѣ не прощаю. Я его написалъ дружески, шутя. Это была ошибка. Ты не отвѣтилъ. Зная твой постоянный характеръ—по твоей прочной дружбѣ къ Мюллеру-Стрюбину [1]) и твое снисхожденіе къ пріятелямъ— по твоей близости съ такимъ шулеромъ и воромъ, какъ Некрасовъ...

„Что же такого удивительнаго, что я повѣрилъ, что ты письменно отрекаешься отъ прежнихъ связей, и это тѣмъ больше, что ты это сдѣлалъ на самомъ фактѣ, что въ послѣднемъ письмѣ твоемъ (поправка „Дню") ты прямо говоришь о прекращеніи переписки. Мнѣ говорили будто человѣкъ, которому ты *показывалъ* письмо, обратилъ твое вниманіе на эту фразу, но ты ее оставилъ. Даю тебѣ честное слово, что мнѣ это было сказано, этого ручательства тебѣ довольно, не могу же я называть имена. Впрочемъ, это было такъ распространено въ Парижѣ, что ты безъ меня доберешься. Если это выдумка,—мнѣ жаль нѣсколькихъ словъ, напечатанныхъ, но я тебѣ объяснилъ, почему я не имѣлъ права отвергать этотъ слухъ.

[1]) Нѣмецкій эмигрантъ см. выше.

„*Не ты одинъ съ нами такъ.*

„Что насъ оставили такіе мастурбаторы идей, искусства, политики и пр., какъ Боткинъ,—это почти пріятно. Онъ смотритъ на міръ, какъ старики на похабныя изображенія, и влечется къ силѣ, какъ все слабое, дряблое. Ты объ немъ много разъ мнѣ говорилъ, и я знаю твое мнѣніе. Этотъ человѣкъ, ругавшій типографію въ началѣ, сдѣлался поклонникомъ ея во время полнаго успѣха.

„... Наше дѣло, можетъ, кончено. Но память того, что не вся Россія стояла въ стадѣ Каткова, останется. И твоя совѣсть тебѣ это скажетъ и размяклый мозгъ Боткина еще осилитъ понять...

„Желаю отъ души, чтобы ты сдѣлался тѣмъ, чѣмъ былъ,— независимымъ писателемъ и вовсе не тенденціознымъ, а просто писателемъ.

„Я не знаю,—чѣмъ Бакунинъ заслужилъ твою брань. Недостатки его я зналъ. И у насъ не безъ нихъ. Что же за преступленіе за нимъ, я не знаю. Затѣмъ, будь здоровъ.“

XX.

Читатели, внимательно ознакомившіеся съ предыдущей перепиской Тургенева съ Герценомъ, едва ли станутъ на сторону послѣднлго. Поведеніе Тургенева въ эпизодѣ о сенатскомъ дѣлѣ, возбужденномъ противъ него за сношенія съ Герценомъ, было полно достоинства и не обнаруживаетъ „трусости“, въ которой его упрекалъ Герценъ, въ особенности если принять во вниманіе, что Тургеневъ не былъ эмигрантомъ. Остается несогласіе по польскому вопросу, но тутъ Герценъ былъ плохой судья. Уступивши, въ минуту душевной слабости, Бакунину и Огареву, Герценъ сталъ въ ложное положеніе и долженъ былъ защищать дѣло, въ правоту котораго онъ самъ не вѣрилъ, какъ это видно изъ его позднѣйшихъ воспоминаній.

Всякому, изучавшему эпоху польскаго возстанія, извѣстно, что поляки не разсчитывали на успѣхъ вооруженнаго возстанія. Главныя ихъ надежды были на вмѣшательство Европы. Лишь этимъ объясняется та изумительная заносчивость ихъ

требованій, которая вызвала патріотическое движеніе въ Россіи, поведшее въ свою очередь къ суровымъ мѣрамъ для подавленія возстанія [1]). Поляки добивались возстановленія *исторической Польши*, т. е. требовали ни больше, ни меньше, какъ присоединенія областей западнаго края по Двину и по Днѣпръ, населенныхъ малороссами, на своей шкурѣ испытавшими всѣ прелести польскаго владычества и вовсе не смотрѣвшими на Польшу, какъ на „отечество", а напротивъ, относившимися къ ней, даже въ воспоминаніяхъ, съ ненавистью.

О томъ, каково было настроеніе поляковъ, надѣявшихся на вмѣшательство Европы, можно судить по слѣдующей выдержкѣ изъ воспоминаній гр. Муравьева:

„Изъ Варшавы прибыла депутація Замойскаго, который на аудіенціи у государя настойчиво требовалъ автономіи Польши и возстановленія ея въ предѣлахъ 1772 г. Замойскаго приняли и выслушали весьма милостиво, хотя не согласились на его предложенія, но и не смѣли подвергнуть его отвѣтственности и отпустили съ обязательствомъ лишь ѣхать заграницу и не возвращаться въ Царство Польское. Замойскій, по прибытіи въ Парижъ, огласилъ колеблемость нашего правительства" [2]).

Герценъ, напоминая постоянно въ „Колоколѣ" о томъ что „льется польская кровь", забывалъ, что дѣло идетъ не только о судьбѣ Польши, но и о судьбѣ тѣхъ милліоновъ малорусскихъ крестьянъ, которые населяютъ предѣлы „исторической Польши", на которые предъявляли требованія поляки.

. . . .

Въ особенно фальшивомъ положеніи оказался Герценъ, когда въ 1863 году обнародована была записка одного изъ вождей возстанія, генерала Мѣрославскаго, найденная въ бумагахъ графа Замойскаго. Записка эта относится къ марту 1861 года и лучше всего показываетъ, какъ смотрѣли вожди возстанія на союзъ съ Герценомъ и русскими революціонерами той эпохи:

„Неизлѣчимымъ демагогамъ, — писалъ Мѣрославскій:— нужно открыть клѣтку для полета за Днѣпръ. Пусть тамъ

---

[1]) Объ усиліяхъ правительства избѣжать суровыхъ мѣръ см. работу г-на Спасовича: „Маркизъ Велепольскій".

[2]) Рус. Стар. 1882, ноябрь.

распространяютъ казацкую гайдамачину противъ поповъ, чиновниковъ и бояръ, увѣряя мужиковъ, что они стараются удержать ихъ въ крѣпости. Должно имѣть въ готовности полный запасъ смутъ. Пусть обольщаютъ себя девизомъ, что этотъ радикализмъ послужитъ „для вашей и нашей свободы“: перенесеніе его *въ предѣлы Польши* будетъ считаться измѣною отчизнѣ и будетъ наказываться смертью, какъ государственная измѣна“. Не лишены интереса и рецепты генерала Мѣрославскаго:

„Надо посылать, — писалъ Мѣрославскій:—во всѣ журналы: нѣмецкіе, французскіе, англійскіе и итальянскіе извѣстія, *хотя бы и выдуманныя*, о подземныхъ потрясеніяхъ въ Россіи, въ особенности о жалкомъ состояніи Россіи въ отношеніяхъ финансовомъ, военномъ и административномъ. Съ другой стороны, слѣдуетъ докучать англійскому и французскому правительствамъ и посылать имъ изъ Варшавы *подложныя жалобы*, какія будто бы посылались въ Петербургъ и тамъ не были уважены“... (Невѣденскій. Катковъ и его время, Стр. 166, 168—170 [1]).

---

[1]) Интересующихся болѣе подробными свѣдѣніями объ участіи Герцена и Бакунина въ польскомъ возстаніи отсылаемъ къ обширной работѣ: „Польская эмиграція до и во время польскаго мятежа“, Вильно, 1866 и польскому сочиненію P. Strusia „Szkice z powstania w 1863 roku“, Краковъ, 1889. Для желающихъ ознакомиться болѣе подробно съ общимъ ходомъ возстанія и его отдѣльными эпизодами укажемъ:

„Записки М. Н. Муравьева“ Рус. Стар. 1882, № 11; 1883, №№ 1—4. 10—12; 1884 г. № 1; его-же „Записки о сѣверо-западномъ краѣ въ 30—65 гг.“, Рус. Арх. 1885, т. 2; „Послѣдняя польская смута“, Рус. Стар. 1874, № 10- 12; 1875, № 1, 3; „Переписка Императора Александра II съ Горчаковымъ и Лидерсомъ“ Рус. Стар. 1882, № 12; 1883 №№ 2—3; Н. В. Берга „Записки о польск. заговорѣ 1830—62 г.“. Рус. Архивъ 1873 г. (за 1862 г.) и въ „Рус. Старинѣ“ 1879. 2—5, 6—1—12; Ягминъ „Воспоминанія повстанца“. Истор. Вѣстн. 1992, №№ 9—12; Е. Л. „Слѣдствіе и судъ надъ повстанцами“. Вѣстн. Европы. 1883, № 1; Отдѣльные эпизоды см. статью Н. В. Берга: „Повстанская экспедиція Сигизмунда Милковскаго въ 1863 г.“. Истор. Вѣстн. 1881, № 4; „Повстанскія похожденія Сулимы“ Ист. Вѣст. 1884, № 1; „Генералъ А. Езеранскій“, Ист. Вѣст. 1883 № 1; А. Н. Бутковскаго (о Сѣрошевскомъ) Ист. Вѣст. 1883, № 11—12; Записки Роткирха о „Польскомъ Катехизисѣ“, Рус. Архивъ 1882, т. 3; статьи Пржецлавскаго и Юзефовича въ Рус. Арх. 1872—73 г.; Роткирха „Эпизоды изъ событій 1861—64 гг.“. Рус. Арх. 1885 г. т. I—III; Гогель „Іосафъ Огрызко и санктпетербургскій революціонный Жондъ въ дѣлѣ послѣдняго мятежа“. 1866: Шедо-Ферроти „Que fera-t-on dela Pologne“, Брюс-

Эти коварные планы Мѣрославскаго были проводимы въ жизнь, пожалуй, съ излишнимъ усердіемъ, результатомъ чего въ иностранной печати появлялись такія свѣдѣнія о звѣрствѣ русскихъ, что они, вмѣсто сожалѣнія къ полякамъ, могли вызывать лишь улыбку у читателей. Такъ, напр., брюссельская газета „Польша“ увѣряла *со словъ очевидца,* что 19-ти полякамъ, приговореннымъ къ разстрѣлянію, были предварительно выколоты глаза. „L'Opinion Nationale“ повѣствовала, будто Муравьевъ, проѣзжая верхомъ по Вильнѣ, услышалъ однажды, какъ черный дроздъ, сидя въ клѣткѣ на окнѣ одного изъ домовъ, высвистывалъ мотивъ извѣстной патріотической пѣсни: „Jeszcze Polska nie sginiela“. Слѣзши съ коня, говоритъ газета, Муравьевъ поднялся въ квартиру, гдѣ это происходило, оторвалъ собственноручно голову у злонамѣреннаго дрозда, а обитателей ея приказалъ арестовать; изъ нихъ: отцу дали на площади 100 ударовъ кнута, матери—50, а сыну 14 лѣтъ, собственнику преступной птицы,—30 ударовъ!.. [1]).

Каково было Герцену, съ его ироническимъ складомъ ума, читать подобныя нелѣпицы! На ряду съ подобными корреспонденціями „собственныхъ корреспондентовъ“, во всѣхъ

сель, 1864, статья Мазада въ Revue de D. Mondes 1866; Каткова. Статьи изъ Московск. Вѣдом. по польск. вопросу; списки высланныхъ въ Сибирь поляковъ см. Рус. Ст. 1883, № 3; объ участіи русскихъ офицеровъ въ польск. возстаніи см. работу Ломбарда „Precis historique sur la Pologne“, Paris 1864; изъ польскихъ источниковъ заслуживаютъ вниманія Гиллера „Hystorya powstania narodu polskiogo w 1861—64“. Парижъ 1869; „Wydawnictwo materyalow do Historyi Powstania w 1863—4 г.“. Львовъ 1889—92. О дѣятельности Муравьева см. работу Кропотова „Жизнь гр. М. Н. Муравьева“. Спб. 1874; Мосолова „Виленскіе очерки“. Спб. 1900; Сплевича „Два врага“. Ист. Вѣст. 1882 №№ и кн. Имеретинскаго „Воспоминанія о Муравьевѣ“, Ист. Вѣст. 1892, № 12. Для исторіи тѣхъ усилій, какія употребляло правительство, чтобы привести волненія къ мирному концу, путемъ широкихъ реформъ, чрезвычайно важна капитальная работа г-на Спасовича „Маркизъ Велепольскій“ и французская работа H. Lisinski „Le Marquis Wielepolsky“. Вѣна, 1880; общій обзоръ см. въ статьяхъ Пыпина „Польскій вопросъ въ русской литературѣ „Вѣст. Евр.“ 1880, №№ 2—11; объ участіи въ возстаніи молодежи см. въ интересныхъ статьяхъ Райковскаго „Молодежь западнаго края въ мятежѣ 1861—63 гг.“, въ „Русск. Вѣст.“ 1869, № 1—3; статьи эти отличаются обиліемъ любопытнаго документальнаго матеріала.

[1]) Невѣденскій. „Катковъ и его время“. 256.

почти органахъ европейской прессы ежедневно выливались ушаты помоевъ на самое дорогое для Герцена,—на русскій народъ, который именовался дикой ордой варваровъ, скопищемъ убійцъ и т. д. Благодаря ложно занятой позиціи, Герцену приходилось умалчивать обо всемъ этомъ. Приходилось, между прочимъ, умалчивать и о такихъ явленіяхъ, какъ дѣятельность польскихъ „жандармовъ - вѣшателей“, которые запугивали несочувствовавшихъ имъ крестьянъ. (До 1-го ноября 1863 г. „жандармами-вѣшателями“ было умерщвлено 821 чел.) [1]). Характерно, между прочимъ, что близкій другъ Бакунина и Герцена, Прудонъ, гласно заявилъ, что польское движеніе есть интрига іезуитовъ, хвастуновъ и шляхты [2]).

Въ письмѣ къ Ю. Ѳ. Самарину (отъ 5 ноября 1864 г.) Прудонъ высказался еще болѣе опредѣленно.

„Надѣюсь.—писалъ Прудонъ:—что теперь этой ненавистной аристократіи пришелъ конецъ: вотъ уже болѣе тысячи лѣтъ, какъ она томитъ и скандализируетъ Европу. Я изучалъ ея исторію и рѣшительно не могу сказать, въ какую эпоху она являла себя наиболѣе гнусной. Со дня ея обращенія въ христіанство при Мечиславѣ, позднѣе при Казимірѣ-Монахѣ и затѣмъ, при Локеткѣ, Казимірѣ Великомъ, Ягеллѣ, Сигизмундѣ, Баторіи, Собѣсскомъ, при Саксонцахъ, всегда и вездѣ я находилъ ее лицемѣрной, безпокойной, вѣроломной, подлой и свирѣпой. Я это сказалъ и отъ словъ своихъ не отрекусь.

„Преступно было со стороны вашихъ царей, что они терпѣли такъ долго ея существованіе.

„Что бы я далъ, чтобы подробно переговорить обо всемъ этомъ съ нашимъ добрѣйшимъ Герценомъ!.. Какъ глубоко сожалѣлъ я о томъ, что онъ поставилъ себя между русскими національными чувствами, съ одной стороны, и строптивою спѣсью поляковъ, съ другой! Какъ желалъ я, чтобы съ того дня, какъ Александръ II вступилъ на широкій путь эмансипаціи, Герценъ заставилъ смолкнуть свой „Колоколъ“!

„Въ пять, десять лѣтъ отдыха онъ бы вновь прояснѣлъ душой; онъ изучилъ бы пристальнѣе ходъ развитія въ Россіи, и впослѣдствіи, критика его, имѣя въ основѣ запасъ современныхъ фактовъ, стала бы авторитетнѣе“.

---

[1]) См. Н. Милютинъ. „Изслѣдованія въ Царствѣ Польскомъ“.

[2]) Невѣденскій „Катковъ и его время“. Стр. 177.

Прудонъ заканчиваетъ свое письмо слѣдующими словами:

„C'était chose admirable de faire la guerre à un Nicolas;c'a été un grave inconvénient, sinon une maladresse de ne pas modifier la polémique contre Alexandre.

„Je sais bien qu'un autocrate est toujours un autocrate, mais enfin, il y avait une considération plus haute, c'etait le respect du peuple Russe lui-même. Il fallait voir avant tout, ce que deviendrait ce peuple, rendu à liberté, à la propriété, à une part du gouvernement“ [1]).

Горькой ироніей полно письмо самого Герцена къ Бакунину, во время пребыванія послѣдняго въ Стокгольмѣ, послѣ неудачной попытки высадиться съ польскимъ отрядомъ на берегахъ Балтійскаго моря [2]). Письмо это является вмѣстѣ съ тѣмъ яркой характеристикой дѣятельности Бакунина въ этотъ періодъ.

Изъ писемъ Герцена видно, что онъ сознавалъ свою неправоту и фальшь занятаго имъ положенія по отношенію къ польскому возстанію, но онъ почему то не хотѣлъ сознаться въ этой ошибкѣ предъ Тургеневымъ и вмѣсто того заподозрилъ Тургенева въ „свирѣпомъ патріотизмѣ“, каковымъ Тургеневъ никогда не страдалъ. Тургеневъ стоялъ въ сторонѣ отъ всякихъ „конспирацій“ и прекрасно видѣлъ, что поляки не только губятъ собственное дѣло, но губятъ также и тѣ робкіе всходы широкихъ общественныхъ реформъ, которые только что начинали пускать ростки на русской почвѣ. Да и не одинъ Тургеневъ такъ относился къ польскому возстанію. Укажемъ на другого крупнаго дѣятеля той эпохи, на К. Д. Кавелина.

„Несчастная Польша и несчастные поляки!—писалъ Кавелинъ баронессѣ Розенъ (9 сент. 1862 г.) [3]):—Чѣмъ они глубже пали, тѣмъ больше мое сердце болитъ за нихъ, и вы, какъ женщина съ сердцемъ, не можете этого не понимать. Они проходятъ теперь страшную минуту! Теперь рѣшается для нихъ вопросъ: быть или не быть, потому что, очевидно, не тотъ народъ имѣетъ будущность, который умѣетъ храбро умирать въ битвахъ, на висилицѣ и въ каторгѣ, а тотъ, который умѣетъ *переродиться* и вынести реформу... Высшіе

---

[1]) Французскій и русскій текстъ письма Прудона къ Самарину, см. въ „Руси“ Аксакова. 1883 г., № 2.

[2]) Объ этой экспедиціи см. ст. Н. Берга въ „Ист. Вѣст.“ 1887 г., № 4.

[3]) „Русск. Мысль“, 1899, августъ.

классы висятъ и въ Царствѣ, и въ Литвѣ на воздухѣ... *Народъ* въ Польшѣ вѣритъ только въ царя и ни въ кого больше... Для меня вопросъ польскій особенно интересенъ по глубокой его связи *съ русскими вопросами* и съ *будущностью Россіи*".

Изъ любопытныхъ воспоминаній Спасовича о Кавелинѣ [1]) видно, что Тургеневъ сталкивался съ поляками въ Парижѣ и могъ до извѣстной степени оріентироваться въ запутанныхъ деталяхъ „польскаго вопроса".

Такъ, упоминая въ письмѣ къ Спасовичу о своемъ свиданіи съ Окольскимъ и Вызинскимъ въ Парижѣ, Кавелинъ пишетъ, между прочимъ:

„Надобно вамъ сказать, что оба, и Окольскій, и Вызинскій, вращаются больше въ аристократической партіи. По отзывамъ обоихъ, въ этой фракціи болѣе теперь обнаруживается наклонность къ сближенію съ Россіей и русскими. Въ первый разъ, что повстрѣчался съ Вызинскимъ *у Тургенева*, онъ толковалъ мнѣ о нѣкоторыхъ комбинаціяхъ, по которымъ нѣкоторыя части западныхъ губерній должны быть польскими, другія русскими. При второмъ свиданіи, у меня, онъ спохватился и взялъ назадъ, что говорилъ, сталъ на *историческую почву* и ставилъ вопросъ такъ: „мы, поляки, никакой другой точки отправленія *принять не можемъ, кромѣ границы Польши и Литвы до перваго раздѣла*"...

„Эти разсчеты границъ,—замѣчаетъ по этому поводу Кавелинъ:—эти политическія комбинаціи, когда Польша существуетъ, *какъ народъ*, а не какъ *политическое тѣло*, показываютъ вамъ, что движеніе вопроса совершается *по гнилой дорогѣ*".

Люди, въ родѣ Тургенева и Кавелина, понимавшіе всю многосложность польскаго вопроса и невозможность его рѣшенія тѣмъ насильственнымъ путемъ, какой одобрялъ Герценъ подъ вліяніемъ Бакунина и Огарева, были далеко не единицами. За ними стояла масса либерально настроенныхъ дѣятелей, относившихся отрицательно къ польскому возстанію, сознавая, что поляки не только погубятъ свое дѣло, но также создадутъ атмосферу реакціи, которая заглушитъ дѣло реформъ въ самой Россіи. Люди этого типа искренно страдали, и тотъ же Тургеневъ писалъ Фету: [2]).

---

[1]) „Вѣстн. Евр." 1898, февраль.

[2]) Фетъ. „Мои воспоминанія". Т. I стр. 417—418.

„Не въ состоянiи вамъ передать, до какой степени меня мучаютъ *польскiя дѣла*".

Но наряду съ этими сознательньными людьми была масса людей, не знавшихъ въ сущности, какъ отнестись къ этому явленiю и лишь ожидавшихъ авторитетнаго голоса, чтобы пойти по его указанiямъ. Настроенiе подобныхъ людей прекрасно характеризуетъ въ своихъ „воспоминанiяхъ" Фетъ, говоря: [1]).

„Никто не зналъ, что дѣлать съ поляками. И вдругъ, Катковъ всенародно сказалъ: „*бить*"! И это слово электрической искрой влетѣло въ народъ".

Какъ видите, для лирическаго поэта и прижимистаго помѣщика, Фета многосложный польскiй вопросъ разрѣшался чрезвычайно просто, а людей фетовскаго умонастроенiя было, конечно, многое множество, чѣмъ и объясняется колоссальный успѣхъ программы Каткова.

Насколько патрiотическое одушевленiе захватывало тогда людей, можно судить потому, что графъ Л. Н. Толстой, незадолго передъ тѣмъ женившiйся, писалъ Фету [2]):

„Что вы думаете о польскихъ дѣлахъ? Вѣдь, дѣло то плохо! Не придется ли намъ съ вами и съ Борисовымъ снимать мечъ съ заржавленнаго гвоздя?"

Всѣ приведенныя нами выше выписки указываютъ, между прочимъ, насколько одиноко стоялъ въ то время Герценъ съ своимъ сочувствiемъ польскому возстанiю. Несомнѣнно, что это доставляло ему не мало нравственныхъ мученiй. Можетъ быть, и ссора его съ Тургеневымъ, и крайне рѣзкiй тонъ его письма объясняются крайней нервозностью настроенiя, вызваннаго сознанiемъ непоправимой ошибки, поведшей къ паденiю „Колокола", этой единственной связи Герцена съ страстно любимой имъ родиной.

Въ письмѣ Герцена къ Тургеневу характерны звучащiе глубокой горечью слова:

„*Не ты одинъ съ нами такъ*".

Дѣйствительно, это былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ перiодовъ дѣятельности Герцена. Незадолго передъ разрывомъ съ Тургеневымъ, Герценъ разошелся съ другимъ старымъ прiятелемъ, Кавелинымъ. Разошелся онъ по польскому

---

[1]) Ibid. 437—438.

[2]) Ibid. 418—419.

вопросу и сталъ во враждебныя отношенія со старыми московскими друзьями, И. С. Аксаковымъ и Ю. Ф. Самаринымъ...

Стараясь какъ бы утѣшить себя, Герценъ изливаетъ всю свою желчь на Боткина, и, въ данномъ случаѣ, едва ли справедливо. Дѣло въ томъ, что Боткинъ въ это время (переживъ незадолго до того мозговую болѣзнь) весь ушелъ въ культъ эпикурейскаго самоуслажденія и самосохраненія. О немъ уже тогда по справедливости можно было сказать, что онъ умеръ, и что лишь его тѣло ходило по землѣ. Уже въ 1861 г. Тургеневъ, много возившійся съ нимъ въ Парижѣ и всячески хлопотавшій объ его излѣченіи, пишетъ о немъ:

„Боткинъ окончательно превратился въ безобразно-эгоистическаго, циническаго и грубаго старика“.

А, между тѣмъ, въ 40-хъ годахъ Боткинъ былъ другимъ человѣкомъ, былъ друженъ со всѣми почти членами кружка Герцена и Бѣлинскаго. Съ послѣднимъ онъ былъ особенно близокъ и, по свидѣтельству Анненкова, помогалъ ему не только деньгами, совѣтами, знаніемъ, но даже и личнымъ трудомъ: страницы о романтизмѣ въ статьяхъ Бѣлинскаго написаны Боткинымъ [1]). Не совсѣмъ чуждъ онъ былъ и общественныхъ инстинктовъ въ тѣ времена. Достаточно прочесть его восторженное письмо къ Анненкову изъ Женевы (1846 г.) съ горячимъ описаніемъ тогдашняго движенія въ Швейцаріи, чтобы убѣдиться, что Боткина широко захватывали тогдашнія событія [2]).

Правда, уже въ концѣ 40-хъ годовъ чисто эстетическія влеченія начинали въ Боткинѣ брать перевѣсъ надъ общественными. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характеренъ его отзывъ о „Запискахъ Охотника“ Тургенева.

„Какая прелесть „Записки Охотника“,—писалъ онъ Анненкову (1847) о „Пѣночкинѣ“ и „Конторѣ“, разсказахъ Тургенева, напечатанныхъ тогда въ „Современникѣ“.—„Какой артистъ Тургеневъ! Я читалъ ихъ съ такимъ же наслажденіемъ, съ какимъ, бывало, разсматривалъ *золотыя работы Челлини*“ [3]). Въ другомъ письмѣ онъ сравниваетъ тѣ же

---

[1]) Анненковъ. Некрологъ Боткина, „С.-Петербургскія Вѣд.“ 1869, № 282.

[2]) Анненковъ и его друзья. Т. I, 516—519.

[3]) Ibid. стр. 553—554.

„Записки Охотника“ съ „великолѣпными персиками Виченцы“ [1]).

Въ сущности говоря, купеческая складка характера Боткина: „пожить въ свое удовольствіе“ была сначала заглушена вліяніемъ кипучей умственной жизни кружка Бѣлинскаго и Герцена; но потомъ она мало-по-малу начала выступать наружу, и послѣ тяжелой болѣзни, сломившей его организмъ, Боткинъ весь ушелъ въ культъ своего тѣла. Въ свѣтлыя минуты онъ и самъ сознавалъ свое нравственное паденіе. 40-е годы, время его молодости и дружбы съ Бѣлинскимъ, были для него свѣтлой точкой, и онъ вспоминалъ объ этомъ времени незадолго передъ смертью, взволнованно восклицая: „Если бы вы знали, какое это было славное время!“ [2]).

Но въ 60-хъ годахъ, какъ мы уже сказали, В. П. Боткинъ былъ дряхлый больной старикъ. Опрокидывался онъ на Герцена и избѣгалъ его не потому, что ихъ политическія убѣжденія расходились, а просто потому, что въ Герценѣ Боткинъ видѣлъ опасность, могущую нарушить драгоцѣнный для него покой. Впослѣдствіи, когда раздраженіе остыло, самъ Герценъ подмѣтилъ комическую сторону въ этой чисто физической трусости Боткина. Онъ разсказывалъ Н. Н. Ге, какъ однажды въ Швейцаріи ему пришлось увидать Боткина, который подъѣзжалъ на пароходѣ. Увидавъ Герцена на берегу, Боткинъ испугался, засуетился, схватилъ мѣшки, и, обращаясь къ своей компаньонкѣ, чтицѣ, сталъ бѣгать по палубѣ, повторяя: „Ma chère, ma chère“.—„А я,—разсказывалъ Герценъ:—стою на пристани и говорю: „Василій Петровичъ, стыдно! Василій Петровичъ, стыдно!“—Но онъ такъ и убѣжалъ“ [3])...

Тургеневъ чрезвычайно ярко охарактеризовалъ Боткина въ письмѣ къ Анненкову, написанномъ вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о смерти Боткина [4]):

„Давно не исчезало,—писалъ Тургеневъ:—съ житейской сцены человѣка, столь способнаго наслаждаться жизнью; это былъ своего рода талантъ... Удивительно ретроградные пи-

[1]) Ibid. стр. 555.

[2]) Анненковъ. Некрологъ Боткина. „С.-Петерб. Вѣдом.“ 1869, № 282.

[3]) В. Стасовъ. „Н. Н. Ге“, „Книжки Недѣли“ 1897, № 2, стр. 187.

[4]) „Русск. Обозр.“ 1894, мартъ, стр. 21—26.

стинкты и предубѣжденія сидѣли въ этомъ купеческомъ сынѣ. Не хуже любого прусскаго юнкера или николаевскаго генерала... Литература все-таки для него отзывалась чѣмъ-то въ родѣ бунта".

Разрывъ съ Боткинымъ былъ, конечно, не особенно тяжекъ Герцену, но едва ли тоже можно сказать о разрывѣ съ Тургеневымъ, Кавелинымъ, Аксаковымъ, Самаринымъ и др. Мало-по-малу отъ него отходили друзья юности, и онъ оставался въ одиночествѣ; единственной опорой для него былъ старый неизмѣнный другъ юности, Н. П. Огаревъ. Съ Бакунинымъ Герценъ уже въ то время начиналъ расходиться. Для Герцена снова наступали „черные годы".

Какъ мы уже сказали ранѣе, начиная со времени польскаго возстанія престижъ „Колокола" начинаетъ падать, отчасти благодаря Бакунину и Огареву, отчасти благодаря столь неудачно занятому Герценомъ положенію въ дѣлѣ польскаго возстанія. Уже въ 1862 г. графъ Муравьевъ-Амурскій сообщалъ своему брату [1]) изъ Парижа (25—13 мая 1862 г.):

„Колоколъ" 1 мая страшно на тебя напалъ... Герценъ въ глазахъ моихъ совершенно себя уронилъ своею неосновательностью и диктаторскими своими приговорами; то и другое вмѣстѣ стало уже смѣшно; у него, какъ видно, нѣтъ никакой цѣли, и хотя изрѣдка являются дѣльныя статьи, полезныя, но эти дѣльныя статьи затемняются множествомъ клеветы, и всякое довѣріе къ нему исчезаетъ" [2]). Кавелинъ въ свою очередь осенью 1862 года (6 августа) писалъ Герцену:

„Я убѣжденъ въ томъ, что Вы (Герценъ и Огаревъ) *портите* дѣло „Колокола". Попомни мои слова!"

Съ 1862 года вокругъ Герцена, еще недавно окруженнаго восторженными поклонниками, начинаетъ образовываться гнетущая пустота, среди которой безплодно сгоралъ его громадный публицистическій талантъ.

Въ 1864 году Герценъ съ семьей и Огаревымъ переселился въ Женеву. Здѣсь онъ прожилъ до 1866 г. Пребываніе Герцена въ Женевѣ было тягостнымъ для него по

---

[1]) Валер. Ник. Муравьеву (1811—1869), псковскій губернат., сенаторъ.
[2]) И. Барсуковъ. „Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій". Т. I, стр. 628—269.

многимъ причинамъ. Вліяніе „Колокола“ совершенно упало, къ этому прибавились еще очень обостренныя отношенія съ женевскими эмигрантами молодого поколѣнія. Женевскіе эмигранты смотрѣли на Герцена и Огарева, какъ на „либеральныхъ баръ“. Герценъ съ его многостороннимъ образованіемъ и колоссальнымъ талантомъ чувствовалъ себя чужимъ среди этихъ новыхъ товарищей, которые отъ нечего дѣлать травили его и даже оскорбляли умышленно [1]).

Въ минуты раздумья Герценъ даже находилъ оправданіе для этихъ, скорблявшихъ его безъ нужды и причины, людей, говоря въ 1869 г.: „я не бросаю камнемъ въ молодое поколѣніе, но эти его представители были представителями крайности, это—временный типъ, переходная форма, болѣзнь развившаяся изъ застоя... Самыя простыя отношенія съ ними были затруднительны. У нихъ не было ни воспитанія, ни научной подготовки“. Слова эти были произнесены передъ смертью, когда Герценъ уже успѣлъ перестрадать и сумѣлъ отнестись къ явленіямъ этой нелѣпой враждебности съ философскимъ спокойствіемъ. Но что эта вражда и оскорбленія глубоко его уязвляли, можетъ служить доказательствомъ его письмо къ Бакунину, написанное по поводу появившейся въ Женевѣ брошюры Серно-Соловьевича, въ которой Герценъ упрекался въ барствѣ, революціонномъ риторствѣ и даже въ томъ, что онъ... пьетъ шампанское!

„Серно-Соловьевичъ,—жаловался Герценъ въ письмѣ къ Бакунину:—наглый и сумасшедшій, но страшно то, что большинство молодежи *такое* и что мы всѣ помогли ему *быть такимъ*. Я много думалъ объ этомъ послѣднее время и даже писалъ, не для печати теперь. Эти люди, которые обратили на меня втрое больше ненависти, чѣмъ на Скарятина [2]), говорятъ просто, что они хотѣли бы (меня) обобрать и что они не могутъ переварить художественной стороны статей. Ты и Огаревъ, вы этихъ скорпіоновъ откармливали млекомъ вашимъ. Это вѣрно. Caro mio, подумай. Имъ будущности нѣтъ. Это меньшій братъ, который умретъ,—и на его могилѣ встрѣтится старшій съ еще болѣе меньшимъ“.

---

[1]) См. подробности въ статьѣ В. Стасова о Н. Н. Ге («Книж. Недѣли», 1897, № 2) и Ист. Вѣст. LXXIX, стр. 219.

[2]) Редакторъ реакціонной «Вѣсти».

Ненависть къ Герцену со стороны женевскихъ эмигрантовъ доходила до того, что противники, старались принизить даже его громадный литературный талантъ и, по разсказу Л. И. Мечникова, сравнивая его сочиненія съ произведеніями Элпидина, говорили: „У Элпидина только нѣтъ остроумія Герцена, но за то сколько-же денегъ потрачено на литературное воспитаніе Герцена!“

Въ „Воспоминаніяхъ“ д-ра Бѣлоголоваго имѣется любопытная страничка, ярко характеризующая душевное настроеніе Герцена во время пребыванія его въ Женевѣ [1]).

„Въ 1861 году, — говоритъ Бѣлоголовый: — я видалъ Герцена (въ Лондонѣ) въ зенитѣ его славы; его имя и „Колоколъ“ пользовались въ Россіи не только популярностью, но и представляли изъ себя своего рода высшую инстанцію. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось: польское возстаніе и радикальное отношеніе къ нему „Колокола“, наступившая затѣмъ и постепенно усилившаяся реакція—все это прямо отозвалось на положеніи Герцена, тѣмъ болѣе, что русское общество не могло оказать ему существенной поддержки, а огромное реакціонное большинство съ жадностью прислушивалось къ злобнымъ инсинуаціямъ противъ Герцена, и индифференты легко проникались ими.

„Съ этой темы и началась этотъ разъ наша бесѣда. Герценъ, безъ малѣйшей желчи, но съ искренней грустью, замѣтилъ, что реакціонное настроеніе *не правительства*, а именно *общества* онъ чувствуетъ осязательно на умаленіи своего авторитета; не только уменьшился спросъ на „Колоколъ“, который расходится далеко не въ такомъ числѣ, какъ было до 1863 г., но значительно сократилось и число корреспонденцій изъ Россіи, и число посѣщавшихъ его туристовъ, прежде въ такомъ изобиліи снабжавшихъ его разными извѣстіями и пикантными новостями для изданія. Онъ самъ сознавалъ, что теряетъ почву подъ ногами, не ясно понимаетъ причинную связь между многими жгучими вопросами, волнующими современную Россію,—словомъ, что большое его отчужденіе отъ родины неизбѣжно вліяетъ невыгодно на свѣжесть его органа и на досточную отзывчивисть его ко многимъ крупнымъ явленіямъ текущей государственной и общественной жизни.

[1]) Бѣлогол. Воспоминанія 3-е изд. (стр. 539).

„Какъ мнѣ ни печально такое сознаніе,—говорилъ Герценъ:—но я не настолько самонадѣянъ, чтобы отрицать фактъ охлажденія ко мнѣ русской публики. Видя, невозможность оказывать впредь давленіе посредствомъ нашего общественнаго мнѣнія, которое стало ко мнѣ гораздо равнодушнѣе, я хочу теперь измѣнить свою тактику и обратиться къ суду европейскаго общества, хочу попробовать издавать „Колоколъ“ на французскомъ языкѣ. Жаль мнѣ мой прежній русскій „Колоколъ“, но дѣлать нечего!“

Самъ Герценъ въ 1867 г. въ отрывкѣ изъ VI части „Былого и Думъ“ [1]) такъ вспоминаетъ эти черные для него годы:

„...Мы дошли до конца 1862 года.

„Въ дальнихъ горизонтахъ стали показываться дурныя знаменія и черныя тучи... Да и вблизи совершилось *великое несчастіе,* чуть ли не единственное политическое несчастіе во всей нашей жизни“ (Герценъ подразумѣваетъ польское возстаніе и роль „Колокола“ въ немъ).

Въ тогдашней реакціонной русской печати настойчиво проводилась мысль, что петербургскіе пожары 1862 г. совершались съ вѣдома и чуть-ли не при дѣятельномъ подстрекательствѣ Герцена. Немудрено, что даже люди, искренно любившіе Герцена, поколебались въ своемъ довѣріи къ нему. Въ томъ же отрывкѣ изъ VI части „Былого и Думъ“ онъ даетъ образчикъ того впечатлѣнія, какое производили на русское общество эти инсинуаціи [2]):

„Бьетъ десять часовъ, и я слышу посторонній голосъ, женскій, раздраженный, нервный и немного со слезами:

„— Мнѣ непремѣнно, непремѣнно нужно его видѣть... Я не уйду, пока не увижу...

„И затѣмъ входитъ молодая дѣвушка, которую я прежде видѣлъ раза два.

„Она останавливается предо мной, пристально смотритъ

---

[1]) Отрывокъ изъ главы „Апогей и Перигей“, не вошедшей цѣликомъ въ полное собраніе сочиненій.

[2]) О пожарѣ Апраксинскаго рынка въ Петербургѣ и его послѣдствіяхъ см. „Ист. Вѣст.“, 1886, № 1; „Рус. Стар.“, 1882, № 5; „Соврем.“ 1863, № 1; и статью Н. Лѣскова въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1862 г. (объ этой статьѣ см. Фаресова, воспом. о Лѣсковѣ въ „Истор. Вѣст.“ 1896 г. и въ „Книжкахъ Недѣли“ 1896 г.).

мнѣ въ глаза, черты ея печальны, щеки горятъ; она наскоро извиняется и шепотомъ говоритъ:

„— Я только что воротилась изъ Россіи, изъ Москвы... Она пріостанавливается, голосъ ей измѣняетъ.

„— Я ничего не понимаю.

„— Неужели, вы, *вы*?..

„— Да въ чемъ же дѣло?

„— Скажите, бога ради, *да* или *нѣтъ*,—вы участвовали въ петербургскомъ пожарѣ?

„— Я?

„— Да, да, вы,—Васъ обвиняютъ... По крайней мѣрѣ, говорятъ, что вы знали объ этомъ злодѣйскомъ намѣреніи!

„— Что за безуміе! И вы можете принимать это такъ серьезно?

„— Всѣ говорятъ!

„— Кто это всѣ? Какой-нибудь Николай Филипповичъ Павловъ? [1]).

„— Нѣтъ, люди близкіе вамъ, вы для нихъ должны оправдаться.

„— А вы сами вѣрите?

„— *Не знаю.* Я затѣмъ и пришла, что не знаю, я жду отъ васъ объясненія...

„— Начните съ того, что успокойтесь, сядьте и выслушайте меня. Если я тайно участвовалъ въ поджогахъ, почему же вы думаете, что я бы вамъ сказалъ это такъ, по первому спросу? Вы не имѣете права, основанія мнѣ повѣрить!.. Лучше скажите, гдѣ во всемъ писаномъ мною есть что-нибудь, одно слово, которое бы могло оправдать такое нелѣпое обвиненіе? Вѣдь мы не сумасшедшіе, чтобы рекомендоваться поджогомъ толкучаго рынка!

„— Зачѣмъ же вы молчите, зачѣмъ не оправдываетесь публично?—замѣтила она, и въ глазахъ ея было видно раздумье и сомнѣніе.—Заклеймите печатно этихъ злодѣевъ, скажите, что вы ужасаетесь ихъ, что вы не съ ними, или...

„— Или что? Ну, полноте,—сказалъ я ей: улыбаясь.— Вамъ стыдно, и нашимъ друзьямъ вдвое—вѣрить такому вздору, а намъ стыдно въ немъ оправдываться...

„— Такъ вы рѣшительно не будете оправдываться?

---

[1]) Редакторъ реакціоннаго „Нашего Времени".

„— Нѣтъ.

„— Что-же я напишу туда?

„— Да вотъ, что мы съ вами говорили.

„Клевета росла и вскорѣ, подхваченная печатью, разошлась по всей Россіи.

„Въ самомъ обществѣ произошелъ переворотъ. Освобожденіе крестьянъ отрезвило однихъ, другіе просто устали отъ политической агитаціи, имъ захотѣлось прежняго покоя.

„Послѣ освобожденія крестьянъ казалось, что Россія зашла далеко, что она идетъ слишкомъ быстро“.

О характерѣ отношеній къ Герцену, установившихся въ тогдашней литературѣ, читатели могутъ судить по слѣдующей выдержкѣ изъ либеральнаго „Голоса“ [1]):

„Каково было поведеніе французскихъ эмигрантовъ первой революціи, таково свойство всѣхъ выходцевъ, не умѣющихъ дѣйствовать въ трудныя минуты отечества, котораго они не знаютъ и не любятъ, а принимаютъ на себя разныя красивыя позы агитаторовъ *издали, съ того берега*...

„Съ нашими эмигрантами та же исторія. Именно въ то время, когда Россія приготовилась къ обновленію и наиболѣе нуждалась въ людяхъ талантливыхъ, честныхъ, дѣльныхъ и знающихъ; когда готовилась крестьянская реформа, поднявшая народный духъ и оживившая весь организмъ государства; когда мы напрягали всѣ силы, чтобы вступить на путь новой гражданской жизни,—эти господа почли за благо *распродать* свои имѣнія со всѣми *крѣпостными*, собрать деньги и уѣхать изъ родной земли, чтобы тамъ, на другомъ берегу, спокойно наслаждаться зрѣлищемъ болѣзней, переносимыхъ обновляющейся Россіей, и утѣшать себя тѣмъ, что вотъ они, эти эмигранты, такъ высоко поставлены натурою и такъ великодушны, что не могутъ перенести русскихъ порядковъ, предоставляя намъ, чернорабочимъ, трудиться на самомъ дѣлѣ: они же будутъ только издали писать намъ наставленія, похваливать изрѣдка за прилежаніе или пускать въ насъ каламбурами, если что не по нихъ дѣлается... Гаже этой роли—трудно что-нибудь придумать!“

Вылазка эта, главнымъ образомъ, была направлена противъ князя П. В. Долгорукова, но въ ней намѣренно съ Дол-

---

[1]) „Голосъ“, 1863 г. № 195.

горуковымъ были смѣшаны Герценъ и Огаревъ. Всякій читатель, незнакомый детально съ біографіями Герцена и Огарева, могъ думать, что слова о продажѣ имѣній съ „крѣпостными" относились къ нимъ. Между тѣмъ, это была совершенная неправда, и объ этомъ прекрасно зналъ издатель „Голоса" Краевскій, хорошо знакомый съ финансовыми дѣлами Герцена и Огарева, да, вѣроятно, зналъ и фактическій редакторъ „Голоса" (Бильбасовъ). Но наступили такія времена, когда швырять грязью въ Герцена сдѣлалось модой, и либеральный „Голосъ" не могъ отказать себѣ въ этомъ удовольствіи.

О газетахъ консервативнаго лагеря нечего и говорить. Когда начались Симбирскіе пожары въ 1864 г. [1]), „Московскія Вѣдомости" прямо указали, что они производятся агентами Герцена, имѣющими главное депо въ румынскомъ городѣ Тульчѣ, и что во главѣ этого депо стоятъ братья Кельсіевы и Чайковскій (Садыкъ-Паша) [2]). Какъ это ни странно, но въ то время находились люди, которые вѣрили этимъ обвиненіямъ.

Настойчивость этихъ обвиненій заставила, наконецъ, Герцена протестовать въ русской *легальной* печати, и онъ напечаталъ въ газетѣ „Отголоски" слѣдующее письмо: [3])

„Милостивый Государь, г. Редакторъ!

„Вы перепечатали нѣсколько словъ изъ моей протестаціи, позвольте мнѣ поблагодарить васъ и просить, чтобъ Вы дали мѣсто въ Вашемъ журналѣ моему письму.

„Мнѣнія наши *розны*, но въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ не о мнѣніяхъ, а объ обличеніи лжеца. Кто нибудь да лжетъ: мои обвинители или я. Мнѣ кажется, что вовсе не лишено интереса вывести на чистую воду лгуна. Можетъ,

---

[1]) О Симбирскихъ пожарахъ см. „Ист. Вѣст." 1886, № 9; „Русск. Вѣст." 1890, № 12; „Московъ. Вѣд." 1864, № 268; „Московъ. Вѣд." 1865, № 270; Невѣденскій „Катковъ и его время" стр. 263—265; Записки В. И. Депа въ „Русск. Ст." 1890, 1—7; статья Юрлова въ „Русск. Ст." 1890, № 11.

[2]) О Кельсіевыхъ и Тульчинскомъ агентствѣ см. „Голосъ" 1865, № 233; „Московъ. Вѣд." 1865, № 241, 183; „Кіевлянинъ" 1865, № 102; „Nord" отъ 17 сент. 1865 г.

[3]) „Отголоски", 1864 г. № 132.

лгу я,—ну, покончить со мной навсегда. Такого случая долго не придетъ опять.

„Я торжественно утверждаю:

„1) что никогда, нигдѣ не сказалъ ни одного слова, не написалъ ни одной строчки, изъ которыхъ можно бы было заключить—прямо или косвенно,—что я одобряю поджоги, бывшіе въ Россіи.

„2) что я никогда не былъ ни въ какихъ сношеніяхъ съ обществомъ „Революціоннаго Пламени“, въ существованіи котораго сильно сомнѣваюсь.

„3) что я ни отъ банкира Т., ни отъ кого другого денегъ для пересылки въ Тульчу не получалъ и въ участіе Кельсіевыхъ въ поджогахъ *не вѣрю.*

„Впрочемъ, послѣдній пунктъ можно считать рѣшеннымъ. „Московскія Вѣдомости“ въ № 183 помѣстили подробную статью *объ агентствѣ* (откуда взялось это безобразное названіе?) *Герцена въ Тульчѣ*, изъ которой можно вывести, что угодно, кромѣ двухъ вещей: *моего участія въ агентствѣ и участія агентовъ въ поджогахъ.*

„Истину моихъ словъ я готовъ утверждать въ печати и въ свободномъ судѣ—въ Англіи или въ Швейцаріи.

„Позвольте, Милостивый Государь, заключить мое письмо увѣренностью, что Вы не откажетесь помѣстить его въ „Отголоскахъ“.

„Готовый къ услугамъ Вашимъ

А. Герценъ“.

Къ тому-же злосчастному вопросу о пожарахъ Герцену пришлось возвратиться еще разъ въ открытомъ письмѣ къ И. С. Аксакову, напечатанномъ въ издававшейся Аксаковымъ газетѣ „Москва“ [1]):

„Милостивый Государь, Иванъ Сергѣевичъ,—писалъ Герценъ.

„Мы съ Вами совершеннѣйшіе противники, насъ связываетъ, правда, одна общая любовь, но мы такъ разно ее понимаемъ, что на этомъ-то общемъ чувствѣ всего яснѣй видна непереходимая рознь, насъ дѣлящая.

---

[1]) „Москва“ 1867, № 58.

„Но вы—честный человѣкъ и любите правду. Вы меня считаете преступникомъ, злодѣемъ, — но мнѣ сдается, что вы не считаете меня ни лгуномъ, ни безумнымъ. Потому то я и рѣшаюсь обратиться къ Вамъ съ просьбой помѣстить въ „Москвѣ“ слѣдующія строки, нисколько не выходящія изъ предѣловъ Вамъ предоставленной гласности.

„Въ № 46-мъ „Голоса“ сказано: „существованіе общества поджигателей, къ которому принадлежатъ Герценъ и Бакунинъ, сдѣлалось *неопровержимымъ фактомъ* и потому было занесено во всеподданнѣйшій отчетъ генералъ-полиціймейстера“ и т. д.

„Существовало или не существовало общество зажигателей, я не знаю, хотя сильно сомнѣваюсь, но я не только въ немъ никакого, ни прямого, ни косвеннаго участія не бралъ, но *вообще, ни къ какому обществу* не принадлежалъ и не принадлежу: почему, — могутъ догадаться тѣ, кто читалъ хоть часть писаннаго мною съ 1849 года.

„Ложь эта (какъ и знаменитая Тульчинская агенція) является не въ первый разъ. Я звалъ на судъ обвинителей, я требовалъ доказательствъ,—никто не представилъ ихъ. *Не понимаю, зачѣмъ они щадятъ меня?*

„Я самъ сдѣлалъ бы процессъ имъ, хотя бы какому-нибудь Краевскому, напр., но... но возможенъ ли у насъ такой процессъ?

„Напечатаніемъ этихъ строкъ въ Вашемъ журналѣ, Вы искренно обяжете меня, а обязывать своихъ противниковъ не часто случается человѣку.

„P. S. Письмо это пролежало у меня пять дней, и я его отправилъ изъ Ниццы 15 марта.“

И. С. Аксаковъ оправдалъ довѣріе Герцена и напечаталъ его письмо въ „Москвѣ“, присовокупивъ къ нему слѣдующее характерное замѣчаніе:

„Мы не имѣемъ причины отказывать г. Герцену въ помѣщеніи этого письма. Но напрасно думаетъ онъ, что подобнаго рода голословными (?!) отрицаніями можетъ онъ оправдаться вполнѣ отъ взводимыхъ на него навѣтовъ. Пусть онъ не участвовалъ въ обществѣ поджигателей, мы охотно этому вѣримъ, но тѣмъ не менѣе его именемъ назвалась Тульчинская агенція и, стало быть, имѣла къ тому какой-

нибудь поводъ [1]). Что Герценъ открывалъ въ „Колоколѣ“ подписку въ пользу польскаго народнаго жонда, употреблявшаго собранные имъ деньги, между прочимъ, на содержаніе жандармовъ-вѣшателей, отравителей и поджигателей [2]); что г. Герценъ былъ въ единомысліи съ Бакунинымъ, затѣявшимъ знаменитую неудавшуюся экспедицію въ помощь полякамъ,—это факты неопровержимые. Отъ солидарности съ поляками г. Герценъ не отрекался. Слѣдовательно, вопросъ только въ томъ: однимъ ли мечемъ, или также и огнемъ производился тотъ ущербъ Россіи, въ нанесеніи котораго г. Герценъ принималъ, если не непосредственное, то косвенное и нравственное участіе.

„Пусть въ этомъ покается передъ Россіею г. Герценъ. Не можетъ же онъ не понимать, что для покаянія въ его прегрѣшеніяхъ передъ Россіей нѣтъ компромиссовъ.

„Итакъ, хотѣлось бы думать, что для него еще возможенъ нравственный возвратъ, потому что въ искренность и чистосердечіе его заблужденій мы не переставали вѣрить“.

Теперь, по прошествіи 40 лѣтъ, обвиненіе Герцена въ участіи въ обществѣ поджигателей (никогда не существовавшемъ) кажется только смѣшнымъ, но, просматривая изданія 60-хъ годовъ, перестаешь удивляться многому. Для характеристики настроенія въ извѣстныхъ сферахъ во 2-й половинѣ 60-хъ годовъ я приведу лишь одну выписку изъ знаменитой „Вѣсти“. Въ поясненіе цитаты изъ „Вѣсти“ скажу лишь, что земельныя реформы въ Литвѣ и Царствѣ Польскомъ, попытки надѣлить землею безземельныхъ батраковъ въ Лифляндіи и Курляндіи вызывали ожесточенную злобу среди крѣпостниковъ.

Проектъ надѣленія землею безземельныхъ батраковъ въ Остзейскомъ краѣ вызвалъ у „Вѣсти“ крикъ ужаса:

---

[1]) Ни самъ Герценъ, ни братья Кельсіевы никогда не называли Тульчинской эмигрантской колоніи „агенціей Герцена“. Въ первый разъ это названіе было употреблено въ донесеніи французскаго консула въ Тульчѣ (Agence de m-r Herzen à Toulchä) и, перепечатанное изъ французскихъ газетъ въ „Москов. Вѣдомостяхъ“, выставлялось, какъ несомнѣнное доказательство связи Герцена съ „агентствомъ“.

[2]) Герценъ никогда въ „Колоколѣ“ не открывалъ подписки въ пользу „польскаго жонда“.

„Пусть помѣщики всмотрятся серьезно въ положеніе дѣла и зорко слѣдятъ за людьми, которые стали заниматься соціализмомъ не изъ любви къ искусству, а потому, что это сдѣлалось выгоднымъ (?). Пусть они не послужатъ жалкимъ орудіемъ въ рукахъ людей корыстныхъ. Если батраковъ, людей свободныхъ, не крѣпостныхъ, слѣдуетъ надѣлять помѣщичьей землею въ Курляндской губерніи, то слѣдуетъ же и Московскихъ мѣщанъ надѣлить чьею нибудь землею. Повторяемъ, или—Европа, или—киргизская степь. Середины тутъ нѣтъ“.

Мудрено ли, что Герценъ попалъ въ „поджигатели“?

Наросташее нерасположеніе къ Герцену выразилось не только въ нападеніяхъ на него въ легальной прессѣ, но и въ рядѣ писемъ къ нему, въ которыхъ прямо совѣтовали прекратить изданіе „Колокола“. Одно изъ этихъ писемъ (относящееся къ концу 1865 г.) Герценъ приводитъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

„Вы тонете, — писалъ ему корреспондентъ изъ Россіи: — въ какой-то тинѣ, и мнѣ васъ жаль. По временамъ у васъ вырываются Прометеевскіе вопли, но все таки вы погружаетесь глубже и глубже въ свою бездну. Вы должны перемѣнить атмосферу, забыть прошедшее, обновиться, освѣжиться, пріобрѣсти другой языкъ. Теперь вашу рѣчь намъ, русскимъ, читать тяжело, *ни одного добраго слова мы отъ васъ не слышимъ.* Вы не встрѣчаете въ отечествѣ *ни малѣйшей хорошей черты,* точно какъ будто русскіе составляютъ какой нибудь отверженный народъ... Двадцать пять милліоновъ крѣпостныхъ крестьянъ и двадцать пять милліоновъ казенныхъ получаютъ свободу и землю. Дворянское сословіе переноситъ свою нужду (!) съ терпѣніемъ и покоемъ. Раздаются свободные голоса въ думахъ, земскихъ собраніяхъ, печати. Войска узнать нельзя. Духовенство обновляется... Неужели это все *не находитъ отзыва въ душѣ, любящей истинно* отечество? Нѣтъ, вашъ „Колоколъ“ треснулъ, благовѣстить вы не можете, а зловѣстить есть преступленіе... Прозвоните же De profundis, напишите эпилогъ.“

А „молодая эмиграція“ въ это время ругала Герцена „постепеновцемъ“ и „бариномъ“ именно потому, что онъ горячо любилъ Россію и вѣрилъ въ ея будущее, радостно привѣтствовалъ новый гласный судъ, земскія учрежденія.

Герценъ съ прискорбіемъ вспоминаетъ объ этомъ расхожденіи съ тогдашней молодежью, но, перечитывая его воспоминанія, становится до осязательности понятнымъ, что въ данномъ случаѣ два поколѣнія не могли сойтись, здѣсь разыгрывалась та же драма „отцовъ и дѣтей", причемъ „дѣти" едва ли были правы.

„...Новые люди, — говорилъ Герценъ: — стучались у нашихъ дверей. Они ничего не искали внутри, имъ нуженъ былъ временный пріютъ. Люди эти—очень молодые—покончили съ идеями, съ образованіемъ; теоретическіе вопросы ихъ не занимали оттого, что они у нихъ еще не возникали. Отсюда сухой тонъ, canaut raide, рѣзкій и нѣсколько поднятый. Отсюда военное, нетерпѣливое отвращеніе отъ долгаго обсуживанія, критики, нѣсколько изысканное пренебреженіе ко всѣмъ умственнымъ роскошамъ, въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ ставилось искусство. Какая тутъ музыка, какая поэзія!

„...Сначала новые гости оживили насъ разсказами; потомъ, когда все это было передано съ той скоростью, съ которой въ этихъ случаяхъ торопятся все сообщить, наступили паузы, гіатусы, бесѣды наши сдѣлались скучны, однообразны.

„Неужели, — думалъ я: — это въ самомъ дѣлѣ старость, разводящая два поколѣнія,—холодъ, вносимый лѣтами, усталью, испытаніями?

„Какъ бы-то ни было, я чувствовалъ, что съ появленіемъ новыхъ людей горизонтъ нашъ не расширился... а сузился; діаметръ разговоровъ сталъ короче; намъ иной разъ нечего было другъ другу сказать. Ихъ занимали подробности ихъ кружковъ, за границею которыхъ ихъ ничто не занимало. Однажды передавши все интересное объ нихъ, приходилось повторять, и они повторяли. Наукой или дѣлами они занимались мало; даже мало читали и не слѣдили правильно за газетами. Поглощенные воспоминаніями и ожиданіями, они не любили выходить въ другія области; а намъ не доставало воздуха въ этой спертой атмосферѣ. Мы, избаловавшись другими размѣрами, задыхались.

„Къ тому же, если они и знали извѣстный слой Петербурга, то Россіи вовсе не знали и, искренно желая сбли-

зиться съ народомъ, сближались съ нимъ книжно и теоретично.

„Общее между нами было слишкомъ *обще*. Вмѣстѣ идти, „служить", по французскому выраженію, вмѣстѣ что-нибудь дѣлать — мы могли; но вмѣстѣ стоять и жить, сложа руки, было трудно. О серьезномъ вліяніи и думать было нечего. Болѣзненное и очень безцеремонное самолюбіе давно закусило удила. Самолюбіе ихъ не было такъ велико, какъ задорно и раздражительно, а главное,—невоздержно на слова. Они не могли скрыть ни зависти, ни своего рода щепетильнаго требованія — чинопочитанія по рангу, имъ присвоенному. Приэтомъ сами они смотрѣли на все свысока, и постоянно трунили другъ надъ другомъ, отчего ихъ „дружба" никогда не продолжалась дольше мѣсяца. Иногда, правда, они требовали программы, руководства, но, при всей искренности, это было не въ самомъ дѣлѣ. Они ждали, чтобы мы формулировали ихъ собственное мнѣніе, и только въ томъ случаѣ соглашались, когда высказанное нами нисколько не противорѣчило ему. На насъ они смотрѣли, какъ на почтенныхъ инвалидовъ, какъ на прошедшее...

„Я всегда и во всемъ боялся „пуще всѣхъ печалей" *мезальянсовъ*, всегда ихъ допускалъ, долею по гуманности, долею по небрежности, и всегда страдалъ отъ нихъ.

„Предвидѣть было не мудрено, что новыя связи долго не продержатся, что рано или поздно онѣ разорвутся, и что этотъ разрывъ, взявъ въ разсчетъ шероховатый характеръ новыхъ пріятелей, не обойдется безъ дурныхъ послѣдствій.

„Вопросъ, на которомъ покачнулись шаткія отношенія, былъ именно тотъ старый вопросъ, на которомъ обыкновенно разрываются знакомства, сшитыя гнилыми нитками. Я говорю о деньгахъ. Не зная вовсе ни моихъ средствъ, ни моихъ жертвъ, они предъявляли ко мнѣ требованія, которыя удовлетворить я не считалъ справедливымъ. Если я могъ черезъ всѣ невзгоды, безъ малѣйшей поддержки провести лѣтъ пятнадцать мои русскія изданія, то я могъ это сдѣлать, лишь налагая мѣру и границу на другія траты. Новые знакомые находили, что все, дѣлаемое мною, мало, и съ негодованіемъ смотрѣли на человѣка, прикидывающагося соціалистомъ и не раздающаго своего достоянія на дуванъ людямъ, не работающимъ, но желающимъ денегъ.

„Въ самый разгаръ безденежья разнесся слухъ, что у меня есть какая-то сумма денегъ, врученная мнѣ. Молодымъ людямъ казалось справедливымъ ее у меня отобрать.

„Для того, чтобы понять это, слѣдуетъ разсказать объ одномъ странномъ случаѣ, бывшемъ въ 1858 году“.

Далѣе Герценъ съ неподражаемымъ юморомъ разсказываетъ эпизодъ, очень характерный для той эпохи:

„Однимъ утромъ я получилъ записку, очень короткую, отъ какого-то незнакомаго русскаго; онъ писалъ мнѣ, что имѣетъ „необходимость меня видѣть“ и просилъ назначить время.

„Я въ это время шелъ въ Лондонъ, а потому, вмѣсто всякаго отвѣта, зашелъ самъ въ Соброньеръ - отель и спросилъ его. Онъ былъ дома. Молодой человѣкъ, съ видомъ кадета, застѣнчивый, очень невеселый и съ особой наружностью, довольно топорно отдѣланной, седьмыхъ - осьмыхъ сыновей степныхъ помѣщиковъ. Очень неразговорчивый, онъ почти все молчалъ; видно было, что у него что-то на душѣ, но онъ не дошелъ до возможности высказать что.

„Я ушелъ, пригласивши его дня черезъ два-три обѣдать. Прежде этого я его встрѣтилъ на улицѣ.

„— Можно съ вами идти?—спросилъ онъ.

„— Конечно, не мнѣ съ вами опасно, а вамъ со мной. Но Лондонъ великъ.

„— Я не боюсь!

„И тутъ вдругъ, закусивъ удила, онъ быстро проговорилъ:

„— Я никогда не возвращусь въ Россію, нѣтъ, нѣтъ, я рѣшительно не возвращусь въ Россію...

„— Помилуйте, вы такъ молоды!

„— Я Россію люблю, очень люблю, но тамъ люди... Тамъ мнѣ не житье. Я хочу завести колонію на совершенныхъ началахъ. Это все я обдумалъ и теперь ѣду прямо туда.

„— То-есть куда?

„— На Маркизскіе острова.

„Я посмотрѣлъ на него съ нѣмымъ удивленіемъ.

„— Да, да, это дѣло рѣшенное. Я поѣду съ первымъ пароходомъ и потому очень радъ, что васъ встрѣтилъ сегодня. Могу я вамъ сдѣлать нескромный вопросъ?

„— Сколько хотите.

„— Имѣете вы выгоду отъ вашихъ публикацій?

„— Какая же выгода; хорошо, что теперь печать окупается.

„— Ну, а если не будетъ окупаться?

„— Буду приплачивать.

„— Стало быть, въ ваши разсчеты не входятъ никакія торговыя цѣли?

„Я расхохотался.

„— Ну, да какъ же вы будете одни приплачивать? Вы меня простите, я не изъ любопытства спрашиваю: у меня была мысль оставить Россію навсегда, — я и рѣшился оставить у васъ немного денегъ. Вы бы и распорядились ими.

„Мнѣ опять пришлось посмотрѣть на него съ удивленіемъ.

„— Зачѣмъ же я возьму ваши деньги? Но, отказываясь отъ нихъ, позвольте мнѣ отъ души поблагодарить за доброе намѣреніе.

„— Нѣтъ-съ, это дѣло рѣшенное. У меня пятьдесятъ тысячъ франковъ: тридцать я беру съ собой на Острова, двадцать отдаю вамъ.

„— Куда-же я ихъ дѣну?

„— Ну, не будетъ нужно, вы отдадите мнѣ, если я возвращусь; а не возвращусь лѣтъ черезъ десять или умру, употребите ихъ.

„— Только, — добавилъ онъ, подумавши: — дѣлайте что хотите, но... но не отдавайте ничего моимъ наслѣдникамъ. Вы завтра утромъ свободны?

„— Пожалуй.

„— Сводите меня, сдѣлайте одолженіе, въ банкъ къ Ротшильду; я ничего не знаю и говорить не умѣю по англійски, а по французски—очень плохо. Я хочу скорѣе отдѣлаться отъ двадцати тысячъ и ѣхать.

„— Извольте, я деньги принимаю, но вотъ на какихъ условіяхъ: я вамъ дамъ росписку.

„— Никакой росписки мнѣ не нужно.

„— Да, но мнѣ нужно дать, я безъ этого вашихъ денегъ не возьму. Слушайте. Во первыхъ, въ роспискѣ будетъ сказано, что деньги ваши ввѣряются не мнѣ одному, а мнѣ и Огареву. Во-вторыхъ, такъ какъ вы, можетъ, соскучитесь на Маркизскихъ Островахъ, и у васъ явится тоска по родинѣ (онъ покачалъ головой)... Почемъ знать, чего не знаешь?—то

писать о цѣли, съ которой вы даете капиталъ, не слѣдуетъ, а мы скажемъ, что деньги эти отдаются въ полное распоряженіе мое и Огарева; буде же мы иного распоряженія не сдѣлаемъ, мы купимъ для васъ на всю сумму какихъ-нибудь бумагъ, гарантированныхъ англійскимъ правительствомъ, въ 5% или около. Затѣмъ, даю вамъ слово, что безъ явной крайности мы денегъ вашихъ не тронемъ; вы на нихъ можете разсчитывать во всѣхъ случаяхъ, кромѣ банкротства Англіи.

„— Коли хотите непремѣнно дѣлать столько затрудненій, дѣлайте ихъ. А завтра ѣдемъ за деньгами!

„Слѣдующій день былъ необыкновенно смѣшенъ и суетливъ. Началось съ банка Ротшильда. Деньги выдали ассигнаціями. Б(ахметьевъ) возымѣлъ сначала намѣреніе размѣнять ихъ на *испанское* золото или серебро. Конторщики Ротшильда смотрѣли на него съ изумленіемъ, но когда вдругъ, какъ съ просонья, онъ сказалъ совершенно ломанымъ франко-русскимъ языкомъ: „Ну, такъ летръ креди Иль Маркизъ“, тогда Кеснеръ, директоръ банка, обернулъ на меня испуганный и тоскливый взглядъ, который лучше словъ говорилъ: „онъ не опасенъ-ли“? Еще никогда въ домѣ Ротшильда никто не требовалъ кредитива на Маркизскіе Острова.

„Рѣшились тридцать тысячъ взять золотомъ и ѣхать домой; по дорогѣ заѣхали въ кафе, и Б(ахметьевъ), съ своей стороны, написалъ мнѣ, что отдаетъ въ полное распоряженіе мое и Огарева восемьсотъ фунтовъ, потомъ онъ ушелъ зачѣмъ-то домой, а я отправился его ждать въ книжную лавку; черезъ четверть часа онъ пришелъ блѣдный, какъ полотно, и объявилъ, что у него изъ 30.000 недостаетъ 250 франковъ, т. е. 10 фунтовъ.

„Онъ былъ совершенно сконфуженъ. Какъ потеря 250 франковъ могла такъ перевернуть человѣка, отдавшаго безъ всякой прочной гарантіи 20,000 фр., опять психологическая загадка натуры человѣческой.

„— Нѣтъ-ли лишней бумажки у васъ?

„— Со мной денегъ нѣтъ; я отдалъ Ротшильду и вотъ росписка, ровно 800 фунтовъ получено.

„Б(ахметьевъ), размѣнявшій безъ всякой нужды на фунты свои ассигнаціи, разсыпалъ на конторкѣ Тхоржевскаго [1])

[1]) Тхоржевскій—завѣдывавшій типографіей и книжнымъ складомъ изданій Герцена.

30,000 фр.; считалъ, пересчитывалъ... нѣтъ 10 фунтовъ да и только. Видя его отчаяніе, я сказалъ Тхоржевскому:

„— Я какъ нибудь на себя возьму эти проклятые 10 фунтовъ, а то онъ-же сдѣлалъ доброе дѣло да онъ же и наказанъ.

„— Горевать и толковать тутъ не поможетъ,—прибавилъ я Б(ахметьеву):—я предлагаю ѣхать сейчасъ къ Ротшильду.

„Мы поѣхали. Было уже позже четырехъ, и касса закрыта. Я взошелъ съ сконфуженнымъ Бехметьевымъ. Кеснеръ посмотрѣлъ на него, улыбаясь, взялъ со стола 10-ти фунтовую бумажку и подалъ ее мнѣ.

„— Это какимъ образомъ?

„— Вашъ другъ, мѣняя деньги, далъ вмѣсто двухъ 5-ти фунтовыхъ, двѣ 10-ти фунтовыхъ ассигнаціи, а я сначала не замѣтилъ.

„Б(ахметьевъ) смотрѣлъ, смотрѣлъ и прибавилъ:

„— Какъ глупо! Одного цвѣта и 10 фунтовъ и 5 фунтовъ,—кто-же догадается; видите, какъ хорошо, что я размѣнялъ деньги на золото.

„Успокоившись, онъ поѣхалъ ко мнѣ обѣдать, а на другой день я обѣщался прійти къ нему проститься. Онъ былъ совсѣмъ готовъ. Маленькій кадетскій или студентскій, вытертый и растертый чемоданчикъ, шинель, перевязанная ремнемъ и... и... тридцать тысячъ франковъ *золотомъ,* завязанные въ толстомъ фулярѣ такъ, какъ завязываютъ фунтъ крыжовнику или орѣховъ.

„Такъ ѣхалъ этотъ человѣкъ на Маркизскіе Острова!

„— Помилуйте, — говорилъ я ему:—да васъ убьютъ и ограбятъ прежде, чѣмъ отчалите отъ берега. Положите лучше въ чемоданчикъ деньги.

„— Онъ полонъ.

„— Я вамъ сакъ достану.

„— Ни подъ какимъ видомъ!

„Такъ и уѣхалъ. Въ первые дни я думалъ, чего добраго, его укокошатъ, а на меня падетъ подозрѣніе, что я подослалъ его убить...

„Съ тѣхъ поръ объ немъ не было ни слуху, ни духу... Деньги я положилъ въ фонды, съ твердымъ намѣреніемъ не касаться до нихъ безъ крайней нужды.

„Въ Россіи долгое время никто не зналъ объ этомъ; потомъ ходили смутные слухи, чему мы обязаны двумъ-тремъ пріятелямъ нашимъ, давшимъ слово не говорить объ этомъ. Наконецъ, узнали, что деньги дѣйствительно есть и хранятся у меня.

„Вѣсть эта пала какимъ то яблокомъ искушенія, какимъ то хроническимъ возбужденіемъ и ферментомъ. Оказалось, что эти деньги нужны всѣмъ, а я ихъ не давалъ. Мнѣ не могли простить, что я не потерялъ всего своего состоянія, а тутъ у меня „депо". Сумма вскорѣ выросла изъ скромныхъ франковъ *въ рубли серебромъ* и дразнила еще больше желавшихъ сгубить ее *частно* на *общее* дѣло. Негодовали на Б(ахметьева), что онъ мнѣ деньги ввѣрилъ, а не кому-нибудь другому; самые смѣлые утверждали, что это съ его стороны ошибка, что онъ, дѣйствительно, хотѣлъ ихъ отдать не мнѣ, а одному петербургскому кружку и что, не зная, какъ это сдѣлать, отдалъ въ Лондонѣ мнѣ. Отважность въ этихъ сужденіяхъ была тѣмъ замѣчательнѣе, что о фамиліи Б(ахметьева) такъ-же никто не зналъ, какъ и объ его существованіи, и что онъ о своемъ предположеніи ни съ кѣмъ не говорилъ до своего отъѣзда, а послѣ его отъѣзда съ нимъ никто не говорилъ.

„Всѣмъ эти деньги были нужны для разныхъ цѣлей.

„Я рѣшительно денегъ не давалъ.

„— Б(ахметьевъ),—говорилъ я:—можетъ воротиться безъ гроша; трудно сдѣлать аферу, заводя колонію на Маркизскихъ Островахъ.

„— Онъ, навѣрное,—умеръ!

„— А какъ на зло вамъ живъ?

„— Да вѣдь онъ деньги далъ.

„— Пока мнѣ не нужно.

„— Да намъ нужно.

„— Не думаю, чтобъ очень нужно было.

„— Старѣетъ и становится скупъ,—говорили обо мнѣ на разные тоны самые рѣшительные и свирѣпые.

„— Да что на него смотрѣть: взять у него эти деньги, да и баста!—прибавляли еще больше рѣшительные и свирѣпые.—А будетъ упираться, мы его такъ продернемъ въ журналахъ, что будетъ помнить, какъ задерживать чужія деньги!

Но денегъ я не далъ... [1])“

Вотъ, въ какой грязи приходилось барахтаться Герцену, другу Бѣлинскаго и Грановскаго, Прудона и Луи Блана, Мишле и Пьера Леру, Гарибальди и Маццини, Ворцеля и Кошута!—Герцену, который, не задумываясь, тратилъ крупныя средства на поддержку нуждавшихся друзей или предпріятій, въ полезность которыхъ онъ вѣрилъ... Не мудрено, что Герценъ сталъ задыхаться въ затхлой атмосферѣ Женевы и переѣхалъ сначала въ Италію, позже въ Ниццу, Брюссель и, незадолго передъ смертью,—въ Парижъ.

XXI.

Во Флоренціи во 2-й половинѣ 60-хъ годовъ проживала довольно многочисленная группа русскихъ (преимущественно художниковъ); среди этой русской колоніи выдѣлялись Л. И. Мечниковъ (бывшій впослѣдствіи профессоромъ въ Японіи и въ Невшателѣ), Ножинъ [2]), В. С. Курочкинъ, скульпторъ Забѣлло, художникъ Ге и, наконецъ, М. А. Бакунинъ съ женой и братомъ Александромъ Александровичемъ, учившимся живописи. Во Флоренціи жилъ тогда сынъ Герцена, Александръ Александровичъ, бывшій ассистентомъ у профессора Шифа, декабристъ Поджіо съ дочерью и цѣлая колонія эмигрантовъ разныхъ націй, собиравшаяся у венгерскаго графа Пульскаго [3]).

О пребываніи Герцена во Флоренціи имѣются очень отрывочныя, но любопытныя воспоминанія Н. Н. Ге [4]).

---

[1]) Впослѣдствіи деньги эти перешли въ завѣдываніе Огарева и были переданы имъ Бакунину, а послѣдній передалъ ихъ Нечаеву.

[2]) О Ножинѣ см. „Ист. Вѣст.“, мартъ, 1897, стр. 818—821; въ беллетр. очер. Михайловскаго „Въ перемежку“, въ его-же Литер. Воспом.; статья Ножина „Наша Наука“ въ „Книж. Вѣст.“ 1866 г.

[3]) О тогдашней Флорент. колоніи см. воспом. Модестова въ „Истор. Вѣст.“ 1881 года. Помимо вышеупомянутыхъ лицъ во Флоренціи тогда жили: Алекс. Мордвиновъ съ женой (урожденной княжной Оболенской, вышедшей впослѣдствіи замужъ за С. П. Боткина), поэтъ Гербель, Евгеній Утинъ, А. Онѣгинъ, сынъ поэта Жуковскаго, художники Мясоѣдовъ, Даль и Желѣзновъ, проф. А. Н. Веселовскій, кн. П. Долгорукій и мн. другіе.

[4]) В. Стасовъ. „Н. Н. Ге“, „Книж. Недѣли“ 1897 г., № 2.

„Однажды,—говоритъ Ге:—въ концѣ 1866 года, неожиданно для насъ, пришелъ къ намъ Герценъ, пріѣхавшій во Флоренцію къ семейству. Впечатлѣніе при встрѣчѣ было новое, полное, живое. Небольшого роста, полный, плотный, съ прекрасной головою, съ красивыми руками; высокій лобъ, волосы съ просѣдью, закинутые назадъ безъ пробора; живые умные глаза энергично выглядывали изъ-за сдавленныхъ вѣкъ; носъ широкій, русскій, какъ онъ самъ называлъ, съ двумя рѣзкими чертами по бокамъ, ротъ скрытый усами и короткой бородой. Голосъ русскій, энергичный, рѣчь блестящая, полная остроумія. Я онѣмѣлъ отъ радости, впиваясь въ него глазами и долго не могъ освоиться. Жена, разумѣется, выручила меня. Она была умнѣе и способнѣе меня въ такихъ положеніяхъ. Цѣлый вечеръ мы переговорили обо всемъ; замѣтно было, что онъ былъ доволенъ встрѣтить простыхъ русскихъ, которые были ему пара; ему уже недоставало послѣдніе годы его жизни этого общества. Политическіе горизонты сузились, семейная жизнь сломилась: дѣти всегда живутъ своею жизнью и подтверждаютъ истину: пророкъ чести не имѣетъ въ дому своемъ. Дѣти жаловались, что онъ разогналъ ихъ пріятелей, нарушилъ ихъ занятія. Онъ страдалъ отъ того узкаго мѣщанства, которымъ жили люди въ кругу знакомыхъ и пріятелей его дѣтей. Герценъ мало-по-малу овладѣлъ всѣмъ нашимъ обществомъ во Флоренціи: онъ доминировалъ надъ всѣми. Рѣчь его была блестяща и увлекательна. Онъ со всею откровенностью говорилъ и высказывалъ свое нерасположеніе къ узости европейскаго буржуа.

„Будучи у меня, онъ попросилъ однажды:

„— Дайте что-нибудь русское почитать...

„— Что же вамъ дать?—спросилъ я:—вотъ Шевченко въ переводѣ Гербеля.

„— Дайте,—отвѣчалъ онъ и взялъ.

„Возвращая, онъ сказалъ.

„— Боже! Что за прелесть! Такъ и повѣяло чистой, нетронутой степью. Это—ширь, это—свобода!..

„А вѣдь, это былъ лишь переводъ...“

Въ первый же день свиданія Ге сказалъ Герцену:

„— Александръ Ивановичъ, не для васъ, не для себя,

но для всѣхъ тѣхъ, кому вы дороги, какъ человѣкъ, какъ писатель, дайте сеансы: я напишу вашъ портретъ.

„Онъ отвѣтилъ, что готовъ—когда прикажете,—и исполнилъ свои пять сеансовъ съ нѣмецкой аккуратностью".

Герценъ писалъ объ этомъ портретѣ г-жѣ Огаревой:

„Извѣстный живописецъ Ге, просилъ дозволить снять мой портретъ „для потомства", какъ онъ говорилъ. Это—художникъ первоклассный, я не долженъ былъ отказать. Вчера онъ началъ, это задержитъ до 17—18 (января 1867 г.), тогда я поѣду въ Венецію" [1]).

Н. Н. Ге мы обязаны замѣчательнымъ, художественнымъ портретомъ великаго публициста, красующимся теперь въ Третьяковской галлереѣ (помимо многихъ копій, сдѣланныхъ Ге по заказу различныхъ лицъ).

Во время одного изъ этихъ сеансовъ Герценъ принесъ въ мастерскую Ге цѣлую кипу „Московскихъ Вѣдомостей" и сказалъ [2]):

„— Вотъ, я безъ этого жить не могу. Какъ червякъ въ сырѣ, такъ и я въ этомъ копаюсь. И вотъ, посмотрите: мы съ Огаревымъ думаемъ, что мы—свободны. Куда намъ! Вотъ свобода!.. Человѣка любилъ Бѣлинскій, велъ его, возлагалъ на него свою надежду, гордился имъ. Бѣлинскаго уже давно нѣтъ, и слѣдъ простылъ, а онъ его теперь раскаталъ, да такъ, что мы руки развели. Зачѣмъ? Какая надобность? Вотъ это свобода, такъ свобода!"

Къ словамъ Герцена объ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ Каткову необходимо внести существенную поправку. Первое время Бѣлинскій дѣйствительно „любилъ Каткова, возлагалъ на него надежду, гордясь имъ", но вскорѣ онъ раскусилъ настоящую его натуру и съ чрезвычайной мѣткостью опредѣлилъ отрицательныя черты характера Каткова, какъ это видно изъ напечатанныхъ писемъ Бѣлинскаго къ Боткину, въ которыхъ неоднократно упоминается о Катковѣ [3]).

Читателямъ извѣстно, какъ далеко завели либерала Каткова „бравады субъективности" и ненасытное честолюбіе!

„Тутъ-же Герценъ—продолжаетъ Ге въ своихъ воспоминаніяхъ о пребываніи во Флоренціи:—разсказалъ о своемъ

---

[1]) „Сѣвер. Вѣст." 1896 г.
[2]) „Книжки Недѣли" 1897, № 2.
[3]) См. выше, стр. 27.

отношеніи къ новому поколѣнію, идущему за нимъ, о своей встрѣчѣ съ Чернышевскимъ. Онъ его не полюбилъ, ему показался онъ не искреннимъ, „себѣ на умѣ", какъ онъ выразился. О женевскихъ эмигрантахъ онъ говорилъ съ отвращеніемъ: они его оскорбляли умышленно. Одинъ кричалъ нарочно черезъ улицу: „Герценъ, Герценъ! Будете дома"?— безъ всякой надобности, но чтобы показать: „вотъ, какъ мы его третируемъ!"

Съ большимъ юморомъ Герценъ вспоминалъ Погодина, который, любя его, говорилъ ему:

„— Послушай Герценъ, вѣдь никто лучше тебя не напишетъ французской революціи, напиши ее, и тебя простятъ, навѣрное простятъ".

Ге довольно вѣрно опредѣляетъ значеніе жизни во Флоренціи въ эту эпоху для Герцена, говоря: „быть съ русскими, дышать интересами русскихъ—вотъ, что тогда во Флоренціи было для Герцена все". Герценъ искалъ во Флоренціи и часто находилъ отдохновеніе отъ гнетущаго раздумья, политическихъ неудачъ, клеветъ и раздоровъ. Совсѣмъ другой характеръ носила жизнь во Флоренціи его друга, Бакунина, этого неутомимаго конспиратора, вѣчно плевшаго сѣти революціи, ежеминутно разрывавшіяся. Объ этомъ періодѣ его жизни, кромѣ любопытныхъ воспоминаній Л. И. Мечникова, имѣются чрезвычайно характерныя воспоминанія извѣстнаго итальянскаго профессора Анджело де-Губернатисъ, женатаго на племянницѣ Бакунина (Безобразовой) [1]. Читая воспоминанія де-Губернатиса о Бакунинѣ, невольно вспоминаешь мѣткую характеристику вліянія Рудина на его друзей: „А что касается до вліянія Рудина, клянусь вамъ, этотъ человѣкъ не только умѣлъ потрясти тебя, онъ съ мѣста тебя сдвигалъ, онъ не давалъ тебѣ останавливаться, онъ до основанія переворачивалъ, зажигалъ тебя" (слова Басистова о Рудинѣ) [2].

„Подъ конецъ 1864 и въ началѣ 1865 года,—говоритъ де-Губернатисъ:—случай захотѣлъ, чтобъ я встрѣтилъ въ домѣ Ф. Пульскаго Михаила Бакунина. Онъ сидѣлъ, гремя

---

[1]) Въ автобіографическомъ предисловіи въ его Dizzionario Biographico delli scritori contemporanei. Firenze. 1880.

[2]) Соч. Тургенева (изд. Маркса), т. IV, стр. 416.

и имѣя передъ собою громадную чашку чая, которая ставилась передъ нимъ, соотвѣтственнно его пищеварительной способности. Около него былъ кружокъ разныхъ лицъ, слушавшихъ его слово, ученое, обильное и остроумное. Онъ видѣлъ много людей и много вещей и разсказывалъ охотно и съ пониманіемъ о философіи Гегеля. Однимъ вечеромъ, замѣтивъ, что я болѣе живо слушалъ его, онъ продолжалъ говорить, обращаясь постоянно ко мнѣ, хотя я еще не былъ ему представленъ, какъ будто хотѣлъ околдовать меня своимъ взглядомъ. Говоря о Шопенгауерѣ, онъ пріостановился, сказавши: „Но зачѣмъ я говорю вамъ объ ученіяхъ Шопенгауера? Вотъ кто можетъ сказать о нихъ болѣе, такъ какъ можетъ показать, откуда Шопенгауеръ взялъ свои идеи“,— и указалъ на меня. [1]).

„Я оказался открытымъ и далъ легко взять себя за душу. Скоро Бакунинъ всталъ и, приблизясь ко мнѣ, пожатъ мнѣ руку, спросивши меня немного таинственно: не массонъ-ли я?—Я объявилъ, что нѣтъ и не хочу имъ быть, имѣя отвращеніе отъ тайныхъ обществъ... Бакунинъ сказалъ мнѣ, что я правъ, что онъ самъ не имѣетъ большого уваженія къ массонству, но что оно ему даетъ способъ подготовлять нѣчто другое. Спросилъ меня затѣмъ: не маццинистъ-ли я и не республиканецъ-ли? Я отвѣтилъ: „Не въ моей природѣ слѣдовать одному человѣку, какъ-бы онъ великъ ни былъ, и что я могъ бы быть республиканцемъ, но не маццинистомъ, хотя я и признаю, что Маццини оказалъ большія услуги свободѣ; но что республика кажется мнѣ пустымъ словомъ. Теперь, по крайней мѣрѣ, оно не значитъ болѣе ничего: могутъ быть республики аристократическія и монархіи демократическія“.

„Тутъ Бакунинъ стиснулъ мнѣ крѣпко руку, говоря:

„— Ну, такъ вы нашъ.

„Я возражалъ, что желаю остаться свободнымъ, что хочу отвѣчать публично за всѣ свои поступки; тогда онъ пустилъ въ ходъ свое краснорѣчіе (не малое), чтобы убѣдить меня.

„Великій змій окружилъ меня съ этой минуты своими фатальными кольцами; я немного противился еще, но, наконецъ, объявилъ, что я вступлю въ тайное общество. Я воз-

---

1) Де-Губернатисъ былъ тогда профессоромъ санскрит. языка и все общей литературы.

вратился домой въ часъ по-полуночи, попробовалъ лечь въ постель, чтобы заснуть, но напрасно! Новыя мысли такъ волновали мой мозгъ, что не давали мнѣ лежать. Я всталъ съ постели, ходилъ туда и сюда въ страшномъ возбужденіи по моимъ двумъ комнатамъ, ставшимъ отнынѣ слишкомъ тѣсными для новаго одушевленія, которое овладѣло мной."—

Де-Губернатисъ отказался отъ государственной службы и поступилъ въ число членовъ Бакунинскаго сообщества, но скоро разочаровался какъ въ самомъ Бакунинѣ, такъ и въ обществѣ, главой котораго былъ послѣдній.

„Братья (т. е. сочлены-общества),—говоритъ Де-Губернатисъ:—далеко не дѣлили моей горячности, а верховный глава (Бакунинъ) былъ вполнѣ погруженъ въ собираніе пожертвованій для бѣдныхъ поляковъ, какъ онъ говорилъ, а на самомъ дѣлѣ для самого себя и для болѣе нуждавшихся братьевъ, которые были вхожи къ нему въ домъ. Въ обществѣ всѣ хотѣли высшаго чина, и никто не хотѣлъ служить, какъ простой рядовой, а самъ Генералиссимусъ составлялъ каждую недѣлю новый шифръ и хотѣлъ, чтобы я его изучалъ, говоря, что я одинъ долженъ обладать ключемъ его. Я отвѣчалъ, что считаю безполезнымъ каждый шифръ, когда работа идетъ общая въ одномъ городѣ и т. д."

Словомъ Де-Губернатисъ скоро вполнѣ разочаровался и въ самомъ Бакунинѣ, и въ способѣ его дѣйствій. По предложенію де-Губернатиса „общество" или „братство" было распущено [1]).

Л. И. Мечниковъ въ своихъ воспоминаніяхъ также довольно отрицательно относится къ Бакунинскимъ конспираціямъ во Флоренціи. „Учить итальянцевъ агитаціи и конспираціи,—говоритъ Мечниковъ:—значить ковшемъ лить воду въ море, такъ какъ самый наивный изъ этихъ итальянцевъ смѣло могъ заткнуть за поясъ Михаила Александровича со всѣмъ его штабомъ и причтомъ".

Да и кончились всѣ эти конспираціи полной неудачей. „Не прошло и полугода,—говоритъ Мечниковъ:—со времени поселенія Михаила Александровича въ Via Montebello, какъ всѣ флорентинскіе демократы, носившіе его чуть не на рукахъ, повертываются къ нему спиною"...

---

[1]) Де Губернатисъ „Proemio autobiographicIo" pp. XX—XXII.

Но въ то же время Мечниковъ ни на минуту не сомнѣвается въ личной честности Бакунина.

„Все это мелко,—говоритъ онъ: — жалко, смѣшно, порою, можетъ быть, грязновато. Но во мнѣ, видѣвшемъ всю эту канитель изо дня въ день, не закупленномъ ни за, ни противъ Михаила Александровича никакими кумовскими или побочными соображеніями,—въ итогѣ все же таки слагалась непоколебимая увѣренность, что въ душѣ этого человѣка не мелькнуло ни одного мелкаго или грязнаго побужденія "[1]).

Герценъ проводилъ время болѣе мирно, посѣщая своихъ русскихъ и иностранныхъ друзей, которые съ большимъ уваженіемъ относились къ нему. Иногда устраивались литературные вечеринки, и объ одной изъ этихъ флорентинскихъ вечеринокъ сохранилось воспоминаніе въ сочиненіяхъ Герцена.

„Въ 1867 г.,—говоритъ Герценъ:—во Флоренціи меня просили прочесть что-нибудь въ близкомъ кругу друзей, собиравшихся то у насъ, то у извѣстнаго физіолога Шиффа. Я вспомнилъ французскій переводъ „Записокъ д-ра Крупова“ и прочелъ его. Слушатели были очень довольны. Шиффъ настоятельно требовалъ, чтобъ я перепечаталъ его. Одинъ итальянскій литераторъ просилъ текстъ для перевода на итальянскій языкъ. Мой „Круповъ“, какъ Лазарь, снова ожилъ“.

XXII.

Читатели знаютъ уже какъ былъ встрѣченъ въ литературѣ романъ Тургенева „Отцы и дѣти“, какую бурю онъ вызвалъ, и сколько оскорбленій пришлось вынести Тургеневу за его правдивое, неподкрашенное изображеніе извѣстныхъ теченій того времени. Пріемъ, оказанный роману, былъ не изъ тѣхъ, которые поощряютъ къ дальнѣйшей дѣятельности. И дѣйствительно, литературная дѣятельность Тургенева, такъ сказать, замираетъ. Въ періодъ съ 1862 по 1867 годъ появились лишь давно уже задуманный разсказъ „Призраки“, знаменитая элегія въ прозѣ „Довольно“ и маленькій разсказъ „Собака“.

Въ 1863 г. Тургеневъ, совмѣстно съ семьей Віардо, пере-

---

[1]) Л. Мечниковъ „Бакунинъ въ Италіи“, Ист. Вѣст. LXVII. стр. 822.

селяется изъ Парижа въ Баденъ-Баденъ и погружается въ тѣ эстетическія удовольствія, источникомъ которыхъ былъ домъ Віардо, гдѣ собирались сливки артистическаго міра, и куда даже высокопоставленные особы считали честью проникнуть. Музыкальные вечера смѣнялись литературными, вслѣдъ за концертами, съ участіемъ знаменитѣйшихъ солистовъ Европы, устраивались домашніе спектакли, въ которыхъ Тургеневъ принималъ живѣйшее участіе. Но, несмотря на это погруженіе въ чисто эстетическіе интересы, Тургеневъ зорко приглядывался къ русскому аристократическому обществу, наводнявшему лѣтомъ Баденъ-Баденъ, и обдумывалъ самый тенденціозный изъ своихъ романовъ „Дымъ", въ которомъ онъ сражался, такъ сказать, на два фронта, съ одной стороны,—съ „радикалами" Губаревскаго типа, а съ другой,—съ славянофилами и чиновными карьеристами.

Къ славянофиламъ Тургеневъ относился отрицательно съ самаго начала своей литературной карьеры, и слѣды этого отрицательнаго отношенія сохранились въ его раннихъ произведеніяхъ. Въ поэмѣ „Помѣщикъ" (1846 г.) имѣется каррикатурный портретъ К. Аксакова.

„... Умница Московскій,
Мясистый, пухлый, съ кадыкомъ,
Длинноволосый, въ кучерскомъ
Кафтанѣ, бредитъ о чертогахъ
Князей старинныхъ...
Отъ шапки мурмолки своей
Ждетъ избавленья, возрожденья,
Ѣстъ рѣдьку, западныхъ людей,
Бранитъ—и пишетъ... донесенья" [1]).

О томъ, что эта строфа относится къ Аксакову, имѣется указаніе самого Тургенева въ письмѣ къ Д. Я. Колбасину [2]):

„Я писалъ Панаеву, чтобы ни за что не печатали въ „Помѣщикѣ", котораго хотятъ сунуть въ „Легкое Чтеніе", строфы о славянофилахъ и объ Аксаковѣ" (строфа эта кончается такъ: „западныхъ людей бранитъ и пишетъ донесенья").

Еще болѣе ядовито изображенъ тотъ же К. Аксаковъ въ

---

[1]) Сочин. Тургенева (изд. Маркса), т. IX, стр. 186.

[2]) Первое собр. „Пис. Тургенева", стр. 46.

лицѣ помѣщика Василія Николаевича Любозвонова въ разсказѣ „Однодворецъ Овсяниковъ“ (1847 г.)[1].

„Человѣкъ онъ,—говоритъ о Любозвоновѣ Овсяниковъ:—молодой, недавно послѣ матери наслѣдство получилъ. Вотъ, пріѣзжаетъ къ себѣ въ вотчину. Собрались мужички поглазѣть на своего барина. Вышелъ къ нимъ Василій Николаичъ. Смотрятъ мужики,—что за диво!—ходитъ баринъ въ плисовыхъ панталонахъ, словно кучеръ, а сапожки обулъ съ оторочкой; рубаху красную надѣлъ и кафтанъ тоже кучерской; бороду отпустилъ, а на головѣ така шапонька мудреная, и лицо такое мудреное: —пьянъ, не пьянъ, а и не въ своемъ умѣ. „Здорово“—говоритъ:—„ребята! Богъ вамъ въ помощь“. Мужики ему въ поясъ,—только молча: заробѣли, знаете. И онъ словно самъ робѣетъ. Сталъ онъ имъ рѣчь держать: „я де русскій“,—говоритъ:—„и вы русскіе: я русское все люблю... русская, дескать, у меня душа, и кровь также русская“... Да вдругъ, какъ скоманцуетъ: „а ну, дѣтки спойте-ка русскую, народственую пѣсню“. У мужиковъ поджилки затряслись: вовсе одурѣли. Одинъ, было, смѣльчакъ запѣлъ, да и присѣлъ тотчасъ къ землѣ, за другихъ спрятался... И вотъ, чему удивляться надо: бывали у насъ и такіе помѣщики, отчаянные господа, гуляки записные, точно; одѣвались, почитай, что кучерами, и сами плясали, на гитарѣ играли, пѣли и пили съ дворовыми людишками, съ крестьянами пировали; а вѣдь этотъ-то, Василій-то Николаевичъ, словно красная дѣвушка: все книги читаетъ, али пишетъ, а не то вслухъ канты произноситъ,—ни съ кѣмъ не разговариваетъ, дичится, знай себѣ по саду гуляетъ, словно скучаетъ или грустить. Прежній-то приказчикъ на первыхъ порахъ вовсе перетрусился: передъ пріѣздомъ Василія Николаича, дворы крестьянскіе обѣгалъ, всѣмъ кланялся, видно, чуяла кошка, чье мясо съѣла! И мужики надѣялись, думали: „шалишь, братъ, ужо, тебя къ отвѣту потянутъ: вотъ, ты ужо напляшешься, жила ты этакой“! А вмѣсто того вышло—какъ вамъ доложить? — Самъ Господь не разберетъ, что такое вышло! Позвалъ его къ себѣ Василій Николаичъ, и говоритъ, а самъ краснѣетъ, и такъ, знаете, дышетъ скоро: „будь справедливъ у меня, не притѣсняй

---

[1]) Соч. Тургенева, т. I, стр. 69—70.

никого,—слышишь?“ Да съ тѣхъ поръ его къ своей особѣ и не требовалъ! Въ собственной вотчинѣ живетъ, словно чужой. Ну, приказчикъ и отдохнулъ; а мужики къ Василію Николаичу подступиться не смѣютъ: боятся. И вѣдь, вотъ опять, что удивленія достойно: и кланяется имъ баринъ, и смотритъ привѣтливо,—а животы у нихъ отъ страху такъ и подводитъ. Что за чудеса такія, батюшка, скажите?.. Или я глупъ сталъ, состарѣлся, что-ли,—не понимаю“.

„Я отвѣчалъ Овсяникову, что, вѣроятно, господинъ Любозвоновъ, боленъ.

„Какое боленъ! Поперекъ себя толще, и лицо такое, Богъ съ нимъ, окладистое, даромъ, что молодъ“...

О томъ, что сатирическія стрѣлы, пущенныя Тургеневымъ, попали въ цѣль, свидѣтельствуетъ письмо И. Аксакова (отъ 4 октября 1852 г.) по поводу отдѣльнаго изданія „Записокъ Охотника“ [1]):

„Послушайте, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, какъ могли вы теперь оставить мѣсто о г. Любозвоновѣ? Само собой разумѣется, что подъ Любозвоновымъ вы разумѣли *брата Константина*, великодушно отвергая мнѣніе Овсяникова, „что онъ не въ своемъ умѣ“, предположеніемъ, что онъ боленъ“...

Прибавимъ, что связующимъ звеномъ между семьей Аксакова и Тургеневымъ былъ собственно И. С. Аксаковъ, который самъ нерѣдко задыхался въ затхлой атмосферѣ нетерпимаго славянофильства, характернѣйшимъ представителемъ котораго былъ его старшій братъ Константинъ Сергѣевичъ, а о немъ самъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ писалъ съ горечью (18 янв. 1851 г.):

„Онъ безъ всякой внутренней душевной боли способенъ заклеймить проклятіемъ девять десятыхъ человѣчества и давно не считаетъ людьми бѣдные народы Запада, *а чѣмъ то въ родѣ лошадиныхъ породъ*“ [2]).

И. С. Аксаковъ, понимая опасность, грозившую славянофильству,—выродиться, въ концѣ концовъ, въ узкую секту, всячески заботился о привлеченіи новыхъ элементовъ и одно время возлагалъ большія надежды на Тургенева, не замѣ-

---

1) „Рус. Обозр.“ 1894, авг., стр. 447.
2) „Рус. Обозр.“ 1894, августъ, 456.

чая, что въ большинствѣ случаевъ не Тургеневъ идетъ навстрѣчу ему, а напротивъ, онъ навстрѣчу Тургеневу. Но старикъ отецъ и К. С. Аксаковъ прекрасно видѣли, что у славянофиловъ нѣтъ ничего общаго съ Тургеневымъ, и что никакіе золотые мосты не помогутъ.

„О Тургеневѣ писать,—писалъ старикъ Аксаковъ сыну, И. Сергѣевичу (1854 г):—неумѣстно. Какъ добрый человѣкъ, онъ понравился намъ, то-есть, нѣкоторымъ. Но какъ его убѣжденія совершенно *противоположны*, и какъ онъ совершенно равнодушенъ къ тому, что всего дороже для насъ, то ты самъ можешь судить,—какое онъ оставилъ впечатлѣніе“ [1]).

Какъ читатели уже знаютъ въ 1867 г. обрываются и личныя отношенія Тургенева съ И. С. Аксаковымъ; въ томъ-же году появляется „Дымъ“, гдѣ Тургеневъ не ограничивается уже легкими сатирическими нападеніями на славянофиловъ, а произноситъ страстное осужденіе ихъ теоріи въ тирадахъ Потугина. Всѣ рѣчи Потугина посвящены защитѣ европейской цивилизаціи и переполнены ѣдкими насмѣшками надъ славянофилами.

„Вотъ, хоть бы славянофилы,—говоритъ Потугинъ:—славянофилы, къ которымъ г-нъ Губаревъ себя причисляетъ,—прекраснѣйшіе люди, а та же смѣсь отчаянія и задора тоже живутъ буквой „букъ“. Все, молъ, будетъ, будетъ. Въ наличности ничего, „Русь въ цѣлые десять вѣковъ ничего своего не выработала, ни въ управленіи, ни въ судѣ, ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ, ни даже въ ремеслѣ... Но постойте и потерпите: все будетъ. А почему будетъ, позвольте полюбопытствовать? А потому что мы, молъ, образованные люди—дрянь; но *народъ*... о, это великій народъ! Видите этотъ *армякъ*? Вотъ, откуда все пойдетъ. Всѣ другіе идолы разрушены: будемъ-те же вѣрить въ армякъ“ [2]).

... „Я *западникъ*,— говоритъ въ другомъ мѣстѣ Потугинъ:—я преданъ Европѣ, т. е. говоря точнѣе, я преданъ образованности, той самой образованности, надъ которой такъ мило у насъ потѣшаются, цивилизаціи,—да, да, это слово еще лучше,—и люблю ее всѣмъ сердцемъ, и вѣрю въ нее, и

---

[1]) Ibid. Ноябрь, стр. 13.

[2]) Соч. Тургенева, т. III, стр. 31.

другой вѣры у меня нѣтъ и не будетъ. Это слово: цивилизація—и понятно, и чисто, и свято, а другія всѣ,—народность тамъ что ли, слава, кровью пахнутъ... Богъ съ ними!“ [1]).

Читатели, знакомые съ перепиской Тургенева съ Герценомъ, напечатанной въ предыдущихъ главахъ, могутъ видѣть, что въ тирадахъ Потугина повторяются цѣлыя фразы этихъ писемъ (напр., о преклоненіи предъ армякомъ). Даже эпизодъ, поведшій къ разрыву между Герценомъ и Тургеневымъ, обвиненіе Тургенева въ гражданской трусости, нашелъ мѣсто на страницахъ „Дыма“ въ разсказѣ Бамбаева о Тентелѣевѣ:

„Про этого барина я достовѣрно знаю,—говоритъ Бамбаевъ:—что когда его вызывали, онъ у графини Блазенкрампфъ въ ногахъ ползалъ и все пищалъ: „спасите, заступитесь!“ [2]).

По поводу довольно распространеннаго мнѣнія, что Губаревъ представляетъ каррикатуру на Огарева, можно сказать, что это мнѣніе покоится на довольно шаткихъ основаніяхъ. Наружность Огарева, его недостатокъ краснорѣчія, упорное слѣдованіе разъ намѣченной цѣли [3]), пожалуй, отразились на созданномъ Тургеневымъ типѣ Губарева, но этимъ сходство и ограничивается, ибо біографіи Губарева и Огарева не имѣютъ ничего общаго, да и самъ Тургеневъ въ письмѣ къ Полонскому указываетъ, что онъ смотрѣлъ на типъ Губарева гораздо шире, видя въ немъ олицетвореніе людей, умѣющихъ господствовать надъ безвольной средой.

„Какъ же ты говоришь,—писалъ Тургеневъ Полонскому:—что ты незнакомъ съ типомъ „Губаревыхъ“? Ну, а г-нъ А. А. К(раевскій) не тотъ же Губаревъ? Вглядись попристальнѣе въ людей, *нападающихъ* у насъ,—и во многихъ изъ нихъ ты узнаешь черты этого типа“ [4]).

Такъ какъ въ „Дымѣ“ Тургеневъ подводилъ итоги своимъ спорамъ съ славянофилами, а косвенно и съ Герценомъ, онъ счелъ не лишнимъ послать экземпляръ романа Герцену.

---

[1]) Ibid., стр. 34.

[2]) Ibid. стр. 19.

[3]) Сравн. описаніе Огарева у Анненкова (Ан. и его друзья, т. I) и Губарева въ „Дымѣ“.

[4]) Первое собр. писемъ Тургенева, стр. 130.

Тургеневъ не ограничился посылкой романа, но сопроводилъ его очень дружелюбнымъ письмомъ [1]).

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ,—писалъ Тургеневъ:—ты, навѣрное, удивишься, а пожалуй, и вознегодуешь, получивъ отъ меня письмо. Но „alea jacta est“, какъ говаривалъ безстыдный старецъ Ламартинъ. Мнѣ вздумалось послать тебѣ экземпляръ моего новаго произведенія—да, кстати, сказать тебѣ два слова.

„Хотя ты совершенно справедливо замѣтилъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ, что мы никогда очень близки другъ къ другу не были, однако, и особеннаго отчужденія между нами не произошло, такъ какъ великія вины мои до сихъ поръ ограничились (дай Богъ памяти): 1) Мое имя было выставлено въ числѣ лицъ, подписавшихся въ пользу раненыхъ во время польской войны; 2) я не узналъ тебя, встрѣтившись съ тобой въ Парижѣ на улицѣ и 3) „Московскія Вѣдомости“ назвали меня очень дорогимъ гостемъ. Больше ничего, при всѣхъ усиліяхъ, я пока припомнить не могу; ибо то, въ чемъ упрекаетъ меня князь Долгоруковъ, а именно, что я ему не отдалъ визита и, будто бы, умолялъ о спасеніи на горящемъ пароходѣ,—не можетъ, кажется, причитаться мнѣ въ политическій грѣхъ. Итакъ, посылаю тебѣ свое новое произведеніе. Сколько мнѣ извѣстно, оно возстановило противъ меня въ Россіи людей религіозныхъ, придворныхъ, славянофиловъ и патріотовъ. Ты не религіозный человѣкъ и не придворный; но ты славянофилъ и патріотъ и, пожалуй, прогнѣваешься тоже; да сверхъ того, и Гейдельбергскіе мои арабески тебѣ, вѣроятно, не понравятся. Какъ бы то ни было, дѣло сдѣлано. Одно меня нѣсколько ободряетъ: вѣдь и тебя партія молодыхъ рефюжье пожаловала въ отсталые и въ реаки: разстояніе между нами и поуменьшилось. Если ты не считаешь меня пришедшимъ въ такое положеніе, что и переписываться со мной нельзя, то погроми меня или поперсифлируй, а главное,—увѣдомь меня о себѣ и о твоемъ семействѣ: это меня интересуетъ. Если же сообщенія со мною ты считаешь невозможными, то прими отъ меня прощальный поклонъ и искреннее по-

[1]) Датированнымъ: „Баденъ-Баденъ. Schillergasse, 277. Пятница 17 мая 1867 г“.

желаніе всего хорошаго и наслажденій ею, сей легкой жизнью и т. д.

Ив. Тургеневъ".

Герценъ не замедлилъ отвѣтомъ и переписка между старыми друзьями возобновилась.

XXIII.

Герценъ немедленно (19 мая, изъ Женевы) отвѣтилъ Тургеневу на вышеприведенное письмо послѣдняго:

„Я только что немного тебя ужалилъ за „Дымъ", а ты мнѣ его посылаешь,— писалъ Герценъ.—Письмо твое даетъ мнѣ случай—именно поэтому предложить тебѣ сдѣлать балансъ crédit и débet и, если хочешь, *похерить счетъ*,—не хочешь, какъ хочешь. Шуточная замѣтка моя идетъ не изъ злобы:—я никогда не сержусь больше одной недѣли, и даю слово, что мои зубы противъ тебя давно выпали. Но что ты поддерживаешь Каткова, это больно видѣть; будто ты не нашелъ бы издателя... Итакъ, сдѣлаемъ счетъ, и если ты не очень осерчалъ, а самъ захохоталъ надъ моею замѣткою, напиши. Я искренно признаюсь, что твой Потугинъ мнѣ надоѣлъ. Зачѣмъ ты не забылъ половину его болтанья. Гейдельбергскія арабески не знаю [1]) Итакъ, жду твоего вычитанія и заключенія de la comptabilité en partie double. Семья моя такъ себѣ. Мой сынъ адъюнктомъ у Шифа. Тата и Ольга во Флоренціи; онѣ цвѣтутъ, и я всѣмъ очень доволенъ. О тебѣ во Флоренціи разнесся скверный слухъ, что ты очень боленъ, и я искренно — ну, ужъ въ этомъ-то не сомнѣвайся,—тебя жалѣлъ и хотѣлъ писать. Прощай. Sauf erreur et omission (какъ въ банкирскихъ счетахъ).

А. Герценъ" [2]).

---

[1]) Подъ „Гейдельбергскими арабесками" Тургеневъ разумѣлъ сцены у Губарева въ Гейдельбергѣ.

[2]) „Рус. Обозрѣніе", январь, 1895 г., стр. 113—114.

Почти одновременно съ появленіемъ „Дыма“, въ „Колоколѣ“ были напечатаны двѣ замѣтки, относящіяся къ нему.

Первая изъ этихъ замѣтокъ, озаглавленная „Omne exit in fumo“ [1]), гласитъ слѣдующее:

„Нашъ дорогой гость, И. С. Тургеневъ, — говорятъ „Московскія Вѣдомости“: — будетъ читать въ пользу галичанъ отрывокъ изъ своего „Дыма“.

„Мы увѣрены, что И. С. Тургеневъ будетъ протестовать противъ титула „дорогого гостя“ „Московскихъ Вѣдомостей“. Его благородная и энергичная оцѣнка редакціи этого органа служитъ намъ залогомъ“.

„Поздравляемъ знаменитаго „Охотника“, — продолжалъ Герценъ: — съ началомъ политической дѣятельности и отъ души желаемъ, чтобъ, несмотря на отрывки „Дыма“, она не кончилась, какъ Болгарская и Травіата, — кашлемъ [2]), а здоровой грудью пошла бы впередъ“.

Затѣмъ появилась и вторая довольно ядовитая замѣтка:

„Новый романъ Тургенева — „Дымъ“ пріобрѣтенъ, говоритъ „Вѣсть“, „Русскимъ Вѣстникомъ“ за пять тысячъ рублей. Вотъ и награда Тургеневу за „Дымъ“.

Помимо этихъ краткихъ замѣтокъ, въ „Колоколѣ“ появилась слѣдующая болѣе обширная оцѣнка „Дыма“:

„Отцы сдѣлались дѣдами... а дѣды болтаютъ себѣ, болтаютъ безъ конца и связи... да кальянъ покуриваютъ, а продымленную воду сливаютъ Каткову въ передникъ. Экой этотъ Иванъ Сергѣевичъ,—лучшій, сказалъ бы я, изъ всѣхъ Сергѣевичей въ мірѣ, еслибъ не боялся обидѣть Аксакова. И нужно ему этакіе дымы кольцами пускать. Вѣдь, надѣлила же его природа всякими талантами:—умѣетъ объ охотѣ писать, умѣетъ перомъ стрѣлять по всякимъ глухимъ тетеревамъ и куропаткамъ, живущимъ въ „Дворянскихъ Гнѣздахъ“ да „Затишьяхъ“. Нѣтъ, хочу, говоритъ, быть публицистомъ, — ѣдкимъ, злымъ, желчнымъ, а самъ, добрѣйшая душа, ни желчи, ни злобы, ни разъѣдающихъ „костиковъ“, ничего такого. Но нельзя же взять совсѣмъ безличные и очень не новые мѣха, да въ нихъ налить продымленную воду, назвать ихъ Натугинымъ или Потугинымъ, заставить

---

[1]) № 239, 15 апр. 1867.

[4]) Намекъ на „Наканунѣ“.

постоянно сочиться, какъ каучуковую грушу, и выдавать ихъ за живыхъ людей, да еще будто за такихъ, которые въ министерствѣ финансовъ служили и отличья получали... Читаешь, читаешь, что несетъ этотъ Натугинъ, да такъ и помянешь Кузьму Пруткова: — „увидишь фонтанъ, — заткни и фонтанъ, дай отдохнуть и водѣ“..., особенно продымленной.

„Представьте себѣ эту куклу, постоянно говорящую не о томъ, о чемъ съ ней говорятъ: возлѣ нея поврежденный малый, безъ живота отъ любви, безпрестанно мечется въ траву, а кукла донимаетъ его слѣдующими сентенціями, напоминающими сковороду, да и то не ту, на которой жарятъ блины, а малороссійскаго философа:

„—Толковали мы съ однимъ изъ нашихъ нынѣшнихъ „вьюношей“ о различныхъ, какъ они выражаются, вопросахъ. Ну-съ, гнѣвался онъ очень, какъ водится; бракъ, между прочимъ, отрицалъ съ истинно-дѣтскимъ ожесточеніемъ. Представлялъ я ему такіе резоны, сякіе... какъ объ стѣну! Вижу: подъѣхать ни съ какой стороны невозможно. И блеснп мнѣ тутъ счастливая мысль! Позвольте доложить вамъ, — началъ я: съ „вьюношами“ надо говорить почтительно, — я вамъ, милостивый государь, удивляюсь; вы занимаетесь естественными науками, и до сихъ поръ не обратили вниманія на тотъ фактъ, что всѣ плотоядныя и хищныя животныя, звѣри, птицы, всѣ тѣ, кому нужно отправляться на добычу, трудиться надъ доставленіемъ живой пищи и себѣ, и своимъ дѣтямъ... а вы, вѣдь, человѣка причисляете къ разряду подобныхъ животныхъ?

„— Конечно, причисляю, — подхватилъ „вьюноша“:—человѣкъ вообще не что иное, какъ животное плотоядное.—И хищное,—прибавилъ я. —И хищное, подтвердилъ онъ.—Прекрасно сказано,—продолжалъ я.—Такъ вотъ, я и удивляюсь тому, какъ вы не замѣтили, что всѣ подобныя животныя пребываютъ въ единобрачіи? „Вьюноша“ вздрогнулъ. — Какъ такъ?

„— Да такъ же. Вспомните льва, волка, лисицу, ястреба, коршуна; да и какъ же имъ поступать иначе, соблаговолите сообразить? И вдвоемъ-то дѣтей едва выкормишь. Задумался мой „вьюноша.“

„— Ну,—говоритъ:—въ этомъ случаѣ звѣрь человѣку не указъ.—Тутъ я обозвалъ его идеалистомъ, и ужъ огорчился

же онъ! Чуть не заплакалъ. Я долженъ былъ его успокоить и обѣщалъ ему, что не выдамъ товарищамъ...

„— Но вы, кажется, не слушаете меня?—сказалъ Потугинъ".

„Увидишь фонтанъ,—заткни и фонтанъ!"

„Да и какъ же идти министерству финансовъ, когда тамъ служатъ люди съ такой потугой! Довольно, что и поэтъ Бенедиктовъ былъ по контрольной части".

Несмотря на заключающуюся въ вышеприведенныхъ замѣткахъ иронію, Тургеневъ, какъ видѣли читатели, первый обратился къ Герцену. Не замедлилъ онъ и отвѣтомъ на письмо къ нему Герцена. Словомъ, между ними возстановились прежнія пріятельскія отношенія. Тургеневъ писалъ Герцену („Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse 7 (не 277!). Среда, 22 мая 1867 г."):

„Я послалъ тебѣ мою повѣсть по прочтеніи твоей замѣтки, любезный Александръ Ивановичъ. Изъ этого ты можешь видѣть, какъ мало я осерчалъ. Ты въ письмѣ своемъ къ И. С. Аксакову говоришь, что тебѣ минуло 55 лѣтъ, мнѣ въ будущемъ стукнетъ 50. Это лѣта *смирныя*, — да и что тамъ ни говори, мы, благодаря нашему прошедшему, времени нашего появленія въ свѣтъ и т. д., все-таки ближе стоимъ другъ къ другу, легче понимаемъ другъ друга, чѣмъ *разногодники*.

„А счеты свести мнѣ очень легко. Единственная вещь, которая меня самого грызетъ, это—мои отношенія съ Катковымъ, какъ они ни поверхностны. Но я могу сказать слѣдующее: помѣщаю я свои вещи не въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ",—этакой бѣды со мной, надѣюсь, никогда не случится,—а въ „Русскомъ Вѣстникѣ", который — ничто иное, какъ сборникъ, и никакого политическаго колорита не имѣетъ, а въ теперешнее время „Русскій Вѣстникъ" есть единственный журналъ, который читается публикой и который платитъ. Не скрываю отъ тебя, что это извиненіе не совсѣмъ твердо на ногахъ, но другого у меня нѣту. „Отечественныя Записки",—единственный соперникъ „Русскаго Вѣстника",—и половины денегъ дать не могутъ. А мнѣніе мое о „Московскихъ Вѣдомостяхъ" и объ ихъ редакторѣ остается тоже самое, которое я высказалъ Авдѣеву.

„Тебѣ наскучилъ *Потугинъ,* и ты сожалѣешь, что я не выкинулъ половину его рѣчей. Но представь: я нахожу, что

онъ еще недостаточно говоритъ, и въ этомъ мнѣніи утверждаетъ меня всеобщая ярость, которую возбудило противъ меня это лицо. Іосифъ II говорилъ Моцарту, что въ его операхъ слишкомъ много нотъ.—„Keine zu viel"—отвѣчалъ тотъ. Я—не Моцартъ, еще гораздо меньше, чѣмъ ты не Іосифъ II, но и я осмѣлюсь думать, что тутъ „kein Wort zu viel". То, что за границей избито, какъ общее мѣсто, у насъ можетъ приводить въ бѣшенство своей новизной.

„Подъ Гейдельбергскими арабесками я разумѣю сцены у Губарева.

„Письмо твое къ Аксакову я прочелъ уже прежде, но съ удовольствіемъ прочелъ его... Я нахожу, что ты дѣлаешь слишкомъ много „Kratzfüsse vor den Slavophilen", которыхъ, по старой памяти, носишь въ сердцѣ. Мнѣ кажется, что еслибъ ты понюхалъ то постное масло, которымъ они всѣ отдаютъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Сергѣевичъ (Аксаковъ) женился..., ты бы нѣсколько попридержалъ свое умиленіе".

„Меня радуютъ добрыя вѣсти о твоей семьѣ; самъ же я точно былъ боленъ продолжительнымъ припадкомъ *подагры* (увы и ахъ!), но теперь я почти здоровъ. Награжденіе меня подагрою, это рѣшительное поощреніе всѣмъ кутиламъ и пьяницамъ: ужъ на что, кажется, былъ я трезвъ и тихъ!

„Ну, а за симъ жму тебѣ руку—in alter cordialer Freundschaft.

Ив. Тургеневъ".

Герценъ, въ свою очередь, отвѣтилъ очень дружескимъ письмомъ (отъ 25 мая, изъ Женевы) [1]).

„Твое письмо,—писалъ онъ:—со скидкою 200% изъ Каткова и всего непріятнаго изъ памяти, получилъ, и — вотъ тебѣ моя рука, безъ заднихъ мыслей. Наше замиренье начинается равенствомъ цифры 7 въ квартирахъ; мы сдѣлаемъ вычитаніе, о которомъ я писалъ, и затѣмъ, поставивъ нуль, выведемъ изъ Люксенбурга войско—и не будемъ поминать старое. Ты смотришь на свѣтъ ипохондрически, какъ и слѣдуетъ человѣку, который не пьетъ, а подагру имѣетъ; я—сангвинически, какъ человѣкъ, который подагры не

---

[1]) „Рус. Обозрѣніе", 1895, № 1 стр. 115.

имѣетъ, а вино пьетъ; мнѣ все еще эта борьба, съ шумомъ и непріятными звуками, криками, грязями и войнами, кажется эпическою борьбою, и отчаянія я не имѣю. Если ты совсѣмъ добръ и не очень занятъ (написанное останется между нами), напиши нѣсколько словъ о русскомъ обществѣ старомъ и молодомъ, оффиціальномъ, этнографическомъ и тайнобрачномъ. Мы, вѣроятно, забыты,—ну, а вообще? Только напиши безъ *игры* и *студіи*, а прежде всего безъ Боткинскаго размягченія мозга... На этотъ разъ довольно. Я ѣду въ концѣ іюня опять въ Ниццу и въ Италію. Прочти мою шалость „Съ того свѣта“—для того, что вѣдь и наша переписка является оборотнемъ. Два слова еще о моихъ дѣтяхъ. Саша читалъ публичныя лекціи по итальянски во Флоренціи о рефлексномъ процессѣ нервовъ и о нервахъ вообще съ успѣхомъ. На одной я былъ. Ольга очень похорошѣла, умна и, слѣдовательно, до сихъ поръ имѣетъ отвращеніе отъ ученья. Татой я безконечно доволенъ... Ну, прощай!.. А въ „Голосѣ“ читалъ о твоемъ романѣ. Книги [1]) я не получилъ“.

Очеркъ „Съ того свѣта“, который Герценъ рекомендуетъ вниманію Тургенева, рисуетъ комически фигуры различныхъ „бывшихъ знаменитостей“, удалившихся отъ суеты мірской въ гостепріимную Ривьеру.

„Желающимъ, какъ Фаустъ,—говоритъ Герценъ:—повидаться съ „матерями“ и даже съ „отцами“, не нужно никакихъ Мефистофелей, достаточно взять билетъ на желѣзной дорогѣ и ѣхать къ югу. Начиная съ Кана и Граса, бродятъ грѣющіяся тѣни давно утекшаго времени; пригнанныя къ морю, онѣ, покойно сгорбившись, ждутъ Харона и свой чередъ.

„Мы въ мірѣ умолкшихъ теноровъ, потрясавшихъ наши восемнадцатилѣтнія груди лѣтъ *тридцать* тому назадъ,—ножекъ, отъ которыхъ таяло и замирало наше сердце вмѣстѣ съ сердцемъ цѣлаго партера, ножекъ, оканчивающихъ теперь свою карьеру въ стоптанныхъ, собственноручно вязанныхъ изъ шерсти туфляхъ, пошлепывающихъ за горничной изъ безцѣльной ревности и по хозяйству изъ очень цѣлесообразной скупости.

---

[1]) Посланнаго Тургеневымъ экземпляра „Дыма“.

„Возлѣ актеровъ, сошедшихъ со сцены маленькаго театра,— актеры самыхъ большихъ подмостковъ въ мірѣ: давно исключенные изъ афишъ и забытые, они въ тиши доживаютъ вѣкъ Цинцинатами и философами противъ воли. Далѣе идутъ генералы, знаменитые побѣдами, одержанными надъ ними, тонкіе дипломаты, погубившіе свои страны, игроки, погубившіе свое состояніе, и сморщенныя, сѣдыя старухи, погубившія во время оно сердца этихъ дипломатовъ и этихъ игроковъ. Государственные „фосили“, все еще понюхивающіе табакъ, такъ какъ его нюхали у Поццо ди-Борго, лорда Абердина и князя Эстергази, вспоминаютъ съ „ископаемыми“ красавицами временъ M-me Récamier залу Ливенши, юность Лаблаша, дебюты Малибранъ и дивятся, что Патти смѣетъ послѣ этого пѣть... И въ то же время люди зеленаго сукна, прихрамывая и кряхтя, полурасшибленные параличемъ, полузатопленные водяной, толкуютъ съ другими старушками о другихъ салонахъ и другихъ знаменитостяхъ, о смѣлыхъ ставкахъ, о графинѣ Киселевой, о гамбургской и баденской рулеткѣ, объ игрѣ покойнаго Сухозанета, о тѣхъ патріархальныхъ временахъ, когда владѣтельные принцы нѣмецкихъ водъ были въ долѣ съ содержателями игръ.

„И все это еще дышетъ, еще движется, кто не на ногахъ—въ повозочкѣ, въ коляскѣ, укрытой мѣхомъ, опираясь вмѣсто клюки на слугу, а иногда опираясь на клюку, за неимѣніемъ слуги. Списки иностранцевъ этихъ странъ похожи на старинные адресъ-календари, на клочья изорванныхъ газетъ „временъ наваринскихъ“.

„Возлѣ гаснущихъ звѣздъ — сохраняются другія кометы и свѣтила, занимавшія собою, лѣтъ тридцать тому назадъ, праздное и жадное любопытство по особому кровавому сладострастію, съ которымъ люди слѣдятъ за процессами, ведущими отъ труповъ къ гильотинѣ и отъ кучъ золота на каторгу. Въ ихъ числѣ разные освобожденные отъ суда, за „неимѣніемъ доказательствъ“, отравители, фальшивые монетчики, люди, кончившіе курсъ нравственнаго лѣченія гдѣнибудь въ центральной тюрьмѣ или колоніяхъ и т. п.“

Тургеневу этотъ бытовый очеркъ Герцена очень понравился, какъ видно изъ его отвѣтнаго письма (изъ Баденъ-Бадена, Schillerstrasse, 7, вторникъ 23 мая 14 іюня 1867 г.)

„Спасибо за письмо,—писалъ Тургеневъ:— любезнѣйшій Александръ Ивановичъ.

„Въ бесѣдѣ „Съ того свѣта" я узналъ особую, тебѣ свойственную манеру, и хотя я самъ принадлежу къ охрипшимъ тенорамъ, однако перечелъ все съ истиннымъ удовольствіемъ. Самъ—„обломокъ корабля", какъ говоритъ Эдипъ, а ничего, сочувствую, когда возводятъ мою дряхлую древесину въ „перлъ созданія".

„Я и готовъ тебѣ услужить, но лѣнь мною овладѣла сильная, да и требуешь ты многаго въ немногихъ словахъ: описать общество старое и молодое, да еще съ трехъ точекъ зрѣнія!—Постараюсь что-нибудь высидѣть, можетъ, въ прокъ пойдетъ.

„Можешь ты меня увѣдомить, кто это *Вырубовъ* [1]), который вмѣстѣ съ Литтре издаетъ „Revue Positive"? Я подписался на этотъ журналъ, ибо очень высоко цѣню Литтре [2]).

„Я экземпляръ „Дыма" выслалъ тебѣ тогда же съ письмомъ. Критику „Голоса" я читалъ и, кромѣ того, знаю, что меня ругаютъ всѣ:—и красные, и бѣлые, и сверху, и снизу, и сбоку,—особенно сбоку. Даже негодующіе стихи появились. Но я что-то не конфужусь и не потому, что воображаю себя непогрѣшимымъ, а такъ какъ-то,—словно съ гуся вода. Представь себѣ, я даже радуюсь, что мой ограниченный западникъ Потугинъ появился въ самое время этой всеславянской пляски съ присядкой, гдѣ Погодинъ такъ лихо вывертываетъ па съ гармоникой.

„Я что-то не совсѣмъ понялъ твое „ябедничанье" Долгорукому. Не знаю твоихъ отношеній къ нему, но это одинъ изъ немногихъ людей, которыхъ я и не желалъ бы, да презираю. Извини меня, если это выраженіе тебя оскорбитъ. Но я что-то не вѣрю, чтобы ты могъ уважать человѣка, который *напечаталъ*, что если, молъ, вы вздумаете сдѣлать мнѣ процессъ, я тотчасъ публикую всѣ разговоры, которые

---

[1]) Григ. Ник. Вырубовъ (род. 1843), философъ—позитивистъ, другъ Литтре.

[2]) Эмиль Литтре (1801—1881), редакторъ „Revue Positive", авторъ знаменитаго словаря („Dictionnaire étymologique de la langue française" и „Analyse raisonné de la philosophie postive").

имѣлъ съ вами. Третье отдѣленіе должно восплескать подобной благородной рѣшимости [1]).

„Поклонись твоимъ дѣткамъ, если они меня помнятъ, особенно старшей твоей дочкѣ. Будь здоровъ.

Преданный тебѣ
Ив. Тургеневъ“.

Хотя Тургеневъ и говоритъ въ вышеприведенномъ письмѣ, что его не особенно волнуютъ враждебные нападки на его новый романъ, но изъ напечатаннаго недавно письма его къ Фету видно, что нѣкоторые отывы „сбоку“ приводили его въ большое раздраженіе. А каковы были эти „боковые“ от-

---

[1]) Поясненіемъ этого мѣста письма можетъ служить письмо Тургенева къ редактору „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ (напечатано въ № 168 и перепечатано въ „письмахъ Тургенева“, т. I, стр. 138—139). Письмо это любопытно еще и потому, что въ немъ Тургеневъ открыто признаетъ дружескія отношенія къ Герцену, несмотря на разность политическихъ убѣжденій.

„Милостивый Государь! Сегодня, проѣздомъ черезъ Петербургъ, прочелъ я Вашъ воскресный фельетонъ (отъ 7 іюня № 183), въ которомъ упоминается мое имя, и прошу у васъ позволенія сказать два слова по этому поводу. Я и прежде зналъ, что князю П. В. Долгорукову заблагоразсудилось выкопать старый анекдотъ о томъ, какъ 30 лѣтъ тому назадъ (въ маѣ 1838 г.) я, находясь на „Николаѣ I“, сгорѣвшемъ близъ Травемюнде, кричалъ: „Спасите меня, я единственный сынъ у матери!“ (Острота тутъ должна состоять въ томъ, что я назвалъ себя единственнымъ сыномъ, тогда какъ у меня есть братъ). Близость смерти могла смутить 19-лѣтняго мальчика,—я и не намѣренъ увѣрять читателя, что я глядѣлъ на нее равнодушно; но означенныхъ словъ, сочиненныхъ на другой день однимъ остроумнымъ княземъ (не Долгоруковымъ), я не произнесъ. Видно, князю Долгорукову, желавшему мнѣ сдѣлать оскорбленіе, нечего было сказать про меня, коли онъ рѣшился повторить такую старую и вздорную сплетню. Вы совершенно вѣрно указали настоящую причину, заставившую меня избѣгать встрѣчи съ княземъ Долгоруковымъ; *со многими другими эмигрантами*, политическія мнѣнія которыхъ я не раздѣляю, но въ жизни которыхъ не было процессовъ въ родѣ брюссельскаго и парижскаго,—*я остался и остаюсь въ хорошихъ отношеніяхъ*. Князь Долгоруковъ грозился напечатать всѣ мои бывшіе съ нимъ разговоры: я, съ моей стороны, даю ему на это полное и безусловное разрѣшеніе. Я не раскаяваюсь ни въ одномъ изъ сказанныхъ мною ему словъ; но я, признаюсь, не могу не раскаяваться въ томъ, что вообще вступилъ въ знакомство съ княземъ П. В. Долгоруковымъ. Примите и пр. И. Тургеневъ“.

зывы можно судить по очень любопытному отзыву гр. Л. Толстого о „Дымѣ“.

„Въ „Дымѣ“—писалъ Л. Толстой Фету [1]):—нѣтъ ни къ чему почти любви и нѣтъ почти поэзіи (!) Есть любовь только къ прелюбодѣянію легкому и игривому, и потому поэзія этой повѣсти противна. Вы видите,—это то же, что вы пишете“ [2]).

Такимъ образомъ, общественная сторона повѣсти, которую особенно въ ней цѣнилъ самъ авторъ, совершенно ускользнула отъ вниманія Толстого и Фета. Не мудрено, что подобные отзывы раздражали Тургенева.

„Представьте, — писалъ онъ Фету:— я увѣренъ, что это единственно дѣльная и полезная вещь, которую я написалъ“.

Нескрываемое раздраженіе слышится въ заключительныхъ словахъ письма, являющагося, кстати сказать, довольно ядовитой характеристикой „нетенденціозной“ поэзіи Фета:

„Отчего васъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ нѣтъ?—спрашивалъ Тургеневъ Фета.—Боги, отчего не приходится хоть отъ времени до времени читать такіе „нетенденціозные“ стишки:

Гдѣ-то, что-то вѣетъ, млѣетъ...
Носъ сопитъ... Языкъ нѣмѣетъ“...

Л. Толстой ограничился пренебрежительнымъ отзывомъ о романѣ въ письмѣ къ интимному другу. Достоевскій пошелъ дальше. Онъ явился къ Тургеневу и заявилъ, что романъ слѣдуетъ сжечь рукой палача, что авторъ романа ненавидитъ Россію и т. д. Нѣсколько позже Достоевскій на-

---

[1]) Фетъ „Мои Воспоминанія“, т. II, стр. 121.

[2]) Отзывъ Л. Н. Толстого о „Дымѣ“ интересно сравнить съ отзывомъ его же о „Накапунѣ“ и „Дворянскомъ Гнѣздѣ“, этихъ перлахъ русской литературы.

„Прочелъ я „Накапунѣ“. Вотъ мое мнѣніе: писать повѣсти вообще напрасно, а еще болѣе такимъ людямъ, которымъ грустно и которые не знаютъ хорошенько, чего они хотятъ отъ жизни. Впрочемъ, „Накапунѣ“ много лучше „Дворянскаго Гнѣзда“, и есть въ немъ отрицательныя лица превосходныя: художникъ и отецъ. Другія же не только не типы, но даже замыселъ ихъ, положеніе ихъ не типическое, или ужъ они совсѣмъ пошлы. Впрочемъ, это всегдашняя ошибка Тургенева. Дѣвица (Елена въ „Накапунѣ“!) *изъ рукъ вонъ плоха: „Ахъ, какъ я тебя люблю... у нея рѣсницы были длинныя“...* (Фетъ „Воспом.“ I 317).

писалъ письмо редактору „Русскаго Архива“, въ которомъ излагались „преступныя“ убѣжденія Тургенева [1]). Въ своей злобѣ Достоевскій унизился до выведенія Тургенева въ карикатурѣ (въ лицѣ Карамазова „Бѣсовъ“). Чрезвычайно характерно отношеніе Тургенева къ обоимъ писателямъ,— Толстому и Достоевскому. Оно исполнено его обычной доброты. Несмотря на всю враждебность и несправедливость отзывовъ Л. Толстого, Тургеневъ продолжаетъ восхвалять талантъ Толстого и заботиться объ ознакомленіи съ нимъ западно-европейской публики. Узнавъ о выходкахъ Достоевскаго, Тургеневъ съ большимъ достоинствомъ писалъ:

„Мнѣ остается сожалѣть, что онъ употребляетъ свой несомнѣнный талантъ на удовлетвореніе такихъ нехорошихъ чувствъ; видно, онъ мало цѣнитъ его, коли унижается до памфлета“.

XXIV.

Какъ мы уже говорили въ предыдущихъ главахъ, вліяніе „Колокола“ со времени неудачнаго вмѣшательства Герцена въ дѣло польскаго возстанія начало падать, и въ концѣ 60-хъ годовъ онъ потерялъ всякій вѣсъ. Герценъ рѣшилъ попытаться устроиться на новой почвѣ и съ января 1868 года началъ издавать „Колоколъ“ на французскомъ языкѣ. Теперь уже дѣло шло не объ обличеніяхъ, а объ ознакомленіи Европы съ подлинной Россіей, не оффиціальной, а Россіей общинной, артельной, долженствующей придти на смѣну обветшавшему „старому міру“. Словомъ, это были обычныя славянофильскія иллюзіи.

Еще до выхода французскаго „Колокола“ въ свѣтъ, Герценъ послалъ его корректурные листы въ декабрѣ Тургеневу. Послѣдній не замедлилъ откликнуться (12 декабря 1867 г.) на эту посылку слѣдующимъ характернымъ письмомъ [2]):

„Любезный Александръ Ивановичъ, я получилъ и прочиталъ твой французскій „Колоколъ“. Спасибо за память.

[1]) Подробнѣе см. „Русскій Архивъ“, № 9, 1902 („Тургеневъ и Достоевскій въ 1867 г.“).

[2]) Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse, 7.

Что касается до самой твоей статьи, то вѣдь это между нами старый споръ: по моему понятію, ни Европа не такъ стара, ни Россія не такъ молода, какъ ты ихъ представляешь: мы сидимъ въ одномъ мѣшкѣ, и никакого за нами „спеціально-новаго“ слова не предвидится. Но дай Богъ тебѣ прожить сто лѣтъ, и ты умрешь послѣднимъ славянофиломъ, и будешь писать статьи умныя, забавныя, парадоксальныя, глубокія, которыхъ нельзя будетъ не дочитать до конца. Сожалѣю я только о томъ, что ты почелъ нужнымъ нарядиться въ платье, не совсѣмъ тебѣ подходящее. Вѣрь мнѣ или не вѣрь, какъ угодно, но для такъ называемаго *воздѣйствія* на европейскую публику всѣ твои статьи безполезны...

„Явись, напр., великій русскій живописецъ, его картина будетъ лучшей пропагандой, чѣмъ тысячи разсужденій о способностяхъ нашего племени къ искусству. Люди вообще порода грубая и нисколько не нуждающаяся ни въ справедливости, ни въ безпристрастіи; а ударь ихъ по глазамъ или по карману... Это другое дѣло. Но, впрочемъ, я, можетъ быть, ошибаюсь, а ты правъ; посмотримъ. Во всякомъ случаѣ моментъ едва-ли хорошо выбранъ; теперь дѣйствительно поставленъ вопросъ о томъ,—кому одолѣть: наукѣ или религіи? Съ какой тутъ стати Россія?

„Такъ какъ первый экземпляръ „Дыма“ до тебя не дошелъ, то я хочу попытаться снова и посылаю тебѣ экземпляръ отдѣльнаго московскаго изданія, въ которомъ возстановлены всѣ пропуски катковской цензуры. Сама книга тебѣ, разумѣется, не понравится, но на 97-й страницѣ находится біографія генерала Ратмирова, которая, быть можетъ, заставитъ тебя улыбнуться.

„За симъ, прощай; увѣдомь меня о себѣ и о семействѣ. Я живу здѣсь анахоретомъ и, къ сожалѣнію, не могу ходить на охоту. Колѣнко болитъ, вслѣдствіе неловкаго движенія. Будь здоровъ.

Ив. Тургеневъ“.

Герценъ, бывшій тогда въ Миланѣ, отвѣтилъ Тургеневу (20 декабря) [1]):

„За письмо спасибо. На этотъ разъ „Дымъ“ полученъ въ Женевѣ, но какъ же онъ пропалъ въ первый? Ты ви-

---

[1]) „Рус. Обозрѣніе“, 1895, кн. I, стр. 113—114.

дишь, что я на старости лѣтъ все двигаюсь, а ты все осѣдаешь, да еще выбралъ Баденъ-Баденъ; съ твоей собственной ванной, о которой ты разсказывалъ Б(откину) еще до ея построенія, выйдетъ три...

„Я только что изъ Флоренціи. Всѣ процвѣтаютъ. Саша замѣнилъ Саванароллу и читаетъ проповѣди о желудкѣ тамъ, гдѣ тотъ читалъ о духѣ. Посылаю одну тебѣ. Ѣду отсюда въ Туринъ, Геную, Ниццу, тамъ пробуду немного и—въ Парижъ, а оттуда въ Женеву;—письма перешлютъ. Съ конца сентября вездѣ погода страшная, я не могу отдѣлаться отъ безпрерывныхъ маленькихъ простудъ. Земной шаръ необитаемъ. Нѣтъ-ли какого-нибудь четвероугольника, на которомъ можно было-бы жить спокойно? Если есть, сообщи... Полемизировать не стану. Если я слишкомъ сжалъ время и слишкомъ en gros смотрю на новое слово, которое Россія громко, явно говоритъ своимъ соціальнымъ исключеніемъ пролетаріата, то что ты не видишь даже и послѣ совершеннаго паденія Франціи, съ которой утянулась и Италія, что это гибель, смерть или *кризисъ*,—я этого не понимаю. Пожалуйста, замѣть: „или кризисъ"; я это говорилъ всегда: есть еще силы, которыя могутъ оплодотвориться наукой и спасти организмъ, но сама наука, не воплощаясь, не спасетъ міра такъ, какъ Плиній, Сенека не спасли его. Наукѣ дѣла нѣтъ, въ Америкѣ ли, въ Камчаткѣ-ли, или въ иномъ мѣстѣ ей будетъ „фатера". Praktisch, если нѣмцы одолѣютъ французовъ, можетъ, и выйдетъ новая эпоха довольно порядочнаго развитія и пресквернаго тона. Если же нѣтъ? Вотъ что-то изъ-за тучъ и тумана поднимается—феніанизмъ...

„Еще слово. Дай тебѣ русскую картину,—эдакъ-то Гвидо, Тинторетто, д Урбино. Хорошо! Только дай же и ты Тиціана, Мурильо изъ Америки. Да и врядъ—въ художествѣ ли выражается теперь человѣчество. Я смотрю на эту мраморную бѣловѣжскую чащу здѣшняго собора. Такого великаго, изящнаго больше не построятъ люди. Лучшая новая картина изъ тѣхъ, которыя я видѣлъ,—*ложь*, геніальная ложь: Фландринъ такъ поддѣлался подъ Джіотто... Однако, довольно"...

Посланная Герценомъ Тургеневу брошюра сына (А. А. Герцена, бывшаго тогда профессоромъ во Флоренціи): „Фи-

зіологія воли“ послужила Тургеневу опорнымъ пунктомъ для нападенія на славянофильскія теоріи Герцена. Въ письмѣ изъ Баденъ-Бадена „Schielerstrasse, 7, 25 13 декабря 1867 г.“ Тургеневъ писалъ:

„Любезный Александръ Ивановичъ, во первыхъ, спасибо за отвѣтъ, а во-вторыхъ, за брошюру твоего сына, которую я прочелъ съ великимъ удовольствіемъ: ясно, дѣльно, интересно. И представь себѣ, что вычиталъ изъ нея самое сильное тебѣ опроверженіе: сынъ твой, какъ человѣкъ положительный и практическій, вѣритъ только въ науку, то-есть разсчитываетъ только на нее; а ты, романтикъ и художникъ... вѣришь въ народъ, въ особую породу людей, въ извѣстную расу... И все это по милости придуманныхъ господами и навязанныхъ этому народу совершенно чуждыхъ ему демократическихъ соціальныхъ тенденцій въ родѣ „общины“ и „артели“. Отъ общины Россія не знаетъ, какъ отчураться, а что до артели—я никогда не забуду выраженія лица, съ которымъ мнѣ сказалъ въ нынѣшнемъ году одинъ мѣщанинъ: „кто артели на знавалъ, не знаетъ петли“. Не дай Богъ, чтобы безчеловѣчно-эксплоататорскія начала, на которыхъ дѣйствуютъ наши артели, когда нибудь примѣнились въ болѣе широкихъ размѣрахъ! «Намъ въ артель его *не надыть*; человѣкъ онъ, хоша и не воръ,—безденежный и поручителевъ за себя не имѣетъ, да и здоровьемъ не надеженъ,—на кой его намъ лядъ!» Эти слова можно услыхать сплошь и рядомъ: далеко, какъ изволишь видѣть, до fraternité или хоть до Шульце-Деличевской ассоціаціи! Ты указываешь мнѣ на Петра и говоришь: «смотри: Петръ-то умираетъ, едва дышетъ»; согласенъ,—да развѣ изъ этого слѣдуетъ, что Иванъ здоровъ? Особенно, если принять въ соображеніе, что Иванъ точно такой же комплекціи, какъ Петръ, и тою же болѣзнью боленъ. Нѣтъ, братъ, какъ не вертись, а старикъ Гете правъ: der Mensch (der europäische Mensch) ist nicht geboren, frei zu sein. Почему? Это вопросъ физіологическій, а общество рабовъ съ подраздѣленіемъ на классы попадается на каждомъ шагу въ природѣ (пчелы и т. д.),—и изо всѣхъ европейскихъ народовъ именно русскій менѣе всѣхъ другихъ нуждается въ свободѣ. Русскій человѣкъ, самому себѣ предоставленный, *неминуемо выростаетъ въ старообрядца*:—вотъ, куда его гнётъ, его прётъ, а вы сами

лично достаточно обожглись на этомъ вопросѣ, чтобы не знать, какая тамъ глушь и темь, и тиранія. Что же дѣлать? Я отвѣчаю, какъ Скрибъ: prenez mon ours,—возьмите науку, а то, пожалуй, дойдешь до того, что будешь, какъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, рекомендовать Европѣ для совершеннаго исцѣленія обратиться въ православіе. Вѣра въ народность—есть тоже своего рода религія, а ты—непослѣдовательный славянофилъ, чему я лично, впрочемъ, очень радъ.

„И выходитъ, что мы оба удивляемся—каждый про себя,—какъ это другой *не видитъ* того, что кажется такъ ясно. Но это не мѣшаетъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, искренно любить тебя и дружески жать тебѣ руку. Поклонись всѣмъ своимъ. Сынъ твой молодецъ. Съ Долгорукимъ такъ и надо было покончить. А что дѣлаетъ „весенняя свѣжесть“ Бакунина?

Твой Ив. Тургеневъ“.

Должно замѣтить, что Герценъ не въ одномъ Тургеневѣ встрѣтилъ отрицательное отношеніе по вопросу о русской общинѣ и ея якобы всемірномъ значеніи. Очень любопытно въ этомъ отношеніи письмо Бакунина къ Герцену (отъ 19 іюля 1866 года), въ которомъ онъ нападаетъ на Герцена и Огарева за ихъ излишнее увлеченіе общиной:

„Ваше мистическое святое святыхъ—великорусская община, отъ которой *мистически*,—не разсердитесь за обидное, но вѣрное слово,—да, съ мистическою вѣрою и теоретическою страстью вы ждете спасенія не только для великорусскаго народа, но и для всѣхъ славянскихъ земель, для Европы, для міра!.. А кстати, скажите, отчего вы, уединенные гордецы *никѣмъ* не понятой и не принятой теоріи о таинственномъ свѣтѣ и мощи, скрывающихся въ глубинѣ русской общины, не соблаговолили отвѣчать серьезно и ясно на серьезный упрекъ, сдѣланный вамъ вашимъ пріятелемъ. „Вы выбиваетесь изъ силъ,—пишетъ вамъ этотъ другъ: — вы запнулись за русскую избу, которая сама запнулась да и стоитъ вѣка въ китайской неподвижности“. Почему не разовьете вы этого важнаго, рѣшительнаго для вашей теоріи вопроса: почему эта община, отъ которой вы ожидаете такихъ чудесъ въ будущемъ, въ продолженіи 10 вѣковъ прошедшаго существованія не произвела изъ себя ничего,

кромѣ самаго печальнаго рабства?—Приниженіе женщины; абсолютное отрицаніе и непониманіе женскаго права и женской чести; совершенное безправіе патріархальнаго (общиннаго) деспотизма и патріархальныхъ обычаевъ; безправіе лица передъ міромъ и всеподавляющая тягость этого міра, убивающая всякую возможность индивидуальной инициіативы; отсутствіе права не только юридическаго, но простой справедливости въ рѣшеніяхъ того-же міра и безцеремонность его отношеній къ каждому безсильному или небогатому члену; его систематическая притѣснительно сть въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ, въ которыхъ появляются притязанія на малѣйшую самостоятельность, и готовность продать всякое право и всякую правду за ведро водки:—вотъ во всецѣлости ея настоящаго характера великорусская община".

Переписка Тургенева съ Герценомъ, начавшая опять было принимать остро-полемическій характеръ, на нѣкоторое время прекращается. Лишь болѣе, чѣмъ годъ спустя послѣ вышеприведеннаго письма, Тургеневъ снова возобновляетъ переписку со старымъ другомъ (2 марта 18 февраля, 1869 года, Карлсруэ, Hotel Prinz Max. Вторникъ).

„Любезный другъ, Александръ Ивановичъ,—писалъ Тургеневъ:—прочелъ я на-дняхъ твою послѣднюю „Полярную Звѣзду" и захотѣлось мнѣ опять перекинуться съ тобой двумя словами,—узнать, что ты дѣлаешь, какъ твое здоровье, какъ твои дѣти? Именно сегодня мнѣ захотѣлось, такъ какъ сегодня, годовщина смерти Николая и начала хотя нѣсколько новой жизни у насъ. Время летитъ быстро и, какъ оглянешься, сильно начинаетъ насъ пощелкивать: вонъ Боткинъ лежитъ, какъ пластъ, въ параличѣ въ Римѣ. Милютинъ доживаетъ послѣдніе дни въ Швейцаріи, у меня уже было два припадка подагры... Ты скажешь мнѣ, что съ этими людьми у тебя нѣтъ ничего общаго (или, можетъ быть, ты для меня сдѣлаешь исключеніе?). Но все равно, это были товарищи, и, какъ видишь, что начинаетъ разлагаться *современная* ячейка, покорившая подъ иго своей отдѣльности разные газы земли и соли, такъ и за свою ячейку начинаешь нѣсколько безпокоиться. Перевалившись за 50 лѣтъ, человѣкъ живетъ, какъ въ крѣпости, которую осаждаетъ и рано или поздно возьметъ смерть... Надо защищаться и не по Тотлебенски, безъ вылазокъ.

„Ты, вѣроятно, получаешь русскіе журналы: прочти въ мартовской книжкѣ „Вѣстника Европы“ мои „Воспоминанія о Бѣлинскомъ“, быть можетъ, это тебя заинтересуетъ.

„Да что, ты временно живешь въ Ниццѣ или на постоянное жительство тамъ поселился? Увѣдомь меня. Я переѣхалъ въ Карлсруэ, вслѣдъ за семействомъ Віардо, которое поселилось здѣсь на зиму для воспитанія своихъ дочерей.

„Посылаю тебѣ фотографическую мою карточку и былъ бы весьма тебѣ благодаренъ, еслибъ ты взамѣнъ прислалъ мнѣ твою.

„Дружески жму тебѣ руку и желаю всего хорошаго.

Преданный тебѣ Ив. Тургеневъ“.

Въ отвѣтномъ письмѣ Герценъ упрекнулъ, между прочимъ, Тургенева въ томъ, что послѣдній даже не освѣдомился о здоровьи Огарева, который во время одного изъ эпилептическихъ припадковъ упалъ на улицѣ и серьезно расхворался.

Тургеневъ въ отвѣтъ на эти упреки писалъ (Четвергъ, 11 марта, 1869 г., Карлсруэ, Hotel Prinz Max.):

„Любезный другъ, Александръ Ивановичъ!

„Отвѣчаю на твое письмо. Позволь мнѣ тотчасъ же удивиться слову: „Злоба“, которымъ оно начинается. Ты былъ бы весьма несправедливъ, если бы питалъ ко мнѣ какую-нибудь *злобу*, ибо я передъ тобой, какъ говорится, какъ Христосъ передъ жидами,—вотъ ужъ точно: ни дѣломъ, ни помышленіемъ. Во мнѣніяхъ мы расходились и расходимся, но это бываетъ между самыми близкими пріятелями. Сожалѣю о томъ, что не освѣдомился объ Н. П. Огаревѣ: извини этотъ „lapsus calami“. Я, à tort ou à raison, никогда не былъ высокаго мнѣнія объ его литературной дѣятельности; но всегда искренно уважалъ его и знаю, какое у него золотое сердце. Узналъ я о несчастномъ случаѣ, его постигшемъ, *въ началѣ* нынѣшней зимы, т. е. чуть не годъ спустя; притомъ мы тогда не переписывались. Скажи мнѣ, гдѣ онъ и что теперь съ нимъ?

„Я прочелъ твои „Adieux de Fontainebleau“ въ „Колоколѣ“ [1]). Я всегда сожалѣлъ, что ты не кончилъ разомъ, а какъ Рейнъ, разбивающійся на множество мелкихъ ручьевъ при впаденіи въ море; и особенно мнѣ было досадно, что ты могъ вообразить, будто французамъ нужно знать правду о чемъ бы то ни было, не говоря уже о Россіи! Наши дѣла и мы сами отнесены въ прошедшее: хоть бы тамъ остаться на время!

„Не предвижу никакого затрудненія твоему вояжу въ Германію; я увѣренъ, что никому въ голову не придетъ тебя безпокоить. Если на возвратномъ пути изъ Карлсбада тебѣ бы вздумалось завернуть въ Баденъ, я надѣюсь ты у меня остановишься, и я могу тебя посадить на то самое кресло, на которомъ возсѣдала русская королева. Оно мягкое, ничего!

„Кстати,—тебѣ уже, вѣроятно, извѣстны слухи, которые ходятъ о тебѣ, о твоей переписки съ о. Раевскимъ [2]) въ Вѣнѣ и т. п. Всѣ русскіе журналы объ этомъ толковали, а вотъ тебѣ вырѣзка изъ „Kölnische Zeitung“ (67 №, понедѣльникъ, 8 марта). Я этому не вѣрю ни на волосъ, но можетъ быть, ты сочтешь нужнымъ сказать публично два слова?

„Увы! я не вполнѣ заслуживаю твою похвалу на счетъ того, что болѣе на печатаюсь у Каткова. Въ 1 № „Русскаго Вѣстника“ помѣщена моя повѣсть подъ заглавіемъ: „Несчастная“. Если хочешь, я пришлю тебѣ экземпляръ. Катковъ платитъ очень дорого, а меня мой почтенный дядюшка, управляя моимъ имѣніемъ, чуть по міру не пустилъ.

„Будешь писать твоимъ дѣтямъ, напомни имъ обо мнѣ. Сынъ твой прислалъ мнѣ свою дисертацію, которую я прочелъ съ интересомъ. Итакъ, онъ женится, и ты скоро дѣдушка? E sempre bene!

„Дружески жму тебѣ руку и остаюсь

Преданный тебѣ

Ив. Тургеневъ“.

Слухи о томъ, что Герценъ хлопочетъ о возвращеніи въ

---

[1]) Письмо Герцена къ Огареву, помѣщенное въ франц. „Колоколѣ“, въ которомъ сообщалось о прекращеніи изданія, озаглавлено „Adieux de Fontainebleau“.

[2]) Отецъ Раевскій, священникъ при посольской церкви въ Вѣнѣ.

Россію неоднократно печатались въ нѣмецкихъ газетахъ и были повторяемы въ русскихъ [1]).

„Любезный другъ, Александръ Ивановичъ!—писалъ Тургеневъ:—сообщенное о тебѣ извѣстіе опровергается въ русскихъ газетахъ (и уже въ Кельнской) и говорится только о просьбѣ твоего сына (не знаю, насколько она справедлива), воротиться на время въ Россію для устройства твоихъ дѣлъ. Въ Парижъ я уже далъ знать, что это враки. Не думаю, что въ этомъ случаѣ былъ пущенъ Шуваловымъ ballon d'essai; я бы очень удивился, еслибъ съ тобой поступили, какъ съ Кельсіевымъ. Погодинъ на сей разъ правду сказалъ и, вѣроятно, не всю даже правду. Но заявленіе отъ тебя лично необходимо.

„Биржевыхъ Вѣдомостей“ здѣсь достать невозможно [2]); еслибы ты прислалъ № подъ бандеролью (sous bande), я бы аккуратно отправилъ его обратно.

„А Бакунинъ видно перемѣнилъ свои убѣжденія.

„Что дѣлать? Я останусь индивидуалистомъ до конца; и новое слово, выдуманное Бакунинымъ,—congrègationiste—меня не подкупаетъ: нарушеніе личной свободы я вижу также и въ томъ, что онъ довольно смутно желаетъ представить.

„Будь здоровъ, жму тебѣ руку.

Ив. Тургеневъ“.

XXV.

Вышеприведенный отзывъ Тургенева о Бакунинѣ былъ, очевидно, вызванъ его рѣчами на Бернскомъ конгрессѣ.

Рѣзко расходясь по многимъ вопросамъ съ Бакунинымъ теоретически, Герценъ еще болѣе расходился съ нимъ въ пріемахъ практической дѣятельности. Въ 1869 г. за границу пріѣхалъ Нечаевъ. На Герцена онъ, по словамъ проф. Драгоманова, „произвелъ отталкивающее впечатлѣніе“. Но Нечаевъ вполнѣ завладѣлъ слабохарактернымъ Огаревымъ и,

---

[1]) Тургеневъ даже освѣдомлялся у Анненкова, просилъ его навести справки о справедливости этихъ слуховъ.

[2]) Въ № 73 „Биржевыхъ Вѣдомостей“ 1869 г. была напечатана статья, направленная противъ Герцена.

какъ это ни странно, самимъ Бакунинымъ. Правда, и Бакунинъ и Огаревъ вскорѣ получили къ Нечаеву такое-же отвращенiе, какъ и Герценъ, но это разочарованiе обошлось Бакунину очень дорого. Его временной близостью къ Нечаеву воспользовался его старый врагъ, К. Марксъ, который впослѣдствiи поставилъ эту близость на видъ Бакунину.

Недавно опубликовано письмо Бакунина къ Таландiе, написанное уже послѣ смерти Герцена (дата: Neuchatel, 24 juillet, 1870). Письмо это заключаетъ характеристику Нечаева, тѣмъ болѣе интересную, что она сдѣлана Бакунинымъ, очень близко его знавшимъ:

„Любезный другъ,—писалъ Бакунинъ Таландiе:—я узналъ, что Нечаевъ явился къ вамъ, и что вы поспѣшили дать ему адресъ нашихъ друзей М. Я заключаю изъ этого, что два письма, которыми Огаревъ и я предупреждали и умоляли васъ оттолкнуть его, пришли къ вамъ слишкомъ поздно, и, безъ всякаго преувеличенiя, я считаю послѣдствiе этого запозданiя за истинное несчастье".

Далѣе Бакунинъ такъ характеризуетъ прiемы, практиковавшiеся Нечаевымъ въ затѣянномъ имъ „тайномъ обществѣ":

„Солидарность существуетъ только между десяткомъ лицъ, которыя образуютъ Sanctum Sanctorum общества. Все остальное должно служить слѣпымъ орудiемъ и какъ бы матерiей для пользованiя въ рукахъ этого десятка людей, дѣйствительно солидарныхъ. Дозволительно и даже простительно ихъ *обманывать*, *компрометировать*, *обкрадывать* и, по нуждѣ, *даже—губить ихъ;* это мясо для заговоровъ. Напр., вы приняли Нечаева, благодаря нашему рекомендательному письму, вы ему оказали отчасти довѣрiе, вы его рекомендовали вашимъ друзьямъ, между прочимъ, г-ну и г-жѣ М. И вотъ, онъ помѣщенъ въ вашемъ кругу,—что же онъ будетъ дѣлать? Прежде всего онъ начнетъ вамъ разсказывать кучу лжи, чтобъ увеличить вашу симпатiю и довѣрiе къ нему, но этимъ не удовольствуется. Симпатiи людей, умѣренно теплыхъ, которые имѣютъ человѣческiе интересы, какъ любовь, дружба, семья, общественныя отношенiя, эти симпатiи въ его глазахъ не представляютъ достаточной основы,—и во имя дѣла онъ долженъ завладѣть вашей личностью, безъ вашего вѣдома. Для этого онъ будетъ за вами шпiонить и поста-

рается овладѣть всѣми вашими секретами и для этого, въ вашемъ отсутствіи, оставшись одинъ въ вашей комнатѣ, онъ откроетъ всѣ ваши ящики, прочитаетъ всю вашу корреспонденцію, и если какое ваше письмо покажется ему интереснымъ, т. е. компрометирующимъ съ какой бы то ни было стороны васъ или одного изъ вашихъ, онъ его украдетъ и спрячетъ старательно, какъ документъ противъ васъ или вашего друга. Онъ это дѣлалъ съ Огаревымъ, со мною, съ Татой (дочерью Герцена, Натальей Александровной) и съ другими друзьями,—и когда, собравшись вмѣстѣ, мы его уличили, онъ осмѣлился сказать намъ: „Ну, да! Это—наша система, мы считаемъ какъ бы врагами и ставимъ себѣ въ обязанность обманывать, компрометировать всѣхъ, кто не идетъ съ нами *вполнѣ*",—т. е. всѣхъ тѣхъ, кто не убѣжденъ въ прелести этой системы и не обѣщалъ примѣнять ее, какъ и сами эти господа. Если вы его представите вашему пріятелю, первою его заботою станетъ посѣять между вами несогласіе, дрязги, интриги,—словомъ, поссорить васъ. Если вашъ пріятель имѣетъ жену, дочь, — онъ постарается ее соблазнить (de lui faire un enfant), чтобъ вырвать ее изъ предѣловъ оффиціальной морали и чтобы бросить ее въ вынужденный протестъ противъ общества. Всякая личная связь, всякая дружба считаются ими зломъ, которое они обязаны разрушить, потому что все это составляетъ силу, которая, находясь внѣ секретной организаціи, уменьшаетъ единую силу этой послѣдней. *Не кричите о преувеличеніи:* все это было имъ мнѣ пространно развиваемо и доказываемо. Увидѣвъ, что маска съ него сорвана, этотъ бѣдный Нечаевъ былъ настолько наивенъ, былъ настолько ребенкомъ, несмотря на свою систематическую испорченность, что считалъ возможнымъ обратить меня; онъ дошелъ даже до того, что упрашивалъ меня изложить эту теорію въ русскомъ журналѣ, который онъ предлагалъ мнѣ основать. Онъ обманулъ довѣріе всѣхъ насъ, онъ покралъ всѣ наши письма, онъ страшно скомпрометировалъ насъ, словомъ, велъ себя, какъ плутъ".

Позднѣе (2 августа 1870 г.) Бакунинъ писалъ Огареву по поводу Нечаева:

„Нечего сказать, были мы дураками, и *какъ бы Герценъ надъ нами смѣялся, еслибъ былъ живъ, и какъ бы онъ былъ правъ, ругаясь надъ нами!*"

Немудрено, что Нечаевъ произвелъ на чуткаго Герцена „отталкивающее впечатлѣніе". Любопытной параллелью Бакунинской характеристикѣ Нечаева можетъ служить характеристика, сдѣланная Герценомъ въ мартѣ 1869 г. „молодой эмиграціи". Она была опубликована послѣ его смерти, въ посмертномъ сборникѣ его статей (1870 г.).

„Заносчивые юноши эти,—писалъ Герценъ:—заслуживаютъ изученія, потому что они выражаютъ временный типъ, очень опредѣленно вышедшій, очень часто повторявшійся, переходную форму болѣзни.

„Большею частью они не имѣли той выправки, которую даетъ воспитаніе, и той выдержки, которая пріобрѣтается научными занятіями. Они торопились въ первомъ задорѣ освобожденія сбросить съ себя всѣ условныя формы и оттолкуть всѣ каучуковыя подушки, мѣшающія жесткимъ столкновеніямъ. Это затрудняло всѣ простѣйшія отношенія съ ними.

„Снимая все до послѣдняго клочка, наши enfants terribles гордо являлись, какъ мать родила, а родила-то она ихъ плохо, вовсе не простыми дебелыми парнями, а наслѣдниками дурной и нездоровой жизни низшихъ петербургскихъ слоевъ. Вмѣсто атлетическихъ мышцъ и юной наготы, обнаружились печальные слѣды наслѣдственнаго худосочія, слѣды застарѣлыхъ язвъ. Изъ народа было мало выходцевъ между ними. Передняя, казарма, семинарія, мелкопомѣстная господская усадьба, перегнувшись въ противоположное, сохранились въ крови и мозгѣ, не теряя отличительныхъ чертъ своихъ. На это, сколько мнѣ извѣстно, не обращали должнаго вниманія.

„Съ одной стороны реакція должна была бросить молодое поколѣніе въ антагонизмъ и всяческое отрицаніе враждебной среды: тутъ нечего искать ни мѣры, ни справедливости. Напротивъ, тутъ дѣлается на зло, тутъ дѣлается въ отместку. Вы—лицемѣры, мы будемъ циниками; вы были нравственны на словахъ, мы будемъ на словахъ злодѣями; вы были учтивы съ высшими, мы будемъ грубы со всѣми; вы кланяетесь, не уважая, мы будемъ толкаться, не извиняясь; у васъ чувство достоинства было въ одномъ приличіи и внѣшней чести, мы за честь себѣ поставимъ попраніе всѣхъ приличій и презрѣніе всѣхъ point d'honneur'овъ.

Но съ другой стороны, эта отрѣшенная отъ обыкновенныхъ формъ общежительства личность была полна своихъ наслѣдственныхъ недуговъ и уродствъ. Сбрасывая съ себя, какъ мы сказали, всѣ покровы, самые отчаянные стали щеголять въ костюмѣ Гоголевскаго помѣщика Пѣтуха, и при томъ не сохраняя позы Венеры Медицейской. Нагота не скрыла, а раскрыла,—кто они. Она раскрыла, что ихъ систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзкая рѣчь не имѣетъ ничего общаго съ неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина и очень много съ пріемами подьяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помѣщичьяго дома. Народъ ихъ такъ же мало счелъ за своихъ, какъ славянофиловъ въ мурмолкахъ. Для него они остались чужимъ, низшимъ слоемъ враждебнаго стана, захудалыми баричами, стрикулистами безъ мѣста, нѣмцами изъ русскихъ.

„Бить въ рожу по первому возраженію, если не кулакомъ, то ругательнымъ словомъ, называть Стюарта Милля ракальей, забывая всю службу его [1]),—развѣ это не барская замашка, которая „стараго Гаврилу за измятое жабо хлещетъ въ усъ да въ рыло“? Развѣ въ этой и подобныхъ выходкахъ вы не узнаете квартальнаго, исправника, становаго, таскающаго за сѣдую бороду бурмистра? Развѣ въ нахальной дерзости манеръ и отвѣтовъ, въ людяхъ, говорящихъ свысока и съ пренебреженіемъ о Шекспирѣ и Пушкинѣ,—вы не видите ясно внучатъ Скалозуба, получившихъ воспитаніе въ домѣ дѣдушки, хотѣвшаго „дать фельдфебеля въ Вольтеры“?

„Самая проказа взятокъ уцѣлѣла въ домогательствѣ денегъ нахрапомъ, съ пристрастіемъ и угрозами, подъ предлогомъ общихъ дѣлъ, въ поползновеніи кормиться на счетъ службы и мстить кляузами и клеветами за отказъ.

„Все это переработается и перемелется,—заканчиваетъ Герценъ:—но... много дренажа требуютъ наши черноземы!..“

Въ другомъ мѣстѣ Герценъ говоритъ:

„Я не бросаю камнемъ въ молодое поколѣніе, но эти представители были представителями крайности, временный типъ, переходная сторона, болѣзнь, развившаяся изъ застоя... Самыя простыя отношенія съ ними были затруднительны. У нихъ не было ни воспитанія, ни научной подготовки. Конеч-

[1]). Намекъ на статью Н. Соколова въ „Русск. Словѣ“, гдѣ Д. С. Милль именовался ракальей.

но, все это по необходимости должно было переработаться и перемѣниться; жаль только, что подготовленная почва была слишкомъ проросшею плевелами“ [1]).

Очень тонкое указанiе на психологическiя причины расхожденiя Герцена съ молодой эмиграцiей сдѣлалъ бiографъ Герцена г. Смирновъ въ своей превосходной работѣ.

„Интересы Герцена и интересы всевозможныхъ эмигрантовъ,—говоритъ г. Смирновъ:—были въ сущности совершенно различны. Герценъ постояннно смотрѣлъ впередъ и гораздо больше видѣлъ въ немъ, читалъ въ немъ, чѣмъ вѣрилъ въ него. Онъ предсказалъ неуспѣхъ революцiи 1848 года, франко-германскую войну, торжество политики Бисмарка. Онъ былъ настроенъ на мрачный ладъ, и что же было дѣлать ему среди фанатиковъ, ожидавшихъ торжества своихъ идей, проектовъ, предположенiй чуть ли не на завтрашнiй день? Ему не было мѣста между ними еще и потому, что въ немъ крѣпко сидѣла черта, общая почти всѣмъ дѣятелямъ 40-хъ годовъ, за исключенiемъ одного Бѣлинскаго,—это черта умственнаго аристократизма, своего рода даже пресыщенiя. Старое барство отзывалось въ этомъ и всегда съ невыгодой для тѣхъ, кто былъ его преемникомъ. Возьмите Тургенева и Герцена:—оба они, несмотря на весь демократизмъ своихъ убѣжденiй, никакъ не могли сойтись съ тѣми людьми, которые были плоть отъ плоти и кровь отъ крови демократiи. Ихъ коробили манеры, языкъ, замашки „новыхъ людей“, выступавшихъ въ Россiи на сцену въ 60-хъ годахъ. Они искали изящества, особенной утонченности чувствъ и идей и, разумѣется, не находили ихъ у дѣятелей, явившихся на смѣну ихъ поколѣнiю. Но больше всего ихъ мутило—и это настоящее слово—отъ догматизма мысли, отъ всего, что провозглашалось съ безусловной самоувѣренностью и съ ненавистью къ какому бы то ни было ограниченiю, возраженiю, колебанiю. Они извѣдали слишкомъ много, ихъ жизнь была слишкомъ богата, они не признавали никакого подчиненiя. Въ ихъ взглядѣ навсегда слышится пресыщенiе и утонченность. Художественная закваска, своего рода диллетантизмъ жизни ставилъ между ними и истинными „практиками“ не-

---

[1]) В. Д. Смирновъ. Жизнь и дѣятельность А. И. Герцена въ Россiи и заграницей. Спб., 1897 (изд. Павленкова), стр. 155.

преодолимую преграду, — и это даже несмотря на искреннее желаніе обѣихъ сторонъ сговориться, несмотря даже на общность теоретическихъ убѣжденій“ [1]).

Многое въ этомъ замѣчаніи г. Смирнова безусловно вѣрно, но надо признать также, что и помимо „умственнаго аристократизма“ Герцена, такія явленія, какъ „практическая“ дѣятельность въ духѣ Нечаева или пріемы полемики нѣкоторыхъ молодыхъ публицистовъ [2]) едва ли могли внушить Герцену желаніе сблизиться съ представителями тогдашней заграничной молодежи, хотя среди нея были люди и другихъ оттѣнковъ, и другого склада, но не эти болѣе скромные люди давали окраску.

XXVI.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ со времени послѣдняго письма Тургенева къ Герцену, и, не получая никакихъ свѣдѣній о старомъ другѣ, Тургеневъ справлялся о немъ у его сына (Баденъ-Баденъ. Tiergarten-Strasse, 3, вторникъ, 26—14 Окт. 1869 г.):

„Я бы очень былъ Вамъ благодаренъ, — писалъ Тургеневъ профессору А. А. Герцену: — если бы Вы сообщили мнѣ, гдѣ находится теперь Вашъ батюшка. Доходили до меня слухи, будто онъ поселился въ Брюсселѣ; но я желалъ бы знать нѣчто болѣе положительное, гдѣ онъ намѣренъ провести зиму, и какъ къ нему писать?

„Я имѣлъ удовольствіе видѣть мелькомъ въ нынѣшнемъ году въ Мюнхенѣ (во время Рейнгольдо-Вагнеровскаго бѣснованія) Вашу сестру Ольгу [3]) вмѣстѣ съ М-lle М(ейзенбугъ), хотѣлъ зайти къ нимъ, но не улучилъ минуты свободнаго времени, притомъ же я въ тотъ день уѣхалъ. Извѣстите

[1]) Ibidem, стр. 158—159.

[2]) Укажемъ, напр., на брошюру Серно - Соловьевича, изданную въ 1867 г. заграницей: „Unsere Russischen Angelegenheiten“ („Наши русскія дѣла“). Въ брошюрѣ авторъ упрекаетъ Герцена въ риторствѣ, въ противорѣчіи между словомъ и жизнью и даже въ чрезмѣрномъ употребленіи шампанскаго.

[3]) Ольга Александровна Герценъ, вышедшая впослѣдствіи замужъ за историка Моно.

меня о ней, а также о сестрѣ Вашей Наталіи; гдѣ находится Огаревъ и его жена? Чѣмъ больше я самъ подвигаюсь въ жизнь, тѣмъ больше дорожу старыми связями и, по крайней мѣрѣ, желалъ бы знать, что подѣлываютъ люди, съ которыми я былъ близокъ?

„Я всегда съ большимъ удовольствіемъ читалъ Ваши дѣльныя и умныя брошюры и съ участіемъ слѣдилъ за Вашей карьерой, и знаю, что Ваша дѣятельность встрѣчаетъ сочувствіе и одобреніе въ людяхъ, мнѣніемъ которыхъ Вы дорожите.

„Я, какъ вы знаете, живу почти постоянно въ Баденѣ; все еще пописываю, но съ каждымъ годомъ меньше. Здоровье мое было бы не дурно, но съ нынѣшней весны во мнѣ открыли „eine Verdichtung der rechten Herzklappe“, и это не совсѣмъ мнѣ пріятно, такъ какъ мѣшаетъ мнѣ ходить много на охоту и т. д.

„Если бы Вамъ когда-нибудь случилось завернуть въ здѣшніе края, я надѣюсь, что Вы у меня остановитесь. Я выстроилъ себѣ довольно большой домъ „avec chambres d'amis“ и очень былъ бы радъ оказать гостепріимство.

„Если не забудете, пришлите мнѣ (подъ бандеролью) одинъ № „Nazione“ съ отрывкомъ „Дыма“ — для куріоза [1]).

„Въ ожиданіи Вашего отвѣта, дружески жму Вашу руку и прошу передать мой поклонъ всѣмъ Вашимъ

Преданный Вамъ

Ив. Тургеневъ“.

Въ ноябрѣ тяжело заболѣла любимая дочь Герцена Наталія Александровна, къ которой съ большой симпатіей относился Тургеневъ. Узнавъ отъ Герцена о болѣзни Наталіи Александровны, Тургеневъ писалъ ему (Баденъ-Баденъ, Tiergartenstrasse, 3, четвергъ, 25 ноября 1869 г.):

„Письмо твое, любезный Герценъ, глубоко меня поразило, и я пишу тебѣ въ надеждѣ, что ты сообщишь мнѣ болѣе благопріятныя извѣстія, къ чему меня обнадеживаетъ

---

[1]) Въ итальянской газетѣ „Nazione“ печатался тогда переводъ романа „Дымъ“. Другіе романы Тургенева были переведены по-итальянски графиней де-Губернатисъ (см. Тургеневъ. „Неизданныя письма“. Москва. 1900 стр. 351—353)

увѣреніе твоего сына, что при отъѣздѣ изъ Флоренціи, твоя дочь была совершенно почти какъ здоровая. Образъ ея остался въ моей памяти такимъ свѣтлымъ и прекраснымъ, что я не могу вѣрить, чтобы облако, набѣжавшее на него, не разсѣялось тотчасъ и навсегда. Искренно сочувствую тебѣ: какіе уже ты выдержалъ удары,—и новые, еще болѣе жестокіе падаютъ на тебя! Пожалуйста, не сомнѣвайся въ моемъ участіи и напиши мнѣ два слова.

„Въ теперешнемъ твоемъ расположеніи духа тебѣ, вѣроятно, не до того, чтобы интересоваться моими „faits et gestes"; скажу тебѣ, что нынѣшнимъ лѣтомъ у меня сердце было зашалило, т. е. подагра туда бросилась, однако, мнѣ теперь гораздо лучше и мнѣ снова позволяютъ ходить на охоту и т. д., благо жаркое время пришло. Зиму я провожу здѣсь, а весной ѣду въ Россію.

„Поклонись отъ меня всѣмъ твоимъ, да не забудь написать мнѣ. Обнимаю тебя дружески.

Ив. Тургеневъ".

Болѣзнь дочери заставила Герцена переѣхать изъ Ниццы въ Парижъ, куда онъ и прибылъ передъ новымъ годомъ (1870) [1]). Къ этому періоду относятся воспоминанія о Герценѣ Дмитрія Никол. Свербѣева.

„Я былъ уже въ Парижѣ,—говоритъ Свербѣевъ:—и мнѣ дали его адресъ въ близкомъ сосѣдствѣ отъ моей квартиры. Я не замедлилъ къ нему отправиться. Съ моей визитной карточкой въ рукѣ, прежній, но уже постарѣвшій Герценъ, такъ бывало, мнѣ симпатичный, и отнюдь не тотъ Искандеръ, котораго я и не любилъ и опасался, явился передо мной въ своей гостиной, гдѣ я его ожидалъ, и не могъ скрыть отъ меня своего удивленія при такой нечаяной встрѣчѣ: онъ думалъ найти у себя одного изъ моихъ сыновей, а никакъ не меня. Съ первыхъ же словъ объяснились мы дружелюбно въ его обо мнѣ отзывѣ [2]). Замѣтивъ въ лицѣ его выраженіе грустнаго утомленія: „Ну, Александръ Ивановичъ,—сказалъ я ему:—что вы и какъ вы?"—„Годы, какъ видите, и

---

[1]) Записки Свербѣева т. I. стр. 503-5.

[2]) Въ „Колоколѣ" Герценъ, повѣривъ несправедливымъ слухамъ, напечаталъ рѣзкую замѣтку о Свербѣевѣ (подробнѣе см. Записки Свербѣева, т. I, стр. 501).

меня угомонили". Тутъ пошли взаимные разспросы о нашихъ семьяхъ, и я рѣшился спросить, точно ли онъ имѣетъ намѣреніе возвратиться на родину. „Это немыслимо,— сказалъ онъ:—и вѣрьте, что я нигдѣ, а тѣмъ менѣе въ Вѣнѣ [1]) не хлопоталъ о возвращеніи. Знаете-ли,—прибавилъ онъ:—я, Герценъ, считаюсь отсталымъ въ глазахъ новыхъ женевскихъ эмигрантовъ. Между политическими выходцами всѣхъ странъ и національностей непримиримая распря неизбѣжна,—эта зараза всюду за нами сопутствуетъ. Вотъ вамъ послѣдняя женевская книжка „Народнаго Дѣла" и вы увидите, какъ издатели этого журнала меня опредѣлили, а равно и все то, чего желаютъ они для Россіи". Въ концѣ этой книжкѣ эмигранты младшаго поколѣнія призывали Герцена къ объясненію и отвѣту. Первое наше свиданіе длилось немного; мы пожали другъ другу руки, обнялись и обѣщались видѣться. Разумѣется, я приглашалъ его къ себѣ.

„12 января (нов. ст.) Герценъ зашелъ ко мнѣ и, съ лестнымъ для меня вниманіемъ, прослушалъ одну мою статейку, которая читалась у меня для двухъ-трехъ слушателей. Послѣ чтенія, онъ оставался со мной не долго, и это было второе и послѣднее наше съ нимъ свиданіе. Я забылъ сказать, что, несмотря на краткость нашихъ бесѣдъ, онъ не оставилъ (не преминулъ?) съ искреннимъ участіемъ предложить мнѣ вопросъ о слѣдствіяхъ освожденія крестьянъ. Я откровенно выразилъ ему мое личное, искреннее мнѣніе, что эмансипація благотворнѣе до сего времени подѣйствовала на дворянъ-помѣщиковъ, чѣмъ на освобожденныхъ, что она у первыхъ отняла всякое самоуправство и тѣмъ самимъ ихъ облагородила, и заставила жить умственно и нравственно. „Хорошо и это,—отвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ чувствомъ умиленія: — ваше откровенное признаніе меня во многомъ утѣшаетъ".

14 января (н. ст.) 1870 г. въ Парижъ пріѣхалъ Тургеневъ всего „на недѣлю", какъ онъ писалъ Полонскому [2]), и вскорѣ явился извѣстить стараго друга [3]).

---

[1]) Т. е. черезъ о. Раевскаго, см. примѣч. выше.

[2]) Тургеневъ. Письма, I. 169.

[3]) Считаемъ не лишнимъ отмѣтить ошибку, вкравшуюся въ чрезвычайно любопытныя „Воспоминанія" д-ра Н. А. Бѣлоголоваго (цитирую

„17 января, въ пятницу,—говоритъ г-жа Тучкова-Огарева въ ея воспоминаніяхъ о болѣзни и кончинѣ Герцена [1]):— пришелъ Тургеневъ.

„Тургеневъ былъ очень веселъ и милъ. Герценъ оживился. Всѣ перешли въ салонъ, куда пришелъ и Евгеній Ив. Рагозинъ. Вскорѣ Герценъ вызвалъ Тургенева въ свою комнату, гдѣ, поговоривши съ нимъ нѣсколько минутъ, разсказалъ ему о статьѣ, вышедшей противъ него въ „Голосѣ". Тургеневъ шутилъ и говорилъ, что онъ пишетъ теперь по-нѣмецки, но что, когда переводятъ то, что онъ напишетъ, Краев-

---

по 3-му изд. 1898 г.). Въ статьѣ „Три встрѣчи съ Герценомъ" Бѣлоголовый, разсказывая о свиданіи Герцена съ Боткинымъ *въ сентябрѣ 1869 г.*, приводитъ слѣдующій разговоръ Боткина съ Герценомъ:

„Послѣ банальныхъ фразъ о здоровьи обоихъ, Герценъ спросилъ: какъ живетъ Тургеневъ? Боткинъ отвѣчалъ, что онъ въ письмахъ все также жалуется на здоровье и живетъ по прежнему въ Баденѣ съ Віардо.

„— Да вы развѣ не переписываетесь съ нимъ?

„— Ужъ будто вы этого отъ него не знаете?—съ явнымъ недовѣріемъ спросилъ Герценъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ онъ написалъ свою политическую брошюру о внутреннемъ строѣ Россіи, я увидалъ, что между ними все порвано: соглашеніе возможно, когда расходишься въ мелочахъ, въ частностяхъ, ну, а изъ того, какъ Тургеневъ ставитъ вопросъ, мнѣ столковаться съ нимъ нѣтъ никакой возможности, вотъ почему, когда послѣ того онъ написалъ мнѣ письмо съ объясненіями, я нашелъ, что лучше мнѣ ему вовсе не отвѣчать, я вѣдь двусмысленности въ отношеніяхъ и прежде не допускалъ, а теперь и подавно".

Въ вышеупомянутомъ отрывкѣ *все невѣрно*, поскольку рѣчь идетъ о Тургеневѣ. Во 1-хъ, какъ читатели знаютъ, Герценъ *еще въ мартѣ 1869 г.*, получилъ 3 письма отъ Тургенева; во 2-хъ, ихъ переписка, прервавшаяся въ 1864 г., возобновилась въ 1867 г., и въ 3-хъ, расхожденія Герцена съ Тургеневымъ изъ за написанія послѣднимъ „политической брошюры" не могло быть по той простой причинѣ, что Тургеневъ такой брошюры никогда не писалъ, и расхожденіе произошло по другимъ причинамъ, изложеннымъ въ нашей статьѣ.

Все дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ память измѣнила д-ру Бѣлоголовому, и онъ спуталъ разговоръ, въ которомъ рѣчь шла о *Кавелинѣ*, съ разговоромъ о Тургеневѣ. Вся вышеприведенная тирада Герцена цѣликомъ относится къ Кавелину, съ которымъ Герценъ разошелся изъ за изданной Кавелинымъ въ 1862 г. въ Берлинѣ политической брошюры: „Дворянство и освобожденіе крестьянъ".

Желательно, чтобы въ будущихъ изданіяхъ превосходной книги д-ра Бѣлоголоваго была оговорена эта ошибка, ибо она бросаетъ ложный свѣтъ на отношенія Герцена къ Тургеневу.

[1]) Н. Тучкова-Огарева. Воспоминанія объ А. И. Герценѣ. „Сѣв. Вѣст." 1896 г., № IV, стр, 42.

скій возвращаетъ переводъ, потому что не довольно дурно написано. Уходя, Тургеневъ спросилъ Герцена:

„— Ты бываешь дома по вечерамъ?

„— Всегда—отвѣчалъ Тургеневъ.

„— Ну, такъ завтра вечеромъ я приду къ тебѣ".

Но, какъ оказалось, это было предпослѣднимъ свиданіемъ друзей. Вечеромъ того же дня Герценъ началъ жаловаться на боль въ боку, ночью у него сдѣлался жаръ, и онъ бредилъ. Навѣстившій его на слѣдующій день Тургеневъ засталъ его уже въ постели. Приглашенный Шарко нашелъ у него воспаленіе легкихъ. На діабетической почвѣ процессъ развивался быстро, и въ ночь съ 20—21 января (н. ст., 9 стар. стиля) Герцена не стало. Незадолго передъ смертью онъ, въ бреду, приказывалъ кучеру остановиться у квартиры самого близкаго своего друга, Огарева.

„Онъ дышалъ все тяжелѣе и тяжелѣе, — говоритъ г-жа Тучкова-Огарева. — Моно [1]) помогъ положить его повыше, чтобы онъ могъ легче дышать. Затѣмъ, позвали Ольгу и Лизу [2]), которыя также спать не могли.

„Всѣ стали кругомъ его кровати: Тата держала его лѣвую руку, Ольга и Лиза стояли возлѣ кровати за Татой. Мейзенбугъ [3]) позади, а Моно у ногъ. Пробило два часа. Дыханіе становилось рѣже и рѣже. Тата попробовала дать ему пить, но я сдѣлала ей знакъ, чтобы не тровожить его. Дышалъ онъ тише, рѣже. Наконецъ, наступила та страшная тишина, которую слышно"...

Свербѣевъ, все время болѣзни справлявшійся о ходѣ ея у дочерей Герцена, пришелъ къ выносу тѣла.

„Около гроба входящему въ небольшую комнатку, — говоритъ онъ [4]):—не видно было никого, кромѣ четырехъ одѣтыхъ въ трауръ служителей, ожидавшихъ выноса. Въ дру-

[1]) Габріель Моно, женихъ Ольги Алекс. Герценъ, впослѣдствіи редакторъ Revue Historique.

[2]) Дочь Герцена отъ его союза съ Наталіей Алексѣевной Огаревой. (О ея печальной судьбѣ см. статью г-жи Е. Ели „Семья великаго чело вѣка" въ №№ 10—12 „Сѣв. Вѣст.", 1898 г.).

[3]) М-lle Мейзенбугъ, бывшая воспитательницей, а позже другомъ дѣтей Герцена, издала недавно интересныя воспоминанія „Memoirs d'une idealiste" (подробнѣе см. „Вѣст. Европы" 1901 г.).

[4]) Д. Свербѣевъ. Записки, т. I, стр. 506.

гой, болѣе обширной комнатѣ, находилось три-четыре неизвѣстныхъ мнѣ дамы и человѣкъ тридцать разныхъ мужчинъ, мнѣ также незнакомыхъ, и между ними, показалось мнѣ, ни одного изъ русскихъ [1]). Могу назвать развѣ только одного Н. И. Тургенева, который, не имѣя возможности со своею разболѣвшеюся ногой взобраться на третій этажъ, ожидалъ выноса у подъѣзда. Простота всего этого послѣдняго акта человѣческой жизни доведена была тутъ до убійственнаго на душу живыхъ впечатлѣнія, такъ это, по крайней мѣрѣ, глубоко и скорбно отразилось на моей". (Глубоко религіозный Свербѣевъ имѣетъ въ виду „гражданское погребеніе" (enterrement civil) Герцена, т. е. безъ участія духовенства).

Густавъ Рашъ, напечатавшій въ „Neue Freue Presse" интересныя воспоминанія о своемъ знакомствѣ съ Герценомъ, такъ описываетъ похороны Герцена [2]), происходившія утромъ 23 января (н. ст.).

„Похоронная процессія, двигавшаяся изъ павильона де-Роганъ къ кладбищу Père-La-Chaise, отличалась большою простотой; двѣ только лошади везли гробъ; около пятисотъ человѣкъ, среди которыхъ находились личные друзья покойнаго, представители парижской демократіи, блузники съ дѣтьми на рукахъ, дамы, одѣтыя въ черное, женщины изъ простого народа,—сопровождали процессію.

„На могилѣ г. Вырубовъ, уважая желаніе умершаго, чтобы при похоронахъ его не говорилось рѣчей, сказалъ очень краткое надгробное слово. Затѣмъ, всѣ присутствовавшіе осыпали могилу цвѣтами иммортелей. Двѣ молодыя дѣвушки въ траурѣ горько плакали и долго не рѣшались отойти отъ могилы. То были дочери Герцена"...

Впослѣдствіи тѣло Герцена было перевезено въ Ниццу, гдѣ покоился прахъ жены его, и надъ могилой его поставленъ бронзовый монументъ высокохудожественно исполненный. Деньги на монументъ были собраны по подпискѣ среди многочисленныхъ почитателей таланта Герцена, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Поэтическое описаніе этого памятника далъ Надсонъ въ прочувствованномъ стихотвореніи:

---

[1]) Это—невѣрно, ибо кромѣ Н. И. Тургенева были: Вырубовъ, Ханыковъ и многія другіе русскіе.

[2]) См. „Недѣля" 1870 г., стр. 181.

Памятникъ на могилѣ А. И. Герцена
въ Ниццѣ.

Т-ВО ГОЛИКЕ И ВИЛЬБОРГЪ.

„Среди саркофаговъ и урнъ погребальныхъ,
Среди обветшалыхъ крестовъ
И мраморныхъ женщинъ, красиво-печальныхъ
Въ оградахъ своихъ цвѣтниковъ,—
Тамъ ждалъ меня кто-то, какъ я, одинокій,
Какъ я, на чужихъ берегахъ
Страдальческій образъ отчизны далекой
Хранившій въ завѣтныхъ мечтахъ.
Отлитый изъ мѣди, тяжелой пятою
На мраморный цоколь ступивъ,
Какъ будто живой, онъ вставалъ предо мною
Подъ темнымъ наметомъ оливъ...
Въ чертахъ—величавая грусть вдохновенья,
Раздумье во взорѣ нѣмомъ,
И руки на мѣдной груди безъ движенья
Прижаты широкимъ крестомъ...

* *
*

Такъ вотъ, гдѣ, боецъ, утомленный борьбою,
Послѣдній пріютъ ты нашелъ!..
Сюда не нагрянетъ жестокой грозою
Душившій тебя произволъ.
Изъ скорбной отчизны къ тебѣ не домчится
Бряцанье позорныхъ цѣпей.
Скажи-жъ мнѣ: легко ли, спокойно ли спится
Тебѣ межъ свободныхъ людей?
Тебя я узналъ: ты въ минувшіе годы
Такъ долго, такъ гордо страдалъ!
Какъ колоколъ правды, добра и свободы,
Съ чужбины твой голосъ звучалъ.
Онъ совѣсть будилъ въ насъ, онъ звалъ на работу,
Онъ звалъ насъ сплотиться тѣснѣй, —
Но былъ ненавистенъ насилью и гнету
Языкъ твоихъ смѣлыхъ рѣчей!..“

XXVII.

Извѣстіе о кончинѣ Герцена застало Тургенева уже въ Баденъ-Баденѣ, и онъ въ тотъ же день писалъ Анненкову (10 (22) января 1870 г.) [1]:

„Пишу вамъ подъ впечатлѣніемъ горестнаго извѣстія, любезный Анненковъ: я съ часъ тому назадъ узналъ, что Герценъ умеръ. Я не могъ удержаться отъ слезъ.

[1]) «Русск. обозр.» 1894, № 5, стр. 511.

„Какія бы ни были разнорѣчія въ нашихъ мнѣніяхъ, какія бы ни происходили между нами столкновенія, все-таки старый товарищъ, старый другъ исчезъ: рѣдѣютъ, рѣдѣютъ наши ряды! Къ тому же, какъ нарочно, я не далѣе, какъ недѣлю тому назадъ, видѣлся съ нимъ въ Парижѣ, завтракалъ съ нимъ (послѣ семилѣтней разлуки), и никогда онъ не былъ болѣе веселъ, разговорчивъ, даже шуменъ. Это происходило въ прошлую *пятницу*;—вечеромъ онъ занемогъ, на другой день я уже видѣлъ его въ постели, въ сильномъ жару, съ воспаленіемъ въ легкихъ; каждый день я, до моего отъѣзда, до прошлой среды, посѣщалъ его семейство; его я уже не могъ видѣть:—докторъ не позволялъ; и, уѣзжая, я уже зналъ, что онъ безнадеженъ. Ужасно скоро сожгла его болѣзнь. Я не могъ остаться долѣе въ Парижѣ; но я почти съ ужасомъ думаю о томъ, что произойдетъ съ его семействомъ. Сынъ еще не успѣлъ пріѣхать изъ Флоренціи. Старшая дочь Natalie,—прекрасное, симпатичное существо,—недавно, вслѣдствіе какихъ-то странныхъ недоразумѣній, въ теченіе шести недѣль сходила съ ума и теперь едва-едва выздоровѣла... Пожалуй, эта смерть опять потрясетъ ея разсудокъ. Вѣроятно, всѣ въ Россіи скажутъ, что Герцену слѣдовало умереть ранѣе, что онъ себя пережилъ; но что значатъ эти слова, что значитъ такъ называемая наша дѣятельность передъ этой нѣмой пропастью, которая насъ поглощаетъ?“

Въ октябрѣ 1870 г. вышелъ сборникъ посмертныхъ произведеній Герцена, и Тургеневъ писалъ по этому поводу Анненкову [1]):

„Семейство Александра Ивановича Герцена прислало мнѣ сборникъ его посмертныхъ произведеній, изданный въ Женевѣ. Попадаются истинные перлы. Что за умница былъ этотъ человѣкъ, и какъ онъ глубоко проникалъ въ суть нашей дребедени! Но именно отъ этой причины онъ *меньше всего* былъ политическій дѣятель. Въ характеристикѣ людей, съ которыми онъ сталкивался, у него нѣтъ соперниковъ. Когда онъ чисто „сочиняетъ“, чувствуется, при всемъ блескѣ формы, постоянная напряженность. Языкъ его, до безу-

---

[1]) Ibid. стр. 518.

мія неправильный, приводитъ меня въ восторгъ: живое тѣло“.

Характерно, что и Герценъ, признавая Тургенева „величайшимъ современнымъ русскимъ художникомъ“ [1]), въ свою очередь, считалъ его совершенно непригоднымъ для „политической дѣятельности“.

Друзья Герцена, вскорѣ послѣ смерти его, начали собирать его письма и воспоминанія о немъ близко знавшихъ покойнаго людей. Н. В. Ханыковъ обратился къ Тургеневу, и послѣдній писалъ ему по этому поводу (30 ноября 1870 г. [2]):

„Любезный другъ, Николай Владиміровичъ, со свойственнымъ вамъ мудрымъ пониманіемъ людей и вещей, Вы въ дѣлѣ собиранія Герценовскихъ писемъ указали единственно вѣрный путь. Съ своей стороны, я готовъ содѣйствовать предположеніямъ гг. Вырубова (съ которымъ, къ сожалѣнію, не познакомился), Рагозина и др.,—елико возможно, а именно: во 1-хъ, я соберу всѣ находящіяся у меня письма Герцена и, передъ отъѣздомъ въ Веймаръ, отправлю ихъ къ вамъ на храненіе, будучи увѣренъ въ Вашемъ благоразуміи и discretion;—во 2-хъ, во время моей поѣздки въ Россію, я обращусь ко всѣмъ Вами поименованнымъ лицамъ и постараюсь достать отъ нихъ, что у нихъ сохранилось;—наконецъ, въ 3-хъ, я готовъ написать очеркъ моихъ отношеній съ Герценомъ въ Москвѣ, въ Парижѣ и, въ случаѣ нужды, не откажусь подписать мое имя. Это все я могу положительно обѣщать. Непріятно мнѣ одно — узнать объ образѣ дѣйствія Герценовскаго сына (?), а еще непріятнѣе то, что Вы говорите о его бумагахъ, находящихся въ рукахъ Тхоржевскаго (не Старжевскаго—Tchorzewsky [3]). Долгоруковъ ему подарилъ свои,—это другое дѣло; но, вѣроятно, Герценъ этого не сдѣлалъ, и тутъ предстоитъ долгъ для семейства,—особенно для сына. Невозможно же допустить, чтобы вся корреспонденція попала, Богъ знаетъ, въ какія

---

[1]) См. гл. VI наст. статьи.

[2]) „Ежемѣсячныя Сочиненія“ 1901 г., № 12 (Письма Тургенева къ Ханыкову), стр. 307—308.

[3]) Тхоржевскій завѣдывалъ типографіей Герцена и вообще, велъ его дѣловую коммерческую, переписку съ книгопродавцами. Долгоруковъ завѣщалъ Тхоржевскому свои бумаги и право на изданіе его „Воспоминаній“.

руки. Пожалуйста, извѣстите меня, *немедля*, осталось-ли семейство на квартирѣ rue de Rivoli 172, или переѣхало куда: я объ этомъ намѣренъ написать имъ тотчасъ же".

Собраніе „Сочиненій А. И. Герцена" вышло подъ редакціей Вырубова въ десяти томахъ (1875—1879) въ Женевѣ. Къ сожалѣнію, оно далеко не полно: въ него не вошли не только публицистическія статьи изъ „Колокола", но даже нѣкоторые главы „Былого и Думъ", напечатанныя въ „Колоколѣ" (напр., часть главы „Апогей и Перигей", приведенная нами выше въ извлеченіи). Вышедшее въ 1887 г. подъ редакціей г-на Л. Тихомирова, собраніе „Избранныхъ статей изъ „Колокола" также издано чрезвычайно небрежно не только безъ какихъ-либо пояснительныхъ примѣчаній и алфавитнагоука зателя именъ, но даже *безъ оглавленія.*[1]) Благодаря этой неполнотѣ существующихъ изданій, всякому, изучающему сочиненія Герцена, приходится наталкиваться на массу затрудненій. Полные экземпляры „Колокола" являются величайшей библіографической рѣдкостью: ихъ нѣтъ даже въ такихъ европейскихъ библіотекахъ, какъ Парижская Національная Библіотека и Британскій Музей (несмотря на то, что „Колоколъ" долго издавался въ Лондонѣ). Для настоящей работы намъ приходилось долго разыскивать разрозненные №№ „Колокола" и другіе матеріалы, но, къ сожалѣнію, наши поиски не всегда были удачны, и поэтому въ работѣ нашей осталось не мало пробѣловъ.

Не вошла въ десятитомное собраніе сочиненій Герцена и та часть „Былого и Думъ", въ которой разсказана исторія увлеченія Нат. Алек. Герценъ нѣмецкимъ поэтомъ Гервегомъ. Эта часть воспоминаній Герцена до сихъ поръ не опубликована по весьма понятнымъ причинамъ, но Тургеневъ читалъ ее въ рукописи и писалъ по этому поводу М. Е. Салтыкову (19 января 1867 г.) [2]):

„Всѣ эти дни я находился подъ впечатлѣніемъ той (рукописной) части „Былого и Думъ" Герцена, въ которой онъ разсказываетъ исторію своей жены, ея смерть и т. д. Все это написано слезами, кровью: это—горитъ и жжетъ. Жаль,

---

[1]) Письма Тургенева къ Герцену опубликованы покойнымъ профессоромъ Драгомановымъ въ 1892 г.

[2]) Тургеневъ, Письма I, стр. 281.

что напечатать этого невозможно. Такъ писать умѣлъ онъ одинъ изъ русскихъ".

Отзывы Тургенева о покойномъ другѣ всегда дышатъ любовью и проникнуты глубокимъ уваженіемъ. Когда Н. Н. Ге, написавшій превосходный портретъ Герцена (нынѣ въ Третьяковской голлереѣ), предложилъ Тургеневу написать его портретъ и упомянулъ при этомъ о своемъ портретѣ Герцена, Тургеневъ сказалъ: *„намъ далеко до Герцена!"*

Не можемъ въ заключеніе не выразить нашего сожалѣнія, что письма Герцена къ Тургеневу до сихъ доръ не опубликованы *вполнѣ*. Три отрывка изъ этихъ писемъ, напечатанные въ „Русскомъ Обозрѣніи" [1]), показываютъ, что опубликованіе ихъ едва-ли встрѣтило бы серьезныя препятствія, а между тѣмъ, до напечатанія этихъ писемъ, матеріалы для характеристики отношеній Герцена къ Тургеневу, страдаютъ такой неполнотой, вслѣдствіе которой невозможно сдѣлать рѣшительныхъ выводовъ и приходится пока воздержаться отъ „подведенія итоговъ". Мы питаемъ надежду, что лица, въ рукахъ которыхъ теперь находятся бумаги Тургенева (временно находившіяся у покойнаго П. В. Анненкова), не замедлятъ опубликовать эти письма. Можетъ быть, въ бумагахъ Тургенева найдутся и тѣ воспоминанія его о Герценѣ, о которыхъ онъ писалъ Ханыкову. При составленіи настоящей статьи, мы пользовались указаніями одного лица, въ рукахъ котораго временно находилась для просмотра связка писемъ Герцена къ Тургеневу. Къ сожалѣнію, лицомъ этимъ не было сдѣлано даже выписокъ наиболѣе характерныхъ мѣстъ писемъ Герцена, и намъ пришлось довольствоваться тѣмъ, что сохранилось въ памяти нашего корреспондента.

---

[1]) Изъ переписки И. С. Тургенева съ А. И. Герценомъ въ 1867 г. «Рус. Обозр.» 1895. I, стр. 111—120.

IV. Герценъ и Мицкевичъ.

I.

Всякому, хотя бы поверхностно знакомому съ біографіей величайшаго польскаго поэта Мицкевича, извѣстно, что культъ Наполеона проходитъ красной нитью черезъ всю его біографію, при чемъ подъ конецъ жизни, переплетаясь съ мессіанизмомъ, переходитъ почти въ болѣзненную манію. Вѣроятно, начало этого культа коренится во впечатлѣніяхъ юности: Наполеоновскій походъ 1812 года ярко запечатлѣлся въ памяти 14-лѣтняго геніальнаго юноши, съ восторгомъ глядѣвшаго на польскіе легіоны, проходившіе черезъ Минскъ подъ предводительствомъ Іосифа Понятовскаго. Имя Наполеона въ эту эпоху повторялось съ благоговеніемъ въ каждой польской семьѣ,—на него смотрѣли, какъ на грядущаго избавителя Польши.

А, между тѣмъ, трудно найти въ исторіи болѣе постыдную игру, цѣликомъ построенную на патріотизмѣ народа, какую представляетъ Наполеоновская политика по отношенію къ полякамъ. Манимые обѣщаніями Наполеона, поляки щедро проливали свою кровь подъ его знаменами. Лишь всего два года спустя послѣ окончательнаго паденія Польши, генералъ Домбровскій организуетъ польскій легіонъ для Наполеона (играя все на той же патріотической струнѣ, Наполеонъ позволилъ легіонамъ сохранить польскій національный костюмъ, но далъ имъ французскихъ офицеровъ). Широкими потоками полилась польская кровь въ 1797 году на поляхъ Ломбардіи и въ итальянской кампаніи 1798—99 гг. Первый легіонъ Домбровскаго погибъ почти цѣликомъ въ битвахъ при Треббіи и Нови; второй, бывшій подъ командой Вьельгорскаго, находился въ Мантуѣ, осаждавшейся австрій-

цами; когда французамъ пришлось капитулировать, они, не задумываясь, выдали въ качествѣ плѣнныхъ австрійцамъ поляковъ, австрійскихъ „подданныхъ“. Несмотря на это, поляки организовали новые легіоны и во время консульства продолжали сражаться за Наполеона, хотя ни въ договорѣ при Кампо-Форміо (1797 г.), ни въ позднѣйшемъ, Люневилльскомъ, Наполеонъ не счелъ нужнымъ ни однимъ словомъ обмолвиться о Польшѣ.

Завлекаемые обѣщаніями Наполеона, поляки съ каждой новой кампаніей продолжали надѣяться, что ихъ жертвы будутъ оцѣнены, и что Наполеонъ поможетъ имъ возстановить Польшу. Въ знаменитомъ „маршѣ Домбровскаго“, гимнѣ польскихъ легіонеровъ, ярко отразилась эта безграничная вѣра.

Но послѣ Люневилльскаго мира Наполеонъ, превратившись въ императора, хотѣлъ свести задачу польскихъ легіоновъ къ охранѣ его собственной персоны. Когда возмущенный генералъ Княжевичъ подалъ въ отставку, Наполеонъ рѣшилъ отдѣлаться отъ „безпокойныхъ поляковъ“. Легіонеровъ сначала послали въ Италію, а тамъ заявили имъ, что они должны отправиться въ Санъ-Доминго—усмирять возставшихъ негровъ, которые... боролись за свободу!.. Горькіе протесты легіонеровъ не повели ни къ чему: на нихъ были наведены жерла пушекъ, и подъ конвоемъ французскихъ войскъ они были посажены въ Генуѣ и Легорнѣ на суда. Въ Санъ-Доминго польскіе легіонеры почти всѣ погибли въ стычкахъ съ неграми или въ госпиталяхъ отъ маляріи.

Несмотря на этотъ жестокій урокъ, черезъ нѣсколько лѣтъ польскіе легіоны снова сражаются подъ знаменами Франціи подъ Іеной. Но на этотъ разъ Наполеонъ „вознаграждаетъ“ энтузіастовъ. Изъ владѣній, такъ называемой „Прусской Польши“ выкраивается „Великое герцогство Варшавское“. Этого было достаточно, чтобы снова воспламенить надежды поляковъ, на что Наполеонъ и разсчитывалъ. Задумавъ свой походъ въ Россію, Наполеонъ въ прокламаціи къ польскому народу объявилъ этотъ походъ „войной за освобожденіе Польши“. Несмотря на предостереженіе Костюшки, на этотъ зовъ откликнулось 80,000 польскихъ легіо-

неровъ. Спустя годъ, изъ нихъ на родину возвратилось лишь 8,000...

Наполеонъ ничего не сдѣлалъ для Польши: онъ не любилъ Польши, а любилъ поляковъ, проливавшихъ за него кровь съ поэтически-колоссальнымъ мужествомъ. Въ 1812 г. Наполеонъ говорилъ Нарбону: „Я хочу въ Польшѣ имѣть лагерь, а не форумъ. Я равно не позволю ни въ Варшавѣ, ни въ Москвѣ открыть клубъ для демагоговъ". Но поляки ухитрились обоготворить Наполеона при жизни и окружить его имя легендами и ореоломъ послѣ смерти. Въ ихъ фантазіи онъ превратился въ борца за освобожденіе угнетенныхъ національностей. Когда на сценѣ французской политики появилась загадочная фигура Луи Наполеона, кокетничавшаго съ заговорщиками всѣхъ странъ, поляки перенесли свои упованія на него.

Мицкевичъ сыгралъ немаловажную роль въ этомъ увлеченіи Наполеоновскимъ культомъ, онъ умудрился даже открыть въ Наполеонѣ черты, якобы присущія славянскому генію. Подобно всѣмъ великимъ людямъ,—говорилъ Мицкевичъ,—Наполеонъ чувствовалъ себя на Востокѣ, какъ дома. Жизнь Наполеона, по мнѣнію Мицкевича, является лучшимъ доказательствомъ существованія таинственнаго, мистическаго порядка вещей. Наполеонъ вѣрилъ въ примѣты, онъ руководился интуиціей, *слѣдовательно*, въ немъ были коренныя черты славянской расы, ибо славяне по преимуществу народъ интуиціи. Даже свое увлеченіе Байрономъ Мицкевичъ сумѣлъ соподчинить Наполеону. „Я увѣренъ,—писалъ онъ:— что огонь, горѣвшій въ душѣ великаго поэта былъ зажженъ геніемъ Наполеона. Какъ иначе объяснить появленіе Байрона въ заплеснѣвшей англійской литературѣ? Англійскіе современники Байрона, несмотря на его примѣръ и вліяніе не создали ничего подобнаго его произведеніямъ, и послѣ смерти Байрона англійская литература снова опустилась до уровня XVIII столѣтія". Какъ указалъ Брандесъ, Мицкевичъ, очевидно, совсѣмъ не былъ знакомъ съ произведеніями такихъ современниковъ Байрона, какъ Вордсвортъ, Шелли, Китсъ, Кольриджъ. Такъ какъ поэзія,—по опредѣленію Мицкевича,—есть ничто иное, какъ порывъ и дѣйствіе, то жизнь Наполеона въ его глазахъ была образцомъ высокой поэзіи. Миссіей Наполеноа,—утверждалъ Мицкевичъ,—было

освобожденіе угнетенныхъ народовъ, а затѣмъ всего міра (см. предисловіе къ „L'Eglise et le Messianisme").

Для характеристики политическихъ взглядовъ Мицкевича необходимо остановиться на его своеобразномъ панславизмѣ. Славянскій вопросъ, выдвинутый въ польской литературѣ въ концѣ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, вызвалъ два теченія. Одно изъ нихъ носило характеръ монархическаго панславизма, отчасти напоминавшаго русское славянофильство и взгляды Погодина. Представителемъ этого теченія въ польской беллетристикѣ былъ высокоталантливый авторъ историческихъ романовъ, графъ Генрихъ Ржевускій; тѣ же взгляды исповѣдывалъ очень вліятельный польскій критикъ и историкъ Михаилъ Грабовскій. Въ письмѣ на имя адъютанта кіевскаго генералъ-губернатора Бибикова, Грабовскій такимъ образомъ формулировалъ свои взгляды:

„Исторію самостоятельной Польши,—писалъ Грабовскій:— надо считать законченной. Отнынѣ она можетъ существовать лишь какъ членъ Россіи или славянства. Патріотизмъ долженъ сводиться къ тому, чтобы быть добровольнымъ и полезнымъ дѣятелемъ и участникомъ въ судьбахъ великаго русскаго государства. Съ другой стороны, мнѣ кажется, что въ польскомъ народѣ имѣется не мало такихъ началъ, которые принесутъ пользу великому государству. Я убѣжденъ, что объединеніе славянъ не сможетъ совершиться иначе, какъ подъ патронатомъ Россіи. Говоря о славянствѣ, я не могу себѣ представить его, какъ государство, въ формѣ федераціи, но лишь въ формѣ единой монархіи. Единодержавіе является талисманомъ мощи, и въ преобладаніи сѣвера надъ измельчавшей и слабѣющей съ каждымъ днемъ Европой я вижу лучшую поруку порядка, покоя и счастья народовъ".

Идеи монархическаго панславизма нашли себѣ отголосокъ среди праваго крыла польской эмиграціи (главнымъ образомъ, среди приверженцевъ Чарторыжскаго). Вацлавъ Яблоновскій началъ издавать журналъ „Славянинъ" (Słowianin), заявивъ въ програмной статьѣ, что журналъ будетъ, главнымъ образомъ, заниматься разсмотрѣніемъ средствъ и условій для объединенія славянъ. „Славянинъ" былъ монархическимъ органомъ, и однимъ изъ пунктовъ его про-

граммы была „централизація правительства, главой котораго является царствующая династія Романовыхъ“.

Эти туманныя и висѣвшія въ воздухѣ программы, а также рядъ брошюръ аналогичнаго характера встрѣтили отпоръ въ средѣ польской эмиграціи, выдвинувшей въ противовѣсъ имъ не менѣе фантастическую идею республиканской федераціи славянскихъ народовъ. Образъ вольной славянской федераціи, гдѣ народы будутъ объединены братскими узами, рисовалъ яркими красками Мицкевичъ въ своихъ знаменитыхъ лекціяхъ въ College de France, куда онъ въ 1841 году былъ приглашенъ на спеціально для него созданную кафеду славянскихъ литературъ. Слушателей увлекало пламенное краснорѣчіе лектора, превосходно владѣвшаго французскимъ языкомъ, но вскорѣ ихъ восторгъ началъ смѣняться недоумѣніемъ, а еще позже и ироническими улыбками. Мицкевичъ подпалъ подъ вліяніе мистика Товянскаго, и кафедра College de France послужила для проповѣди мессіанизма и безбрежнаго мистицизма, соединеннаго съ культомъ Наполеона. Польша объявлялась единой носительницей истиннаго христіанства, великимъ агнцемъ, пострадавшимъ за грѣхи міра, Мессіей народовъ. Мицкевичъ началъ проповѣдывать близкое пришествіе Мессіи, патетически взывать къ духу Наполеона и раздавать на лекціяхъ его портреты. Дѣло грозило скандаломъ. Нѣкоторыя французскія газеты, не обинуясь, называли Мицкевича сумасшедшимъ и издѣвались надъ нимъ. Мицкевичу предложили отпускъ, и его карьера въ College de France закончилась.

Наполеоновскій культъ среди поляковъ нерѣдко вызывалъ глубокое недоумѣніе у людей, впервые наталкивавшихся на его проявленія. Герценъ разсказываетъ въ „Быломъ и Думахъ,“ что ему однажды въ 1848 г. пришлось вечеромъ проходить съ полякомъ, приверженцемъ Мицкевича, по Вандомской площади. Когда они поравнялись съ колонной, полякъ снялъ фуражку. Неужели?—подумалъ Герценъ — и, не смѣя вѣрить въ такую нелѣпость, смиренно спросилъ поляка: что за причина, что онъ снялъ фуражку? Полякъ показалъ ему пальцемъ на бронзовую фигуру Наполеона. „Какъ же послѣ этого не тѣснить и не угнетать людей, если это пріобрѣтаетъ столько любви!“—съ горечью восклицаетъ Герценъ по этому поводу.

Въ 1848 году Мицкевичу удалось стряхнуть съ себя до извѣстной степени вліяніе Товянскаго, и онъ отправился въ Римъ на поклоненіе новому кумиру, папѣ Пію IX, на котораго поляки возлагали надежды. Но вмѣсто помощи онъ встрѣтилъ со стороны католическаго духовенства суровый пріемъ: правовѣрные католики считали его чуть не еретикомъ. Ему удалось завербовать въ польскій легіонъ лишь небольшую группу молодежи, преимущественно изъ среды художниковъ-поляковъ, жившихъ тогда въ Римѣ.

Въ воспоминаніяхъ Михаила Будзинскаго сохранилось любопытное свѣдѣніе о свиданіи Мицкевича съ кружкомъ русскихъ туристовъ, жившихъ тогда въ Римѣ; среди нихъ были: Урусовъ, Муравьевъ и Шуваловъ. Сначала разговоръ шелъ въ спокойномъ тонѣ, и Мицкевичъ разсказалъ, сколько ему пришлось вытерпѣть нареканій отъ поляковъ за то, что онъ въ своихъ лекціяхъ въ College de France называлъ русскихъ „братьями-славянами.“ Но вскорѣ Мицкевичъ разгорячился и разразился рядомъ обвиненій и проклятій по адресу русскаго правительства.

Памятникомъ пребыванія Мицкевича въ Римѣ является написанный имъ и подписанный польскими легіонерами въ его квартирѣ „Символъ вѣры“. Мы приведемъ лишь начальные члены „Символа“, дабы указать на глубоко-мистическій характеръ его.

1. „Духъ христіанскій, въ вѣрѣ святой римско-католической, проявляемый свободными поступками“.

2. „Слово Божіе, возвѣщенное въ Евангеліи, да будетъ правомъ народовъ“.

3. „Церковь да будетъ стражемъ Слова“.

4. „Отчизна да будетъ полемъ жизни для Слова Божія на землѣ“ и т. д.

Извѣстіе о французской революціи застало Мицкевича въ Италіи, и онъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ заявленій революціоннаго правительства, надѣясь, что Франція не забудетъ о судьбѣ Польши. Но, къ его глубокому разочарованію, опубликованный въ оффиціальномъ Moniteur'ѣ 5 марта манифестъ къ народамъ Европы ни словомъ не упоминалъ о Польшѣ. Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ поэтъ Ламартинъ, извѣстный своими симпатіями къ освободительному движенію въ Италіи, и итальянскіе

патріоты ликовали [1]). Французскіе республиканцы, еще недавно братавшіеся съ поляками, получивъ доступъ къ власти, повернулись къ нимъ спиной. Когда сформировался польскій легіонъ въ Парижѣ, члены правительства ограничились сладкими рѣчами, и Ламартинъ отказался даже снабдить легіонъ оружіемъ. Въ то же время французское правительство давало полякамъ субсидіи на выѣздъ изъ Франціи, стараясь избавиться отъ „безпокойныхъ элементовъ“, спѣшившихъ въ Познань, гдѣ начиналось возстаніе. Правда, 15 мая Барбесъ и Бланки подъ предлогомъ подачи петиціи въ пользу Польши ворвались въ собраніе и объявили его распущеннымъ, но національная гвардія разогнала ихъ. Вслѣдъ затѣмъ наступили кровавые іюньскіе дни, вынырнулъ Луи Наполеонъ, выбранный пятью департаментами, и 10 декабря онъ уже оказался президентомъ республики. Поляки немедленно поспѣшили перенести свои симпатіи на новаго президента, гипнотизировавшаго ихъ, какъ и Францію, своимъ именемъ.

II.

Появленіе на сценѣ Луи Наполеона, какъ мы уже сказали, пробудило снова надежды поляковъ; нѣкоторымъ оправданіемъ этихъ надеждъ можетъ служить то обстоятельство, что самъ Луи Наполеонъ, еще въ бытность его „претендентомъ“ и „заговорщикомъ“, неоднократно выказывалъ свои симпатіи по отношенію къ полякамъ. Послѣдніе рѣшились ковать желѣзо, пока оно горячо, и сдѣлать польскій вопросъ предметомъ печатной пропаганды. Органомъ этой пропаганды долженъ былъ служить журналъ на французскомъ языкѣ, носившій нѣсколько напыщенное названіе: „La Tribune des Peuples“. Деньги на основаніе газеты (70,000 франк.) далъ графъ Ксаверій Браницкій. Рѣшено было придать органу соціалистическую окраску, внимательно слѣдить въ немъ за

---

[1]) Нѣсколько позже (24 марта) учредительное собраніе постановило стараться: 1) О братскомъ союзѣ съ Германіей; 2) Объ освобожденіи Италіи и 3) О возстановленіи свободной и независимой Польши.

иностранными дѣлами и, ставя во главу угла польскій вопросъ, отводить широкое мѣсто и другимъ „угнетаемымъ національностямъ“ Европы. Къ сотрудничеству въ затѣвавшемся журналѣ пригласили болѣе или менѣе выдающихся эмигрантовъ различныхъ національностей. Редакторомъ журнала былъ выбранъ Мицкевичъ, помощникомъ его—Эдмундъ Хоецкій, обладавшій обширными и разносторонними связями среди европейскихъ эмигрантовъ, жившихъ въ Парижѣ, и славившійся своимъ умѣньемъ „ладить со всѣми“.

Кратковременное пребываніе Мицкевича въ Москвѣ въ концѣ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія оставило по себѣ довольно прочные слѣды въ московскихъ общественно-литературныхъ кружкахъ. Обаятельная личность великаго польскаго поэта привлекла къ нему общія симпатіи и пробудила интересъ и къ самому польскому вопросу. По свидѣтельству одного изъ членовъ кружка Станкевича, Константинъ Аксаковъ и Станкевичъ нѣсколько разъ посѣщали въ московской тюрьмѣ поляковъ, замѣшанныхъ въ возстаніи 1830 г. и ссылавшихся въ Сибирь или сѣверныя губерніи. Наконецъ, въ кружкѣ славянофиловъ нерѣдко появлялся двоюродный братъ К. Аксакова, Карташевскій, воспитанный іезуитами, страстный, пламенный польскій патріотъ.

Во время пребыванія своего въ Парижѣ, Бакунинъ близко сошелся съ Хоецкимъ и 29 ноября 1847 г. произнесъ въ Парижѣ извѣстную рѣчь на польскомъ банкетѣ, устроенномъ въ 17-ю годовщину польскаго возстанія 1830 года. Высланный за эту рѣчь, по настоянію русскаго посла, изъ Парижа, Бакунинъ уѣхалъ въ Брюссель, гдѣ познакомился съ графомъ Тышкевичемъ, Скржынецкимъ и др. и особенно близко сошелся съ извѣстнымъ польскимъ историкомъ Лелевелемъ. При посредствѣ Бакунина многіе представители польской эмиграціи познакомились и съ Герценомъ, когда послѣдній прибылъ въ Парижъ.

Не мудрено, что Хоецкій постарался залучить Герцена въ сотрудники „La Tribune des Peuples“, равно какъ и жившихъ тогда въ Парижѣ, Сазонова и Головина. Герценъ, между прочимъ, приглашенъ былъ присутствовать на торжественномъ ужинѣ въ годовщину 24 февраля 1848 г.; на ужинѣ этомъ должны были собраться будущіе сотрудники журнала для взаимнаго ознакомленія.

Герценъ отнесся съ симпатіей къ предложенію Хоецкаго; ему особенно симпатично было въ программѣ будущаго журнала стремленіе заниматься вопросами иностранной политики, ибо французскіе журналы того времени плохо и мало занимались тѣмъ, что дѣлалось *внѣ* Франціи; во время республики они думали, что достаточно подчасъ ободрять народы словами: solidarité des peuples и обѣщаніями, какъ только дома обдосужатся, завести всемірную республику, основанную на „всеобщемъ братствѣ“.

Поляки очень торопились; для редакціи былъ нанятъ спеціальный домъ, въ конторѣ были разставлены большіе столы, покрытые сукномъ, и маленькія косыя конторки. Тощій французскій литераторъ (Жюль Ле-Шевалье) былъ приставленъ смотрѣть за международными орфографическими ошибками. При Мицкевичѣ и Хоецкомъ состоялъ цѣлый совѣтъ изъ отставныхъ польскихъ сенаторовъ. Словомъ, дѣло налаживалось...

Ужинъ былъ назначенъ у Хоецкаго. Пріѣхавъ, Герценъ засталъ уже довольно много гостей, въ числѣ которыхъ не было ни одного француза; за то другія націи, отъ Сициліи до кроатовъ, были хорошо представлены. Герцена собственно интересовало,—по его признанію,—лишь одно лицо:—Адамъ Мицкевичъ, котораго онъ прежде не встрѣчалъ.

„Онъ стоялъ,—говоритъ Герценъ:—опершись локтемъ о мраморную доску. Кто видалъ его портретъ, приложенный къ французскому изданію (его сочиненій) и снятый, кажется, съ медальона Давида д'Анже, тотъ могъ бы тотчасъ узнать его, несмотря на большую перемѣну, внесенную лѣтами. Много думъ и страданій сквозило въ его лицѣ, скорѣе литовскомъ, чѣмъ польскомъ. Общее впечатлѣніе его фигуры, головы съ пышными сѣдыми волосами и усталымъ взглядомъ выражало пережитое несчастье, знакомство съ внутреннею болью, экзальтацію горести... Это былъ пластическій образъ судебъ Польши. Подобное впечатлѣніе дѣлало на меня потомъ лицо Ворцеля [1]). Впрочемъ, черты его, еще болѣе болѣзненныя, были живѣе и привѣтливѣе, чѣмъ у Мицкевича. Мицкевича будто что то удерживало, занимало, раз-

---

[1]) Гр. Станиславъ Ворцель; о немъ и дружбѣ его съ Герценомъ см. выше.

сѣевало; это „что-то"—былъ его странный мистицизмъ, въ который онъ заступалъ дальше и дальше".

Герценъ подошелъ къ нему, и Мицкевичъ сталъ разспрашивать его о Россіи. Свѣдѣнія Мицкевича о Россіи,—по словамъ Герцена,—были отрывочны; литературное движеніе послѣ Пушкина онъ мало зналъ, остановившись на томъ времени, когда онъ покинулъ Россію. Несмотря на его мысли о братственномъ союзѣ всѣхъ славянскихъ народовъ, которыя онъ одинъ изъ первыхъ началъ развивать, въ немъ, по словамъ Герцена, оставалось что-то напряженное по отношенію къ Россіи.

Герцена непріятно удивило обращеніе съ Мицкевичемъ поляковъ его партіи: они подходили къ нему, какъ монахи къ игумену, унижаясь, благоговѣя; иные цѣловали его въ плечо. Должно быть, Мицкевичъ привыкъ къ этимъ знакамъ подчиненной любви, потому что принималъ ихъ съ большимъ „laisser aller".

Хоецкій сказалъ Герцену, что за ужиномъ онъ предложитъ тостъ, что Мицкевичъ будетъ ему отвѣчать рѣчью, въ которой изложитъ свое воззрѣніе и духъ будущаго журнала. Хоецкій просилъ Герцена, чтобы онъ, въ качествѣ представителя Россіи на ужинѣ, отвѣчалъ Мицкевичу. Не имѣя привычки говорить публично, особенно не приготовившись, Герценъ отклонилъ предложеніе Хоецкаго, но обѣщалъ предложить тостъ „за Мицкевича" и разсказать, кстати, о томъ, какъ онъ пилъ за него въ первый разъ въ Москвѣ, на публичномъ обѣдѣ, данномъ Грановскому въ 1843 г. Хомяковъ тогда поднялъ бокалъ со словами: „за великаго отсутствующаго славянскаго поэта". Хотя имени не было произнесено, но всѣ присутствовавшіе знали, кого подразумѣвалъ Хомяковъ; всѣ встали, подняли бокалы, и, стоя въ молчаніи, выпили за здоровье великаго польскаго поэта, о которомъ съ такимъ глубокимъ чувствомъ вспоминалъ другой великій поэтъ:

„Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого; злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ; мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями. (Онъ вдохновленъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь). Нерѣдко

Онъ говорилъ о временахъ грядущихъ,
Когда народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Онъ
Ушелъ на западъ,—и съ благословеньемъ
Его мы проводили"...

Хоецкій остался доволенъ предложеніемъ Герцена. Въ концѣ ужина онъ предложилъ свой тостъ. Мицкевичъ всталъ и началъ говорить. Рѣчь его, по словамъ Герцена, была выработана, умна, чрезвычайно ловка, такъ что и Барбесъ, и Людовикъ Наполеонъ могли бы искренно апплодировать ей. Герцена стало коробить, и, по мѣрѣ того, какъ Мицкевичъ развивалъ свою мысль, Герценъ, по его словамъ, начиналъ чувствовать что-то болѣзненно-тяжкое и ждалъ одного слова, одного *имени*, чтобы не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія. Вскорѣ имя это было произнесено...

Мицкевичъ свелъ свою рѣчь на то, что демократія теперь собирается въ новый открытый станъ, во главѣ котораго—Франція, что она *снова* ринется на освобожденіе всѣхъ притѣсненныхъ народовъ, что ихъ снова поведетъ впередъ одинъ изъ членовъ вѣнчанной народомъ династіи.

Когда Мицкевичъ кончилъ свою рѣчь, кромѣ двухъ-трехъ одобрительныхъ восклицаній его приверженцевъ, молчаніе было общее. Хоецкій очень хорошо замѣтилъ ошибку Мицкевича и, желая поскорѣй загладить дѣйствіе рѣчи Мицкевича, подошелъ съ бутылкой и, наливая бокалъ, шепнулъ Герцену:

— Что же вы?

— Я не скажу ни слова послѣ этой рѣчи.

— Пожалуйста, что нибудь.

— Ни подъ какимъ видомъ!

Пауза продолжалась, нѣкоторые опустили глаза въ тарелки, другіе пристально разсматривали бокалы, третьи заводили частный разговоръ съ сосѣдомъ. Мицкевичъ перемѣнился въ лицѣ; онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но громкое „Je demande la parole!"—положило конецъ затруднительному положенію. Всѣ обернулись къ вставшему. Невысокій старикъ, лѣтъ семидесяти, весь сѣдой, съ славной энергической наружностью стоялъ съ бокаломъ въ дрожащей рукѣ; въ его большихъ черныхъ глазахъ, въ его взволнованномъ

лицѣ были видны гнѣвъ и негодованіе. Это былъ испанскій республиканецъ Рамонъ-де-ла-Сагра.

— Я не буду пить ни за Бурбоновъ, ни за—Бонапартовъ! Я не могу дѣлить воззрѣнія нашего друга Мицкевича; онъ можетъ смотрѣть на дѣло, какъ поэтъ, и по своему онъ правъ, но я не могу допустить, чтобы его слова въ такомъ собраніи прошли безъ протестаціи...

Рамонъ де-ла-Сагра произнесъ пламенную рѣчь, „со всей страстью испанца, со всѣми правами семидесяти лѣтъ“.

Когда онъ окончилъ, двадцать рукъ,—въ томъ числѣ и рука Герцена,—протянулись къ нему съ бокалами, чтобы чокнуться.

Мицкевичъ хотѣлъ поправиться, сказалъ нѣсколько словъ въ объясненіе, они не удались. Де-ла-Сагра не сдавался. Всѣ встали изъ-за стола, и Мицкевичъ уѣхалъ.

III.

„La Tribune des Peuples“ начала выходить 14 марта 1849 года, и въ пространной статьѣ, принадлежавшей перу Мицкевича, онъ осторожно развернулъ въ ней краюшекъ наполеоновскаго знамени. Въ статьѣ этой любопытно стремленіе связать, во чтобы то ни стало, имя Наполеона съ революціей вообще и революціей 24 февраля въ частности.

Такъ же характерна статья Мицкевича въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ журнала (отъ 8 апрѣля 1849 г.), въ которой онъ довольно неуспѣшно пытался провести разграниченіе между бонапартизмомъ и „наполеоновской идеей“, говоря въ поясненіе своей мысли, что „бонапартизмъ—лишь узкая династическая идея“.

„Французскій народъ,—говоритъ въ этой статьѣ Мицкевичъ:—изъ всего революціоннаго періода помнитъ лишь одного Наполеона.

„Что же значитъ это имя? Въ немъ заключены тѣ великія достоинства, которыя народъ и войско обожали въ Наполеонѣ:

„Вѣра въ великій народъ.

„Вѣра въ принципы, провозглашенные народомъ.

„Единство слова и дѣла...

„...Наполеонъ—это революція, превратившаяся въ регулярную власть, соціальная идея, которая сдѣлалась правительствомъ... Словомъ, Наполеонъ—это тысяча идей“...

Пожалуй, еще характернѣе статья Мицкевича въ майскомъ нумерѣ „La Tribune des Peuples“ (5—6 мая 1849 г.), носящая заглавіе: „Президентъ республики и партіи“. Въ статьѣ этой Мицкевичъ, закрывая глаза на совершавшееся вокругъ него, навязываетъ Луи Наполеону роль „освободителя угнетенныхъ національностей Европы“.

„Президентъ, — писалъ Мицкевичъ въ этой статьѣ:— имѣетъ въ качествѣ своихъ союзниковъ сильнѣйшіе (?!!) народы современной Европы! Польшу—во главѣ славянскихъ народностей, которыя нѣкогда были сильнѣйшими врагами Наполеона. Итальянцы, прежде колебавшіеся, теперь симпатизируютъ Франціи и чтутъ великую память того, кто пробудилъ патріотизмъ итальянцевъ, память того, въ вѣнкѣ военной славы котораго вплетены имена итальянцевъ. Президентъ имѣетъ за собою симпатіи венгерцевъ, ибо онъ представляетъ собою революціонную Францію и носитъ имя Наполеона“.

Приведенныхъ нами выдержекъ, кажется, достаточно... Де-ла-Сагра былъ болѣе чѣмъ правъ, сказавъ, что Мицкевичъ смотритъ на вещи „какъ поэтъ“; точнѣе было бы сказать, что онъ видѣлъ не то, что совершалось въ дѣйствительности, а то, что ему страстно хотѣлось видѣть осуществленнымъ.

Герцену, дѣйствительно, было совсѣмъ „не по дорогѣ“ съ Мицкевичемъ, и онъ за все кратковременное существованіе журнала не далъ для него ни строчки. Изъ русскихъ въ немъ участвовалъ лишь Головинъ нѣсколькими безцвѣтными статьями; изъ французовъ первое время принимали участіе соціалисты: Жюль Ле-Шевалье, Жанъ Коленъ, Полина Роланъ—и кое-кто изъ нѣмецкихъ и испанскихъ эмигрантовъ, но всѣ они вскорѣ разбѣжались, испуганные бонапартовскимъ мистицизмомъ Мицкевича.

Между тѣмъ, Луи Наполеонъ и монархисты, почувствовавъ свою силу (изъ 750 членовъ собранія 500 были монархисты разныхъ оттѣнковъ), начали тѣснить республикан-

скую „группу горы“. Когда республиканцы попытались устроить манифестацію для выраженія протеста противъ анти-итальянской политики министерства и президента, когда въ Парижѣ и Ліонѣ начались попытки инсуррекціи, и на улицахъ появились баррикады, войска, бывшія уже тогда въ полномъ подчиненіи у Наполеона, сурово подавили эти попытки протеста. Луи Наполеонъ прибѣгъ къ содѣйствію монархическаго большинства собранія, вотировавшаго арестъ 33 представителей. Ледрю-Ролленъ бѣжалъ въ Лондонъ (13 іюня 1849 г.). Масса газетъ, въ томъ числѣ и „La Tribune des Peuples“, подверглись преслѣдованію, и Мицкевичъ объявилъ (1 іюля) о прекращеніи изданія. Былъ проведенъ суровый законъ о печати, устанавливавшій для газетъ залогъ въ 24,000 франковъ и дававшій администраціи право воспрещать розничную продажу.

Болѣе радикальные и дальновидные элементы французской журналистики не только не увлекались загадочной фигурой Луи Наполеона, но и прекрасно понимали, что президентъ ведетъ азартную, рискованную игру, и стремились разоблачить эту игру.

Во главѣ этихъ журналистовъ стоялъ Прудонъ, который и обратился въ августѣ 1849 года къ Герцену съ предложеніемъ внести 24,000 франк. залога для изданія новой газеты „Voix du Peuple“. Герценъ, обезпечивъ себѣ вполнѣ независимое положеніе въ предполагавшейся газетѣ Прудона, согласился на его просьбу и внесъ залогъ.

Газета имѣла большой успѣхъ. Прудонъ, сидѣвшій тогда въ тюрьмѣ за нарушеніе закона о печати, редактировалъ газету изъ своей тюремной кельи съ удивительнымъ мастерствомъ. Тѣ нумера газеты, въ которыхъ появлялись статьи Прудона, раскупались на расхватъ и расходились въ количествѣ 50—60 тысячъ экземпляровъ. Онѣ были, главнымъ образомъ, посвящены разоблаченію Луи Наполеона, и о характерѣ ихъ можно судить по слѣдующимъ вопросамъ, заданнымъ Прудономъ президенту въ одной изъ нихъ: „Кто вы такой, г. президентъ?—спрашиваетъ Прудонъ Луи Наполеона.—Скажите: мужчина-ли вы, женщина, гермафродитъ, звѣрь, или рыба? Что вы хотите дать народу?“

Понятно, что газета, задававшая подобные вопросы, долго продержаться не могла. Штрафы сыпались одинъ за дру-

гимъ, и черезъ полгода отъ 24,000 фр. внесеннаго Герценомъ залога осталось лишь воспоминаніе, но Герценъ не жалѣлъ о потраченныхъ деньгахъ: поскольку мистическій бонапартизмъ Мицкевича отталкивалъ Герцена, постольку ядовитая критика Прудона совпадала съ собственными взглядами Герцена на личность будущаго французскаго императора.

IV.

Ни переворотъ 2 декабря 1851 года, ни послѣдовавшія за нимъ репрессіи, ни развившіяся до невѣроятныхъ предѣловъ шпіонство и преслѣдованія свободы слова и печати не излѣчили польскихъ поклонниковъ Наполеона.

Луи Наполеону для того, чтобы заглушить недовольство и заставить французовъ позабыть объ утраченной республикѣ, нужна была война, слава, блескъ внѣшней политики. Наиболѣе удобной являлась война съ Россіей, ибо при этомъ обезпечивалась помощь Англіи. Мицкевичъ, а вмѣстѣ съ нимъ и многіе поляки, надѣялись пристегнуть къ этой войнѣ польскій вопросъ. Закипѣла снова конспиративная работа; въ Польшѣ патріоты начали подготовлять возстаніе; какъ аккомпаниментъ въ Парижѣ начались обычныя ссоры и дрязги среди различныхъ группъ польской эмиграціи. Мицкевичъ, между прочимъ, подалъ Луи Наполеону „Меморіалъ о положеніи города Риги", въ которомъ онъ указывалъ на этотъ городъ, какъ на удобнѣйшую операціонную базу, и увѣрялъ, что „Литва подниметъ знамя возстанія", какъ только наполеоновскія войска высадятся въ Ригѣ. Въ другомъ „меморіалѣ" Мицкевичъ говоритъ о „русинахъ, казакахъ (?!) и литвинахъ", которые всѣ якобы симпатизируютъ полякамъ и всегда начинаютъ волноваться, когда Польша пробуждается.

Какъ извѣстно, попытки польскихъ патріотовъ поднять возстаніе въ Польшѣ во время Крымской кампаніи окончились полной неудачей, и Луи Наполенъ въ отвѣтъ на жалобы поляковъ, что „Польшу забываютъ", сказалъ поль-

ской депутаціи съ пренебрежительной ироніей: „Чего вы ожидаете отъ меня? Польша *спокойна*. Я—не чудотворецъ и не берусь воскрешать покойниковъ"...

Мучимый отчаяніемъ, потерявъ жену, находясь въ постоянномъ раздраженіи отъ эмиграціонныхъ ссоръ, Мицкевичъ уѣхалъ въ Константинополь, съ цѣлью организаціи польскихъ легіоновъ, долженствовавшихъ отправиться въ Крымъ. Здѣсь, заразившись холерой, онъ умеръ 28 ноября 1855 года, до смерти сохранивъ мистическую вѣру въ Наполеона. Послѣднимъ его произведеніемъ была написанная незадолго до смерти, напыщенная латинская ода въ честь Наполеона III.

Мистицизмъ, мессіанизмъ и культъ Наполеона являются, конечно, лишь болѣзненными наростами на роскошномъ деревѣ поэзіи Мицкевича; они были порождены тѣми исключительными условіями, въ которыхъ жила Польша въ ту эпоху. Мицкевичъ всегда будетъ дорогъ любителямъ истинной поэзіи тѣми своими произведеніями, которыя, будучи глубоко національны по духу, въ то-же время исполнены вѣчной красоты и высокихъ идеалистическихъ порывовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
12	23 сверху	не всѣ	мы всѣ.
57	11 „	беллетрической	беллетристической.
102	1 снизу	плеадѣ	плеядѣ.
126	9 „	о „Колоколѣ“	въ „Колоколѣ“.
157	14 сверху	маркизѣ	маркизу.

